

NARXOZ
UNIVERSITY

ISSN 2789-4398
e-ISSN 2789-4401

CENTRAL ASIAN ECONOMIC REVIEW

**CENTRAL ASIAN
ECONOMIC REVIEW
VOLUME 4 (157)**

2024

Central Asian Economic Review

Журнал Қазақстан Республикасының
Ақпарат және коммуникация
министрлігінде тіркелген

Қуәлік № 16353-Ж
23.02.2017 ж.

№4 (157) 2024
1996 жылдан бастап
шыға бастады

Негізін қалаушы
«Нархоз Университеті» КеАҚ
ISSN 2789-4398
e-ISSN 2789-4401

«Нархоз Университеті» КеАҚ
Central Asian Economic Review ғылыми-редакциялық кеңесі

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА

Бас редактор

Святов С.А. — экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті

Бас редактордың орынбасары

Арыстанбаева С.С. — экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті

РЕДАКЦИЯ АЛҚА

Адамбекова А. А.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеті
Байтенова Л. М.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Ғұмарбек Дәукеев атындағы Алматы энергетика және байланыс университеті
Доскеева Г. Ж.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Каптарбаева Ш. М.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Сейтказиева А. М.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан-Британ техникалық университеті (ҚБТУ)
Симанавичене Ж.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Munksgaard Romeris Университеті
Смагулова Ш. А.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Халықаралық Бизнес Университеті
Умирзаков С. Ы.	— экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті
Абенова Е. А.	— педагогикалық ғылымдар кандидаты, қауымдастырылған профессор, Университет Нархоз
Акимов А.	— Ph.D., профессор, Griffith Business School
Алиханова Р. К.	— Ph.D., ассистент-профессор, Университет Нархоз
Аргынбаева Ж. Ж.	— PhD, Ғылыми зерттеу жұмысы бөлімінің бастығы, Нархоз Университеті
Баймағамбетова Л. К.	— экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз университеті
Браувайлер К.	— Ph.D., профессор, West Saxon University of Zwickau
Дюсембекова Ж. М.	— экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз Университеті
Елшибаев Р.	— экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз Университеті
Ералиева Я. А.	— Ph.D., профессор, Нархоз Университеті
Исабаев М. М.	— Ph.D., қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Ким Д.	— PhD, профессор, Университет Нархоз
Кожаммет С.	— Ph.D., профессор, Oxford Brookes Business School
Reazul Islam	— PhD, Albukhary International University (AIU), Kedah, Malaysia
Нургалиева А. М.	— Ph.D., қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Оскенбаев Е.	— қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Райымжанова А. Ж.	— PhD, ассоциированный профессор Университет Нархоз
Рузиева Э.	— экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Алматинский технологический университет
Сулеев Р. Н.	— PhD, қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті
Сарсенбаева А. Ж.	— «Издательство «Фортуна Полиграф» ЖШС бас директоры, журналдың жауапты редакторы
Турысбек А. Қ.	— Ғылыми зерттеу жұмысы бөлімінің аға координаторы, Нархоз Университеті, журналдың техникалық редакторы

Central Asian Economic Review

Журнал зарегистрирован в
Министерстве информации и
коммуникаций Республики Казахстан

Свидетельство № 16353-Ж
23.02.2017 г.

№4 (157) 2024

Издаётся с 1996 года

Учредитель
НАО «Университет Нархоз»
ISSN 2789-4398
e-ISSN 2789-4401

Редакционный совет
Central Asian Economic Review
НАО «Университет Нархоз»

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Святов С. А. – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Заместитель главного редактора
Арыстанбаева С. С. – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адамбекова А. А. – доктор экономических наук, профессор, Казахстанский национальный университет им. Аль Фараби

Байтенова Л. М. – доктор экономических наук, профессор Алматинский энергетический университет

Доскеева Г. Ж. – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Кантарбаева Ш. М. – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Сейтказиева А. М. – доктор экономических наук, профессор, Казахстанско-Британский технический университет (КБТУ)

Симанавичене Ж. – доктор экономических наук, профессор, Университет Mykolas Romeris

Смагулова Ш. А. – доктор экономических наук, профессор Университет международного бизнеса им. К.А.Сагадиева

Умирзаков С. Ы. – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Абенова Е. А. – кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз

Акимов А. – Ph.D., профессор, Griffith Business School

Алимханова Р. К. – Ph.D., ассистент-профессор, Университет Нархоз

Арғынбаева Ж. Ж. – Ph.D, начальник Отдела НИИР, Университет Нархоз

Баймагамбетова Л. К. – кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Браувайлер К. – Ph.D., профессор, West Saxon University of Zwickau

Дюсембекова Ж. М. – кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Елшибаев Р. – кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Ералиева Я. А. – Ph.D., профессор, Университет Нархоз

Исабаев М. М. – Ph.D., ассоциированный профессор, Университет Нархоз

Ким Д. – Ph.D, профессор-исследователь, Университет Нархоз

Кожамет С. – Ph.D., профессор, Oxford Brookes Business School

Reazul Islam – Ph.D, Albukhary International University (AIU), Kedah, Malaysia

Нургалиева А. М. – Ph.D., ассоциированный профессор, Университет Нархоз

Оскенбаев Е. – ассоциированный профессор, Университет Нархоз

Райымжанова А. Ж. – Ph.D, ассоциированный профессор Университет Нархоз

Рузиева Э. – кандидат экономических наук, профессор, Алматинский технологический университет

Сулеев Р. Н. – Ph.D, ассоциированный профессор Университет Нархоз

Сарсенбаева А. Ж. – генеральный директор ТОО «Издательство «Фортуна Полиграф», ответственный редактор журнала;

Турсыбек А. Қ. – старший координатор Отдела НИИР, Университет Нархоз, технический редактор журнала

Central Asian Economic Review

This Journal is Registered in the Ministry
of Information and Communication of
The Republic of
Kazakhstan

Document №16353-Ж
23.02.2017 year

Volume 4 No. (157) 2024

*The journal has been published
since 1996*

The Founder
NP JSC «Narxoz University»

ISSN 2789-4398
e-ISSN 2789-4401

Editorial Board Central Asian Economic Review NP JSC «Narxoz University»

EDITORIAL BOARD

Chief Editor Svyatov S.A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Deputy Chief Editor Arystanbayeva S. S.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>

EDITORIAL BOARD

Adambekova A. A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Al-Farabi Kazakh National University</i>
Baytenova L. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Almaty University of Power Engineering and Telecommunications</i>
Doskeyeva G. Zh.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Kantarbayeva Sh. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Seytkaziyeva A. M.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Kazakh-British Technical University (KBTU)</i>
Simanavicienė Ž.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Mykolas Romeris University</i>
Smagulova Sh. A.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Kenzhegali Sagadiyev International University of Business</i>
Umirzakov S. Y.	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Abenova E. A.	–	<i>Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Narxoz University</i>
Akimov A.	–	<i>Ph.D., Professor, Griffith Business School</i>
Alimkhanova R. K.	–	<i>Ph.D., Assistant Professor, Narxoz University</i>
Baimagambetova L. K.	–	<i>Candidate of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Brauweiler C.	–	<i>Ph.D., Professor, West Saxon University of Zwickau</i>
Dyussebekova Zh. M.	–	<i>Candidate of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Yelshibaev R.	–	<i>Candidate of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Yeraliyeva Y. A.	–	<i>Ph.D., Professor, Narxoz University</i>
Issabayev M. M.	–	<i>Ph.D., Associate Professor, Narxoz University</i>
Kim D.	–	<i>PhD, Research Professor, Narxoz University</i>
Kozhakhmet S.	–	<i>Ph.D., Professor, Oxford Brookes Business School</i>
Reazul Islam	–	<i>PhD, Albukhary International University (AIU), Kedah, Malaysia</i>
Nurgaliyeva A. M.	–	<i>Ph.D., Associate Professor, Narxoz University</i>
Oskembayev Y.	–	<i>Associate Professor, Narxoz University</i>
Raiymzhanova A. Zh.	–	<i>PhD, Associate Professor, Narxoz University</i>
Ruzieva E.	–	<i>Candidate of Economics, Professor, Almaty Technological University</i>
Suleyev R. N.	–	<i>PhD, Associate Professor, Narxoz University</i>
Argynbayeva Zh. Zh.	–	<i>PhD, Head of the Research Department, Narxoz University</i>
Sarsenbayeva A. Zh.	–	<i>General Director of LLP "Fortuna Polygraph Publishing House," Editor of the journal;</i>
Turysbek A. K.	–	<i>Senior Coordinator of the Research Department, Narxoz University, Technical Editor of the journal</i>

МАЗМҰНЫ
СОДЕРЖАНИЕ

ҰЛТТЫҚ ЭКОНОМИКА: ДАМУ БАҒЫТТАРЫ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

EVALUATION OF PARAMETERS OF KAZAKHSTAN REGIONAL DEVELOPMENT PROGRAMS M. U. Beisenova, A. T. Uskelenova, Z. B. Akhmetova.....	6
---	---

АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА Б. Б. Мананов, У. М. Искаков, Э. А. Рузиева	19
--	----

IMPACT OF THE FDI AND LOGISTICS DEVELOPMENT ON THE COUNTRY'S ECONOMIC GROWTH: CASE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN T. Sarzhanov, G. Mussayeva, M. Mukan	32
---	----

THE MAIN PROBLEMS OF VOCATIONAL AND TECHNICAL EDUCATION IN KAZAKHSTAN: THE IMPACT OF DUAL TRAINING ON THE QUALITY OF STAFF TRAINING G. Zh. Doskeyeva, R. A. Kuzembekova	41
---	----

DEVELOPMENT OF ECOTOURISM BASED ON «GLAMPING»: THE CASE OF KATON-KARAGAY NATIONAL PARK Ye. R. Dauletkenova, A. S. Aktymbayeva, A. Zh. Sapieva	53
---	----

EXAMINING THE IMPACT OF THE AGRICULTURAL INDUSTRY ON KAZAKHSTAN'S ECONOMY: TRENDS, CHALLENGES AND OPPORTUNITIES K. N. Beketova, Zh. B. Kinasheva, A. M. Smagulova.....	72
--	----

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В КАЗАХСТАНЕ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ Н. Сагидолла, А. Н. Жанбырбаева, Ж. Ж. Аргынбаева	84
--	----

МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ БИЗНЕС: БАСҚАРУ ТЕОРИЯСЫ МЕН ПРАКТИКАСЫ
ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ

THE EFFECTS OF ESG PRACTICES ON CORPORATE FINANCIAL SUSTAINABILITY: EVIDENCE FROM DEVELOPED AND DEVELOPING COUNTRIES N. Orazalin, A. Kozhakhmetova, K. Abdrashova.....	98
--	----

THE ROLE OF COMPANIES AND GOVERNMENT PROGRAMS IN THE DEVELOPMENT OF LABOR RESOURCES AND SOCIAL RESPONSIBILITY Zh. A. Adambekova, N. T. Adambekov, N. A. Amankeldi	110
---	-----

ИНВЕСТИЦИЯЛАР, ҚАРЖЫ ЖӘНЕ ЕСЕП
ИНВЕСТИЦИИ, ФИНАНСЫ И УЧЕТ

ЖАҒАНДЫҚ ҚАРЖЫЛЫҚ ТҮРАҚСЫЗДЫҚ ЖАҒДАЙЫНДА БАНКТІК НЕСИЕЛЕУ: ҚАЗАҚСТАНДЫҚ КЕЙС Р. У. Гулимбетова, Н. С. Нуркашева, М. Д. Жумабаева	122
--	-----

ВЛИЯНИЕ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ КАЗАХСТАНА Г. Б. Исатаева, С. Т. Сейтбекова, В. Н. Сейтова	133
--	-----

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НА ПЕНСИОННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН Б. Е. Алимбекова, Я. А. Ералиева, С. С. Арыстанбаева.....	145
--	-----

ЖАҒАНДАНУ ЖӘНЕ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

MATRIX-BASED EXAMINATION OF KAZAKHSTAN'S BELT AND ROAD INITIATIVE PARTICIPATION A. K. Jumasseitova, A. Choudhury	160
---	-----

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ С. Ы. Умирзаков, И. Н. Кренгауз, А. А. Аубакирова	172
--	-----

CONTENT

NATIONAL ECONOMY: DEVELOPMENT VECTORS

EVALUATION OF PARAMETERS OF KAZAKHSTAN REGIONAL DEVELOPMENT PROGRAMS M. U. Beisenova, A. T. Uskelenova, Z. B. Akhmetova	6
ANALYSIS OF REPRODUCTION PROCESSES OF THE POPULATION OF KAZAKHSTAN B. B. Mananov, U. M. Iskakov, E. A. Ruziyeva	19
IMPACT OF THE FDI AND LOGISTICS DEVELOPMENT ON THE COUNTRY'S ECONOMIC GROWTH: CASE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN T. Sarzhanov, G. Mussayeva, M. Mukan	32
THE MAIN PROBLEMS OF VOCATIONAL AND TECHNICAL EDUCATION IN KAZAKHSTAN: THE IMPACT OF DUAL TRAINING ON THE QUALITY OF STAFF TRAINING G. Zh. Doskeyeva, R. A. Kuzembekova	41
DEVELOPMENT OF ECOTOURISM BASED ON «GLAMPING»: THE CASE OF KATON-KARAGAY NATIONAL PARK Ye. R. Dauletshanova, A. S. Aktymbayeva, A. Zh. Sapieyva	53
EXAMINING THE IMPACT OF THE AGRICULTURAL INDUSTRY ON KAZAKHSTAN'S ECONOMY: TRENDS, CHALLENGES AND OPPORTUNITIES K. N. Beketova, Zh. B. Kinasheva, A. M. Smagulova	72
SOCIO-ECONOMIC DETERMINANTS OF EDUCATIONAL INEQUALITY IN KAZAKHSTAN: QUANTITATIVE AND QUALITATIVE ANALYSIS H. Sagidolda, A. N. Zhanbyrbaeva, Zh. Zh. Argynbaeva	84

STATE AND BUSINESS:
THEORY AND PRACTICE OF MANAGEMENT

THE EFFECTS OF ESG PRACTICES ON CORPORATE FINANCIAL SUSTAINABILITY: EVIDENCE FROM DEVELOPED AND DEVELOPING COUNTRIES N. Orazalin, A. Kozhakhmetova, K. Abdrashova	98
THE ROLE OF COMPANIES AND GOVERNMENT PROGRAMS IN THE DEVELOPMENT OF LABOR RESOURCES AND SOCIAL RESPONSIBILITY Zh. A. Adambekova, N. T. Adambekov, N. A. Amankeldi	110

INVESTMENT, FINANCE AND ACCOUNTING

BANK LENDING IN CONDITIONS OF GLOBAL FINANCIAL INSTABILITY: THE CASE OF KAZAKHSTAN R. U. Gulimbetova, N. S. Nurkasheva, M. D. Zhumabayeva	122
IMPACT OF FOREIGN DIRECT INVESTMENT ON THE ECONOMIC GROWTH OF KAZAKHSTAN G. B. Isatayeva, S. T. Seitbekova, V. N. Seitova	133
IMPACT OF FINANCIAL LITERACY ON PENSION PLANNING IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN B. E. Alimbekova, Y. A. Yeraliyeva, S. S. Arystanbayeva	145

GLOBALIZATION AND CENTRAL ASIA

MATRIX-BASED EXAMINATION OF KAZAKHSTAN'S BELT AND ROAD INITIATIVE PARTICIPATION A. K. Jumasseitova, A. Choudhury	160
IMPACT OF ECONOMIC IDENTITY ON INTEGRATION PROCESSES IN CENTRAL ASIA: CHALLENGES AND PROSPECTS S.Y. Umirzakov, I. N. Krengauz, A. A. Aubakirova	172

MPHTI: 06.61.23

JEL Classification: R1; R5; R58

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-4-6-19>

EVALUATION OF PARAMETERS OF KAZAKHSTAN REGIONAL DEVELOPMENT PROGRAMS

M. U. Beisenova¹, A. T. Uskelenova^{1*}, Z. B. Akhmetova¹

¹ al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

In the practice of regional typology in Kazakhstan, it is customary to distinguish "resource regions." For conducting a comprehensive analysis of the socio-economic development, development of mechanisms for managing the innovative development of resource regions of Kazakhstan, a key criterion is the share of gross value added from the extraction of minerals in the structure of the gross regional product. Based on this indicator, four resource-rich regions of Kazakhstan (West Kazakhstan, Kyzylorda, Atyrau, and Mangystau regions) can be identified, where socio-economic development is predominantly driven by the extraction, export of oil and gas, overshadowing other forms of natural resource extraction.

The aim of the research is to examine the assumption that a significant portion of the attributes associated with the "smart specialization" model are formally integrated into traditional development approaches used by various regions of Kazakhstan.

Methodology. The article provides an assessment of the innovative development strategies of specific regions of Kazakhstan using criteria outlined in the "smart specialization" model. The study relies on publicly available sources, including specialized databases of regulatory acts and official websites of regions.

Originality/value of the research. The value of the hypothesis in the study and evaluation of the parameters of the development programs of the regions of Kazakhstan lies in the use of the adapted method of the RIS3 self-assessment wheel, which evaluates the strategies of regional innovations in the field of intellectual specialization.

Research results. The results of the study and evaluation of regional strategies and programs allowed us to construct a «web diagram» as a result, which highlights the strengths and weaknesses of innovative development, and states the existence of problems of consistency between the elements of the strategy that stimulate innovative development of regions.

Keywords: progressive development, administration, managerial mechanisms, model of intelligent specialization, region.

Acknowledgement: This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant «Modernization of monocals in the context of the creation of a new Kazakhstan on the basis of regional marketing» BR18574200).

INTRODUCTION

So far, the issue of industrial and innovative modernization of the Kazakh economy and diversification of production, cyclical development has become a topical object of research for scientists. The promising development of economic activity centers focuses on areas of economic growth and areas with favorable conditions. The objectives outlined in the following documents shed light on these tasks: the Territorial Development Strategy of the Republic of Kazakhstan until 2015 [1], the projected scheme of territorial and spatial development for the country until 2020 and 2030 [2, 3], the «Kazakhstan – 2050» Strategy, which delineates the tasks of the President of the Republic of Kazakhstan in a new political direction for the established state [4], the state program for regional development spanning from 2020 to 2025 [5], and the address to the people of

Kazakhstan by the Head of State on October 5, 2018, titled «Increasing the well-being of Kazakhs: increasing income and quality of life» [6]. It is noteworthy that the Ministry of Regional Development of the Republic of Kazakhstan was established on January 16, 2013, by Decree No. 466 of the President of the Republic of Kazakhstan, «On Further Improvement of the Public Administration System of the Republic of Kazakhstan» [7]. In 2014, it underwent reorganization by the Ministry of National Economy of Kazakhstan, becoming the Committee for Resource Management [8].

Transitioning to the stage of innovative development in regions stimulates the qualitative accumulation of human capital, necessitating the engagement of incomplete factors of competitiveness. The conditions of the economic landscape predetermine the importance of strategic innovation management and actualize the growth of scientific and technological progress in the evolution of regional ecosystems. Currently, the regional development of Kazakhstan is based on the formation of rapidly developing sectors of the national economy, which include both the education system and digitalization processes.

Note that the basic tool for identifying cluster isolation is the “intelligent specialization” model, which is a pyramid of an innovative scientific method in setting up regional clusters. Consequently, a pivotal prerequisite for fostering regional economic advancement within the “intelligent specialization” framework involves the identification of potential hubs for innovative regional development through an analysis of the region's potential and global best practices. In this context, addressing the imperative of regional formation and the geographic distribution of material production and labor resources, there exists a pressing need to investigate the points of growth of Kazakhstan. The allocation of productive forces is contingent upon regional interests, the presence of human potential, and opportunities for strategic development.

In the process of characterizing the regions of Kazakhstan, the conventional practice does not involve delineating these regions merely as “raw regions.” To conduct a thorough analysis of socio-economic development and devise effective mechanisms for managing innovative growth in Kazakhstan's raw materials regions, the primary measure utilized in this project is the proportion of total value added stemming from the production of mineral and raw materials resources within the overall regional economic structure. This metric holds particular significance, consistently surpassing 30 % between 2008 and 2021. Based on this criterion, four regions in Kazakhstan—Atyrau, Kyzylorda, West Kazakhstan, and Mangistau – emerge as key contributors to the country's socio-economic advancement, particularly in the domain of oil and gas production. These regions serve as central hubs not only for the development and export of oil and gas but also for various other natural resources.

Raw material regions have not become centers of innovative development of the country and are still committed to diversifying the economy. World and domestic experience clearly shows the complexity of economic diversification and the weakening of the country's dependence on resource rents. The role of each raw material region needs to be differentiated according to promising industrial specialization and the specifics of the proposed development programs. With the exhaustion or notable decline of natural resources, the progression of regions abundant in raw materials will require significant changes due to the transition to innovative technologies for the advancement of intricate natural resource utilization. These transformations will affect not only the production and economic blocks, but also the organization of employment and resettlement systems, transport and infrastructure networks. Despite the promising population growth planned in virtually all raw material strategies, this stage of development will be associated with a reduction in the need for labor resources with all the relevant consequences of this process and, above all, the escalation of problems in the life of raw materials.

Raw materials regions in Kazakhstan encounter obstacles such as limited innovation engagement and regional development volatility. These factors necessitate the exploration of new tools and measures to stimulate the existing potential within the context of innovative activities, requiring the development of effective management mechanisms. Drawing on the global experience of implementing innovation policies in developed countries, it becomes evident that choosing appropriate means of influence and creating a conducive environment for innovation processes in Kazakhstan's raw materials regions is crucial.

In light of these considerations, the research is specifically centered on the raw materials regions of Kazakhstan. The growing impact and effectiveness of science and technology achievements on regional ecosystems in the formation of economic landscapes actualizes the importance of strategic innovation management. The resource-rich regions of Kazakhstan in their development strategy should predict the merger and expansion of

fast-growing sectors of the economy in parallel with the economic aspects of education and the processes of digitalization of the national economy as a whole.

Previous studies conducted by Kazakh scientists emphasize that strategic management based on innovative changes is oriented towards modifying the environmental, social, and economic subsystems of the region. However, the positive experiences of innovation development in these regions also highlight significant managerial challenges in implementing mechanisms for innovation processes. Consequently, the primary objective in developing mechanisms for managing innovative development in raw materials regions is to augment the manufacturing and marketing of groundbreaking products.

Literature review. The examination of Kazakhstan's regional development programs hinges on addressing the issues concerning rationalization of spatial or territorial organization of the economy on the basis of regional infrastructure development. Kazakhstan's territorial growth is founded on the advancement of regional measures to ensure a balance in development, state support of problem areas, regulation of regional competition and coordination of socio-economic differentiation. The implementation of effective regional policies and the implementation of the objectives of regional development programs has been exacerbated for several reasons:

1. firstly, the level of socio-economic development, which depends on natural and climatic conditions, on the geographical location and state of demography, determines the territorial development of the region;
2. additionally, the shift from a centrally planned economy to a market-based economy has resulted in socio-economic disruptions, attributable to variations in the capacity of these regions to adjust to market conditions;
3. third, it is the inefficient planning and implementation of measures within the framework of the considered area of public service, defined by insufficient regulation in the deployment of production and scientific and technical potential in economic areas.

Thus, regional policy is an area of activity of the state and its bodies to ensure economic development in the spatial-territorial aspect, with the rational deployment of productive forces and equalization of living standards, the main purpose of which is to smooth out acute social and economic imbalances between individual regions of the country. The development and approval of the "Guidelines for Research and Innovation" within the framework of the «Active Specialization» Strategy [9] was presented in 2012 by the European Commission. These principles determined the directions for the development of research and innovation in the EU. The implementation of the "smart specialization" strategy is systematically updated by the research and innovation manual. Note that in 2011, the "smart specialization" platform was launched at the Institute for Advanced Technological Studies in Seville (Spain), the purpose of which was to accelerate the development, implementation and reassessment of strategic priorities [10].

The functional purpose of the platform is to disseminate fundamental, basic information that provides consultations and recommendations on competitive programs, projects, and expert assessments, and highlights the availability of educational and partnership initiatives [11, 12, 13]. The "smart specialization" platform, represented as a valuable tool of European countries, identifies specialization, in other words, allowing focusing attention through comparative analysis on the existing potential and growth opportunities of EU regions. It determines the presence of target markets, assesses their competitiveness, and establishes development priorities [14, 15, 16].

Experts of this platform develop individual assessment methodologies, analyze the "smart specialization" model, and organize two types of events:

- Seminars aimed at addressing specific issues of registered participants [17];
- Seminars organized for the development and promotion of the principles of "smart specialization" to all interested legal entities [18].

Key instruments used by the European Smart Specialization Platform include:

- Familiarization with ESIF serves as a tool that allows users to view planned investments in the European Union's Structural Funds [19];
- Familiarization with the Eye@RIS3 program provides an understanding of the existence of an electronic repository of specialization priorities and allows the application of these priorities as online databases.

The targeted direction of the «smart specialization» platform is based on disseminating information about the existence of priorities, its implementation both among colleagues and in relevant areas. This targeted direction is formed based on the use of the following tools [20]:

- Identification of regions with similar structures, i.e., comparative analysis;
- Within the framework of investment and structural funds of the European Union, supervising planned investments in information and communication technologies (ICT);
- Accumulation within the R&I Regional Viewer of visualization and comparison tools for research and innovation in European Union programs and funding sources;
- The Trade Analyser tool, which allows visualizing and evaluating the competitiveness in interregional trade flows with European regions, the aim of which is to audit the strengths of regions and study their positions, which is a crucial step in forming the «smart specialization» strategy.

The successful advancement of regions is closely tied to initiatives that foster and encourage research and innovation within clusters, which form the foundational pillars of a particular field of operation. The works of B.Zh. Spanov [21], U.A. Tekenov [22], N.A. Kurmanov [23], A.T. Uskelenova [24], N.V. Nikiforova [25] are devoted to the issues of regional development, in which the problems of using the economic potential and investment potential of Kazakhstan are studied. Thus, in order to determine the effectiveness of development and ensure balanced economic growth of regions, it is necessary to justify the declared development programs with elements of innovative development.

MAIN PART

Limitations of current approaches (initiatives) in advancing resource-rich regions, aligning with the principles and criteria outlined in the "intelligent specialization" model. The study also examined the validity of the selection of regional specializations, the accuracy of the target indicators of innovative development used in strategies. Research shows that regional approaches to smart specialization in innovation in the resource regions of Kazakhstan are considered only in terms of statements rather than concrete plans, activities, and actions; development roadmaps are absent; support programs are not considered and approved. In this case, attention should be paid to monitoring and developing the research sector; innovation priorities are established without adhering to the principles of smart specialization, which consist of economic specialization and collaboration with science and technology.

It should be noted that development strategies are based on management but do not have a conceptual understanding of smart specialization, and this feature is characteristic of regions with high innovation potential. Ensuring the consideration of regional priorities and the fragmentation of support measures indicate the need for organizational decisions to be made at the top levels of management - both at the national and supranational levels of governance.

Methodology. The research employs methodological approaches derived from the analysis, it is evident that dynamic series and theoretical generalization. The method of analyzing dynamic series is utilized to examine patterns over time, while the method of theoretical generalization is employed to comprehend and study the fundamentals of regional development competitiveness. The latter is a scientific knowledge method that aids in identifying the general features and properties of the research process. The method of theoretical generalization is specifically employed to discern differences and disparities among regions, both in developed countries and in Kazakhstan. This method substantiates the conceptual characteristics of the categories, thereby facilitating the identification of key research areas in the realm of regional development. Additionally, it assists in determining the essence and content of these definitions, contributing to a comprehensive understanding of the problem at hand [26].

The accuracy and validity of the findings acquired in this investigation hinge on several factors. Firstly, the identification and assessment of disparities between regions contribute significantly to the reliability of the findings. The deterministic application of objective research methods and adherence to general methodological principles further enhance the credibility of the study. Modern software products were utilized for precise calculations, ensuring accuracy in data analysis. Theoretical and practical approaches were also employed to assess the reliability and completeness of the materials under scrutiny. To achieve the research objectives, a combination of scientific methods was applied. The analysis of scientific literature provided a foundation for understanding existing knowledge on the subject. Comparative analysis enabled the examination of variations and similarities between different regions. Monitoring and analysis of trends helped identify patterns and

changes over time, contributing to a comprehensive evaluation of the research questions. The integration of these scientific methods strengthens the robustness and comprehensiveness of the study's outcomes. Analysis of the scientific literature on research involves the use of systematization and generalization methods. The study also examined the following hypotheses:

Hypothesis 1. Rapidly developing new sectors of the raw materials economy are catalysts for innovative development that require the re-regulation of management formats, functions and mechanisms.

Hypothesis 2: Certain aspects of the "intelligent specialization" model, albeit in a formal context, can be identified within the conventional strategies utilized for the development of raw materials in Kazakhstan.

Hypothesis 3: Absent national-level intervention (lacking standardized regulations, coordinated priorities, incentives, and support measures), even the most innovative regions cannot independently formulate and implement a strategy.

The conditions for evaluating the two hypotheses do not include:

- In regional documents, there is an absence of references to the category of "focusing attention in a specific area";
- Unconditional directives related to the category of "smart specialization" and guidance from government bodies regarding the application of the principles of "smart specialization";
- Substitution or analog of the "smart specialization" platform in the resource regions of the country.

Our research evaluates seven approaches to stimulating innovation in resource-rich regions of the country and the principles of smart specialization. We have not conducted an exhaustive analysis of socio-economic progress in the regions, which includes multilateral segments of innovation, concepts of innovative development and their integration processes with the strategy of intellectual specialization. The basic data of our research were publicly available sources, official online platforms of regional authorities and specialized legal frameworks.

Our research analyzed the second assumption using the «Regional Innovation Strategies for Smart Specialization» (RIS3 Self-Assessment Wheel) taking into account the self-assessment tool. This method consisted of analyzing regional tactics on a scale from 0 to 5, taking into account 18 criteria in synchronized six steps, which are discussed in the guide to developing a "smart specialization" strategy. The assessment focused on the consistency of the strategy with the country's resource development context. Simplification of the assessment process was based on a step-by-step reduction mechanism: converting a six-point scale into a three-point scale. 0 indicated no observed compliance, 0.5 suggested anonymous compliance, and 1 indicated clear compliance. Table 1 displays the cumulative results of assessing innovative strategies (programs) in the raw materials regions of Kazakhstan. These results serve as sensible and effective indicators for the selection of specialized areas, as outlined in the documents, supporting the examination of the first and third hypotheses in the study.

Results and discussion. For our country, gaining independence has led to the destruction of production chains and the exodus of the population. This process led to the stratification of the populace residing in the regions of the nation. Because they divided different levels of income and different states of social infrastructure. In this case, monocals and rural districts were vulnerable, and their industrial capacity could not find its place mainly outside the industrial belt of the USSR. During the years of independence, the issue of redistribution of economic resources, which implies dependence on the center, exacerbated the problem. Dependence on the center allowed to equate the living standards in the settlements with different economic bases, and the structural and institutional reorganization of the republic allowed it. The regions lost their resources, as well as the ability to determine economic policy on their own.

Researchers Erden Turganbayev and Alexander Diner sought to smooth out the growing inequality, and in 1996 the Kazakh authorities proposed the first strategy for regional development. The strategy was to provide equal support to the regions without economic autonomy, and the redistribution mechanism over time allowed them to govern the country with the share of business. In pursuit of this objective, the government has declared its commitment to supporting small and medium-sized enterprises (SMEs) and fostering a conducive investment climate throughout the entirety of the nation. In addition, the authorities have begun to accumulate financial resources for institutional investors and extra-budgetary funds to ensure a smooth flow of investment and innovation in production and infrastructure.

Table 1 shows the results of the study of regional innovative development strategies using the example of evaluating all the documents presented in Table 2. The entry «Sphere in the column» «4» signifies that compliance with certain criteria for smart specialization is unilaterally established in all four documents in the raw regions of Kazakhstan; The zero value indicates its absence, 1.5) means that compliance is clearly defined in at least one strategy.

Table 1 – Indicators for assessing innovative development strategies in the raw materials regions of the Republic of Kazakhstan

Steps to develop a strategy	Assessment criteria	amount	Everything at every step
1. Analysis of regional context	Availability of analysis of regional resources	3	7
	Availability of external environment analysis	0	
	Availability of analysis of business activity	4	
2. Management	Introduction of multi-level management	2	5
	Attracting a wide range of stakeholders	1	
	Development of management and communication	2	
3. General view	Full use of the concept of innovation	0	1,5
	Availability of responses to global change	0,5	
	Availability of scenario analysis	1	
4. Priorities	Selection of priorities	4	7
	Priority identification	2	
	Presence of critical mass	1	
5. Complex of policy measures	Use of road maps	2	10
	Maintaining the balance of measures	4	
	Availability of framework conditions	4	
6. Monitoring and evaluation	Use of performance indicators	4	7
	Availability of monitoring of the implementation of the strategy	3	
	Availability of a mechanism for active inclusion of the strategy	0	
Note - developed by the authors			

The calculations demonstrate that around half of the criteria for smart specialization are met by the innovative strategies adopted in Kazakhstan's resource-rich regions. Mainly, this applies to practical steps like developing policy measures (step 5), setting priorities (step 4), monitoring progress (step 6), and analyzing regional value (step 1). However, when it comes to preliminary steps such as management (step 2) and overall assessment (step 3), these strategies show minimal compliance with the criteria.

The areas where these strategies are weakest include analyzing the external environment (step 1) and incorporating a thorough understanding of innovation (step 3). Often, innovation is only compared to research and development, overlooking broader global challenges (step 3).

The analysis indicates that although the resource-rich regions of Kazakhstan exhibit nearly double the level of innovation development, their strategies share similar characteristics:

Table 2 – Assessment of compliance of innovative strategies (programs) of raw materials regions of Kazakhstan with the criteria of smart specialization

№	Criteria name	Evaluation of the alignment of strategies for innovative development in Kazakhstan's resource-rich regions with the criteria of smart specialization			
		Atyrau region	West Kazakhstan region	Kyzylorda region	Mangistau region
Step 1. Analysis of regional contests					
1	Availability of resource analysis in the region	1	0,5	0,5	1
2	Availability of environmental analysis	0	0	0	0
3	Availability of business activity analysis	1	1	1	1
Step 2. Management					
4	Introduction of multi-level management	0,5	0,5	0,5	0,5
5	Attracting a wide range of steakholder	0,5	0	0	0,5
6	Management and communication monitoring	0,5	0,5	0,5	0,5
Step 3. General view					
7	Full use of the concept of innovation	0	0	0	0
8	Availability of responses to global change	0,5	0	0	0
9	Availability of scenario analysis	0,5	0	0,5	0
Step 4. Priorities					
10	Selection of priorities	1	1	1	1
11	Priority identification	0,5	0,5	0,5	0,5
12	Presence of critical mass	0,5	0	0	0,5
Step 5. A set of policy measures					
13	Selection of priorities	0,5	0,5	0,5	0,5
14	Maintaining the balance of the meadows	1	1	1	1
15	The presence of foundational circumstances	1	1	1	1
Step 6. Monitoring and assessment					
16	Implementation of performance indicators	1	1	1	1
17	Existence of a monitoring system for strategy implementation	1	1	0,5	0,5
18	Availability of a mechanism for active inclusion of the strategy	0	0	0	0
Note - developed by the authors					

1. The weakness lies in the preparatory phase, despite the strengths in practical aspects such as high scores in priorities, policy measures, and monitoring and evaluation. However, there are low scores in the criteria related to analysis, management, and overall reasoning.

2. The norms and correlation of smart specialization criteria in a certain part of the regional development strategy characterize the content of each stage of management, but three of the criteria do not meet the described characteristics - the presence of an external environmental analysis, the detailed implementation of the idea of innovation and the presence of an integration mechanism [27].

For instance, the strategy formulated for the Atyrau region places a strong emphasis on fostering entrepreneurial activity, particularly in the analysis and justification of priorities, alongside innovating to address global challenges and capitalize on existing opportunities. In addition, a possible illustration of a comprehensive review of capabilities coordinates a number of multi-level and targeted support measures. Conversely, the development strategy of the Atyrau region consists of such elements as multi-level management, scenario assessment and a self-realization mechanism.

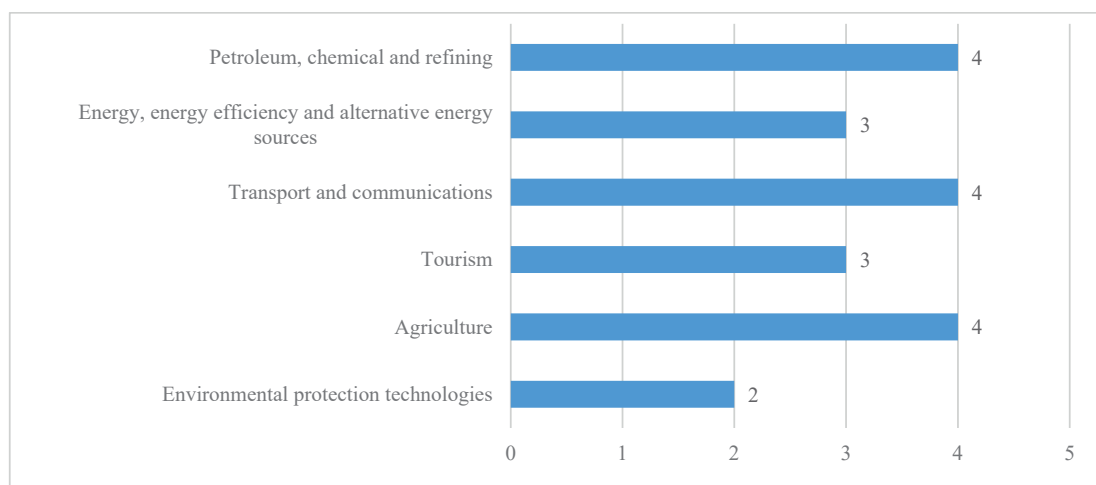

Figure 1 - Figure 1. Level of attention to sectors

Note - developed by the authors

The assessed criterion differences when assessing the «smart specialization» strategy, which can be considered as subjective, partially coincide with objective indicators of the innovative status of the regions. Analysis of the strategies considered in the sample demonstrates documented compliance with the criteria of «priority choice» and the criteria of performance indicators. The subsequent key goal of the study was to confirm the validity of regional specializations and assess the feasibility of using indicators.

To verify the suitability of the chosen priorities, we calculated the importance of the relevant sectors within the economies of Kazakhstan's raw materials-rich regions. Our study objectives don't extend to conducting an exhaustive analysis or offering tailored recommendations for particular regions. Consequently, we rely exclusively on widely accepted indicators and evaluation methodologies.

In many instances, priorities are stated as industry or technology names without thorough explanation. Often they do not have an appropriate level of justification and are not supported by specific projects, and there is often a discrepancy in performance indicators. At the same time, the targets are focused on monitoring the process of “smart specialization” in the education and healthcare systems. However, there are notable exceptions. For instance, in the strategic plans of the Mangystau region, the prioritization of tourism and agriculture is analytically substantiated and supported by specific projects.

The results of the assessment of compliance with the smart specialization criteria were partial and confirmed the hypothesis that regional innovation strategies are being developed without taking the concept into account. The strategy includes an assessment of local significance, the formation and implementation of programs, a vision of the prospects for innovative growth of the region and a set of policy measures and performance indicators.

The goal of the state regional development program covers the period from 2020 to 2025 and is to strengthen the economic competitiveness of the regions and increase the living standards of the population through the implementation of carefully managed urbanization strategies. One of the program's key goals is the development of monocentric urban areas with a population exceeding 50 thousand, which are not integrated into functional urban areas.

Regarding the six stages of the management approach, high prices on one of the criteria alternate with low or zero, among others. Among the objectives of this program are the The establishment of Monocals, which are areas distinct from functional urban regions with a population of more than 50 thousand. Also, the development of small towns with border mono- and adjacent areas. The list of monocals includes 27 units.

One of the problems of mono- and small towns is the unsatisfactory state of engineering and social infrastructure. High degradation of water, sewerage, heating and electricity networks requires significant financial

investment. For example, in some mono- and small towns, the deterioration of water pipelines and sewerage networks will reach 74 % -87 % (Rudny, Talgar) in 2021. Specialization of small and Monokalas in the development of this state program, as well as groups of cities with high economic potential, medium and low, reflecting the population of these cities.

Let's note the following shortcomings of strategies:

- analytical development;
- control mechanisms;
- a complete understanding of innovation.

CONCLUSIONS AND RECOMMENDATIONS

The study suggests that the innovation strategies of Kazakhstan's raw materials regions, concerning smart specialization, appear more as declarations rather than practical implementations. Many lack clear roadmaps and fail to provide mechanisms for integrating priorities and support measures effectively.

Performance indicators are mainly aimed at monitoring the state of the research and development sector and education. The innovative priority of the raw materials regions of the Republic of Kazakhstan determines the consideration of the principles of “smart specialization”, which means that they do not consider the displacement of traditional economic directions with modernized areas of science and technology, and do not take into account changes either in the national economy or in market dynamics. Strategic development programs do not cover a comprehensive framework of smart, regional specialization with high innovation potential, consistent with multiple management standards.

The limitations of innovation strategies applied in the raw materials regions of Kazakhstan, if assessed according to the criteria of reasonable specialization, have a common feature of fragmentation. The presence of only well-prepared documentation does not guarantee the timely implementation of the regions' innovative potential. A successful strategy must not only include unique characteristics, but also ensure comprehensive visibility of them.

The effectiveness of smart specialization principles lies in their holistic nature, which allows different tools to be applied as needed. Failure to take into account the entire range of standards gives rise to the problem of achieving consistency among strategy elements that can effectively stimulate innovative development. The similarity of strengths and weaknesses of strategic planning in different regions allows for a unified strategic approach, is characterized by common factors and may have typical weaknesses. The narrative underscores a unified method in the selection, validation, and alignment of priorities.

Furthermore, it emphasizes the absence of a top-tier system providing organizational assistance for crafting and executing innovative development strategies in the regions. The hypotheses we have considered indicate the need to coordinate, make and approve organizational decisions at a high level of management to ensure consistency, take into account priorities in the regions and coordinate support measures.

REFERENCES

1. Strategy of territorial development of the Republic of Kazakhstan until 2015. (2015). Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated August 28, 2006 No. 167. Lost force by Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated July 21, 2011. [Electronic resource] // Adilet [website]. – №118. – 2011. – URL: <https://adilet.zan.kz/> (accessed: 30.09.2023)
2. On approval of the Forecast scheme for the territorial and spatial development of the country until 2020. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated July 21. [Electronic resource] // Adilet [website] – 2011. – №118. – URL: <https://adilet.zan.kz/> (accessed: 18.01.2024)
3. On the draft Decree of the President of the Republic of Kazakhstan " On approval of the Forecast scheme for the territorial and spatial development of the country until 2030. (2019)." Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated August 23, 2019. [Electronic resource] // Adilet [website] – 2019. – №625. – URL: <https://adilet.zan.kz/> (accessed: 31.01.2024)

4. Strategy «Kazakhstan-2050»: a new political course for an established state // Message from the President of the Republic of Kazakhstan - Leader of the Nation N.A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan. [Electronic resource] // Adilet [website]. – Astana. – 2012. – URL: <https://adilet.zan.kz/> (accessed: 12.02.2024)
5. State regional development program for 2020 - 2025. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 27, 2019. [Electronic resource] // Adilet [website]. – 2019. – №990. - URL: <https://adilet.zan.kz/> (accessed: 23.12.2023)
6. Growing well-being of Kazakhstanis: increasing income and quality of life. Message from the President of the Republic of Kazakhstan dated October 5, 2018. [Electronic resource] // Adilet [website]. – 2018. – URL: <https://adilet.zan.kz/> (accessed: 10.12.2023)
7. Resolution of the President of the Republic of Kazakhstan “On further improvement of the public administration system of the Republic of Kazakhstan” // On further improvement of the public administration system of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource] // Akorda [website]. – №466. – URL: <https://akorda.kz/> (accessed: 29.10.2023)
8. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated August 14, 2014. №933 «On the departments of the central executive bodies of the Republic of Kazakhstan» [Electronic resource] // Zakon [website]. – URL: <https://online.zakon.kz/> (accessed: 03.01.2024)
9. European Commission. Regional Policy Contributing to Smart Growth in Europe 2020. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions (COM (2010) 553 final) // Brussels: European Commission [Electronic resource] // Europa regional policy [website]. – 2018. – URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/communic/smart_growth/comm2010_553_en.pdf (accessed: 03.11.2023)
10. Kirzner I.M. Competition and Entrepreneurship. Chicago: The University of Chicago Press. – 1973.
11. Foray D., David P., Hall B. Smart specialization // The concept. Knowledge Economists Policy Brief. – 2009. – №9(85). – P. 1–5.
12. Landabaso M., Foray D. From smart specialisation to smart specialisation policy // European Journal of Innovation Management. – 2014. – №17(4). – P. 492–507.
13. Landabaso M., McCann P., Ortega-Argilés R. Smart specialisation in European regions: Issues of strategy, institutions and implementation // European Journal of Innovation Management. – 2014. – №17(4). – P. 409–427.
14. Asheim B.T. Smart specialisation, innovation policy and regional innovation systems: What about new path development in less innovative regions? // Innovation: The European Journal of Social Science Research. – 2018. – №32(1). P. 8-25.
15. Boschma R. Smart Specialisation and Regional Innovation Policy // Welsh Economic Review. – 2016. – №24. – P. 17.
16. Foray D. Smart Specialisation // Opportunities and Challenges for Regional Innovation Policy (1st ed.). London: Routledge. – 2015.
17. Crespo J., Balland P.A., Boschma R., Rigby D. Regional Diversification Opportunities and Smart Specialization Strategies. Brussels: European Commission. - 2017.
18. McCann P., Ortega-Argilés R. Smart Specialization, Regional Growth and Applications to European Union Cohesion Policy // Regional Studies. – 2013. – № 49(8). – P. 1291-1302.
19. Boschma R. Constructing Regional Advantage and Smart Specialization: Comparison of Two European Policy Concepts // Evolutionary Economic Geography Series Paper. – 2013. – №13.22. Utrecht: University of Utrecht
20. European Commission. RIS3 guide. Brussels: European Commission. – 2012.
21. Spanova B.Zh. Methods of managing the regional economy of the Republic of Kazakhstan [Electronic source]. – 2008. – URL: http://www.rusnauka.com/10_NPE_2008/Economics/29314.doc.htm (accessed: 10.01.2020).
22. Tekenov U. A. On the formation of the concept of socio-economic development of the regions of Kazakhstan // Bulletin of KazEU. – 2016. – No. 6. – P. 23-33.

23. Kurmanov N., Beisengaliyev Y., Bayandin M., Syzdykova E. Tolysbayeva M. Innovative Development of Kazakhstan's Raw Material (Oil and Gas) Regions: Multifactorial Model for Empirical Analysis // *International Journal of Energy Economics and Policy*, 2022. – No. 12(4). – P. 131-140
24. Ospanov, M.M., Uskelenova, A.T., Shadiyev, K.K. Correlation calculation of forming the model energy-efficient production // *Industrial Engineering and Management Systems*, 2020. – No. 19(1). – P. 59–69
25. Uskelenova, A.T., Nikiforova, N. Regional development of Kazakhstan: Theoretical premises and reality // *Regional Science Policy and Practice*, 2024. – No. 16(3). – P.12616.
26. Kotnik P., Petrin T. Implementing a smart specialisation strategy: An evidence-based approach // *International Review of Administrative Sciences*. – 2017. – No. 83(1). – P. 85-105.
27. Smart specialisation platform. [Electronic resource] // [website] – 2011. – URL: [s3platform.jrc.ec.europa.eu/s3-platform](https://ec.europa.eu/s3-platform) (accessed: 18.01.2023).

REFERENCES

1. Strategy of territorial development of the Republic of Kazakhstan until 2015. (2015). Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated August 28, 2006 No. 167. Lost force by Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated July 21, 2011. *Adilet*. Retrieved September 30, 2023, from <https://adilet.zan.kz/> (In Russian).
2. On approval of the Forecast scheme for the territorial and spatial development of the country until 2020. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated July 21. *Adilet*. Retrieved January 18, 2024, from <https://adilet.zan.kz/> (In Russian).
3. On the draft Decree of the President of the Republic of Kazakhstan «On approval of the Forecast scheme for the territorial and spatial development of the country until 2030. (2019) ». Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated August 23, 2019. *Adilet*. Retrieved January 31, 2024, from <https://adilet.zan.kz/> (In Russian).
4. Strategy «Kazakhstan-2050»: A new political course for an established state. Message from the President of the Republic of Kazakhstan - Leader of the Nation N.A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan. (2012). *Adilet*. Retrieved February 12, 2024, from <https://adilet.zan.kz/> (In Russian).
5. State regional development program for 2020-2025. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 27, 2019. *Adilet*. Retrieved December 23, 2023, from <https://adilet.zan.kz/> (In Russian).
6. Growing well-being of Kazakhstanis: Increasing income and quality of life. Message from the President of the Republic of Kazakhstan dated October 5, 2018. (2018). *Adilet*. Retrieved December 10, 2023, from <https://adilet.zan.kz/> (In Russian).
7. Resolution of the President of the Republic of Kazakhstan «On further improvement of the public administration system of the Republic of Kazakhstan» // On further improvement of the public administration system of the Republic of Kazakhstan. (n.d.). *Akorda*. Retrieved October 29, 2023, from <https://akorda.kz/> (In Russian).
8. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated August 14, 2014, №933 «On the departments of the central executive bodies of the Republic of Kazakhstan» *Zakon*. Retrieved January 3, 2024, from <https://online.zakon.kz/> (In Russian).
9. European Commission. (2018). Regional policy contributing to smart growth in Europe 2020. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, and the Committee of the Regions (COM (2010) 553 final). *Europa Regional Policy*. Retrieved November 3, 2023, from http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/communic/smart_growth/comm2010_553_en.pdf (In English).
10. Kirzner, I. M. (1973). *Competition and entrepreneurship*. Chicago: The University of Chicago Press.
11. Foray, D., David, P., & Hall, B. (2009). Smart specialization. *Knowledge Economists Policy Brief*, 9(85), 1-5.
12. Landabaso, M., & Foray, D. (2014). From smart specialisation to smart specialisation policy. *European Journal of Innovation Management*, 17(4), 492-507.

13. Landabaso, M., McCann, P., & Ortega-Argilés, R. (2014). Smart specialisation in European regions: Issues of strategy, institutions and implementation. *European Journal of Innovation Management*, 17(4), 409-427.
14. Asheim, B. T. (2018). Smart specialisation, innovation policy and regional innovation systems: What about new path development in less innovative regions? *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 32(1), 8-25.
15. Boschma, R. (2016). Smart specialisation and regional innovation policy. *Welsh Economic Review*, 24, 17.
16. Foray, D. (2015). *Smart specialisation: Opportunities and challenges for regional innovation policy* (1st ed.). London: Routledge.
17. Crespo, J., Balland, P. A., Boschma, R., & Rigby, D. (2017). *Regional diversification opportunities and smart specialization strategies*. Brussels: European Commission.
18. McCann, P., & Ortega-Argilés, R. (2013). Smart specialisation, regional growth, and applications to European Union cohesion policy. *Regional Studies*, 49(8), 1291-1302.
19. Boschma, R. (2013). Constructing regional advantage and smart specialization: Comparison of two European policy concepts. *Evolutionary Economic Geography Series Paper*, 13.22. Utrecht: University of Utrecht.
20. European Commission. (2012). *RIS3 guide*. Brussels: European Commission.
21. Spanova, B. Zh. (2008). Methods of managing the regional economy of the Republic of Kazakhstan. *Rusnauka* [In Russian]. Retrieved January 10, 2020, from http://www.rusnauka.com/10_NPE_2008/Economics/29314.doc.htm
22. Tekenov, U. A. (2016). On the formation of the concept of socio-economic development of the regions of Kazakhstan. *Bulletin of KazEU*, 6, 23-33.
23. Kurmanov, N., Beisengaliyev, Y., Bayandin, M., & Syzdykova, E. (2022). Innovative development of Kazakhstan's raw material (oil and gas) regions: Multifactorial model for empirical analysis. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 12(4), 131-140.
24. Ospanov, M. M., Uskelenova, A. T., & Shadiyev, K. K. (2020). Correlation calculation of forming the model energy-efficient production. *Industrial Engineering and Management Systems*, 19(1), 59-69.
25. Uskelenova, A. T., & Nikiforova, N. (2024). Regional development of Kazakhstan: Theoretical premises and reality. *Regional Science Policy and Practice*, 16(3), 12616.
26. Kotnik, P., & Petrin, T. (2017). Implementing a smart specialisation strategy: An evidence-based approach. *International Review of Administrative Sciences*, 83(1), 85-105.
27. Smart specialisation platform. (2011). *S3 Platform*. Retrieved January 18, 2023, from <https://s3platform.jrc.ec.europa.eu/s3-platform> (In English).

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ӨМІРЛІК ДАМУ БАҒДАРЛАМАЛАРЫНЫҢ ПАРАМЕТРЛЕРІН БАҒАЛАУ

М. У. Бейсенова¹, А. Т. Ускеленова^{1*}, З. Б. Ахметова¹

¹әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Қазақстан аймақтарының типологиясы тәжірибесінде «шикізат аймақтарын» ажырату әдетке айналған. Әлеуметтік-экономикалық дамуға кешенді талдау жүргізу, Қазақстанның шикізат аймақтарының инновациялық дамуын басқару тетіктерін әзірлеу үшін жалпы көлем құрылымындағы тау-кен өндіру өнеркәсібінің жалпы қосылған құнының үлесі негізгі критерий болып табылады. аймақтық өнім. Бұл көрсеткіш бойынша Қазақстанның шикізат ресурстарына бай төрт аймағын бөліп көрсетуге болады (Батыс Қазақстан, Қызылорда, Атырау және Маңғыстау облыстары), олардың

әлеуметтік-экономикалық дамуы басқа нысандарды басып озып, негізінен мұнай мен газды өндіру және экспорттау есебінен қалыптасады. табиғи ресурстарды өндіру.

Зерттеу мақсаты. Зерттеу «интеллектуалды мамандандыру» моделімен байланысты атрибуттардың едәуір бөлігі, кем дегенде, Қазақстанның әртүрлі аймақтары қолданатын дәстүрлі даму тәсілдеріне ресми түрде біріктірілген деген тұжырымды зерттеуге бағытталған.

Әдіснамасы. Мақалада Қазақстанның нақты аймақтарының инновациялық даму стратегиялары «зияткерлік мамандандыру» үлгісінде көрсетілген критерийлер арқылы бағаланады. Зерттеу жалпыға қолжетімді көздерге, соның ішінде нормативтік құқықтық актілердің мамандандырылған дерекқорларына және өңірлердің ресми сайттарына негізделген.

Зерттеудің түпнұсқалығы/құндылығы. Жетілдірілген зерттеудің гипотезасын тестілеу RIS3 өзін-өзі бағалау деңгелегі (Smart мамандандыру аймағының инновациялық стратегияларының өзін-өзі бағалау деңгелегі) смарт мамандандырудың бейімделген әдісін қолдану болып табылады.

Зерттеу нәтижелері. Аймақтық стратегиялар мен бағдарламаларды бағалау қорытындысы бойынша қорытынды нәтиже тексерілген аймақтардағы инновациялық дамудың күшті және әлсіз жақтарын көрсететін «веб» диаграммасы түрінде ұсынылады.

Түйін сөздер: прогрессивті даму, басқару, басқару тетіктері, интеллектуалды мамандандыру моделі, аймақ.

Алғыс: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитетінің гранттық қаржыландыру жобасы аясында дайындалды («Аймақтық маркетинг негізінде жаңа Қазақстанды құру жағдайында моноқалаларды модернизациялау» бағдарламасы бойынша BR18574200).

ОЦЕНКА ПАРАМЕТРОВ ПРОГРАММ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА

М. У. Бейсенова¹, А. Т. Ускеленова^{1*}, З. Б. Ахметова¹

¹ Казахский Национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

В практике типологии регионов Казахстана принято выделять «сырьевые регионы». Для проведения комплексного анализа социально-экономического развития, разработки механизмов управления инновационным развитием сырьевых регионов Казахстана ключевым критерием является доля валовой добавленной стоимости от добычи полезных ископаемых в структуре валового объема. региональный продукт. По этому показателю можно выделить четыре богатых ресурсами региона Казахстана (Западно-Казахстанская, Кызылординская, Атырауская и Мангистауская области), где социально-экономическое развитие преимущественно формируется за счёт добычи и экспорта нефти и газа, затмевая другие формы. добычи природных ресурсов.

Целью исследования является рассмотрение предположения о том, что значительная часть атрибутов, связанных с моделью «разумной специализации», по крайней мере формально интегрирована в традиционные подходы к развитию, используемые различными регионами Казахстана.

Методология. В статье дана оценка инновационных стратегий развития конкретных регионов Казахстана с использованием критериев, изложенных в модели «умной специализации». Исследование опирается на общедоступные источники, в том числе специализированные базы нормативных актов и официальные сайты регионов.

Оригинальность / ценность исследования. Проверка гипотезы передового исследования заключается в использовании адаптированного метода колеса самооценки умной специализации RIS3 Self-Assessment Wheel (Колесо самооценки инновационных стратегий региона умной специализации).

Результаты исследования. По итогам оценки региональных стратегий и программ конечный результат представляется в виде «веб-диаграммы», подчёркивающей сильные и слабые стороны инновационного развития исследуемых регионов.

Ключевые слова: прогрессивное развитие, управление, механизмы управления, модель интеллектуальной специализации, регион.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования («Модернизация монокалов в условиях создания нового Казахстана на основе регионального маркетинга» BR18574200).

ABOUT THE AUTHORS

Beisenova Madina – doctor of economic sciences, docent Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: madina.beisenova@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8783-9313>.

Uskelenova Assel – doctor of economic sciences, senior lecturer, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: assol_74_leo@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6152-2457>*

Akhmetova Zauresh – candidate of economic sciences, docent, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: zaurebolat@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5157-4659>.

МРНТИ: 05.01.05

JEL Classification: J11, 13

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-4-19-31>

АНАЛИЗ ПРОЦЕССОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Б. Б. Мананов^{1*}, У. М. Искаков¹, Э. А. Рузиева²

¹Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

²Алматинский технологический университет, Алматы, Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. На основании произведенного глубокого анализа показателей рождаемости, смертности, половозрастной структуры населения оценить текущее состояние и динамику воспроизводства населения Казахстана и его регионов.

Методология исследования. Методологической основой для проведения данного исследования явились статистические методы: ретроспективного, текущего и перспективного анализа, временных рядов, индексные методы, сопоставление статистических данных открытого доступа, характеризующих процессы воспроизводства населения.

В качестве источника данных использованы официальная статистическая информация Бюро национальной статистики АСПиР Республики Казахстан (БНС), представленная на официальном сайте.

Оригинальность(ценность) исследования. Основная ценность данного исследования заключается в анализе взаимовлияния изменения половозрастной структуры и процессов воспроизводства населения на основе прогнозных расчетов.

Результаты исследования. На основе проведенного анализа половозрастной структуры населения выявлены основные тенденции и взаимовлияние «демографических волн» и показателей воспроизвод-

ства населения Казахстана, проведен анализ изменения основных индикаторов численности и половозрастной структуры, естественного движения населения на основе прогнозных расчетов.

Ключевые слова: процессы воспроизводства населения, режимы воспроизводства населения, коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста, старение населения, продолжительность жизни.

Благодарность: Авторы выражают благодарность Шокаманову Ю.К. и Сагидолда Н. за оказание помощи в процессе подготовки данной статьи.

Статья подготовлена в рамках реализации грантового исследования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Казахстанская модель демографического перехода и возможности устойчивого социально-экономического развития страны» (ИРН AP19679152).

ВВЕДЕНИЕ

Народ Казахстана, в очередной раз стал свидетелем намечаемой программы, изложенной 1 сентября 2023г. Президентом страны К.К.Токаевым в своем Послании. Послание прозвучало на открытой сессии Парламента страны. Отличительной особенностью этого документа заключается в том, что многие инициативы Президента «... воплощены в жизнь, ряд – на стадии реализации» [1]. К.К.Токаев остановился на решении предстоящих судьбоносных проектов, как переход к новой модели развития таких отраслей, как горнорудного, агропромышленного, тепло-энергетики, атомной энергетики, реализация транспортно-логического потенциала, морской инфраструктуры, повышению внимания вопросам цифровизации, ИТ услуг, системам экономики, финансов и др. И одним из важных моментов этого документа является «... что в основе стратегии экономического развития Казахстана будут находиться интересы и потребности наших граждан, то есть она должна быть человекоцентричной» [1]. При этом Президент страны озадачил правительство: превратить «...текущие демографические тенденции в конкурентные преимущества» [1].

Обзор литературы. Известно, что в период повышения доходов на душу населения, предшествующий снижению рождаемости, некоторые ученые пришли к выводу, что именно рост доходов привел к уменьшению рождаемости. В частности, Беккер выдвинул гипотезу о том, что снижение рождаемости было следствием роста доходов и увеличения альтернативных расходов на воспитание детей [2]. По его мнению, положительный эффект дохода на рождаемость преобладал над отрицательным эффектом замещения, вызванным увеличением альтернативных расходов на воспитание детей. Предполагается также, что эластичность дохода по инвестициям в образование детей выше, чем по количеству детей.

Однако, несмотря на теоретическую неопределенность данной концепции, с нашей точки зрения, следует рассмотреть теорию Беккера на основе ее проверяемых гипотез. Если эффект замещения действительно преобладает при достаточно высоком уровне дохода, то, согласно теории, различия в снижении рождаемости в разных странах (находящихся на одинаковых уровнях социально-экономического развития) будут отражать различия в уровне доходов на душу населения. Из этого следуют две основные гипотезы:

H1: в схожих странах по социально-экономическим и социокультурным характеристикам снижение или повышение рождаемости находится в обратной зависимости от уровня дохода на душу населения;

H2: в рамках развития экономики стран число выживших детей в домохозяйствах находится в обратной зависимости от уровня их доходов.

В своей работе Мерфи Мартин [3] (на основе панельных данных стран за 1870-2000 гг.), показывают, что доход на одного работника положительно связан с уровнем рождаемости после введения контроля за уровнем смертности и образования. Он утверждает, что доход на душу населения положительно влияет на уровень рождаемости в период демографического перехода [4]. Проведенное Фернандесом-Виллаверде исследование позволяет предположить, что, в отличие от беккерианской теории, проблема, связанная с ростом доходов, должна была привести к увеличению рождаемости [5].

Здесь можно предположить, что уровень смертности был одним из факторов, повлиявших на уровень рождаемости на протяжении всей истории человечества. И снижение смертности объясняет

разворот положительной исторической тенденции между доходами и рождаемостью и снижение прироста населения (т.е. рождаемости за вычетом смертности) [6].

Используя данные о смертности и рождаемости в Англии Доепке, пришел к выводу, что при отсутствии изменений других факторов снижение детской смертности в этот период должно было привести к росту чистой рождаемости, что противоречит имеющим место фактическим данным [7].

По мнению Галор и Вайль ускорение темпов технологического прогресса на втором этапе промышленной революции повысило спрос на человеческий капитал и побудило родителей вкладывать больше средств в своих детей [8]. И здесь рост родительского дохода, связанный с увеличением спроса на родительский человеческий капитал, в отличие от Беккера и Льюиса [9], вызовет обратные эффекты дохода и замещения, которые не обязательно приведут к снижению рождаемости. Однако рост будущего спроса на человеческий капитал детей побудит родителей заменить качество детей на их число.

Используя процесс многоплодия как источник вариации количества детей Розенцвейг и Вольпин [10], подтверждают гипотезу о снижении качества детей в результате экзогенного роста рождаемости. Эти выводы были подтверждены Ханушеком [11]. Однако Блэк, Ангрис и др. использовали данные о близнецах в Норвегии и Израиле для оценки влияния экзогенного увеличения числа детей на показатели качества неблизнецов [12,13]. Ученые утверждают о малом количестве свидетельств негативного влияния на качество неродных детей. Напротив, используя аналогичную методику, Ли и другие исследователи обнаружили значительный компромисс между количеством и качеством в сельских районах Китая и более слабый эффект в городских районах. Однако, как утверждают Розенцвейг и Чжан, поскольку в этих исследованиях не учитывается влияние на качество самих близнецов, необходимо оценить, влияет ли более близкое расстояние между близнецами и их более низкий уровень обеспеченности на инвестиции в неблизнецов в семье. Эти исследователи выявили, что родители действительно предоставляют больше ресурсов человеческого капитала детям с более высоким уровнем обеспеченности (т.е. детям, не являющимся близнецами) [14].

Таким образом, исследования различных аспектов взаимосвязи и взаимовлияния процессов воспроизводства населения и социально-экономического развития представляют особую актуальность в условиях новых вызовов мировых изменений в области демографии. Одновременно, анализ проблем воспроизводства населения страны и ее регионов также является ключевым компонентом развития любого общества в будущем. Поэтому всякие изменения населения выступают основным механизмом формирования источников экономического роста и дальнейшего развития.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Изменения численности и состава населения Казахстана является одним из основных факторов социально-экономического развития страны. По данным Бюро национальной статистики (БНС) агентства по стратегическому планированию и реформам (АСПиР) численность населения Казахстана на 1 января 2024 года превысила 20 миллион человек [15]. И страна по этому показателю находится на 63 месте в мире [16]. Динамика численности населения за годы независимости приведены на рисунке 1. Первые десять лет с 1991 года по 2001 год численность населения сократилась на 1 600 тысяч человек, или на 9,7 % и составила минимальное значение 14,851 миллион человек. Начиная с 2002 года население страны устойчиво растет. Устойчивый рост связан главным образом с увеличением естественного прироста и сокращением миграционного оттока населения. Такая тенденция наблюдается и во многих стран мира. И, по мнению, мировых исследователей увеличение прироста населения в постмалтузианский период было обращено вспять и привело к значительному снижению уровня рождаемости.

Половозрастная структура населения изменяется в зависимости от демографического и социально-экономического развития. В то же время она во многом определяет будущую демографическую динамику, создает возможности и ограничения экономического и социального развития [16]. Так, на начало 2023 года по сравнению с 2000 годом (женщины – 51,83 %, мужчины – 48,17 %) доля женщин снизилась на 0,64 %. Эти изменения произошли в результате повышения доли населения моложе трудоспособного возраста, в котором выше доля мужского населения.

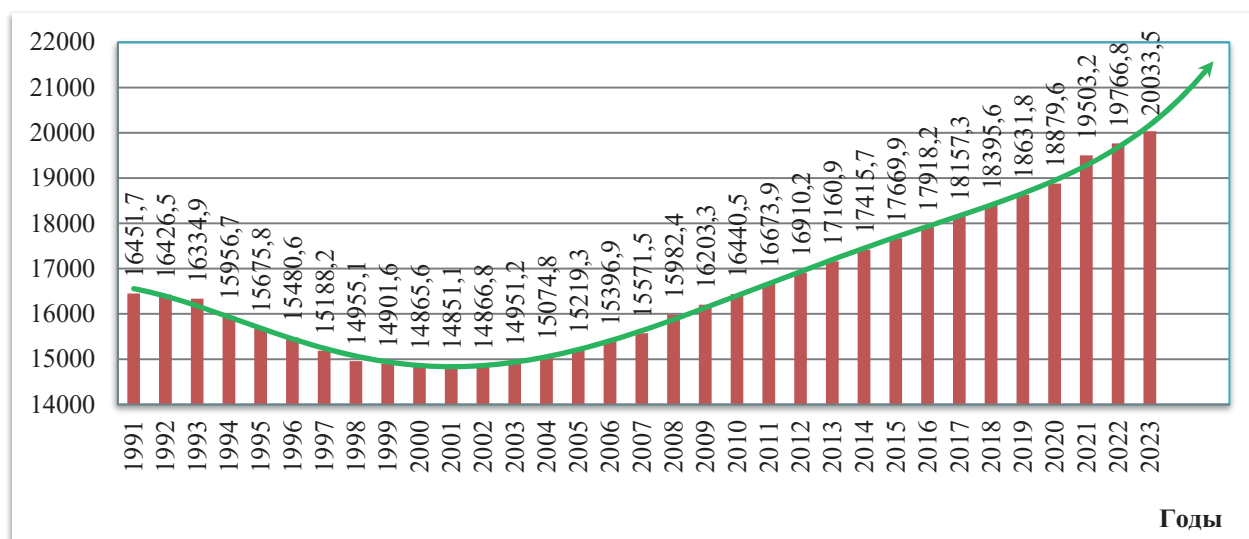

Рисунок 1 – Численность населения РК за 1991-2023гг., тысяч человек

Примечание - составлено авторами на основании источника [15]

В связи с высокой долей мальчиков среди родившихся, в младших возрастах численность мужского населения превышает численности женского населения. В старших возрастных группах численность женщин значительно превышает численности мужчин. Так, на начало 2023 года на 1000 женщин приходится 638 мужчин в возрасте 70 лет, а старше 85 лет всего 376 мужчин.

На половозрастной пирамиде населения Казахстана (на начало 2022 года) наблюдается «провал» в возрастной группе 15-20 лет, который является следствием снижения рождаемости в 1990-х годах (Рисунок 2).

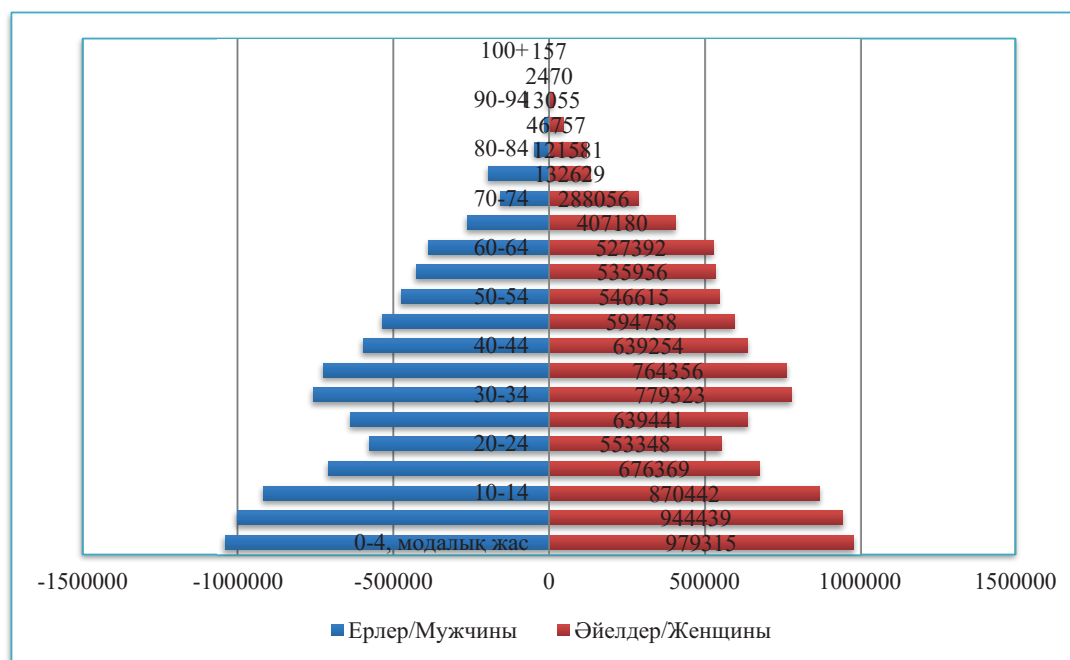

Рисунок 2 – Половозрастная пирамида населения Казахстана (на начало 2023 года) населения РК, человек

Примечание - составлено авторами на основании источника [15]

Начиная с 2002 года увеличение числа родившихся отражает сравнительно широкое (и расширяющееся в более молодых возрастах) основание поло-возрастной пирамиды. Наибольшая его глубина на начало 2022 года была в возрастном интервале 20–25 лет (2000–2005 годы рождения). Число родившихся в Казахстане возрастало в 1970-е и 1980-е годы. Особенно значительным этот рост был в 1984–1987 годах, которому способствовала также реализация мер помощи семьям с детьми. Увеличение численности поколений произошло в возрастном интервале 30–39 лет (на начало 2022 года).

Численность населения в возрастной группе 15–64 лет на начало 2022 года по сравнению с 2010 годом сократилась на 6,48 %, тогда как численности младших и старших возрастов увеличились соответственно на 5,44 % и 1,03 %. Доля населения старше 65 лет составила 7,88 %. Это означает, что страна находится на начальной стадии демографического старения.

В половозрастной пирамиде Казахстана наблюдаются значительные «демографические волны», например, вызванные резким снижением рождаемости во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Поэтому при оценке демографической ситуации в стране нельзя ограничиваться общими коэффициентами рождаемости, смертности, а также темпами их прироста, так как изменения в возрастной структуре женского населения оказывают влияние на динамику рождаемости и смертности населения в целом.

Необходимо иметь в виду, что малочисленное поколение женщин в возрасте 20–24 года в 2022 году (Рисунок 2) будет постепенно перемещаться в более старшие возрасты. И минимумы будут повторяться в очередной 5-летней группе возрастов женщин через 5 лет. В итоге к 2047–2048 гг это малочисленное поколение перейдет в группу женщин в возрасте 45–49 лет.

В то же время, самое многочисленное поколение женщин в 2022 году в возрасте 30–34 года также будет перемещаться каждые 5 лет в следующую пятилетнюю группу возрастов. Однако, еще более многочисленное поколение женщин этого возраста было в 2019 году, которое станет самым многочисленным поколением женщин в 2024 году уже в возрасте 35–39 лет.

А в 2030–2033 годах войдет в фертильный возраст еще более значительное поколение женщин (18,3 %), которое было многочисленным соответственно 5, 10 и 15 лет назад.

Максимальная доля женщин в наиболее репродуктивном возрасте (25–34 года) будет в 2043 году, что приведет почти к максимальному специальному коэффициенту рождаемости – 97,2. Максимум по этому коэффициенту с учетом женщин остальных возрастов будет достигнут в 2044–2045 годах.

Таким образом, численность женщин в фертильном возрасте и их доля в общей численности населения меняется за счет «демографических волн» в возрастной структуре населения. И поэтому даже при фиксированных возрастных коэффициентах рождаемости общие и специальные коэффициенты рождаемости будут меняться в зависимости от доли женщин в фертильном возрасте в общей численности населения и их распределении по возрастным группам.

Известно, что общий коэффициент рождаемости за период с 2000 года по 2022 год увеличился с 14,92 промилле до 20,52 промилле. Наиболее высокие его значения в 2022 году наблюдались в таких регионах, как Мангыстауская, Туркестанская, Кызылординская и Атырауская области и в городе Шымкент – 24,97–28,53 промилле. В то же время, в ряде регионов значения были примерно вдвое меньше. Так, в Северо-Казахстанской, Костанайской, Восточно-Казахстанской, Павлодарской, Акмолинской и Карагандинской областях коэффициент был на уровне 10,96–14,81 промилле. Следует отметить, что по отношению к 2009 году возрастные коэффициенты рождаемости в 2022 году увеличились по всем возрастным группам, в то время как для женщин в возрасте 15–19 лет они снизились на 31,6 % (с 28,83 до 19,71 промилле). Коэффициенты рождаемости по возрастным группам матерей за 2009, 2014 и 2017–2021 годы приведены в таблице 1.

Возрастная группа 20–24 лет имеет более высокий уровень материнства и может свидетельствовать о стабильности в отношениях и планировании семей.

Значительное увеличение численности матерей в возрастных группах 25–29 и 30–34 лет может указывать на рост демографической активности и увеличение среднего возраста матерей.

Хотя численность матерей в возрастных группах 35–39 и 40–44 лет остается сравнительно низкой, увеличение численности в 45–49 лет может свидетельствовать о том, что женщины в Казахстане становятся матерями в более позднем возрасте.

Таблица 1 – Коэффициенты рождаемости по возрастным группам

Годы	Возрастные группы матерей							15-49
	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	
2009	28,83	149,17	152,43	107,00	58,46	14,90	0,66	77,63
2014	34,46	161,54	161,16	112,75	64,21	16,00	0,84	87,32
2017	24,92	159,04	159,38	118,20	69,17	17,96	0,90	85,92
2018	23,92	164,52	164,62	122,88	71,87	18,59	0,91	87,64
2019	23,20	166,31	172,71	124,23	74,5	20,28	1,03	88,63
2020	22,92	170,39	186,88	136,86	84,44	22,92	1,15	93,94
2021	23,80	180,28	201,51	142,95	90,52	24,55	1,36	98,07
2022	19,71	159,24	185,17	137,07	84,60	23,53	1,41	87,76
Примечание – составлена авторами на основе источника [15]								

Увеличение общей численности матерей в возрасте 15-49 лет (с 85,92 в 2017 году до 98,07 в 2021 году) указывает на общий демографический тренд в росте численности населения.

В целом по Казахстану общий коэффициент рождаемости в селе немного выше, чем в городе - 21,56 промилле против 19,95 промилле. Это особенно заметно в Алматинской области (разница составляет 2,26 пунктов). В то же время в отделившейся от нее области Жетысу наблюдается обратная картина - общий коэффициент рождаемости в городской местности выше, чем в сельской, на 1,36 пунктов. Также рождаемость на селе заметно превышает рождаемость в городе в Мангистауской и Карагандинской областях.

Рождаемость в городской местности заметно превышает рождаемость в сельской местности в Туркестанской области и области Абай - соответственно на 3,30 и 2,81 пункта, а также в Кызылординской области и области Жетысу (соответственно 1,55 и 1,36 пунктов).

Влияние демографических волн на общий коэффициент рождаемости можно оценить в рамках индексного анализа. Его зависимость от возрастных коэффициентов рождаемости, доли женщин фертильного возраста в общей численности населения, а также их распределения по возрастам в возрасте 15-49 лет определяется следующим выражением:

$$B = \frac{N}{P} = F \times d = (\sum F^x \cdot d^x) \times d,$$

где N – количество родившихся детей;

P – среднегодовая численность населения;

F – специальный коэффициент рождаемости;

d – доля женщин фертильного возраста в общей численности населения;

F^x – коэффициентов рождаемости в возрасте x лет;

d^x – численность женщин в возрасте x лет.

Согласно нашим прогнозам, доля женщин фертильного возраста в общей численности населения на протяжении всего прогнозируемого периода будет меньше их доли в 2022 году, в том числе на начало 2050 года будет меньше на 3,7%. Однако численность родившихся детей вырастет в большей мере (на 42,9 %), чем численность женщин фертильного возраста (на 34,1%). То есть «демографическая волна» за счет структурных сдвигов в численности населения дает к 2050 году прирост численности детей на 2,7% (142,9/134,1*96,3=102,7%).

В течение всего периода прогнозирования общий коэффициент рождаемости меняется в пределах от 92,2 до 105,2 % по отношению к 2022 году (Рисунок 3), то есть колебания составляют 114,1 % (105,2/92,2=114,1 %).

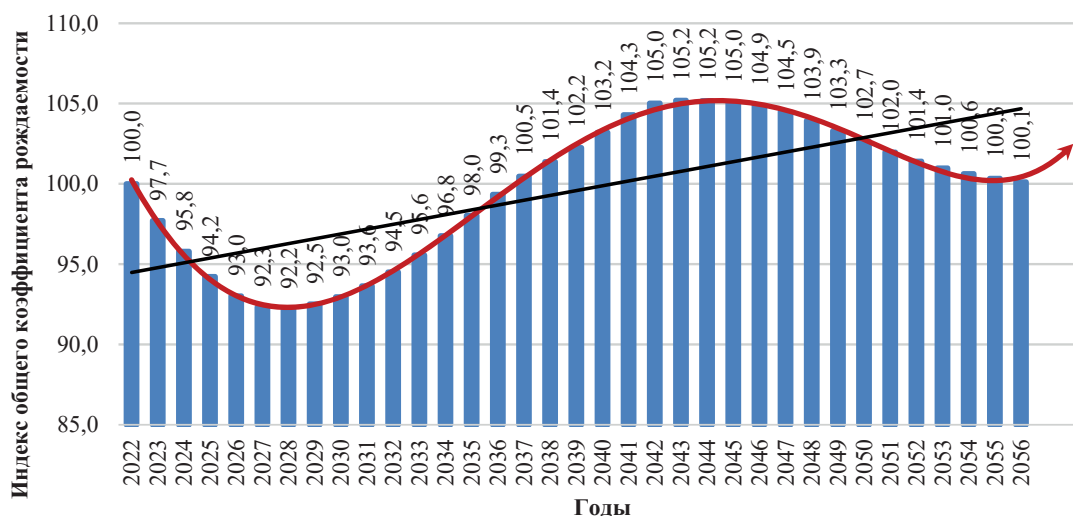

Рисунок 3 – Динамика общего коэффициента рождаемости при неизменных возрастных коэффициентах рождаемости, %
Примечание - составлен авторами по результатам прогнозных расчетов

Ухудшение ситуации с рождаемостью будет наблюдаться в 2023-2036 годах, с минимумом в 2028 году (92,2 %). Затем наступит период, когда в фертильный возраст вступит многочисленное поколение девочек, родившихся до 2021 года, что вновь приведет к росту ОКР. Он будет выше уровня 2022 года с 2037 до 2050 года с максимумом в 2043 году (105,2 %).

Индексы общего и специального коэффициентов рождаемости и доли женщин в возрасте 15-49 лет в общей численности населения в варианте прогноза численности населения Республики Казахстан до 2060 года по пятилетним периодам приведены в Таблице 2.

Таблица 2 – Индексы общего и специального коэффициентов рождаемости и доли женщин в возрасте 15-49 лет в общей численности населения в варианте прогноза численности населения Республики Казахстан до 2060 года

(в процентах к 2022 году)

Показатели	2025г.	2030г.	2035г.	2040г.	2045г.	2050г.	2055г.	2060г.
Общий коэффициент рождаемости	94,2	93,0	98,0	103,2	105,0	102,7	100,3	100,8
Специальный коэффициент рождаемости	94,9	93,7	99,5	107,2	111,1	106,6	101,4	100,7
Доля женщин в возрасте 15-49 лет	99,3	99,2	98,6	96,3	94,6	96,3	99,0	100,1

Примечание - составлена авторами на основе прогнозных расчетов

Цикл изменения общего коэффициента рождаемости равен длине женского поколения, то есть среднему интервалу между поколениями матерей и дочерей или средний возраст матери при рождении дочерей, доживающих до возраста матери.

Что касается общего коэффициента смертности, то здесь также наблюдается влияние на него демографических волн (Рисунок 4). Многочисленное поколение вблизи возраста 33 лет в 2022 году будет переходить в следующие возрастные группы, в которых коэффициенты смертности увеличиваются. В результате численность умерших на 1000 населения также будет расти вплоть до 2050 года. Проведенный прогноз за пределы этого горизонта показывает, что дальше общий коэффициент смертности начинает снижаться, что связано с переходом в старшие возрастные группы малочисленного поколения в районе 22 лет в 2022 году.

Результаты прогнозных расчетов указывают на то, что смещение многочисленного поколения в возрасте 26-39 лет в следующие возрастные группы начнет особенно сильно сказываться на росте общего коэффициента смертности уже в ближайшие годы. Темпы прироста этого показателя в 2024-2030 года будут на уровне 1,8 % и более. Затем они будут постепенно снижаться к 2050 году (но темп роста будет больше 100 %).

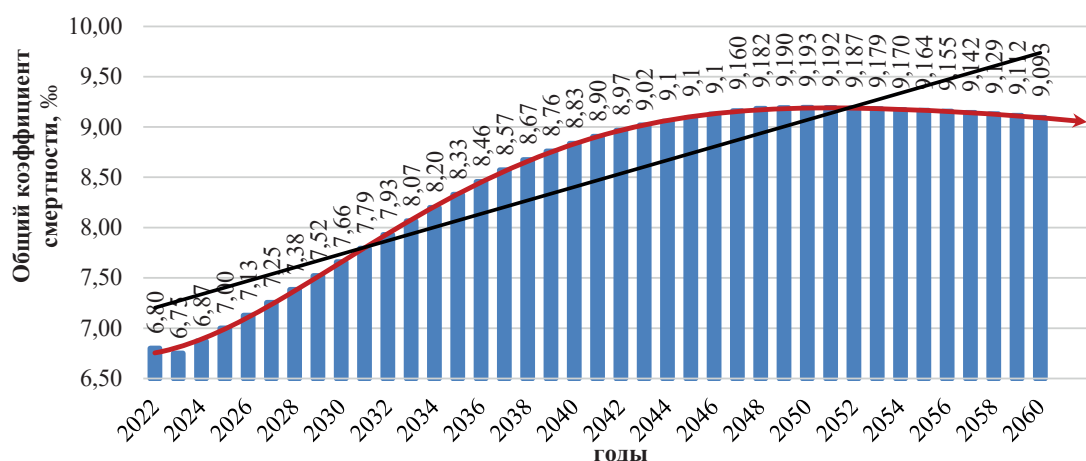

Рисунок 4 – Динамика общего коэффициента смертности при неизменных возрастных коэффициентах смертности, %
Примечание: Составлен авторами по результатам прогнозных расчетов.

На цикл изменения общего коэффициента смертности также влияют волны рождаемости с интервалами, равными длине женского поколения, т.е. среднему интервалу между поколениями матерей и дочерей или средний возраст матери при рождении дочерей, доживающих до возраста матери.

Следует отметить, что довольно многочисленное поколение в возрасте 33-60 лет будет причиной стремительного увеличения доли пожилого населения в ближайшие годы. Так, при сохранении условий рождаемости, смертности и миграционного сальдо на уровне 2022 года, доля пожилых людей в возрасте 65 лет и старше возрастет с 8,5 % на начало 2023 года до 11% на начало 2032 года и 11,5 % - на начало 2037 года. Далее до 2050 года будет наблюдаться более медленный рост доли пожилого населения до 11,76 %.

Динамика общего коэффициента смертности и доли населения в возрасте 65 лет и старше по пятилетним периодам приведены в таблице 3.

Таблица 3 – Общий коэффициент смертности и доля населения в возрасте 65 лет и старше в варианте прогноза численности населения Республики Казахстан до 2060 года

Показатели	2025г.	2030г.	2035г.	2040г.	2045г.	2050г.	2055г.	2060г.
Общий коэффициент смертности, ‰	7,00	7,66	8,33	8,83	9,09	9,19	9,16	9,09
Темп роста общего коэффициента смертности к 2022 году, %	102,9	112,6	122,5	129,9	133,7	135,2	134,8	133,7
Доля населения в возрасте 65 лет и старше, %	9,15	10,64	11,31	11,62	11,71	11,76	12,17	11,96
Примечание - составлена авторами по результатам прогнозных расчетов								

В Казахстане общий коэффициент естественного прироста населения за годы независимости имеет общую тенденцию роста, но различной направленностью и скорости (темпами роста) в разные периоды [17]. Так, с 1991 года по 2022 год общий коэффициент естественного прироста вырос на 0,47 % или

на 3,5 %. При этом в развитии этого показателя, можно выделить три периода (Рисунок 5). С 1991 года по 1998 года данный показатель постоянно снижался с 13,3 % до 4,4 % со скоростью (среднегодовой темп прироста) -14,07 % ежегодно, то есть уменьшался на 65,4 %. С 1999 года по 2014 год общий коэффициент естественного прироста увеличивался почти в 2,4 раза со скоростью 7,9 %. Максимальное значение 15,45 % этого показателя наблюдалось в 2014 году. За последние годы данный показатель имеет тенденцию снижения и с 2015 по 2022 год снизился почти на 10,9 % со средней скоростью 1,4 % в год (с уровня 15,25 % до 13,77 %).

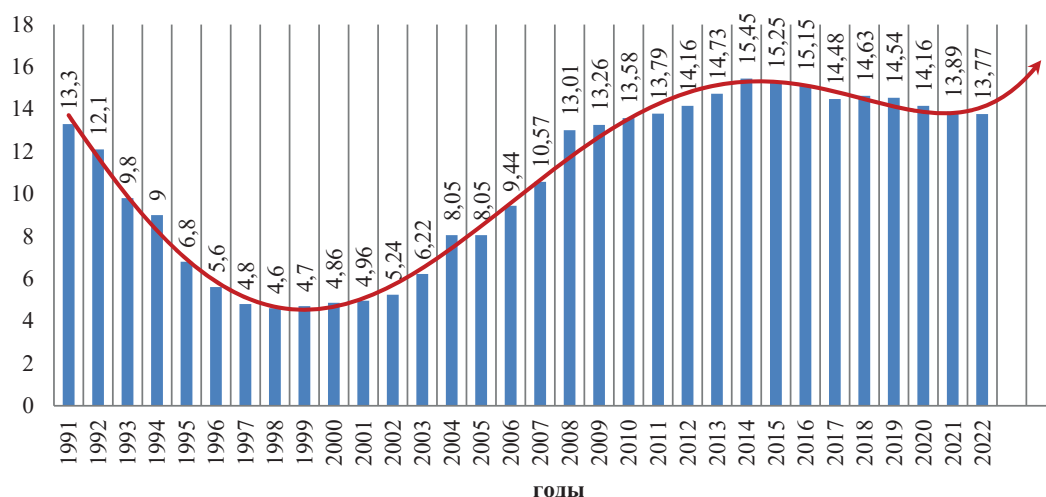

Рисунок 5. Общий коэффициент естественного прироста населения РК за 1991-2022гг., промилле

Примечание - составлен авторами на основе источника [15]

Известно, что воспроизводство населения представляет собой смену поколений в результате естественного движения населения как важного фактора демографического развития страны. Казахстан, как и большинство стран мира, сегодня переживает демографический переход между третьим и четвертым этапами (скорее ближе к четвертому этапу первого демографического перехода). Во многих из этих стран происходит стабилизация численности населения при старении населения. Для Казахстана старение населения является одним из определяющих процессов в естественном движении населения. Главной причиной старения населения является снижение рождаемости и рост продолжительности жизни старших возрастных групп. Так, сегодня продолжительность жизни в стране возросла на 6,84 года по сравнению с 1991 годом и составляет 74,44 лет. У мужчин она увеличилась на 8,66 года и составила 70,26 лет, у женщин соответственно на 6 лет и 78, 41 лет [15]. Необходимо отметить, что за период с 1991 года по 2022 год с учетом пандемии, общий коэффициент смертности увеличился на 0,4 промилле и составил 6,8 промилле, хотя до пандемии имело место сокращение смертности. Это отразилось на ожидаемой продолжительности жизни. Так, в 2020-2021 годах по сравнению с 2019 годом ожидаемая продолжительность жизни несколько сократилась (на 2,95 года) [16].

Безусловно эти демографические изменения оказывают непосредственное влияние на самые важные аспекты социально-экономического развития, такие как человеческий капитал и трудовые ресурсы, системы образования и здравоохранения и т.д. Все это требует глубокого изучения с применением различных методов анализа.

Казахстан является сравнительно молодой страной и со стороны государства сегодня очень важно продумывать политику относительно процессов и тенденций старения населения. Так, если сегодня люди в возрасте 65 лет и старше составляют 7,3 %, то к 2050 году это доля вырастит вдвое. И численность населения старшего возраста к численности людей в рабочем возрасте увеличится в 1,8 раза (с 20,8 % в 2019 году до 37,8 % в 2050 году) [17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, результаты проведенного анализа процессов воспроизводства населения Казахстана показывают, что воспроизводство населения является постоянно возобновляемым процессом изменения численности населения и его структуры под влиянием «демографических волн». И в процессе возобновления половозрастной структуры происходит замещение одних поколений людей другими за счет естественного движения населения.

Сегодня Казахстан «переживает» демографический переход, характеризующийся увеличением численности населения, изменением возрастной структуры матерей и смещением материнства к более позднему возрасту. Эти изменения могут быть связаны под влиянием различных социально-экономических и культурных факторов в стране.

Исходя из вышеизложенного необходимо принимать новые меры по демографической политике Казахстана, такие как:

а) отслеживание и проведение глубокого анализа процессов воспроизводства населения страны и ее регионов на регулярной основе;

б) расширение государственных мер стимулирования процесса рождаемости и сокращения смертности:

- принятие программно-позитивных мер по бытовому насилию: защита женщин и детей;
- социальная поддержка семей (материальные, экономические и т.д.);
- увеличение пособий по уходу за детьми;
- разработка программ «Здоровье», «Жилье».

в) обеспечение населения активным долголетием;

г) с целью удовлетворения потребностей стареющего населения обеспечить использование новой технологии с акцентом на процесс цифровизации;

д) пересмотр систем оплаты труда всех слоев населения, в т.ч. и пенсионных выплат.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Экономический курс Справедливого Казахстана», Астана 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskiiy-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588> (дата обращения 2.03.2024 г.)

2. Becker G.S. A treatise on the family. – Cambridge: Harvard University Press, 1981. – 380 с. – URL: <https://www.nber.org/books-and-chapters/treatise-family>

3. Becker G.S., Murphy K. M., Tamura R. Human capital, fertility, and economic growth // Journal of political economy. – 1990. – Т. 98. – № 5, Part 2. – С. S12-S37. – <https://doi.org/10.1086/261723>

4. Murphy T.E. Old Habits Die Hard (Sometimes): What can département heterogeneity tell us about the French fertility decline? // Milano: Bocconi University – 2009. – (IGIER working paper 364).

5. Fernandez-Villaverde J. Was Malthus right? Economic growth and population dynamics // Economic Growth and Population Dynamics (November 2001). – 2001. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=293800

6. Миронин С., Козырева О. Причины второго демографического перехода //Золотой лев. – 1999. – № 63-64. – URL: <http://www.zlev.ru/>

7. Doepke M. Child mortality and fertility decline: Does the Barro-Becker model fit the facts? // Journal of population Economics. – 2005. – Т. 18. – № 2. – С. 337-366. – <https://doi.org/10.1007/s00148-004-0208-z>

8. Galor O., Weil D.N. Population, technology, and growth: From Malthusian stagnation to the demographic transition and beyond // American economic review. – 2000. – Т. 90. – №. 4. – С. 806-828. – DOI: 10.1257/aer.90.4.806

9. Becker G.S., Lewis H.G. On the interaction between the quantity and quality of children // Journal of political Economy. – 1973. – Т. 81. – № 2, Part 2. – С. S279-S288. – <https://doi.org/10.1086/260166>

10. Rosenzweig M.R., Wolpin K.I. Testing the quantity-quality fertility model: The use of twins as a natural experiment // Econometrica: journal of the Econometric Society. – 1980. – С. 227-240. – <https://doi.org/10.2307/1912026>

11. Hanushek E.A. The trade-off between child quantity and quality // *Journal of political economy*. – 1992. – Т. 100. – № 1. – С. 84-117. – <https://doi.org/10.1086/261808>
12. Black S.E., Devereux P.J., Salvanes K.G. The more the merrier? The effect of family size and birth order on children's education // *The Quarterly Journal of Economics*. – 2005. – Т. 120. – № 2. – С. 669-700. – <https://doi.org/10.1093/qje/120.2.669>
13. Angrist J., Lavy V., Schlosser A. Multiple experiments for the causal link between the quantity and quality of children // *Journal of Labor Economics*. – 2010. – Т. 28. – №. 4. – С. 773-824. – <https://doi.org/10.1086/653830>
14. Rosenzweig M.R., Zhang J. Do population control policies induce more human capital investment? Twins, birth weight and China's "one-child" policy // *The Review of Economic Studies*. – 2009. – Т. 76. – № 3. – С. 1149-1174. – <https://doi.org/10.1111/j.1467-937X.2009.00563.x>
15. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – URL: <https://stat.gov.kz>.
16. Шокаманов Ю.К., Исаков У.М., Мананов Б.Б. Демографический переход и его влияние на человеческое и социально-экономическое развитие // Материалы круглого стола на тему: «Демографическая модель демографического перехода: влияние и вызовы». Алматы: «Фортуна Полиграф» – 2023. – С. 13-27.
17. Исаков У.М., Мананов Б.Б., Рузиева Э.А. Некоторые вопросы анализа и прогноза численности населения в Казахстане // Материалы Международной научно-практической конференции «Механизмы устойчивого социально-экономического развития страны с учетом мегатрендов и сценариев глобального развития», посвященную 70-летию доктора экономических наук, профессора Шокаманова Юрия Камировича, 1 ноября 2023г. – АГЭУ, 2023. – 436 с.

REFERENCES

1. Tokayev, K.-Z. (2023). Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazahstana «Jekonomicheskij kurs Spravedlivogo Kazahstana». Astana. Retrieved March 2, 2024, from <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskij-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588>
2. Becker, G. S. (1981). A treatise on the family. Cambridge: Harvard University Press. <https://www.nber.org/books-and-chapters/treatise-family>
3. Becker, G. S., Murphy, K. M., & Tamura, R. (1990). Human capital, fertility, and economic growth. *Journal of Political Economy*, 98(5), S12-S37. <https://doi.org/10.1086/261723>
4. Murphy, T. E. (2009). Old habits die hard (sometimes): What can département heterogeneity tell us about the French fertility decline? IGIER Working Paper No. 364. Bocconi University. https://www.researchgate.net/profile/Tommy-Murphy/publication/46459948_Old_Habits_Die_Hard_Sometimes_Can_dACpartement_heterogeneity_tell_us_something_about_the_French_fertility_declinei/links/560ba5d708ae576ce64124f4/Old-Habits-Die-Hard-Sometimes-Can-dACpartement-heterogeneity-tell-us-something-about-the-French-fertility-declinei.pdf
5. Fernandez-Villaverde, J. (2001). Was Malthus right? Economic growth and population dynamics. *Economic Growth and Population Dynamics*. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=293800
6. Mironin, S., & Kozyreva, O. (1999). Prichiny vtorogo demograficheskogo perehoda. *Zolotoj lev*, (63-64). URL: <http://www.zlev.ru/>
7. Doepke, M. (2005). Child mortality and fertility decline: Does the Barro-Becker model fit the facts? *Journal of Population Economics*, 18(2), 337-366. <https://doi.org/10.1007/s00148-004-0208-z>
8. Galor, O., & Weil, D. N. (2000). Population, technology, and growth: From Malthusian stagnation to the demographic transition and beyond. *American Economic Review*, 90(4), 806-828. <https://doi.org/10.1257/aer.90.4.806>
9. Becker, G. S., & Lewis, H. G. (1973). On the interaction between the quantity and quality of children. *Journal of Political Economy*, 81(2), Part 2, S279-S288. <https://doi.org/10.1086/260166>

10. Rosenzweig, M. R., & Wolpin, K. I. (1980). Testing the quantity-quality fertility model: The use of twins as a natural experiment. *Econometrica*, 48(1), 227-240. <https://doi.org/10.2307/1912026>
11. Hanushek, E. A. (1992). The trade-off between child quantity and quality. *Journal of Political Economy*, 100(1), 84-117. <https://doi.org/10.1086/261808>
12. Black, S. E., Devereux, P. J., & Salvanes, K. G. (2005). The more the merrier? The effect of family size and birth order on children's education. *The Quarterly Journal of Economics*, 120(2), 669-700. <https://doi.org/10.1093/qje/120.2.669>
13. Angrist, J., Lavy, V., & Schlosser, A. (2010). Multiple experiments for the causal link between the quantity and quality of children. *Journal of Labor Economics*, 28(4), 773-824. <https://doi.org/10.1086/653830>
14. Rosenzweig, M. R., & Zhang, J. (2009). Do population control policies induce more human capital investment? Twins, birth weight, and China's "one-child" policy. *The Review of Economic Studies*, 76(3), 1149-1174. <https://doi.org/10.1111/j.1467-937X.2009.00563.x>
15. Buro, Nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskemu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. (n.d.). [Electronic resurs]. URL: <https://stat.gov.kz>
16. Shokamanov, Ju. K., Iskakov, U. M., & Mananov, B. B. (2023). Demograficheskij perehod i ego vliyanie na chelovescheskoe i social'no-jekonomicheskoe razvitie. In *Materialy kruglogo stola na temu: «Demograficheskaja model' demograficheskogo perehoda: vliyanie i vyzovy»* (pp. 13-27). Almaty: Fortuna Poligraf.
17. Iskakov, U. M., Mananov, B. B., & Ruzieva, Je. A. (2023). Nekotorye voprosy analiza i prognoza chislennosti naselenija v Kazahstane. In *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Mehanizmy ustojchivogo social'no-jekonomicheskogo razvitiya strany s uchetom megatrendov i scenarijev global'nogo razvitiya», posvjashhennuju 70-letiju doktora jekonomicheskikh nauk, professora Shokamanova Jurija Kamirovicha* (pp. 1-436). AGJeU.

ҚАЗАҚСТАН ХАЛЫҚЫНЫҢ ӨСІП-ӨНУ ПРОЦЕСТЕРІН ТАЛДАУ

Б. Б. Мананов^{1*}, Ұ. М. Ысқақов¹, Е. А. Рузиева²

¹Нархоз университеті, Алматы, Қазақстан

²Алматы технологиялық университеті, Алматы, Қазақстан

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты. Терең талдау негізінде Қазақстандағы және оның аймақтарындағы халықтың өсіп-өну процестерінің қазіргі жағдайы мен динамикасын бағалау болып табылады.

Зерттеу әдіснамасы. Бұл зерттеудің әдіснамалық негізі статистикалық әдістер болды: ретроспективті, ағымдағы және перспективалық талдау, уақыттық қатарлары, индекстік әдістер, халықтың өсіп-өну процестерін сипаттайтын ашық қолжетімді статистикалық мәліметтерді салыстыру.

Мәліметтер көзі ретінде ресми сайтта ұсынылған Қазақстан Республикасы СЖЖРА Ұлттық статистикалық бюросының ресми статистикалық ақпараты пайдаланылды.

Зерттеудің өзіндік ерекшелігі (құндылығы). Бұл зерттеудің басты құндылығы болжамды есептеулер негізінде халықтың жас-жыныстық құрылымы мен өсіп-өну процестеріндегі өзгерістердің өзара әсерін талдауда.

Зерттеу нәтижелері: Қазақстан халықының жас-жыныстық құрылымын талдау негізінде «демографиялық толқындар» мен халықтың өсіп-өну көрсеткіштерінің негізгі тенденциясы мен өзара байланыстары анықталды, болжамды есептеулер негізінде халықтың саны мен жас-жыныстық құрылымы, халықтың табиғи қозғалысы көрсеткіштерінің өзгеруіне талдау жасалды.

Түйін сөздер: халықтың өсіп-өну процестері, халықтың өсу режимдері, туу деңгейі, өлім-жітім, табиғи өсім, халықтың қартаюы, өмір сүру ұзақтығы.

Алғыс: Авторлар Ю.К.Шоқамановқа және Н.Сагидолдаға осы мақаланы дайындауға көмектескені үшін ризашылығын білдіреді.

Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің «Демографиялық өткелдің қазақстандық үлгісі және елдің тұрақты әлеуметтік-экономикалық дамуының мүмкіндіктері» гранттық зерттеуін жүзеге асыру шеңберінде дайындалған. (ЖТН АР19679152).

ANALYSIS OF REPRODUCTION PROCESSES OF THE POPULATION OF KAZAKHSTAN

B. B. Mananov^{1*}, U. M. Iskakov¹, E. A. Ruzieva²

¹Narxoz University, Almaty, Kazakhstan

²Almaty Technological University, Almaty, Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the study is to assess, based on the in-depth analysis, the current state and dynamics of the processes of reproduction of the population of Kazakhstan and its regions.

Research methodology. The methodological basis for this study was statistical methods: retrospective, current and prospective analysis, time series, index methods, comparison of open access statistical data characterizing population reproduction processes.

The official statistical information of the Bureau of National Statistics ASPiR of the Republic of Kazakhstan (BNS), presented on the official website, was used as a data source.

Originality (value) of the study. The main value of this study lies in the analysis of the mutual influence of changes in the age-sex structure and population reproduction processes based on forecast calculations.

Results of the study. Based on the analysis of the age-sex structure of the population, the main trends and mutual influence of “demographic waves” and indicators of reproduction of the population of Kazakhstan were identified, an analysis of changes in the main indicators of the number and age-sex structure, natural movement of the population was carried out based on forecast calculations.

Key words: population reproduction processes, population reproduction regimes, birth rates, mortality rates, natural increase, population aging, life expectancy.

Acknowledgment: The authors express their gratitude to Shokamanov Yu.K. and Sagidolda N. for assistance in the preparation of this article.

The article was prepared as part of the implementation of a grant research by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan «Kazakhstan's model of demographic transition and opportunities for sustainable socio-economic development of the country» (IRN AP19679152).

ОБ АВТОРАХ

Мананов Бекен Бактыбекович – автор для корреспонденции, кандидат экономических наук, ассистент профессор, Университет Нархоз, ул. Жандосова 55, г. Алматы, Казахстан. email: beken.mananov@narxoz.kz. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8166-2035>*

Искаков Узан Мулдашевич – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз, ул. Жандосова 55, г. Алматы, Казахстан. email: uzan.iskakov@narxoz.kz. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6349-8163>

Рузиева Эльвира Абдулмитовна - кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Алматинский технологический университет, ул. Толе би, 100, г. Алматы, Казахстан. email: earuzieva@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7702-7269>

MPHTI 06.58.01

JEL Classification: O180

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-4-32-40>

IMPACT OF THE FOREIGN DIRECT INVESTMENT AND LOGISTICS DEVELOPMENT ON THE COUNTRY'S ECONOMIC GROWTH: CASE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

T. Sarzhanov¹, G. Mussayeva^{2*}, M. Mukan³

¹International Transport and Humanitarian University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²Academy of Logistics and Transport, Almaty, Republic of Kazakhstan

³Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose. According to Kazakhstan's strategic geographical location and its aspirations to become a major transit and logistics hub in Central Asia, the purpose of the study is to investigate the relationship between economic growth and other variables as foreign direct investments and logistic performance.

Methods. The data is derived from the World Bank Data from 2007-2023 years. The research employs econometric modelling, based on previous studies and data analysis techniques. Correlation matrix is conducted prior to understand the relation between the performed variables.

Originality / value of the research. By analyzing the data and employing econometric techniques, the research provides empirical evidence on how these factors influence the economic growth in the Republic of Kazakhstan. Furthermore, adding logistics performance in the analysis as a key variable shows the specificity of the research, considering the Kazakhstani ambitions to bolster its logistics infrastructure.

Findings. The regression analysis indicates that the model has a high explanatory power. This indicates that GDP can be explained by the independent variables that are under the authors' consideration. Logistics performance and energy consumption show statistically significance, while Foreign Direct Investment (FDI), urban population growth and inflation do not have statistically significant power.

The findings underscore the critical role of logistics performance in driving economic growth in the Republic of Kazakhstan. Investments in improving logistics infrastructure and efficiency are likely to yield substantial benefits for the economy.

Keywords: Logistics Performance Index, foreign direct investments, gross domestic product (GDP), inflation, energy consumption.

INTRODUCTION

Kazakhstan is considered as a heart of the Central Asian region. Its geographical location and resource potential at the crossroads of Europe and Asia gives a lot of opportunities for the country, as it is a natural transit route for goods moving from regions to regions. To enhance logistics opportunities, government also stimulates domestic investments, as investing in developing transportation infrastructure (roads, railways, airports and etc.). Its strategic location and supportive investment climate make it an attractive Foreign Direct Investment (FDI) destination, as well as a key player in regional trade and transportation networks.

Kazakhstan also has economic transition zones, as Khorgos-Eastern Gate. It is located in the board of China and serves as a major transition hub for rail and road freight between China and Europe under the Belt and Road Initiative. Also, Kazakhstan is considered as a part of the Trans-Caspian International Transport Route, connecting China to Europe. Kazakhstan is also a member of various transport agreements and initiatives, as Eurasian Economic Union and International North-South Transport Corridor [1]. Even though the main trade flow between Asia and Europe is over-maritime route according to the Ocean Trade Map published by United Nations Conference on Trade and development, the inland trade can be a reliable alternative to mitigate the regional political risks like those in Red Sea and South China Sea, and to solve technical problems in port expansion such as land limitation, berth availability and environmental issues as well.

It is paramount to shift a small portion of shipping through inland water routes from that of maritime routes by diversifying logistic options. Moreover, this is not only a priority but an intrinsic feature as the involvement of international trade is likely to rise between the regions within the Eurasian continent, in particular between Europe and East Asia, Middle East and East Asia, and Europe and Southeast Asia. The Middle Corridor has gone up in cargo volumes figures, with the trend indicating that it is vital to establish transport infrastructure to meet the demands.

However, it should be noted that even if Kazakhstan aims to become the largest transit and logistic hub in Central Asia, there is a very small share of logistics in GDP. In order to identify these issues and problems, we seek to identify the relation between the economic growth and foreign direct investments along with the logistics.

Literature review. In the context of globalization, logistics play a very important role in enhancing competitiveness and attracting foreign direct investments. High costs of logistics can lead to economic competitiveness, leading to efficient logistic systems essential for various types of companies [2]. Different authors emphasize the importance of logistics in driving economic development. The authors highlight the positive relationship between logistics infrastructure and economic growth [3;4]. Some authors analyzed the relationship between transport infrastructure and economic growth in developing countries, as Mauritius. These authors highlight the role of infrastructure development in cost reduction and logistics increase in the country's GDP, which is associated with the economic growth [5]. Similarly, other authors analyzed the economic impact of the seaports in Asian countries, as China and Korea, and identified that there is a very high level of contribution in port infrastructure and regional economic growth [6;7].

New policies and measures, new productions are the most important strategies for the developing countries to increase the FDI flow in terms of a direct link [8]. Overall, both transportation and foreign direct investments depend on multiple different factors, including logistics infrastructure, energy consumption, environmental conditions and macroeconomic factors as well. There are two types of FDI: vertical and horizontal.

In case of the vertical FDI, the focus is on spatial dispersion of the firm's production process rather than on mere national level of operations. It is the level of the global supply chain which is being taken into consideration here. For example, subsidiaries in the developing countries are normally following labor-intensive model for the production of intermediate goods which are to be delivered to the parent company located in the highly-developed nation. This type of FDI typically goes under the name of efficiency-seeking or cost-savings FDI, since the predominant aim is to increase the efficiency of production of the particular firm.

There is an alternative method of Horizontal FDI which demands the same product manufacturing in various plants and marketing through affiliate production rather than exporting from home country. The other kind of FDI is labeled as either "market-seeking" FDI or simply «market-oriented» FDI that allows investors to gain from the differences in costs or markets in two or more countries. Inbound FDI to developed country is usually the horizontal investment, aimed at tapping into local market. Such capital investments generally increase the labor-intensive nature of local production within the original country as they create new processes and sectors within it to produce for local consumers [9].

According to the data, in Kazakhstan we have both types of FDI: horizontal and vertical, which means that Kazakhstan is a very attractive country for investments, especially investments in resource and manufacturing industries. FDI has a strong impact on the economic growth in general (Table 1) [10].

Table 1 – FDI impact on the economic growth

Reasoning	Impact
FDI – source of the additional capital	Capital from foreign sources, which is used for various development projects or infrastructure improvements.
FDI – job places creation	Employment opportunities in logistic area.
Economic diversification	Reduction of oil dependence, growth stimulation in various areas, including logistics.
Major FDI contributors	China, Russia, the USA, the EU
Note – compiled by the author based on [10]	

MAIN PART

Methods. There are various factors influencing economic growth and numerous authors analyze their impact, employing econometric models. This research is based on the previous studies [11; 12]. The authors use different indicators to prove that both FDI and logistics development make an impact on the economic growth in general.

Foreign direct investment is considered as a catalyst for any economic development with the help of the transfer of technology [13]. FDI also stimulates employment opportunities and promotes exports and internal production.

Energy consumption is identified as a crucial factor driving economic growth, emphasizing its importance in domestic production processes [11].

Urbanization is another significant factor contributing to economic activity. It accelerates industrialization and transforming the production structure in technology – oriented sectors [14]. The interplay of these factors is crucial to foster sustainable economic development (Figure 1).

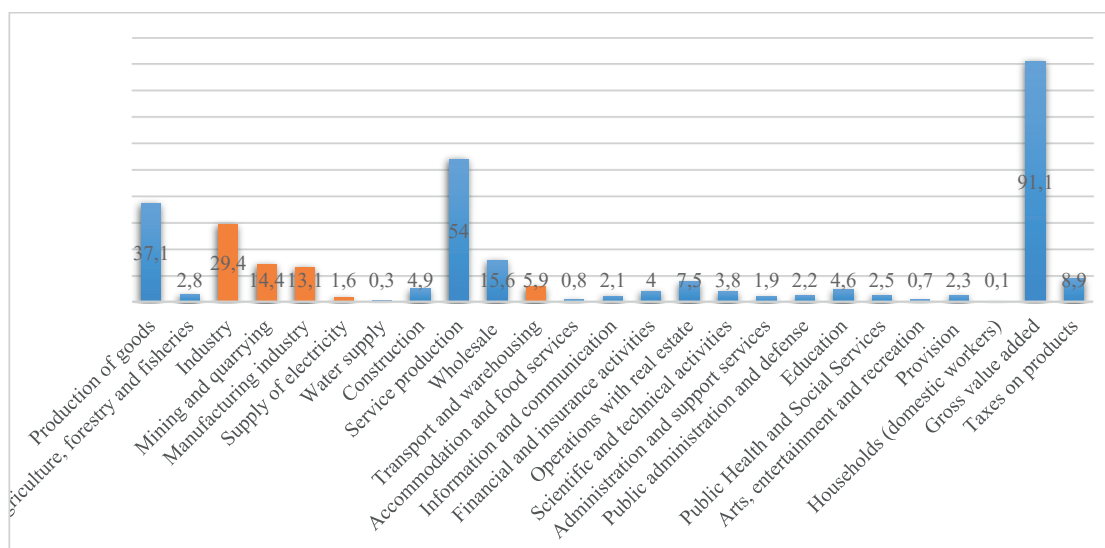

Figure 1 – GDP by sectors of the economy

Note – Compiled by the author based on [15]

The World Bank Data represents the Logistics performance index across the countries. Kazakhstan has the moderate performance index. The LPI reflects country's logistics perceptions, indicating the custom's clearance process, quality of the infrastructure (trade and transport), priced shipments, their ease of arrangements, logistics services quality, frequency of shipment and ability to track and trace consignments. The lowest index is 1, while the highest is 5. The index is considered as a benchmark and helps to show for both countries and investors the opportunities and challenges that can arise in the logistics area [16].

The Logistics Performance Index (LPI) by the World Bank helps countries identify trade logistics challenges and opportunities to enhance their performance. The 2023 edition ranks 139 countries, focusing solely on the international aspect, unlike previous editions, which also included domestic surveys. The LPI evaluates efficiency in customs and border management, quality of trade and transport infrastructure, ease of arranging competitively priced international shipments, competence and quality of logistics services, ability to track and trace consignments, and the frequency of on-time deliveries [17].

Considering that these indicators allow us to indicate and analyze the impact of FDI and logistics on economic growth, the OLS model can be constrained with the help of following factors (Table 2).

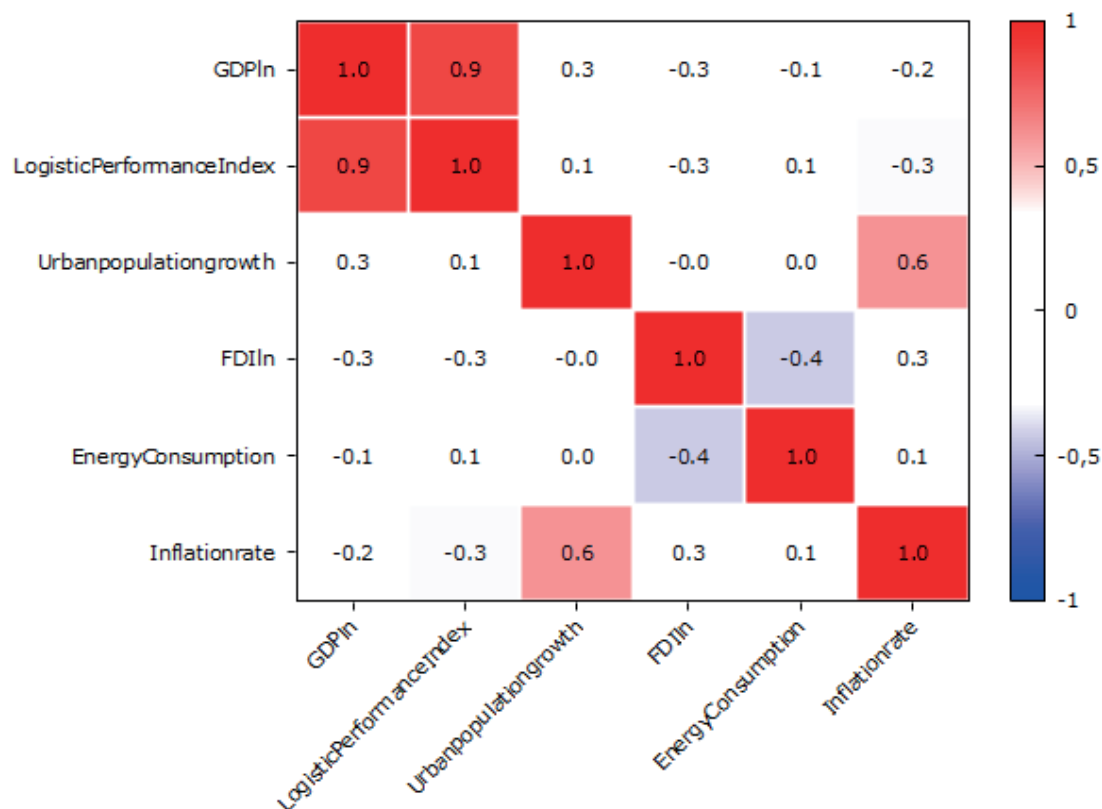
Table 2 – Description and measurement of variables

Variable		Description	Measurement
Y		Gross domestic product	Constant from 2007 (USD)
Y (ln)		Gross domestic product (ln)	Constant from 2007 (USD ln)
L		Logistics Performance Index	Index of logistical performance in KZ (1 from 1 to 5)
E		Energy consumption	Kg of Oil equivalent
F		Foreign direct investments	Constant from 2007 (USD)
F (ln)		Foreign direct investments (ln)	Constant from 2007 (USD ln)
I		Inflation rate	Consumer price index
U		Urban population growth	% of urban population growth

Note – compiled by the author based on [11;16]

The variables, described above can help to better understanding and further exploration the mechanisms through which they can have an impact on the economic growth.

Before making a regression analysis, we provided the correlation analysis represented below (Picture 2). Correlation refers to the dependence between two variables, more precisely by the measure of how strongly they linearly alter. We identify positive correlation (e. g., 0.9): continuous regression of the value of logarithm of the logistic performance index on GDP of Kazakhstan, coefficients of which are close to one, allows to conclude that, as Kazakhstan's GDP increases, its logistic performance index is also most likely significantly increasing. Correlation between GDP and the logistic performance index in Kazakhstan is the greatest positive correlation among all studied countries. It is implied that the dynamics of the Kazakh economy have a robust positive impact on the logistic performance index. In consequence, the high-quality relationship implies that economic growth in Kazakhstan is prone to be closely tied to the development of logistics performance.

Picture 2 – Correlation matrix

Note – compiled by the authors based on [16]

According to the matrix, we also identified negative correlation (e. g., -0. 4): If r is negative, it implies that as a variable is increasing, the other variable reacts oppositely. As a further instance, an anticorrelation coefficient can be of -0. 4 FDI and energy consumption has linear inverse relation that the greater the FDI is, the smaller the energy consumption will be, although it is not as strong. There is a roughly inverse relationship between FDI and energy utilization. This implies that as the foreign direct projects in the region or country increase, the variety of energy types in a country definitely, decrease to a certain extent. There is this kind of relationship still, but it means that the contribution of other forces is also much substantial when it comes to determining the energy usage.

Correlation 0. 6 (Urban Population Growth and Inflation Rate): has a positive moderate correlation with the inflation rate suggesting that fastest urbanization may trigger price hikes. This puts across second point which implies, as the urban population growth rate increase inflation rate also tends to grow. A correlation of 0. 6 means that we observe a not-so-weak connection to point out that in case of overpopulation of towns this can be an effective cause of inflation (Picture 2) [16].

Results and discussions. We build the model of multiple linear regression, the function of which is to depict the dependent variable Y(ln) (economic growth of the country).

$$\hat{Y}_{ln} = 25,0 + 0,000437 \cdot I - 0,235 \cdot E - 0,0458 \cdot F(ln) + 0,836 \cdot L \quad (1)$$

Table 3 – Regression model

	Coefficient	St. error	T-statistics	P-value
const	25,0196	0,930031	26,90	2,18e-011 ***
I	0,000437104	0,0108224	0,04039	0,9685
E	-0,235063	0,101558	-2,315	0,0410 **
F (ln)	-0,0457678	0,0351982	-1,300	0,2201
L	0,836074	0,124879	6,695	3,40e-05 ***
U	0,0838890	0,0551877	1,520	0,1567
R-square = 0,881				
Note – compiled by the authors based on [16]				

According to the regression results, the model has high explanatory power, as R-squared value is 0,881, suggesting that about 88,8% of the variation in the dependent variable of GDP ln is explained by the independent variables that are included in the model. Inflation rate has a p-value of 0.9685 that is not statistically significant at conventional levels. Energy consumption suggests the association with GDP in this model: higher energy consumption – lower GDP. Urban population growth also does not appear to be statistically significant at conventional levels. FDI is also not statistically significant. However, the logistic performance index has a very low p-value, indicating that it is highly significant. A higher logistics performance index is associated with higher GDP.

GDP growth in Kazakhstan is more influenced by logistics performance than by FDI, as indicated by a regression model analyzing these factors. While FDI may not have a direct impact on GDP growth, a higher ranking on the Logistics Performance Index (LPI) can lead to significant logistical improvements over time. Enhanced logistical efficiency, including better export-import handling processes, can boost trade levels, reduce costs, and create a more favorable economic environment, thereby promoting economic development.

CONCLUSION

Kazakhstan doesn't need to do more than improve its logistics infrastructure and performance. Transportation infrastructure investments in transportation networks, supply chain efficiency, customs and procedures can constitute a major factor for economic development.

GDP growth in Kazakhstan is more affected by logistics performance than it is by FDI, given that the regression model which incorporated these factors. Though FDI may not show a direct relationship with the GDP growth, a higher ranking on the Logistics Performance Index (LPI) has the potential to induce logistic

changes over time. Logistical efficiency encompasses such areas as the export-import handling process, which can in turn raise the level of trade, decrease costs, and build a more favorable economic environment resulting in economic development.

Whether the direct association between FDI and economic growth is negligible or not, the way in which FDI establishments can decrease energy consumption, which could possibly cause innovations and development in technology and infrastructure, should not be downplayed. Policies that bring FDI and focus on achieving sustainable and efficient energy use could support green transition and competitive operations. The positive relationship between urban population expansion and inflation implies to include balanced urban development policies as part and parcel of national agendas.

As a result, we showed that Kazakhstan's economy has exceptional growth. This is directly related to logistics performance. Also, FDI is more complex and may even play an indirect role by means of efficiency improvements, and other indirect channels. Due to the crucial role of logistics in FDI, the officials have to broaden logistics skills while also creating proper environment for sustainable and fruitful FDI.

REFERENCES

1. Transport and logistics in Kazakhstan [Electronic source] // AIFC [website]. – n.d. – URL: <https://aifc.kz> (accessed: 14.05.2024).
2. Gunasekera K., Anderson W., Lakshmanan T. R. Highway-induced development: evidence from Sri Lanka // *World Development*. – 2008. – T. 36. – № 11. – P. 2371-2389.
3. Lean H. H., Huang W., Hong J. Logistics and economic development: Experience from China // *Transport policy*. – 2014. – № 32. – P. 96-104.
4. Chu S., Majumdar A. Opportunities and challenges for a sustainable energy future // *Nature*. – 2012. – T. 488. – № 7411. – P. 294-303.
5. Khadaroo J., Seetanah B. The role of transport infrastructure in international tourism development: A gravity model approach // *Tourism management*. – 2008. – T. 29. – № 5. – P. 831-840.
6. Shan J., Yu M., Lee C. Y. An empirical investigation of the seaport's economic impact: Evidence from major ports in China // *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*. – 2014. – № 69. – P. 41-53.
7. Park J. S., Seo Y. J. The impact of seaports on the regional economies in South Korea: Panel evidence from the augmented Solow model // *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*. – 2016. – № 85. – P. 107-119.
8. Belloumi M. The relationship between trade, FDI and economic growth in Tunisia: An application of the autoregressive distributed lag model // *Economic systems*. – 2014. – T. 38. – № 2. – P. 269-287.
9. Kurtishi-Kastrati S. Impact of FDI on economic growth: An overview of the main theories of FDI and empirical research // *European Scientific Journal*. – 2013. – T. 9. – № 7. – P. 56-77.
10. Protsenko A. Vertical and horizontal foreign direct investments in transition countries: Doctoral dissertation. – LMU, 2004. – 159 p.
11. Shahbaz, M., Zakaria, M., Shahzad, S. J. H., Mahalik, M. K. The energy consumption and economic growth nexus in top ten energy-consuming countries: Fresh evidence from using the quantile-on-quantile approach // *Energy Economics*. – 2018. – T. 71. – P. 282-301.
12. Saidi, S., Mani, V., Mefteh, H., Shahbaz, M., Akhtar, P. Dynamic linkages between transport, logistics, foreign direct investment, and economic growth: Empirical evidence from developing countries // *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. – 2020. – T. 141. – P. 277-293.
13. Campos, N. F., Kinoshita, Y. Foreign direct investment as technology transferred: Some panel evidence from the transition economies // *The Manchester School*. – 2002. – T. 70. – № 3. – P. 398-419.
14. Reardon, T., Belton, B., Liverpool-Tasie, L. S. O., Lu, L., Nuthalapati, C. S., Tasie, O., Zilberman, D. E-commerce's fast-tracking diffusion and adaptation in developing countries // *Applied Economic Perspectives and Policy*. – 2021. – T. 43. – № 4. – P. 1243-1259.
15. Statistics of national accounts. GDP by method of production (January-June 2023) [Electronic source]

// Bureau of national statistics of the Agency for strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan [website]. – 2023. – URL: <https://stat.gov.kz/en/industries/economy/national-accounts/publications/90387> (accessed: 14.05.2024).

16. The World Bank Data. Kazakhstan [Electronic source] // The World Bank [website]. – 2024. – URL: <https://data.worldbank.org/country/Kazakhstan> (accessed: 14.05.2024).

17. Logistics Performance Index (LPI), 2023 [Electronic source] // Rau's IAS study circle [website]. – 2023. – URL: <https://compass.rauias.com/current-affairs/logistics-performance-index-lpi-2023> (accessed: 30.06.2024).

REFERENCES

1. Transport and logistics in Kazakhstan. (2024). AIFC. Retrieved May 14, 2024, from <https://aifc.kz>.
2. Gunasekera, K., Anderson, W., & Lakshmanan, T. R. (2008). Highway-induced development: evidence from Sri Lanka. *World Development*, 36 (11), 2371-2389.
3. Lean, H. H., Huang, W., & Hong, J. (2014). Logistics and economic development: Experience from China. *Transport policy*, 32, 96-104.
4. Chu, S., & Majumdar, A. (2012). *Opportunities and challenges for a sustainable energy future nature*, 488(7411), 294-303.
5. Khadaroo, J., & Seetanah, B. (2008). The role of transport infrastructure in international tourism development: A gravity model approach. *Tourism management*, 29(5), 831-840.
6. Shan, J., Yu, M., & Lee, C. Y. (2014). An empirical investigation of the seaport's economic impact: Evidence from major ports in China. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*, 69, 41-53.
7. Park, J. S., & Seo, Y. J. (2016). The impact of seaports on the regional economies in South Korea: Panel evidence from the augmented Solow model. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*, 85, 107-119.
8. Belloumi, M. (2014). The relationship between trade, FDI and economic growth in Tunisia: An application of the autoregressive distributed lag model. *Economic systems*, 38(2), 269-287.
9. Kurtishi-Kastrati, S. (2013). Impact of FDI on economic growth: An overview of the main theories of FDI and empirical research. *European Scientific Journal*, 9(7), 56-77.
10. Protsenko, A. (2004). Vertical and horizontal foreign direct investments in transition countries (Doctoral dissertation, LMU). 159 p.
11. Shahbaz, M., Zakaria, M., Shahzad, S. J. H., & Mahalik, M. K. (2018). The energy consumption and economic growth nexus in top ten energy-consuming countries: Fresh evidence from using the quantile-on-quantile approach. *Energy Economics*, 71, 282-301.
12. Saidi, S., Mani, V., Mefteh, H., Shahbaz, M., & Akhtar, P. (2020). Dynamic linkages between transport, logistics, foreign direct Investment, and economic growth: Empirical evidence from developing countries. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, 141, 277-293.
13. Campos, N. F., & Kinoshita, Y. (2002). Foreign direct investment as technology transferred: Some panel evidence from the transition economies. *The Manchester School*, 70(3), 398-419.
14. Reardon, T., Belton, B., Liverpool-Tasie, L. S. O., Lu, L., Nuthalapati, C. S., Tasie, O., & Zilberman, D. (2021). E-commerce's fast-tracking diffusion and adaptation in developing countries. *Applied Economic Perspectives and Policy*, 43(4), 1243-1259.
15. Statistics of national accounts. GDP by method of production (January-June 2023). (2023). Bureau of national statistics of the Agency for strategic planning and reforms of the Republic of Kazakhstan. Retrieved May 14, 2024, from <https://stat.gov.kz/en/industries/economy/national-accounts/publications/90387>.
16. The World Bank Data. Kazakhstan. (2024). The World Bank official website. Retrieved May 14, 2024, from <https://data.worldbank.org/country/Kazakhstan>
17. Logistics Performance Index (LPI), 2023. (2023). Rau's IAS study circle. Retrieved June 30, 2024, from <https://compass.rauias.com/current-affairs/logistics-performance-index-lpi-2023>.

**ТІКЕЛЕЙ ШЕТЕЛДІК ИНВЕСТИЦИЯЛАР МЕН ЛОГИСТИКАНЫҢ
ДАМУЫНЫҢ ЕЛДІҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ӨСУІНЕ ӘСЕРІ:
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ МЫСАЛЫНДА**

Т. Саржанов¹, Г. Мусаева^{2*}, М. Мұқан³

¹Халықаралық көлік-гуманитарлық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²Логистика және көлік академиясы, Алматы, Қазақстан Республикасы

³Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты. Қазақстанның стратегиялық географиялық жағдайын және оның Орталық Азиядағы ірі транзиттік және логистикалық орталыққа айналуға ұмтылысын ескере отырып, зерттеудің мақсаты экономикалық өсу мен тікелей шетелдік инвестициялар мен логистикалық көрсеткіштер сияқты басқа да айнымалылар арасындағы байланысты зерттеу болып табылады.

Әдіснамасы. Деректер 2007-2023 жылдардағы World Bank Data-дан алынған. Зерттеу алдыңғы зерттеулер мен деректерді талдау әдістеріне негізделген эконометрикалық модельдеуді қолданды. Логистиканың, ТШИ-дің, энергияны тұтынудың, урбанизацияның және инфляция деңгейінің маңыздылығы туралы әдебиеттерге шолу негізінде авторлар эконометрикалық регрессиялық модель құрастырады. Зерттелетін айнымалылар арасындағы байланысты түсіну үшін корреляциялық матрица жасалады.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Деректерді талдау және эконометрикалық әдістерді қолдану арқасында зерттеу осы факторлардың Қазақстан Республикасындағы экономикалық өсуге қалай әсер ететіні туралы эмпирикалық деректерді ұсынады. Бұдан басқа, логистика көрсеткіштерін талдауға негізгі айнымалы ретінде енгізу Қазақстанның логистикалық инфрақұрылымды нығайтуға ұмтылысын ескере отырып, зерттеудің ерекшелігін көрсетеді.

Зерттеу нәтижелері. Регрессиялық талдау модельдің жоғары түсіндіру қабілеті бар екенін көрсетеді (R-квадрат 0,88). Бұл ЖІӨ авторлар қарастыратын тәуелсіз айнымалылармен түсіндірілуі мүмкін екенін көрсетеді. Логистика мен энергияны тұтыну тиімділігінің көрсеткіштері статистикалық маңыздылығын көрсетеді, ал ТШИ, қала халқының өсуі және инфляция статистикалық маңызды күшке ие емес.

Алынған деректер Қазақстан Республикасындағы экономикалық өсуді ынталандырудағы логистика тиімділігінің маңызды рөлін көрсетеді. Логистикалық инфрақұрылымды жақсартуға және тиімділікті арттыруға инвестиция салу экономикаға айтарлықтай пайда әкелуі мүмкін.

Түйін сөздер: логистикалық тиімділік индексі, тікелей шетелдік инвестициялар, жалпы ішкі өнім (ЖІӨ), инфляция, энергияны тұтыну.

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ И ЛОГИСТИКИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ СТРАНЫ: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Т. Саржанов¹, Г. Мусаева^{2*}, М. Мукан³

¹Международный транспортно-гуманитарный университет, Алматы, Республика Казахстан

²Академия логистики и транспорта, Алматы, Республика Казахстан

³Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Учитывая стратегическое географическое положение Казахстана и его стремление стать крупным транзитным и логистическим центром в Центральной Азии, целью исследования является изучение взаимосвязи между экономическим ростом и другими переменными, такими как прямые иностранные инвестиции и логистические показатели.

Методология. Данные взяты из World Bank Data за 2007-2023 годы. В исследовании использовано эконометрическое моделирование, основанное на предыдущих исследованиях и методах анализа данных. На основе обзора литературы о значимости логистики, ПИИ, энергопотребления, урбанизации и уровня инфляции авторы строят эконометрическую регрессионную модель. Для понимания связи между исследуемыми переменными проводится корреляционная матрица.

Оригинальность / ценность исследования. Благодаря анализу данных и использованию эконометрических методов, исследование предоставляет эмпирические данные о том, как эти факторы влияют на экономический рост в Республике Казахстан. Кроме того, включение в анализ показателей логистики в качестве ключевой переменной показывает специфику исследования, учитывая стремление Казахстана к укреплению логистической инфраструктуры.

Результаты исследования. Регрессионный анализ показывает, что модель обладает высокой объясняющей способностью (R-квадрат 0,88). Это указывает на то, что ВВП может быть объяснен независимыми переменными, которые рассматриваются авторами. Показатели эффективности логистики и энергопотребления демонстрируют статистическую значимость, в то время как ПИИ, рост городского населения и инфляция не имеют статистически значимой силы.

Полученные данные подчеркивают критическую роль эффективности логистики в стимулировании экономического роста в Республике Казахстан. Инвестиции в улучшение логистической инфраструктуры и повышение эффективности могут принести значительные выгоды для экономики.

Ключевые слова: Индекс эффективности логистики, прямые иностранные инвестиции, валовой внутренний продукт (ВВП), инфляция, энергопотребление.

ABOUT AUTHORS

Sarzhanov Taizhan – doctor of technical sciences, professor, International Transport and Humanitarian University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: taizhan.s@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0923-2601>.

Gulmira Mussayeva – doctor of technical sciences, professor, Academy of Logistics and Transport, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: gulmira0205@bk.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2681-8946>*

Moldir Mukan – PhD, Associate Professor, Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: moldir.mukan@narxoz.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8930-2176>.

MPHTI 06.77.64 JEL Classification: J64

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-4-41-52>

THE MAIN PROBLEMS OF VOCATIONAL AND TECHNICAL EDUCATION IN KAZAKHSTAN: THE IMPACT OF DUAL TRAINING ON THE QUALITY OF STAFF TRAINING

G. Zh. Doskeyeva^{1*}, R. A. Kuzembekova¹

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose. This research aims to explore how dual education introduced as part of the state policy of modernizing the education system enhances academic performance and increase students' satisfaction with learning outcomes in Kazakhstani technical and vocational education and training (TVET) institutions. *Methodology.* A survey involving 523 students from TVET institutions in Almaty city was conducted for this purpose. Using the SPSS software, the survey data were analyzed to investigate two hypotheses. The first hypothesis proposes that students in dual education systems achieve superior academic results, thereby potentially enhancing their success in the labor market compared to students in non-dual education systems. Hypothesis 2 suggests that dual education students report higher satisfaction with their learning outcomes and greater confidence in their employability compared to students in non-dual education systems.

Originality / value of the research. This study serves as a methodological trial to explore how dual education affects the quality of education in TVET institutions. It also aims to assess the impact on students' satisfaction with their learning outcomes and their confidence in employability.

The findings indicate that students in dual education programs exhibit greater confidence in their job market prospects, higher satisfaction with their educational outcomes, and superior academic achievement compared to those in traditional (non-dual) education.

Keywords: Dual education, vocational and technical education, TVET institutions, practical trainings, education in Kazakhstan, work-based education.

INTRODUCTION

As part of the state policy of social modernization, advanced management mechanisms are being actively introduced in the educational system of Kazakhstan. One of such mechanisms can be called dual education. Since its inception in 2012, dual education in Kazakhstan has seen some progress, with several technical and vocational education and training (TVET) organizations now operating under dual learning principles. This approach divides students' study time between classroom learning (school-based education – SBE) as per the curriculum, and practical skill development at enterprises, companies, and other production facilities (work-based education – WBE). Despite these efforts, the development of Kazakhstan's dual education system in TVET has been somewhat limited over the past 11 years. As of March 2022, dual education is implemented in 536 TVET organizations across the country, encompassing 166 specialties and 445 qualifications in fields such as Metallurgy, Construction, Agriculture, Production and Installation, Service, Economics, and Transport [1].

However, the percentage of students engaged in dual education remains around 19 %. Although the dual system has gained traction in TVET institutions, particularly in the East Kazakhstan, Karaganda, and Pavlodar regions, many TVET organizations in other areas continue to operate as traditional educational establishments, focusing primarily on theoretical education.

There are significant challenges facing the vocational and technical education (TVET) system worldwide, largely due to the growing preference for higher education over vocational and technical training. In certain European countries, particularly those operating under the Bologna Process for higher education, concerns

have arisen about potential disadvantages faced by TVET institutions in competition with bachelor's degree programs [2; 3].

One primary concern is the increasing enrollment in higher education among young people across many European nations. For instance, in Germany, national policies aimed at raising higher education participation from 34 % to 40 % by 2007 have led to a decline in student intake at TVET institutions, particularly in an aging population. Over recent decades, the number of school leavers pursuing higher education has grown rapidly. Consequently, employers are increasingly worried about potential shortages of highly skilled labor, as fewer youths opt for vocational and technical education while more continue into universities. In Germany, for example, the proportion of young people entering universities rose from 30.2 % in 2000 to 53.9 % in 2017 [3, p.5].

There is also a concern that bachelor's graduates may overshadow TVET graduates in the job market, thereby reducing the attractiveness of TVET for school leavers. Research by Hippach-Schneider et al. involved interviewing HR departments in Germany, England, and Switzerland to explore how TVET graduates might be displaced by bachelor's graduates during recruitment [2, p.15]. The findings indicated that while employers value the practical skills and vocational background of TVET graduates, there is also a recognized need for analytical skills and research capabilities typically associated with university graduates. Some respondents expressed interest in employees who possess a blend of practical and academic expertise, emphasizing the importance of expanding hybrid education models, such as colleges of advanced vocational studies or universities of applied sciences. In summary, the challenges facing the TVET system include increasing competition from higher education, concerns about the relevance of TVET skills in a rapidly evolving job market, and the need to bridge the gap between practical and academic knowledge to meet employer demands effectively.

In Kazakhstan, similar to many countries worldwide, the vocational and technical education system faces significant challenges and requires substantial improvements. The current state of the Kazakhstani TVET system reflects a crisis that demands urgent reform. Let's delve into the most critical issues.

Firstly, the primary concern revolves around the quality of education. Many TVET institutions in Kazakhstan unfortunately do not meet the necessary standards, and the quality of learning within them needs enhancement. This issue is often attributed to the fact that these institutions primarily admit students with lower academic achievements, often from socially and economically disadvantaged backgrounds [4; 5]. Ling also notes that in developing countries, including Kazakhstan, TVET establishments are generally considered inferior compared to other levels of the educational system [6]. This perception is compounded by inadequate requirements and standards for hiring technical and vocational education teachers [7; 8]. Improving the professionalism and conduct of these educators is seen as crucial to raising the educational standards in TVET organizations. Additionally, the lack of teacher motivation due to relatively lower salaries compared to their counterparts in general education institutions exacerbates the quality issues in Kazakhstani TVET. This disparity in salaries discourages TVET teachers from investing in professional development and improving their teaching standards [9]. Similar challenges have been observed globally, such as in India and Denmark, where vocational educators face inadequate rewards and stressful work conditions. Moreover, TVET teachers are often burdened with heavy workloads that extend beyond regular workdays, impacting their ability to effectively engage in professional development activities and deliver quality education [10]. This overload further undermines the overall educational experience within TVET institutions. In brief, addressing these systemic issues related to educational quality, teacher motivation, and workload is crucial for revitalizing the Kazakhstani TVET system and ensuring it can effectively prepare students for the demands of the modern job market.

Moreover, as noted by Sirk, et al, enhancing the professional competence of teachers in vocational and technical education (TVET) requires fostering skills in building professional collaborations [11]. Social interactions and close professional ties positively influence teacher development and enhance their effectiveness in the classroom. Chesnut and Burley emphasize that teachers who are passionate about their profession and deeply committed to it tend to continue developing professionally [12]. However, enthusiasm alone is insufficient without adequate financial motivation. The quality of teaching methods directly impacts the educational and professional outcomes of students. Students who receive low-quality education are less likely to succeed and meet market demands upon graduation.

Another critical factor contributing to the low educational standards in Kazakhstani TVET institutions is the curriculum design of many programs. Currently, numerous TVET programs in Kazakhstan are heavily theoretical and lack practical components. It is essential to incorporate practice-oriented disciplines into the curriculum to better prepare students for the demands of the labor market. Competence-based vocational education, which emphasizes the development of practical skills and competencies, is particularly relevant in this context [13].

Furthermore, a significant challenge faced by TVET in Kazakhstan lies in its student demographics. A majority of TVET students are individuals who performed poorly in traditional schooling and opted not to pursue higher education through the national education exam required for domestic universities. While some TVET graduates transition successfully into the workforce, others struggle to secure meaningful employment, contributing to the ranks of youth who are neither in employment, education, nor training (NEET).

Several authors [14; 15; 16] highlight the significant impact of parental involvement on students' academic achievements. They argue that students whose parents are actively engaged in their education demonstrate higher motivation and achieve better results in both STEM subjects and the humanities. Shi and Bangpan emphasize that many participants in technical and vocational education and training (TVET) come from disadvantaged backgrounds and benefit greatly from enhanced engagement in their academic journey [17]. Improving the social environment and fostering quality engagement within TVET institutions can enrich students' cultural capital, encompassing acquired knowledge, practical skills, and socio-emotional competencies. However, the perceived value of this cultural capital often hinges on the reputation of the TVET establishments, which can vary significantly in terms of educational quality.

Achatz, et al discuss the effectiveness of «transition measures», such as additional training courses that complement vocational education either in firms or schools. These measures aim to enhance the practical skills of apprentices, thereby improving their employability in the labor market, especially for students with lower academic attainment [18].

In many countries, including Kazakhstan, the dual education system implemented in both TVET institutions and higher education is recognized as a leading educational approach. This system has demonstrated effectiveness in mitigating youth unemployment and integrating young people into the labor market, particularly those who did not thrive in traditional school settings [19]. Overall, enhancing parental involvement, improving the social environment within TVET institutions, implementing transition measures, and promoting dual education systems are essential strategies to support the success and integration of disadvantaged youth in the educational and labor sectors. These efforts aim to foster a more inclusive and supportive educational environment that prepares students for meaningful careers and lifelong learning.

To compare the impact of dual education versus traditional (non-dual) education in Kazakhstani institutions of Technical and Vocational Education and Training (TVET), we conducted a study aimed at assessing the quality of education and students' satisfaction with learning outcomes. In this paper, we outline our findings based on a survey conducted among TVET students enrolled in both dual education (DE) and non-dual education (NDE) systems. In our study, students enrolled in traditional education are referred to as «NDE students», while those in dual education are referred to as «DE students». The survey aimed to validate the following hypotheses:

Hypothesis 1: The academic performance of DE students is higher compared to NDE students. This hypothesis suggests that students in the dual education system achieve better academic results, potentially enhancing their success in the labor market post-graduation. Dual education is expected to elevate academic performance by integrating practical skills development alongside theoretical knowledge, thereby preparing graduates as competent specialists.

Hypothesis 2: DE students report higher satisfaction with learning outcomes and greater confidence in their employability compared to NDE students. This hypothesis posits that students who have experienced dual education, with its emphasis on practical skills alongside theoretical education, are more content with their educational experience and perceive themselves as more market-ready. This satisfaction is expected to stem from the dual education's alignment with industry needs, providing graduates with tangible skills that enhance their employability.

By validating these hypotheses through our survey data analysis, we aim to demonstrate how dual education in Kazakhstani TVET institutions contributes positively to both the quality of education and students' perceptions of their readiness for the labor market. These insights underscore the potential benefits of dual education in bridging the gap between academic learning and practical skills development, thereby better preparing students for successful careers in their chosen fields.

METHODOLOGY

The research methodology employed in this study integrates both quantitative and qualitative approaches to assess the impact of dual education on the quality of education and students' satisfaction with learning outcomes. Qualitative methods involved conducting surveys among respondents to gather primary information through targeted questioning. On the other hand, quantitative analysis was conducted using the SPSS program to process and interpret the survey data.

The survey was conducted among students from four Technical and Vocational Education and Training (TVET) organizations in Almaty City, Kazakhstan. These institutions offer both dual education and traditional (non-dual) education programs. The participating institutions include Almaty Automobile and Road College, Economic College at Narxoz University, Almaty State College of New Technologies, and Almaty State College of Energy and Electronic Technologies.

The survey targeted respondents aged 18-20, comprising 52 % male and 48 % female students. Approximately 48.6 % of respondents were enrolled in dual education programs, while 51.4 % were in traditional education programs. The study covered 12 specialties, such as Transportation and Traffic Management, Construction and Operation of Roads and Airfields, Sewing Production and Clothing Modeling, Thermal Power Plants, Finance, Logistics, Management, and Computer Engineering and Software. Data collection took place over 18 days using paper-based questionnaires, yielding a total of 523 responses. After conducting field control to ensure data validity and survey integrity, 27 incomplete or inaccurately completed questionnaires were discarded. This left 496 questionnaires for analysis.

The questionnaire comprised 14 questions covering respondents' college affiliation and program, age, gender, GPA, overall satisfaction with college education, satisfaction with school-based education (SBE) and work-based education (WBE), intentions for employment in their specialty field, the perceived importance of practical skills for employment, and opinions on the adequacy of dual education versus SBE alone. Responses were rated on a Likert scale ranging from 'strongly disagree' to 'strongly agree'. In conclusion, this mixed-methods approach allowed for a comprehensive exploration of how dual education impacts educational quality and student satisfaction in Kazakhstani TVET institutions. The integration of both qualitative insights and quantitative data analysis provides a robust basis for understanding the nuances of educational practices and their outcomes in the context of vocational and technical education.

RESULTS AND DISCUSSION

Based on the analysis conducted to explore Hypothesis 1, which compares the Grade Point Averages (GPAs) of students in dual education (DE) and non-dual education (NDE) programs in selected Kazakhstani TVET colleges, the findings support the hypothesis. Here are the key results derived from the survey data:

- **Higher GPA Achievement in Dual Education (DE):** Among the surveyed students, 59 % of DE students achieved an average GPA of A, compared to 37 % of NDE students (Figure 1). The average GPA for DE students was reported as 3.0, while NDE students had an average GPA of 2.8. The overall average GPA for all surveyed students, combining both DE and NDE, was calculated at 2.9.

- **Percentage of Above-Average Performers:** A significant majority (89.4 %) of DE students had above-average academic performance, exceeding the average performance rate of 79.7 % among NDE students.

These findings suggest that students enrolled in dual education programs tend to achieve higher academic performance compared to their counterparts in traditional non-dual education programs within Kazakhstani TVET institutions. The data supports the hypothesis that the academic performance of DE students is superior to that of NDE students. This conclusion underscores the potential benefits of dual education systems in enhancing students' academic outcomes, potentially better preparing them for success in the labor market by combining theoretical knowledge with practical skills development.

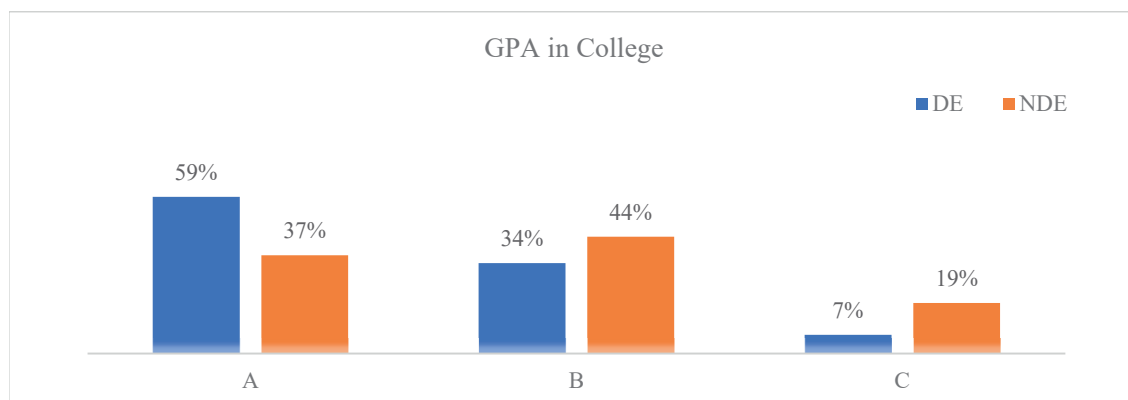

Figure 1 – Students' academic performance

Note – compiled by the authors

To determine if there was a significant difference in Grade Point Averages (GPAs) between dual education (DE) and non-dual education (NDE) students, a paired t-test was performed. The results indicated:

- The t-value was -36.005 with a degrees of freedom of 495.
- The p-value obtained was 0.000, which is less than the standard significance level of 0.05.
- A 95 % confidence interval for the difference in mean GPAs between DE and NDE students was (-3.219, -2.886).

Since the p-value (0.000) is significantly lower than 0.05, there is strong evidence to reject the null hypothesis and accept the alternative hypothesis. This means there is a statistically significant difference in the average GPA between DE and NDE students. Specifically, DE students on average achieved higher GPAs compared to NDE students, supporting the notion that dual education positively impacts academic performance.

Regarding *Hypothesis 2*, it can be noted that the assessment of students' satisfaction with college learning outcomes between DE and NDE students showed:

- Among NDE students, 91 % reported being satisfied with their college education outcomes.
- For DE students, the breakdown of satisfaction ratings was as follows: 40 % rated their satisfaction as «good», 22 % as «excellent», and 33 % as «satisfactory». In total, 95 % of DE students expressed satisfaction with their college education outcomes.
- 9% of NDE students and approximately 5 % of DE students reported dissatisfaction with their college education.

The survey results clearly show that a higher percentage of DE students (95 %) were satisfied with their college education outcomes compared to NDE students (91 %). This difference in satisfaction levels supports Hypothesis 2, indicating that DE students, who benefit from the dual education approach blending theoretical and practical learning, perceive greater satisfaction with their educational experience and readiness for the labor market. In short, both hypotheses were supported by the survey data and statistical analyses conducted. Dual education not only enhances academic performance, as evidenced by higher GPAs among DE students, but also increases students' satisfaction with their educational outcomes compared to traditional non-dual education settings. These findings underscore the effectiveness of dual education in improving educational quality and student satisfaction in Kazakhstani TVET institutions (Figure 2).

Based on the results of the paired t-test conducted to investigate the relationship between non-dual education (NDE) and dual education (DE) formats and satisfaction with the quality of education at college, the following findings were obtained:

- **Statistical Analysis:** The paired t-test yielded a t-value of -29.523 with 495 degrees of freedom. The resulting p-value was 0.000, which is well below the conventional significance level of 0.05. A 95 % confidence interval for the true difference in mean satisfaction levels between NDE and DE students was calculated as (-1.963, -1.718).

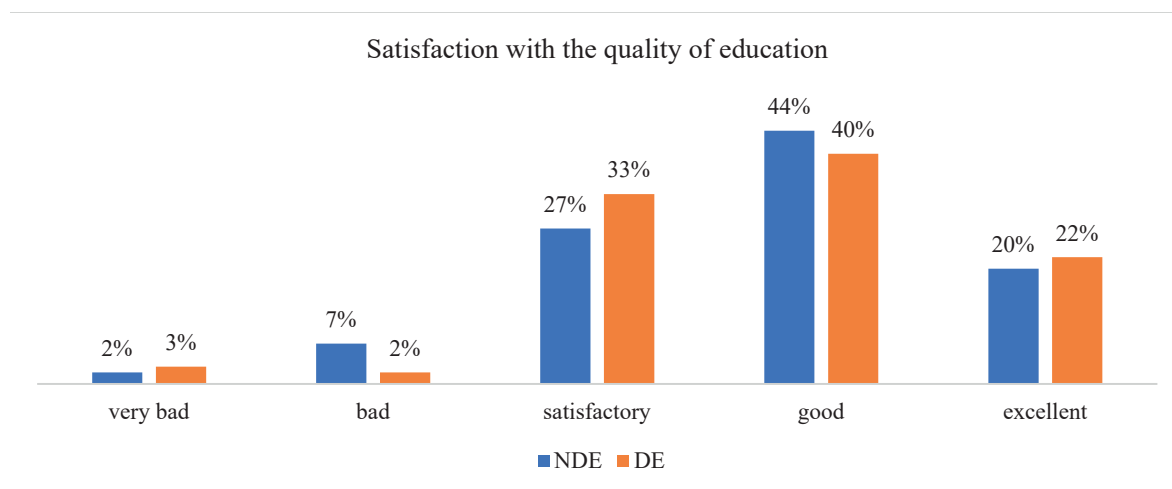

Figure 2 – Students' satisfaction with education

Note – complied by the authors

The low p-value (0.000) indicates strong evidence to reject the null hypothesis and support the alternative hypothesis. Therefore, there is a statistically significant difference in satisfaction with the quality of education at college between NDE and DE students. Specifically, DE students reported higher satisfaction levels compared to NDE students, indicating that the dual education format, which integrates practical skills through work-based education (WBE), contributes positively to students' overall satisfaction with their educational experience.

– **Additional Insights:** Among DE students, only 4 % expressed dissatisfaction with work-based education (WBE), highlighting a high level of contentment with this aspect of their educational program (Figure 3). Despite their generally positive satisfaction with traditional education outcomes, 93 % of NDE students acknowledged the importance of introducing dual education. This suggests a recognized need among NDE students to enhance their education with practical skills development offered by DE programs.

In summary, while NDE students generally reported satisfaction with their college education outcomes, the introduction of DE programs, particularly with a focus on WBE, is seen as crucial for developing practical skills. DE students showed significantly higher satisfaction with the quality of education, particularly in terms of practical learning experiences. These findings underscore the importance of integrating dual education approaches to meet the educational and career readiness needs of students in Kazakhstani TVET institutions.

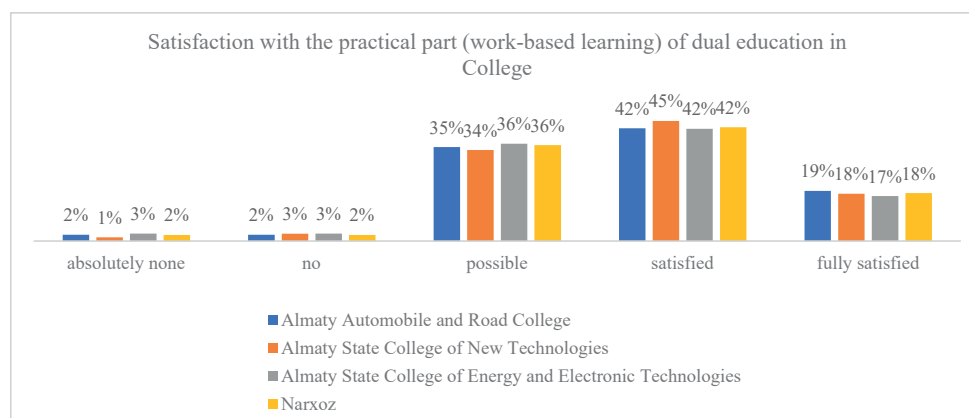

Figure 3 – Students' satisfaction with WBE

Note – complied by the authors

Based on the analysis of the need for theoretical knowledge and practical skills for employment among both dual education (DE) and non-dual education (NDE) students in Kazakhstani TVET institutions, the following conclusions were drawn: 39 % of NDE students believe that theoretical knowledge obtained through school-based education (SBE) is needed in the labor market. Among these, 10 % rated theoretical knowledge as «very much needed». 41 % of NDE students were unsure about the necessity of theoretical knowledge for employment. As for DE students, it should be noted that 72 % of DE students emphasized that practical skills acquired through their education play a significant role in securing employment. Only 20 % of DE students expressed uncertainty about the importance of practical skills. Moreover, a majority of both DE (64 %) and NDE (53 %) students recognized the importance of acquiring both theoretical and practical knowledge for employment. Approximately one in three (33 %) NDE students acknowledged the importance of SBE despite recognizing the significance of practical skills. In contrast, 22 % of DE students acknowledged the importance of SBE, suggesting a more focused appreciation for practical skills.

The findings indicate a nuanced understanding among students regarding the importance of theoretical knowledge and practical skills for employment. DE students, benefiting from their dual education format, generally express greater confidence in the role of practical skills in securing employment. However, both DE and NDE students agree on the value of integrating theoretical and practical knowledge. This alignment suggests that while practical skills are highly valued in the job market, theoretical knowledge obtained through SBE remains relevant and complementary. This dual perspective highlights the comprehensive approach needed in vocational and technical education to adequately prepare students for successful careers (Figure 4).

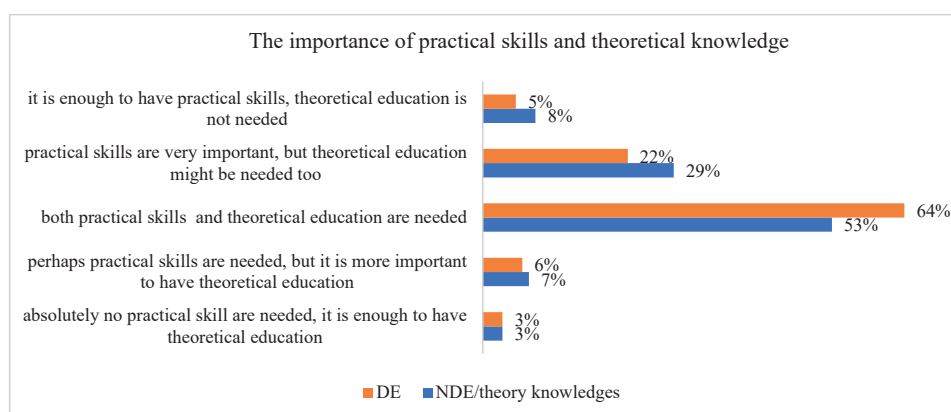

Figure 4 – The importance of practical skills and theoretical education

Note – complied by the authors

Based on the analysis of survey responses from dual education (DE) and non-dual education (NDE) students in Kazakhstani TVET institutions, several conclusions can be drawn regarding their confidence in employment prospects and the importance of practical skills: DE students generally feel more confident about their employability compared to NDE students. This confidence stems from the practical skills they acquire through the dual education framework, which they perceive as highly valuable in the labor market.

NDE students recognize the importance of both practical skills and theoretical knowledge, but there is a notable uncertainty among 41 % of NDE students regarding the necessity of theoretical knowledge for employment. In contrast, DE students overwhelmingly emphasize the importance of practical skills acquired through work-based education (WBE), with 72 % highlighting its significance.

A paired t-test was conducted to compare the perceived importance of practical skills between DE and NDE students. The results showed a statistically significant difference ($t = -22.922$, $p = 0.000$), indicating that DE students attribute significantly higher importance to practical skills than NDE students. This supports the notion that the dual education format effectively enhances students' practical skillset compared to traditional NDE.

Dual education in Kazakhstani TVET institutions emerges as a robust educational approach that enhances students' practical skills and confidence in their employability. DE students' strong endorsement of practical skills underscores the effectiveness of WBE in preparing them for the demands of the labor market. This comparative advantage over NDE students highlights the importance of integrating practical learning experiences into vocational and technical education to better meet industry needs and students' career aspirations [20].

The beneficial effects of dual education on students' satisfaction with educational quality and their employability have been extensively researched and verified by scholars like Louis and Maier [21; 22]. Louis conducted a survey of 926 participants in Taiwan's vocational training dual system to assess student satisfaction. Using an empirical model, Louis found that satisfaction with school-based learning, internship experiences in enterprises, and personal engagement positively correlated with overall satisfaction among students in the dual vocational training system. Furthermore, the research revealed that satisfaction with school-based learning, enterprise internships, and personal engagement were positively associated with students' intentions to remain in their current jobs [21, p. 12].

Maier confirmed the hypothesis that students in dual education programs exhibit greater confidence in their future employment prospects. By acquiring both theoretical knowledge and practical skills through industrial internships, dual education students demonstrated increased confidence in their ability to succeed in the job market. Maier's study, which surveyed 278 respondents, highlighted similar career advancement opportunities between graduates of Technical and Vocational Education and Training (TVET) programs who pursued further advanced training and those who completed bachelor's and master's programs at universities of applied sciences, including prospects for positions such as company project managers [22, p. 8].

CONCLUSION

The research findings suggest that adopting dual education is crucial for addressing various challenges faced by TVET institutions in Kazakhstan. According to the study, dual education has the potential to enhance the quality of education in these institutions by increasing student satisfaction and their confidence in future career prospects. This approach is appealing to youth as it emphasizes practical skill development, which is seen as essential for improving the qualifications of young professionals and enhancing their competitiveness in the job market.

The survey results indicate that students in dual education programs are more content with their learning outcomes and feel more assured of their employability due to their advanced practical skills compared to those in predominantly theoretical programs. Given these benefits, there is a strong case for Kazakhstani TVET institutions to fully transition to a dual training model. Achieving this transition will require the development of mechanisms to further promote dual education within Kazakh colleges. In this regard, to promote the growth of dual programs in TVET institutes for school graduates, the Kazakhstani government should expand state grants dedicated to dual education. These grants should encompass not only school-based learning but also practical training within enterprises. An essential factor in enhancing the appeal of dual education is the provision of scholarships to students. Currently, students enrolled in TVET programs under state grants in Kazakhstan receive a monthly scholarship of 31.4 thousand tenge (approximately 70 US dollars), alongside full coverage of their training expenses [23]. Therefore, introducing additional scholarships specifically for dual education students, who combine academic study with internships in enterprises as part of work-based education (WBE), will undoubtedly increase the attractiveness of dual education in TVET institutes for young individuals. Despite dual education's decade-long presence in Kazakhstan, it has only reached 19 % of TVET students, leaving the remaining 81 % in traditional educational pathways. The primary challenge hindering the expansion of dual education is its limited accessibility. To address this, Kazakhstan's dual education system must broaden its learning platforms to facilitate the development of practical skills among TVET students. In cases where apprenticeship opportunities within enterprises are scarce, particularly for disadvantaged youth, alternative models such as non-enterprise workshops organized by training centers within TVET institutions or workshops conducted by governmental, non-profit, or social enterprises under subsidized programs could provide valuable experience. Establishing such training centers at Kazakhstani TVET institutions and organizing workshops through non-profit initiatives will effectively broaden the reach of dual education among TVET students.

REFERENCES

1. Жусупова А. Как продвигать дуальное образование в Казахстане? [Electronic resource] // CABAR. asia [website]. – 2022. – URL: <https://cabar.asia/ru/kak-prodvigat-dualnoe-obrazovanie-v-kazahstane> (Accessed: 20.07.2024).
2. Hippach-Schneider U., Weigel T., Brown A., Gonon P. Are graduates preferred to those completing initial vocational education and training? // *Journal of Vocational Education and Training*. – 2012. – 1(65). – P. 1–17. – DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13636820.2012.727856>.
3. Ertl H. Dual study programmes in Germany: blurring the boundaries between higher education and vocational education? // *Oxf. Rev. Educ.* – 2020. – 46(1). – P. 79–95.
4. Wang A., Guo D. Technical and vocational education in China: enrolment and socioeconomic status // *Journal of Vocational Education & Training*. – 2019. – 71(4). – P. 538–555. – DOI: 10.1080/13636820.2018.1535519.
5. Suaphan, P. Why I Choose a Vocational High School: The Study of Elicited Expectation and Educational Decision. – New York: Columbia University, 2015. – 165 p.
6. Ling M. “Bad students go to vocational schools!”: Education, social reproduction and migrant youth in urban China // *The China Journal*. – 2015. – № 73. – P. 108–131. DOI: <https://doi.org/10.1086/679271>.
7. Hautz H. The ‘conduct of conduct’ of VET teachers: governmentality and teacher professionalism // *Journal of Vocational Education & Training*. – 2022. – № 2(74). – P. 210–227. – DOI: 10.1080/13636820.2020.1754278.
8. Locke P., Maton K. Serving Two Masters: How Vocational Educators Experience Marketisation Reforms // *Journal of Vocational Education & Training*. – 2019. – 71(1). – P. 1–20. – DOI: 10.1080/13636820.2018.1480521.
9. Esmond B. Teacher Educators in Vocational and Further Education // *Journal of Vocational Education & Training*. – 2022. – 74(3). – P. 528–530. – DOI: 10.1080/13636820.2022.2088643.
10. Dutschke A. Understanding VET Teacher Attitudes to Student Support in a Major Public VET Provider // *International Journal of Training Research*. – 2018. – 16(2). – P. 163–181. – DOI: 10.1080/14480220.2018.1461674.
11. Sirk M., Ümarik M., Loogma K. The necessity of vocational educational changes as perceived by Estonian vocational teachers // *Journal of Vocational Education & Training*. – 2022. – № 3(74). – P. 373–393. – DOI: 10.1080/13636820.2020.1765842.
12. Chesnut S. R., Burley H. Self-efficacy as a predictor of commitment to the teaching profession: A meta-analysis // *Educational research review*. – 2015. – T. 15. – P. 1–16. – DOI: 10.1016/j.edurev.2015.02.001.
13. Misbah Z., Gulikers J., Dharma S., Mulder M. Evaluating competence-based vocational education in Indonesia // *Journal of Vocational Education & Training*. – 2020. – № 4(72). – P. 488–515. – DOI: 10.1080/13636820.2019.1635634.
14. Boonk L. M., Gijssels H. J., Ritzen H., Brand-Gruwel S. Student-perceived parental involvement as a predictor for academic motivation in vocational education and training (VET) // *Journal of Vocational Education & Training*. – 2022. – № 2(74). – P. 187–209. – DOI: 10.1080/13636820.2020.1745260.
15. Choi N., Chang M., Kim S., Reio Jr. T. G. A structural model of parent involvement with demographic and academic variables // *Psychology in the Schools*. – 2015. – № 2(52). – P. 154–167. – DOI: 10.1002/pits.21813.
16. Hemmereichs K., Agirdag O., Kavadias D. The relationship between parental literacy involvement, socio-economic status and reading literacy // *Educational Review*. – 2017. – № 1(69). – P. 85–101. – DOI: 10.1080/00131911.2016.1164667.
17. Shi Y., Bangpan M. Young people’s participation experiences of technical and vocational education and training interventions in low-and middle-income countries: a systematic review of qualitative evidence // *Empirical Research in Vocational Education and Training*. – 2022. – № 1(14). – Article 8. – DOI: <https://doi.org/10.1186/s40461-022-00136-4>.
18. Achatz J., Jahn K., Schels B. On the non-standard routes: vocational training measures in the school-to-work transitions of lower-qualified youth in Germany // *Journal of Vocational Education & Training*. – 2022. – № 2(74). – P. 289–310.
19. Allais S. Skills for industrialisation in sub-Saharan African countries: why is systemic reform of technical and vocational systems so persistently unsuccessful? // *Journal of Vocational Education & Training*. – 2022. – № 3(74). – P. 475–493. – DOI: 10.1080/13636820.2020.1782455 (journal)

20. Doskeyeva G. Z. et al. How can dual education in technical and vocational institutions improve students' academic achievements and mitigate youth unemployment in Kazakhstan // *Community College Journal of Research and Practice*. – 2024. – P. 1-16. – DOI: <https://doi.org/10.1080/10668926.2023.2295472>.
21. Liu L. C. Influence of learning and internship satisfaction on students' intentions to stay at their current jobs: Survey of students participating in Taiwan's dual education system // *Empirical Research in Vocational Education and Training*. – 2021. –13(17). – P. 1-20. – DOI: <https://doi.org/10.1186/s40461-021-00121-3>.
22. Maier T. Advanced further training or dual higher education study: a choice experiment on the influence of employers' preferences on career advancement // *Journal for Labour Market Research*. – 2022. – № 1(56). – Article 4. – DOI: <https://doi.org/10.1186/s12651-022-00309-4>.
23. Размеры стипендии в РК [Electronic resource] // Электронное правительство Республики Казахстан [website]. – 2024. – URL: https://egov.kz/cms/ru/articles/razmer_stipendii_rk (Accessed: 20.07.2024)

REFERENCES

1. Zhusupova, A. (2022). Kak prodvigat' dual'noe obrazovanie v Kazahstane? CABAR.asia. Retrieved July 20, 2024, from <https://cabar.asia/ru/kak-prodvigat-dualnoe-obrazovanie-v-kazahstane> (In Russian).
2. Hippach-Schneider, U., Weigel, T., Brown, A., & Gonon, P. (2012). Are graduates preferred to those completing initial vocational education and training? *Journal of Vocational Education and Training*, 65(1), 1–17. <https://doi.org/10.1080/13636820.2012.727856>
3. Ertl, H. (2020). Dual study programmes in Germany: Blurring the boundaries between higher education and vocational education? *Oxford Review of Education*, 46(1), 79-95.
4. Wang, A., & Guo, D. (2019). Technical and vocational education in China: Enrolment and socioeconomic status. *Journal of Vocational Education & Training*, 71(4), 538-555. <https://doi.org/10.1080/13636820.2018.1535519>
5. Suaphan, P. (2015). Why I Choose a Vocational High School: The Study of Elicited Expectation and Educational Decision. Columbia University. 165 p.
6. Ling, M. (2015). “Bad students go to vocational schools!”: Education, social reproduction and migrant youth in urban China. *The China Journal*, 73, 108-131. <https://doi.org/10.1086/679271>
7. Hautz, H. (2022). The ‘conduct of conduct’ of VET teachers: Governmentality and teacher professionalism. *Journal of Vocational Education & Training*, 74(2), 210-227. <https://doi.org/10.1080/13636820.2020.1754278>
8. Locke, P., & Maton, K. (2019). Serving two masters: How vocational educators experience marketisation reforms. *Journal of Vocational Education & Training*, 71(1), 1–20. <https://doi.org/10.1080/13636820.2018.1480521>
9. Esmond, B. (2022). Teacher educators in vocational and further education. *Journal of Vocational Education & Training*, 74(3), 528-530. <https://doi.org/10.1080/13636820.2022.2088643>
10. Dutschke, A. (2018). Understanding VET teacher attitudes to student support in a major public VET provider. *International Journal of Training Research*, 16(2), 163-181. <https://doi.org/10.1080/14480220.2018.1461674>.
11. Sirk, M., Ümarik, M., & Loogma, K. (2022). The necessity of vocational educational changes as perceived by Estonian vocational teachers. *Journal of Vocational Education & Training*, 74(3), 373-393. <https://doi.org/10.1080/13636820.2020.1765842>
12. Chesnut, S. R., & Burley, H. (2015). Self-efficacy as a predictor of commitment to the teaching profession: A meta-analysis. *Educational Research Review*, 15, 1-16. <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2015.02.001>
13. Misbah, Z., Gulikers, J., Dharma, S., & Mulder, M. (2020). Evaluating competence-based vocational education in Indonesia. *Journal of Vocational Education & Training*, 72(4), 488-515. <https://doi.org/10.1080/13636820.2019.1635634>
14. Boonk, L. M., Gijsselaers, H. J., Ritzen, H., & Brand-Gruwel, S. (2022). Student-perceived parental involvement as a predictor for academic motivation in vocational education and training (VET). *Journal of Vocational Education & Training*, 74(2), 187-209. <https://doi.org/10.1080/13636820.2020.1745260>

15. Choi, N., Chang, M., Kim, S., & Reio Jr., T. G. (2015). A structural model of parent involvement with demographic and academic variables. *Psychology in the Schools*, 52(2), 154-167. <https://doi.org/10.1002/pits.21813>
16. Hemmereichs, K., Agirdag, O., & Kavadias, D. (2017). The relationship between parental literacy involvement, socio-economic status and reading literacy. *Educational Review*, 69(1), 85-101. <https://doi.org/10.1080/00131911.2016.1164667>
17. Shi, Y., & Bangpan, M. (2022). Young people's participation experiences of technical and vocational education and training interventions in low-and middle-income countries: A systematic review of qualitative evidence. *Empirical Research in Vocational Education and Training*, 14(1), Article 8. <https://doi.org/10.1186/s40461-022-00136-4>
18. Achatz, J., Jahn, K., & Schels, B. (2022). On the non-standard routes: Vocational training measures in the school-to-work transitions of lower-qualified youth in Germany. *Journal of Vocational Education & Training*, 74(2), 289-310.
19. Allais, S. (2022). Skills for industrialisation in sub-Saharan African countries: Why is systemic reform of technical and vocational systems so persistently unsuccessful? *Journal of Vocational Education & Training*, 74(3), 475-493. <https://doi.org/10.1080/13636820.2020.1782455>
20. Doskeyeva, G. Z., et al. (2024). How can dual education in technical and vocational institutions improve students' academic achievements and mitigate youth unemployment in Kazakhstan? *Community College Journal of Research and Practice*, 1-16. <https://doi.org/10.1080/10668926.2023.2295472>
21. Liu, L. C. (2021). Influence of learning and internship satisfaction on students' intentions to stay at their current jobs: Survey of students participating in Taiwan's dual education system. *Empirical Research in Vocational Education and Training*, 13(17), 1-20. <https://doi.org/10.1186/s40461-021-00121-3>
22. Maier, T. (2022). Advanced further training or dual higher education study: A choice experiment on the influence of employers' preferences on career advancement. *Journal for Labour Market Research*, 56(1), Article 4. <https://doi.org/10.1186/s12651-022-00309-4>
23. Razmery stipendii v RK. (2024). Electronic government of the Republic of Kazakhstan. Retrieved July 20, 2024, from https://egov.kz/cms/ru/articles/razmer_stipendii_rk (In Russian).

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КӘСІБИ-ТЕХНИКАЛЫҚ БІЛІМ БЕРУДІҢ НЕГІЗГІ МӘСЕЛЕЛЕРІ: ДУАЛДЫ ОҚЫТУДЫҢ КАДР ДАЙЫНДАУ САПАСЫНА ӘСЕРІ

Г. Ж. Доскеева^{1*}, Р. А. Күзембекова¹

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты. Бұл зерттеу мемлекеттің білім беру саласын жаңғырту саясатының аясында енгізілген дуалды білім берудің академиялық үлгерімді көтеруге және қазақстандық техникалық және кәсіптік білім беру (ТЖКБ) оқу орындарында студенттердің оқу нәтижелеріне қанағаттануын арттыруға қалай әсер ететінін зерттеуге бағытталған.

Әдіснамасы. Осы мақсатта Алматы қаласындағы ТЖКБ оқу орындарының 523 студенті қатысқан сауалнама жүргізілді. SPSS бағдарламалық құралын пайдалану арқылы сауалнама деректері екі гипотезаны зерттеу үшін талданды. Бірінші гипотеза дуалды білім беру жүйесіндегі студенттердің жоғары оқу нәтижелеріне қол жеткізуін, осылайша дуалды емес білім беру жүйесіндегі студенттермен салыстырғанда олардың еңбек нарығындағы жетістіктерін әлеуетті түрде арттыратынын топшылайды. 2-гипотеза дуалды емес білім беру жүйесіндегі студенттермен салыстырғанда дуалды білім алатын студенттер өздерінің оқу нәтижелеріне көбірек қанағаттанғанын және жұмысқа қабілеттілігіне сенімдірек екенін айтады.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Бұл зерттеу дуалды оқытудың ТЖКБ ұйымдарындағы білім сапасына қалай әсер ететінін зерттеуге арналған әдістемелік сынақ ретінде қызмет етеді. Ол сондай-ақ студенттердің оқу нәтижелеріне қанағаттануына және жұмысқа қабілеттілікке деген сеніміне әсерін бағалауға бағытталған.

Зерттеу нәтижелері екі гипотезаны да растады, яғни дуалді білім беру бағдарламаларындағы студенттердің дәстүрлі (дуалды емес) білім берудің студенттерімен салыстырғанда өздерінің еңбек нарығының болашағына сенімділігін, білім беру нәтижелеріне қанағаттанушылығын және жоғары оқу жетістіктерін көрсететінін атап көрсетті.

Түйін сөздер: Дуалды білім беру, кәсіптік және техникалық білім беру, ТЖКБ мекемелері, практикалық тренингтер, Қазақстандағы білім беру, еңбекке негізделген білім беру.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ВЛИЯНИЕ ДУАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ НА КАЧЕСТВО ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

Г. Ж. Доскеева^{1*}, Р. А. Кузембекова¹

¹Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Целью данного исследования является изучение влияния дуального образования, которое внедрялось в рамках государственной политики модернизации образования, на улучшение академической успеваемости и повышение удовлетворенности студентов результатами обучения в казахстанских учреждениях технического и профессионального образования (ТиПО).

Методология. С этой целью был проведен опрос 523 студентов учреждений ТиПО города Алматы. С помощью программного обеспечения SPSS данные опроса были проанализированы для проверки двух гипотез. Первая гипотеза предполагает, что учащиеся в системах дуального образования достигают более высоких академических результатов, тем самым потенциально повышая свой успех на рынке труда по сравнению со студентами, которые обучаются в традиционной (недуальной) системе ТиПО. Гипотеза 2 предполагает, что студенты с дуальным образованием отмечают о более высокой удовлетворенности результатами своего обучения и большей уверенности в своих возможностях трудоустройства по сравнению со студентами, обучающимися в системах недуального образования.

Оригинальность / ценность исследования. Данное исследование представляет собой методологическую попытку изучить, как дуальное образование влияет на качество образования в учреждениях ТиПО. Целью исследования также является оценка влияния на удовлетворенность студентов результатами обучения и их уверенность в возможности трудоустройства.

Результаты исследования подтвердили обе гипотезы, то есть студенты, обучающиеся по программам дуального образования, демонстрируют большую уверенность в своих перспективах на рынке труда, более высокую удовлетворенность результатами своего образования и более высокие академические достижения по сравнению со студентами, обучающимися по традиционному (недуальному) образованию.

Ключевые слова: Дуальное образование, профессионально-техническое образование, учреждения ТиПО, практические тренинги, образование в Казахстане, обучение на рабочих местах

ABOUT THE AUTHORS

Doskeyeva Gulashar Zharmagambetovna – doctor of economic sciences, Professor, Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: gulashar.doskeeva@narxoz.kz, ORCID ID: 0000-0001-6216-1545*

Kuzembekova Roza Abdymutalipovna – senior lecturer, Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: roza.kuzembekova@narxoz.kz, ORCID ID: 0000-0002-0414-6416.

МРПТИ 71.37.05

JEL Classification: Z30; Q56

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-4-53-72>

DEVELOPMENT OF ECOTOURISM BASED ON «GLAMPING»: THE CASE OF KATON-KARAGAY NATIONAL PARK

Ye. R. Dauletkanova^{1*}, A. S. Aktymbayeva¹, A. Zh. Sapiyeva¹

¹Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research is to create a concept of glamping complex «KazGlamping» in Katon-Karagai National Park, taking into account the principles of sustainable development, high quality of tourist services and development of ecotourism in the region. As well as, to generate employment opportunities within the confines of Katonkaragai National Park, thereby reducing unemployment rates and enhancing the local community's well-being. Additionally, the research strives to increase tax revenues for regional and local budgets while ensuring the preservation of the park's unique natural features.

Methodology. The research methodology encompasses a comparative-typical analysis, interviews, and the implementation of the SWOT analysis method (examining strengths, weaknesses, opportunities, and threats). Furthermore, the experiences of the Jewelberry Glamping glamping network have been taken into consideration.

Originality / value of the research. While many individuals yearn to explore the beauty of secluded natural landscapes and witness rare natural phenomena, not everyone is willing to traverse rugged terrains with heavy backpacks. Consequently, a new form of eco-tourism, known as «glamping» (glamorous camping), has gained popularity worldwide. The article also delves into foreign experiences in this field.

Keywords: Katon-Karagay National Park, glamping, ecotourism, tourism, cost, income, eco-hotel.

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the project AP08855888 «Ensuring the sustainable development of national parks of Kazakhstan through the territorial organization of ecological tourism» with funding from the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

INTRODUCTION

Ecotourism, a field of development deeply rooted in tradition, has evolved with its own modern direction and trends while maintaining its connection to the fundamental principles of tourism. The global ecology can only improve when humanity approaches nature with care and understanding.

In Kazakhstan, ecotourism presents endless possibilities for the country's development. The country is home to unparalleled and unique tourist sites that attract visitors from around the world. These ecological destinations can be found across all five regions of Kazakhstan. Particularly noteworthy is the natural beauty of the Katon-karagay district in the East Kazakhstan region, which holds a special place within ecotourism in Kazakhstan.

In 2022, the country's leader, Kasymzhomart Tokayev Kemeluly, personally took on the responsibility of advancing eco-tourism development in this area.

Presently, there are plans to inaugurate a new recreational facility called «Eco-Hotel Muztau» near the village of Orel in the Katonkaragay district. This will take place starting from June 1, 2022. In order to foster the growth of domestic tourism, extensive efforts are being made to engage schoolchildren in eco-tourism parks.

Consequently, as part of infrastructure development and drawing upon the experience gained from attracting international visitors, our objective is to establish the «KazGlamping» tourist facility project, a novel concept previously nonexistent in the Katonkaragai region.

The surge in popularity of glamping in 2021 can be attributed to the COVID-2019 pandemic, which has significantly impacted the development of domestic tourism. With closed borders, there has been a heightened interest in exploring tourist destinations within the country, resulting in increased demand for a comprehensive platform that provides valuable information for the growth of tourism-related businesses. This presents an opportune moment to cultivate domestic tourism destinations, with ecotourism in national parks emerging as one of the most effective and convenient options.

The «KazGlamping» tourist facility project embodies a key trend in domestic tourism in 2020.

Literature review. The term «Glamping», as we all know it, is widely used and used in many different foreign publications, publications and organizations, websites and magazines.

Due to this term D. A. Chakhova, M. V. Kobyak, T. E. Lebedeva, V. M. Dedok and well-known researchers such as M. A. Soldatkina, Vorotnikov A.M., Gasanova S. F., Stotsky A. I. conducted systematic analyzes and dealt with its advantages and disadvantages [1, 2, 3, 4, 5].

During the analysis of the works of researchers Chakhova and Kobyak, in their journal «Modern camping or glamping - one of the new opportunities in the development of the tourist market», they systematically studied the history of the development of glamping as a term. In addition, these studies, based on a careful analysis of seven years, considered glamping from the economic point of view, and showed its importance and advantages. In most cases, the author's work, from a theoretical point of view, makes a significant contribution to the elimination of gaps in the global development of the camping industry. In addition, he pointed out the reasons for the lagging of camping services in the Russian market. This researched information helps us predict and avoid potential problems in our project.

Currently, issues of development of glamping in the context of Ecotourism are becoming very relevant in the context of growing interest in sustainable tourism. Therefore, despite the significant amount of research on this term, many researchers are competing for a completely systematic understanding and effective development of this type of ecotourism. Among them are D.V. Chakhova, M.V., Kobyak, T.E., Lebedeva V.M., Dedok and M.A. Soldatkina, Vorotnikov A.M., Gasanova S. F., Stotsky A. I. Their analysis in the field of glamping revealed important aspects, however, their study allows to determine the direction of further analysis [1, 2, 3, 4, 5].

Important studies include Chakhov's seminal works on sustainable development and glamping project management. His work considers the economic and social-cultural aspects necessary for the preparation, implementation and promotion of projects in the field of ecotourism [1].

Kobiak's work examines the psychological aspects of tourists' choice and perception of camping, which is very important to consider consumer preferences when designing projects [1].

In the works of such researchers as Vorotnikov A.M., Gasanova S. F., Stotsky A. I. glamping is considered the most promising format of tourism in protected areas. That is, glamping is able to attract and attract tourists, compatriots to specially protected natural areas. It shows the importance of communities that benefit the local economy and culture, the need to implement sustainable practices to reduce negative environmental impacts. This can show us that national natural parks have the opportunity to develop this type of Tourism [2].

According to Lebedev, his works analyze the marketing strategies and branding of glamping facilities, which are necessary for the successful promotion of ecotourism offers [3]. Dedok's research focuses on architectural and design concepts that contribute to the creation of unique and environmentally sustainable glamping facilities [4]. In her analysis, Soldatkina emphasizes economic stability and financial management, which are important for the long-term success of glamping projects [5].

Despite important achievements, current research reveals a number of shortcomings that require additional study:

- There is insufficient research into the integration of advanced technologies such as the Internet of Things (IoT) and artificial intelligence in the design of glamping facilities in order to ensure the comfort and safety of tourists.

- A deeper study of methods for improving the environmental sustainability of glamping facilities within the framework of ecotourism projects is required, including effective waste management and reducing negative environmental impacts.

– It is important to pay more attention to the social and economic links between glamping projects and local communities in order to ensure their successful integration into the local economy and cultural development.

Our research is aimed at filling these gaps by analyzing and providing recommendations on the integration of advanced technologies, improving environmental sustainability and deepening understanding of socio-economic relationships in the development of the KazGlamping tourist facility. We propose new strategies and methodologies that contribute to the development of ecotourism in the Katon-Karagai National Park and enrich the scientific discourse in this area. An analysis of the literature shows that despite significant advances in the study of glamping, there are a number of gaps that can be filled with further research. Our work is aimed at expanding knowledge and practical application in the field of ecotourism design, contributing to the sustainable development and dissemination of the concept of glamping in eco-important regions such as the Katon-Karagai National Park.

Research Problems: Analyzing the factors influencing the potential of glamping development in Katon-Karagai National Park; Development of pricing policy for glamping complex «KazGlamping» in order to ensure its competitiveness and profitability; Determination of optimal promotion channels to attract tourists to the glamping complex «KazGlamping»; Assessment of the potential impact of glamping complex «KazGlamping» on the ecosystem of Katon-Karagai National Park; Development of measures to minimize the negative impact of glamping on the environment; Determination of the payback period of investments in the glamping complex «KazGlamping»; Identification of risks associated with the realization of the project of glamping complex «KazGlamping»; Analysis of the impact of the project of glamping complex «KazGlamping» on the socio-economic development of the region; Consideration of legislative and regulatory acts in the implementation of the project of glamping complex «KazGlamping».

The main problem of the research work is the insufficient development of infrastructure in modern protected natural areas and the inability of tourists and compatriots to come into contact with nature due to a lack of accommodation. Especially in the territory that we studied, we decided to design glamping, a modern trend that does not affect nature, built on the principle of sustainable development.

The article shows the importance of glamping as a promising direction in the development of the national tourism industry. The international experience of the development of this segment is analyzed, the factors affecting its further growth, such as the lack of resources, infrastructure limitations, production capabilities, length of stay and price policy, are distinguished.

In his research, David Weaver examines the impact of glamping on sustainable development of tourism, emphasizing aspects of environmental sustainability and interaction with local communities [6]. His work is devoted to the role of glamping in reducing the negative impact of tourism on the environment and contributing to the socio-economic development of regions.

Daniel Scott, in turn, studies the adaptation of glamping to changing climatic conditions and environmental challenges, paying careful attention to the sustainability of this type of tourism in a changing natural environment [7].

Her research focuses on identifying the necessary changes in the management and development of glamping that would contribute to its sustainability and attractiveness in the face of climate change. Megha Budruk explores innovative approaches in glamping, including technological solutions, and their impact on the development of ecotourism [8]. As part of her work, she analyzes new technologies that can be integrated into glamping projects in order to increase the comfort and safety of tourists, as well as improve the sustainability of these projects.

These researchers make significant contributions to understanding various aspects of glamping, such as sustainable development, environmental sustainability, sociocultural interactions, and technology innovation. Their work contributes to the expansion of the theoretical base and the development of practical recommendations for the development of glamping projects around the world.

By considering this foreign experience, we can draw relevant conclusions for our project.

Expected results:

– The concept of «KazGlamping», corresponding to the principles of sustainable development and providing high quality service.

- Business plan of «KazGlamping» project demonstrating its economic efficiency.
- Promotion plan of «KazGlamping» attracting the target audience of tourists.

Thus, the creation of glamping sites within Katon-Karagai National Park promises to bring many positive benefits, Glamping introduces a diverse demographic to the natural splendor of the park, fostering a sense of environmental stewardship and potentially increasing support for conservation efforts.

Glamping facilities can be carefully designed and operated in a sustainable manner that minimizes their environmental impact. This may include using eco-friendly materials, implementing water and energy conservation strategies, and promoting responsible waste management practices among guests. By providing a convenient alternative to traditional camping methods, glamping helps reduce visitor pressure on vulnerable areas of the park. Establishing and operating glamping facilities requires labor for construction, maintenance, and day-to-day operations, creating new employment opportunities in the local community. Glamping attracts a new segment of travelers who are ready to invest in a unique and luxurious outdoor recreation.

This, in turn, can contribute to increased revenue by supporting local businesses such as restaurants, shops, and transportation services. The creation of glamping complexes can encourage investment in the surrounding infrastructure, including transportation networks and visitor amenities.

Glamping contributes to the economic development of local communities by creating jobs and increasing income from tourism, which, in turn, increases the standard of living and expands the opportunities of local residents.

Glamping sites can integrate elements of Kazakh culture into their design and offerings, thereby raising awareness of culture and contributing to the preservation of heritage. This way of recreation provides luxurious and comfortable enjoyment of the natural beauties of the Katon-Karagai National Park, which can increase the satisfaction of visitors and encourage their repeated visits.

However, it is important to take into account possible difficulties: the unregulated development of glamping can cause negative consequences for the environment, such as ecosystem degradation, water pollution and an increase in waste volumes. To minimize these risks, reasonable planning and effective management are necessary. The rapid growth of tourism can also lead to the depletion of local resources and disruption of traditional lifestyles. It is important to involve the local population and understand cultural differences to ensure that glamping initiatives benefit local residents.

Thus, the development of glamping in the Katon-Karagai National Park can provide a wide range of positive effects.

By adopting environmentally friendly practices and careful management, glamping is poised to contribute to the conservation of the park, revitalize the local economy and provide visitors with an unprecedented and unforgettable experience.

MAIN PART OF THE STUDY

Ecotourism, organized within state national parks, is an economically viable and active form of recreation that promotes the responsible use of natural resources. When properly organized, ecotourism can be a lucrative and profitable business. The experience of immersing oneself in nature allows visitors to learn about and explore the world around them, often transforming them into active supporters, and sometimes investors, of environmental organizations.

One popular form of ecotourism is «glamping», which combines camping in the wilderness with a high level of service and comfort. Glamping is a relatively new phenomenon in the tourism industry that has captured the hearts of countless tourists. This concept traces its roots back to medieval times when royalty would reside in luxurious tented camps and roadside villas adorned with lavish decorations, furniture, and ornamental elements. The formation of the European Union has played a role in the development of glamping.

The term «glamping» is a combination of the words «glamour» and «camping» [9]. Although it first emerged in the UK in 2005, it has gained significant popularity in recent years. This increased interest can be attributed not only to the growing popularity of outdoor recreation but also to economic crises and political instability.

The word «glamping» has largely become a synonym for the general location of campsites, which is often not the property of vacationers, but rather the property of campers [10]. Glamping offers an outdoor holiday experience with all the comforts and services of a hotel. The owners of glamping businesses ensure strict adherence to environmental management practices, providing tourists with maximum convenience. The main distinction between glamping and traditional camping lies in the incorporation of modern comfort amenities.

Moreover, glamping encompasses meticulous planning of tourist activities and the execution of relevant events, such as a variety of excursions, trekking, thrilling recreational pursuits, culinary delights featuring traditional local cuisine, and much more. Glamping sites are often situated in picturesque natural areas that are challenging to access by conventional means of transportation. Typically, tourists are transported to the resort via ground vehicles, helicopters, snowmobiles, or other specialized equipment.

National glamping establishments, while providing unmatched comfort, also offer visitors an opportunity to immerse themselves in the cultural traditions of indigenous communities. Glamping adopts alternative energy sources, such as solar panels, to power its facilities. As a result, the reliance on traditional energy resources is significantly diminished compared to conventional hotels. The materials used in glamping constructions are predominantly natural or environmentally friendly. Many structural components are crafted from recycled materials, resulting in cost-effective production processes.

Furthermore, when glamping is organized and managed effectively, it minimizes the impact on the environment by reducing waste generation. Due to its non-permanent nature, glamping accommodations can be relocated to different areas if need be, further enhancing environmental sustainability.

The rapid rise of glamping in 2021 can be attributed to the COVID-2019 pandemic, which has had a significant impact on the development of domestic tourism [11]. Like any form of accommodation, glamping has its advantages and disadvantages. Let's delve deeper into the key advantages of this type of accommodation for tourists:

- Setting up a tent, arranging a campsite, gathering firewood, and preparing meals can be time-consuming and physically demanding. While some individuals enjoy these activities, many people in today's world are seeking ready-made services and maximum convenience due to their busy work schedules. Glamping offers guests the opportunity to arrive at a «hotel room» equipped with top-notch amenities and everything required for a comfortable lifestyle.

- Glamping provides an opportunity for vacationers to relax and enjoy nature without spending time setting up a camp.

- Glamping is an excellent option for those who appreciate eco-tourism and strive for harmony with nature. Tourists can enjoy the tranquility of the surrounding nature while having access to all modern amenities.

- Glamping centers are usually equipped with showers, bathrooms, restaurants, where highly qualified chefs work, offering delicious dishes. In addition, these places have created areas for meditation, sports, recreation in an environmentally friendly atmosphere, which allows guests to temporarily hide from the noise of the city.

- Glamping offers tourists a unique and memorable experience. Instead of a regular hotel room, guests can choose to stay in original accommodations such as luxury tents, treehouses, yurts or converted cabins [12]. This adds an element of novelty and adventure to their vacation, making it truly special and memorable.

At present, the global landscape boasts approximately a thousand glamping sites, with the United States, United Kingdom, and Australia standing out as the most prominent markets. The collective global market has garnered an estimated value of \$3 billion. A report from the UK travel agency Campingselection indicates that the glamping sector is experiencing robust growth at an annual rate of 21%, with projections suggesting it will surpass \$4 billion by 2021.

Over the recent years, a surge in the establishment of new glamping sites has been observed worldwide. Each site presents a distinctive concept, interior aesthetic, and design solutions. Notable among these projects is the diversity (Figure 1):

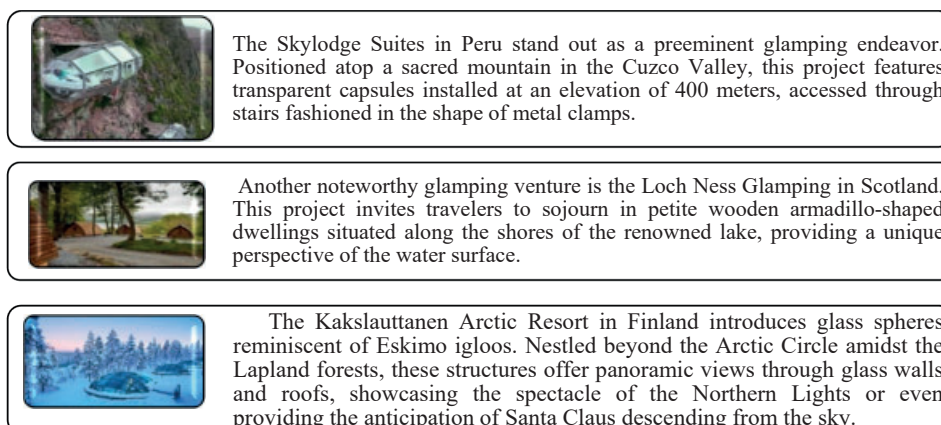

Figure 1 – The most unique projects in the world

Note – compiled by the author based on the source [13]

Leading countries in the world that are at the forefront of glamping development include the USA, with 165 glamping centers, followed by South Africa with 35, Kenya with 25, Tanzania with 22, India with 18, Chile with 15, Thailand with 13, and Sri Lanka with 11 [14].

One significant factor contributing to the global growth of glamping is the occurrence of natural phenomena such as solar eclipses. For instance, the Elqui Domos Hotel in Chile is recognized as one of the seven astronomical hotels worldwide and is situated in the direct path of the total solar eclipse that took place on July 2, 2019. The hotel's unique vaulted rooms or cabins provide an ideal opportunity to witness the eclipse, and they are equipped with modern amenities and superior comfort. Additionally, the Patagonia Hotel, the first glamping center in Chile, offers an excellent location to observe this natural phenomenon in December 2022. In terms of homegrown glamping experiences, Kazakhstan, particularly in Almaty, offers a variety of options, including Menin House, Heaven Glamping, Alma Camp, Gora Glamping, A-Glamp, Nature View, and Ursa Major. These establishments provide unique and immersive glamping experiences for visitors in Kazakhstan.

However, the administrators of the accommodation facility stated that the most popular glamping site in Kazakhstan, based on its leading position and the highest number of likes on Instagram (Figure 2), is the «Orbit». Located only a 30-minute drive from the city of Shchuchinsk or a 2.5-hour drive from Astana, «Orbit» offers seven spheres with breathtaking panoramic views of the Karagaily forest in the Burabay National Park. Each sphere represents a different celestial body, including Earth, Mars, Jupiter, Saturn, Mercury, Venus, and the Moon, and is equipped with its own terrace. Not only that, but guests also have access to various amenities such as swings, hammocks, gazebos, barbecue and grill areas, a swimming pool, a small playground, an open-air cinema for evening entertainment, a telescope, bicycles, badminton, board games, and books.

Figure 2 – The most Instagrammable glamping in Kazakhstan

Note – compiled by the author based on the source [15].

According to Grand View Research, the global glamping market was valued at \$21 billion in 2018 and is projected to reach \$4.80 billion by 2025, growing at a compound annual growth rate (CAGR) of 12.5 % from 2019 to 2025 [16-18] (Figure 3).

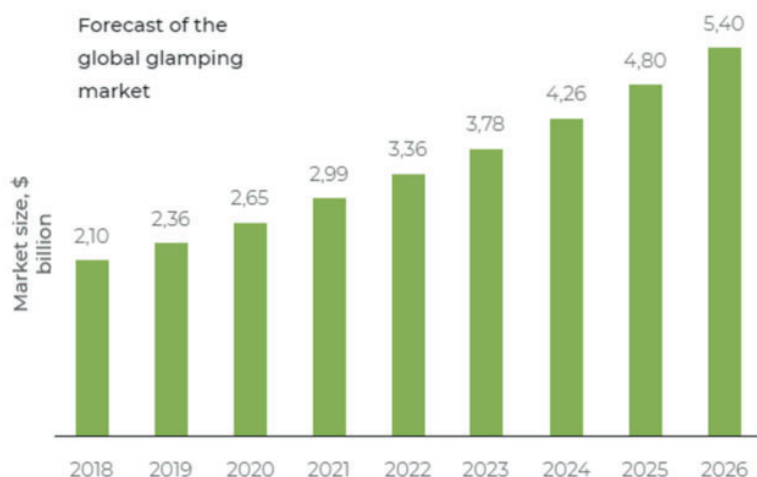

Figure 3 – Glamping market forecast

Note – compiled based on a study by Grand View Research [16-18].

In order to find out the current state of the park, infrastructure, and news, we sent some questions to the forest engineer potologist Zhumabay Nurlybek via the park's mail (Figure 4).

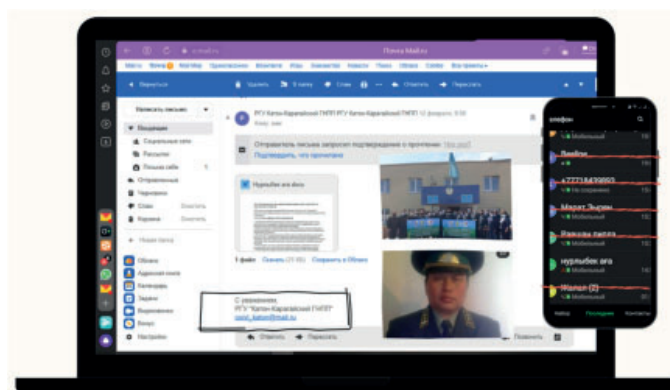

Figure 4 - As a source of evidence

In light of this, creating an ecotourism tour in the Katon-karagai National Park seems like a fantastic idea, especially considering the limited number of hotels available in the park (Figure 5):

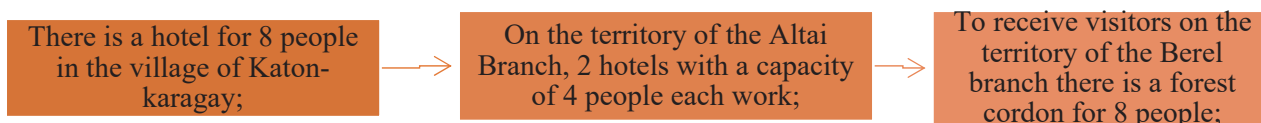

Figure 5 – Infrastructure facilities

Note – compiled based on an interview with the author

The infrastructure facilities available in the national park make it feasible to accommodate visitors, and glamping is an untapped trend in the East Kazakhstan region. This type of ecotourism offers a unique and diverse experience that appeals more to young people than older generations. Moreover, it has the potential to attract foreign tourists due to its distinctiveness. The Altai and Berel branches of the park would be excellent locations to establish such glamping hotels, as they already have well-equipped facilities including parking lots, storage areas, volleyball courts, sports equipment rentals, fire pits, and shopping tents.

To further support this initiative, several surveys have been conducted in the park to assess the feasibility and potential success of implementing glamping facilities (Figure 6, 7). Residents of the village of Katon-Karagai and people from Ust-Kamenogorsk took part in the survey. The total number of participants was 150 people. The survey was carried out by sending an online message. The vast majority of study participants were 71.3 %, which is in the age category from 18 to 25 years. This fact indicates the interest of this age group in the development of glamping.

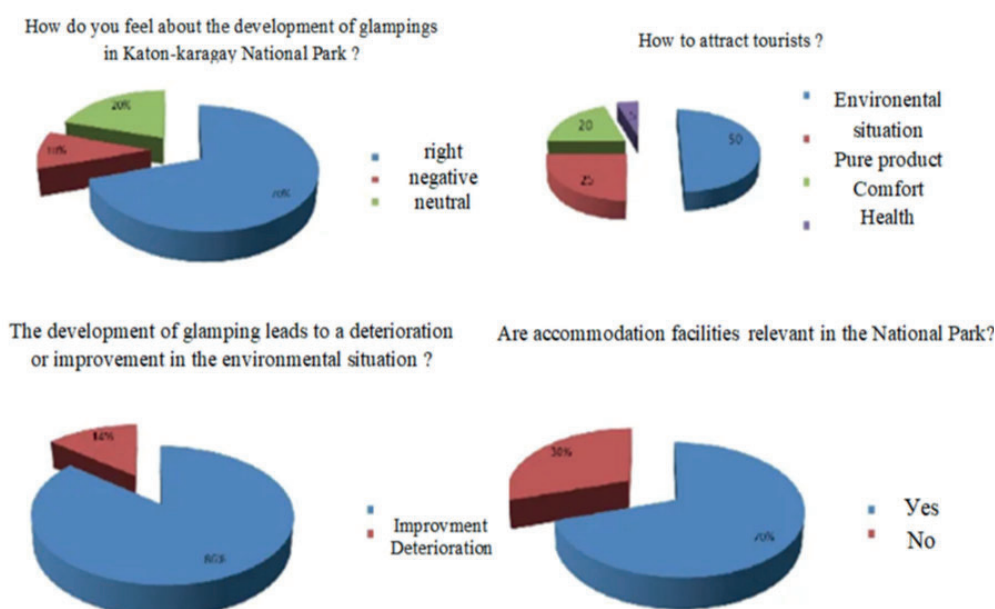

Figure 6 – Survey results

Note – compiled by the author

The survey showed a positive result, that is, the creation of glamping and its location in national parks can be an incentive for tourists to visit the park.

What is the most important thing about glamping for you?

Figure 7 – Survey results

Note – compiled by the author

The survey results show that the most important thing when installing glamping is the location area.

As of June 17, 2021, there were 2,627 visitors, compared to 6,721 tourists in 2020. The absence of foreign nationals was due to the effects of the pandemic, as in 2019 there were over 200 foreign tourists. The decline can be attributed to the consequences of the pandemic. Nonetheless, the park still saw a considerable number of visitors, with around 40,000 tourists making it the most popular for the park (Table 2).

Table 2 – Number of tourists by year, people [Deputy Katonkaragai park]

No.	Indicator	Years							
		2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1	Number of visitors	3506	3628	3872	4376	6721	2627	3388	7056

Note – obtained from a survey of a forestry engineer.

Glamping facilities in the park are available throughout the year, regardless of the weather, as they come in various designs and structures. This unique feature allows visitors to experience the park's special atmosphere in any season, with the snow-covered mountain tops adding an enchanting touch in both winter and summer.

In other parts of the world, such as Finland and North America, glamping sites offer activities like fishing, river and lake visits in the summer, and skiing, dog sledding, and snowmobiling in the winter. The park provides a similar opportunity, as it boasts vast forests, making it easy to set up tents in the trees. Additionally, Katon-karagay park offers facilities for dog sledding, swimming, and even fishing. There are numerous rivers, lakes, and waterfalls throughout the park, including a fishing river (Figure 8) where fishing is permitted with a special permit.

One of the advantages of implementing the ecotourism concept, such as glamping, is its relatively low investment requirements compared to building hotels or cottages. Glamping proves to be more profitable, with a liquidity rate 2-3 times higher than that of traditional hotels, making it an attractive option for investors.

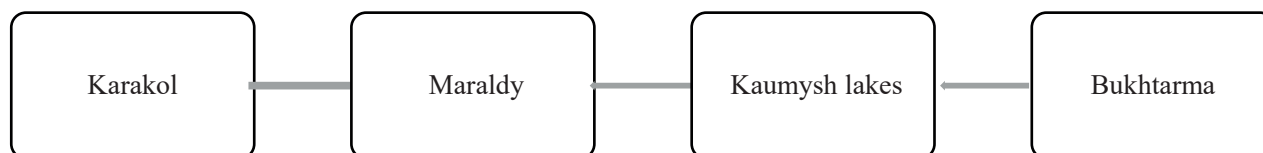

Figure 8 – Rivers effective for fishing in the region

Note – compiled according to the results of the interview of the engineer forest

Certainly, as with any other business, there are risks involved in the development of glamping. The primary threats that may arise are as follows:

- There is a potential for high fire hazards if faulty equipment or electrical wiring is used, or if fire safety requirements and regulations are violated. It is crucial to constantly remain vigilant and prevent such violations.
- The selected glamping site must be thoroughly assessed in terms of safety. It is essential to develop guidelines for guests and ensure that they comply with safety regulations.
- When choosing a suitable location for glamping, it is important to consider the risks of landslides, floods, and seismic activity. The selected area should have minimal seismological risk.

Taking all of the above into consideration, it can be concluded that there is significant potential for the development of glamping, particularly in the Altai and Berel branches. Consequently, it is imperative to commence the development of a business plan for implementing glamping in the Katon-karagai National Park.

To start this process, it is necessary to assess the prospects of glamping tourism within the park through a SWOT analysis (Table 3).

Table 3 – SWOT analysis of prospects for the development of glamping ecotourism

Strengths:	Weaknesses:
- The area boasts breathtaking natural beauty, attracting tourists seeking immersion in nature. - Lakes, rivers, or coastlines suitable for swimming, boating, or fishing enhance the glamping experience. - Increasing demand for tourism provides a market for glamping experiences. - Presence of roads, restaurants, and shops can support the development of glamping facilities.	- Lack of expertise in managing glamping accommodations may lead to operational challenges. - Environmental degradation could diminish the appeal of ecotourism. - Inadequate internet, electricity, or transportation access may inconvenience tourists. - Novelty of the concept might result in limited tourist interest.
Opportunities:	Risks:
- Public demand for sustainable travel creates opportunities for well-developed glamping experiences. - Community backing for sustainable development can aid project approval and engagement. - Rise in leisure time creates a need for short nature escapes, ideal for glamping. - Glamping satisfies the desire for comfortable accommodation in natural settings. - Investments can enhance existing infrastructure to support glamping development.	- Economic crises may decrease tourist spending and travel budgets. - Stringent eco-tourism standards could necessitate substantial investments in upgrades.
Note – compiled by the author	

The analysis results indicate that to foster the growth of glamping ecotourism in the park, it is essential to address weaknesses and actively maintain strengths. Issues such as the creation of tourism infrastructure should be addressed at both regional and local levels with the aim of attracting government funding. While there are real opportunities for further development of glamping ecotourism in the region, it is important to address potential threats that could impede progress. Special attention should be given to mitigating risks and capitalizing on opportunities.

Specific findings from an interview with a forest technician about the prospects for glamping in Katon-Karagai National Park (Figure 9):

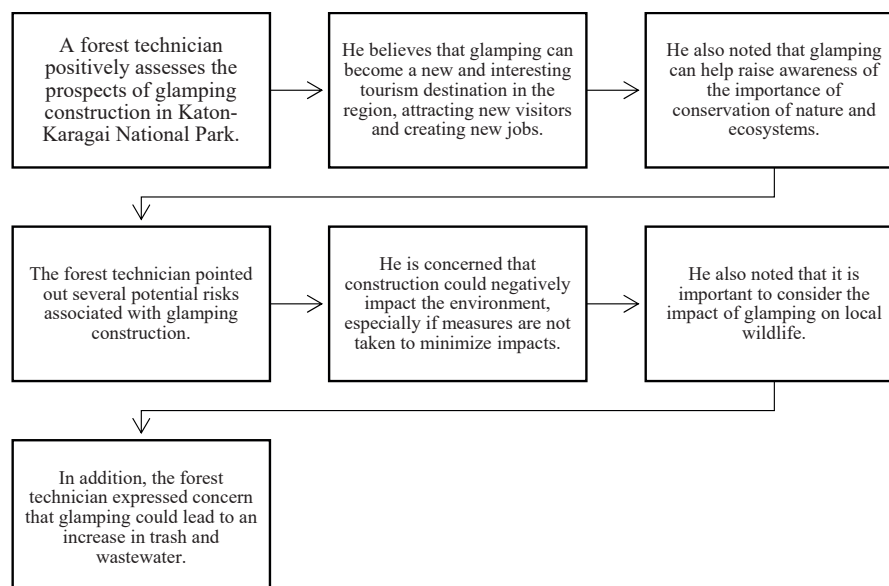

Figure 9 – Specific findings from an interview with a forest technician
Note - compiled according to the results of the interview of the engineer forest

After analyzing the results of the all surveys all surveys of the engineer potologist and individuals in Katon-Karagai, we will list some recommendations:

- Conduct a thorough environmental study before constructing the glamping site;
- Develop a waste and wastewater management plan;
- Involve the local community in the planning and implementation of the project.

One of the primary objectives of the article was to develop a project for the tourist facility «KazGlamping» as part of the promotion and advancement of ecotourism in Katon-karagay park. With this in mind, we have proposed a project that can be implemented in Katonkaragai Park, focusing on the traditional yurt of the Kazakh people and creating our own logo (Figure 10).

The logo's green color symbolizes nature, while incorporating the Kazakh national traditional yurt to preserve and promote our culture. It serves as a representation of general ecology.

Figure 10 – «KazGlamping» project emblem

Note – compiled by the author

Our glamping design and structure will be inspired by the traditional Kazakh yurts, allowing tourists to experience the cultural traditions of indigenous peoples without compromising their comfort.

Considering these factors, this form of tourism can have a significant socioeconomic impact. Through the glamping project, we aim to showcase the hospitality and ethnography of different cultures, emphasizing portability and environmental friendliness. The strict adherence to environmental management ensures that tourists enjoy maximum convenience while contributing to the preservation and celebration of Kazakh traditions and culture.

In terms of economic impact, the glamping market has been growing at an annual rate of 12.5 % since 2018 [19]. There are approximately 1,000 glamping sites worldwide, with prices ranging from \$50 to \$2,000-3,000. As of 2018, the market value of this project was estimated at \$2.1 billion.

According to projections, the estimated value is likely to reach \$4.80 billion. The significant growth of glamping in 2021 can be attributed to the COVID-19 pandemic, which has had a profound impact on the development of domestic tourism. From 2022 to 2025, the growth rate is expected to increase to 12.5 %. Consequently, if a tourist facility is introduced in Katon-karagai park, the initial investment required will be 15,500,000 tenge.

The estimated payback period of our project is considered to be from 9 to 12 months. The projected income for the investor is 4,350,000 tenge. The anticipated project lifecycle is 30 years, with a net profit of 2,592,000 tenge.

Implementation of this glamping project is expected to generate a net monthly profit of 2,099,621.46 tenge, or 69,987.6 tenge per day, which not only covers the costs but also provides a net profit. As a result, glamping can contribute to increased tax revenue for regional and local budgets.

This project «KazGlamping» is profitable. It is important to note that this is only an approximate calculation.

The real profitability of the project may differ from the estimated one depending on many factors, such as:

- Cost of materials and services.
- Demand from tourists.

- The level of competition.
- The economic situation in the country.

The construction process is expected to require minimal coordination and can be completed in a timely manner. However, it is important to ensure that glamping is developed within protected natural areas. Most tent and structure designs are suitable for use in all seasons, allowing for scalability at any time (Figures 11).

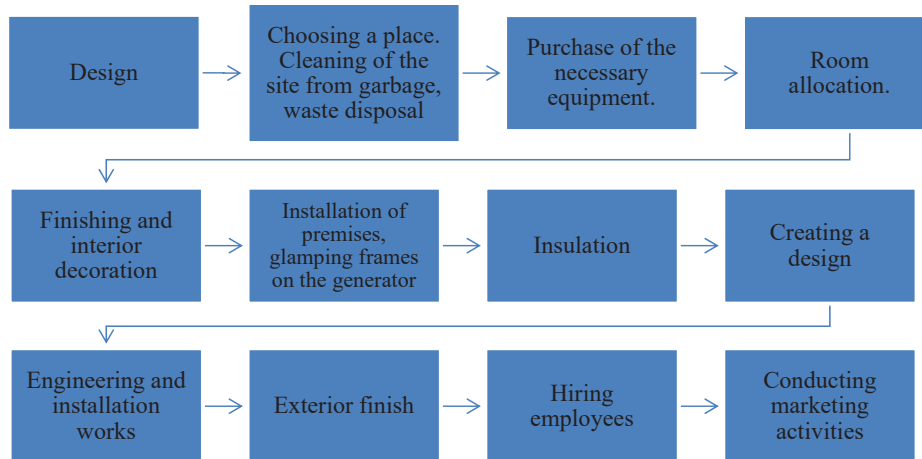

Figure 11 – Project implementation period and construction stages

Note – compiled by the author

From a social perspective, the «KazGlamping» project can create new employment opportunities within the Katonkaragay Park region, resulting in a decrease in the unemployment rate and an improvement in the well-being of the local population. In terms of environmental impact, the close contact with nature allows visitors to appreciate and explore the surrounding environment, often leading them to become active supporters and even investors in environmental organizations. Glamping also has a positive influence on people's health and overall quality of life. Furthermore, it is a mobile and environmentally friendly concept that does not harm the surrounding ecosystem.

Additionally, when effectively organized and managed, glamping contributes to environmental sustainability by minimizing waste. This is attributed to the fact that the accommodation structure is not a permanent fixture and can be relocated if needed.

Furthermore, a well-structured glamping operation includes roles such as a director, manager, administrator, employees, engineers, operators, and security guards. Each employee is required to possess the necessary qualifications and professional skills associated with their respective roles (Table 4, 5).

Table 4 – Technical specifications

Options	Description
Frame	All modules require a metal frame, the thickness of which is selected depending on the wind and snow loads of a particular area.
Coating	Durable and wear-resistant fabric.
Heat	Holofiber 4-10 cm thick, foil part at the dew point and fabric with decor inside. In summer it serves as an insulating layer and protects against heat.
Temperature	From 30 to +40 °C (insulation parameters are calculated for a specific region, climate and average annual temperature changes).
Heating and ventilation	Possible equipment: fireplace stove, heated floor, fan coil, air conditioning, gas boiler, collectors. Availability of forced ventilation in the sanitary area and in the general area of the facility.
Water	Availability of wells, springs, lakes (filters), drinking water. Water heating with boilers.
Electric	Petrol or diesel power plants (generators), solar panels or connection to the public grid.

Safety	Emergency call button (including via the app), smoke and gas detectors, fire extinguishers. If necessary, install an automatic fire extinguishing system. There is video surveillance and security throughout the entire territory.
Communication	Wi-Fi (4G or satellite), mobile phones with app.
Smart technology	Smart locks and sensors, access control, exit control. Climate control, lighting control, AI assistant and on-line communication with staff.
Bathroom	Built-in plumbing module: shower, sink and toilet (dry toilet or septic tank).
Kitchen	Refrigerator, microwave oven, gas stove, kettle. Set of dishes and cutlery. Additional coffee machine.
On the external territory	Pergola with sofas, barbecue, fireplace, sun loungers, hammocks.
Note – compiled by the author	

Table 5 – Supply

Name of equipment, kitchen, bathroom	Quantity wise.	Expenses
King size double bed	1	192000 tenge
Double bed	1	90,000 tenge
Armchair	2	36,000 tenge + 36,000 tenge
Armchair	2	15,000 tenge + 15,000 tenge
Table	1	21,000 tenge
Nightstand	1	9000 tenge
A television	1	60,000 tenge
Fireplace	1	210,000 tenge
Kitchen set	1	78000 tenge
My friend	1	9000 tenge
Plate	1	120,000 tenge
Shower cabin	1	132000 tenge
Toilet	1	27000 tenge
Sink	1	15000 tenge
Mirror	2	6000 tenge
Bin	2	3000 tenge + 3000 tenge
All	20	999000 tenge
Note – compiled by the author		

Additionally, apart from the essential equipment (Table 5), ensuring comfort is vital (Table 6). This is because the items used also serve specific functions and create a desired ambiance within the structures and constructions.

Table 6 - Facilities

Things to create comfort	Quantity	Expenses
A curtain	2 pcs.	10,000 tenge
Bed dress	4 things.	6000*4=24000 tenge
Shampoo	4 things.	1200*4=4800 tenge
Soap	2 pcs.	300*2=600 tenge
Toilet paper	2 pcs.	120*2=240 tenge
Face scarf	8 pcs.	600*8=4800 tenge
Hand towel	4 things.	600*8=4800 tenge
A bath towel	4 things.	1500*4=8000 tenge
All	30 pieces	52440 tenge
Note – compiled by the author		

Choosing the right location is one of the key factors when planning a glamping site. The land can either be owned or rented under a contract. It is crucial to understand the preferences and needs of the target audience to

identify an ideal glamping site. Safety measures, including fire safety equipment, should be implemented, considering the unique characteristics of the chosen location. The architectural style of glamping structures varies according to individual preferences. Contemporary glamping often features residential dome modules nestled among natural landscapes and lush green grass. The project design prioritizes the use of eco-friendly materials such as wooden floors, paved pathways, and abundant greenery, creating a harmonious blend of architecture and the natural surroundings (Figures 12a, 12b). The interior of the accommodation facilities incorporates a palette of natural and muted colors, enhancing the overall ambiance in line with the surrounding environment.

Stationary glamping structures come in various sizes and shapes, with domed houses being a significant form. These houses are constructed using environmentally friendly materials, providing natural ventilation. They offer warmth during cold weather and coolness in hot conditions. Costs are contingent on factors such as the size of the houses, their design, and the quantity of facilities. Risk assessment encompasses several aspects:

- Incorrect site selection;
- Equipment malfunctions;
- Escalation of fixed expenses;
- Adverse climatic conditions;
- Alterations in the legislative framework;
- Potential challenges within the project team.

Figure 12 – Glamping design and original layout

Note – compiled by the author

To achieve the objectives of this article, a combination of comparative analysis method, interviews and SWOT analysis (identifying strengths, weaknesses, opportunities and threats) was used. These methods facilitated the exploration of theoretical aspects related to glamping modernization. An interview with a forest pathologist-engineer assessed the current state of Katonkaragai Park and identified obstacles to its development. The «KazGlamping» project was conceived as part of an initiative to develop ecotourism, introduce effective territorial organization and sustainable development of Katonkaragai Park. The article also discusses international experience in this area.

CONCLUSION

RMM «Katonkaragai Park» provides an update on initiatives aimed at ecotourism development. The National Park is actively developing, adjusting and implementing a comprehensive management plan aimed at ecotourism development. The main objective is to develop infrastructure, including the creation of hiking trails, competition sites, bivouacs, campsites, glamping sites, tent camps, hotels, motels and tourist centers. Addressing these challenges is possible with awareness raising among park staff and local residents, and with government support.

Using methods such as comparative-typical analysis, interviews and SWOT analysis, significant progress has been made. The theoretical aspects of glamping in contemporary scenarios were scrutinised. An interview

with a forest engineer allowed assessing the current state of Katonkaragai Park and identifying obstacles to its development. The «KazGlamping» project was designed as an integral component of ecotourism development, effective territorial organization and promotion strategy for Katonkaragai Park, culminating in the development and implementation of the author's initiatives.

Engaging with untouched nature gives visitors the opportunity to learn and explore the environment, which often turns them into avid supporters and casual investors in environmental organisations. Glamping has a significant impact on people's health and overall quality of life by providing a mobile and environmentally friendly living solution. The installation of glamping facilities is environmentally friendly, requires no construction machinery, preserves natural topography and avoids deforestation. In addition, when properly organised and managed, glamping contributes to environmental conservation by minimising waste, as these dwellings are not elaborate structures and can be relocated if necessary.

The high potential for glamping development in this region is due to a number of factors:

- The unique natural beauty and high level of biodiversity of the national park;
- Increasing interest in ecotourism among both Kazakhstani and foreign tourists;
- Lack of developed infrastructure for glamping, which creates potential for new market players;

Concept of glamping complex «KazGlamping»:

- Environmental sustainability and minimal impact on the natural environment;
- Providing a high level of comfort and service;
- Authentic experience allowing immersion in the natural environment;

Implementation of the project of glamping complex «KazGlamping» can lead to:

- Creation of new jobs;
- Development of infrastructure in the region;
- Increase of tax revenues to the budget;
- Improvement of living standards of the local population.

Nevertheless, hosting guests comes with certain risks, including the possibility of injury, increased risk of fire, the possibility of property theft and exposure to unpredictable weather conditions. Mitigating epidemiological threats is essential, as neglecting them can result in significant losses of glamping capital. In addition, the success of the project depends on the entrepreneur's attentiveness to the target audience.

To further understand the essence of ecotourism, here are the 10 commandments formulated by the International Ecotourism Organisation:

- Recognise the vulnerability of the Earth.
- Leave only footprints and take only photographs.
- Develop knowledge of the world around you, including people's culture and geography.
- Show respect for local people.
- Always walk off the beaten path.
- Advocate for environmental protection programmes.
- Prioritise the use of environmentally friendly practices.
- Support conservation organisations through patronage.
- Prefer to travel with companies that adhere to ecotourism principles.

The authors offer the following specific recommendations for the implementation of the «KazGlamping» glamping complex project in Katon-Karagai National Park (Figure 13):

These recommendations are based on the research conducted by the authors.

Overall, park staff had a favourable view of the survey results. The implementation of well-planned ecotourism initiatives within the nature park has the potential to transform the region into a significant tourist destination in the future.

As you can see, glamping can become one of the most dynamically developing areas of the tourist business, and the prospects for its implementation in the Katon-Karagai National Park are quite large. Communication with pristine nature allows vacationers to feel and explore the world around them, often turning visitors into active assistants, and sometimes investors in environmental organizations. Glamping has a huge impact on the health and quality of life of the population. It is mobile and compatible. The installation of glamping does not

harm the environment, does not lead to the location of construction equipment, does not change the relief of the environment, does not cut down forests. At the same time, with proper organization and management of glamping, the burden on the environment will be less due to waste reduction. Since the placement object does not belong to capital structures, it can be moved to another place if necessary.

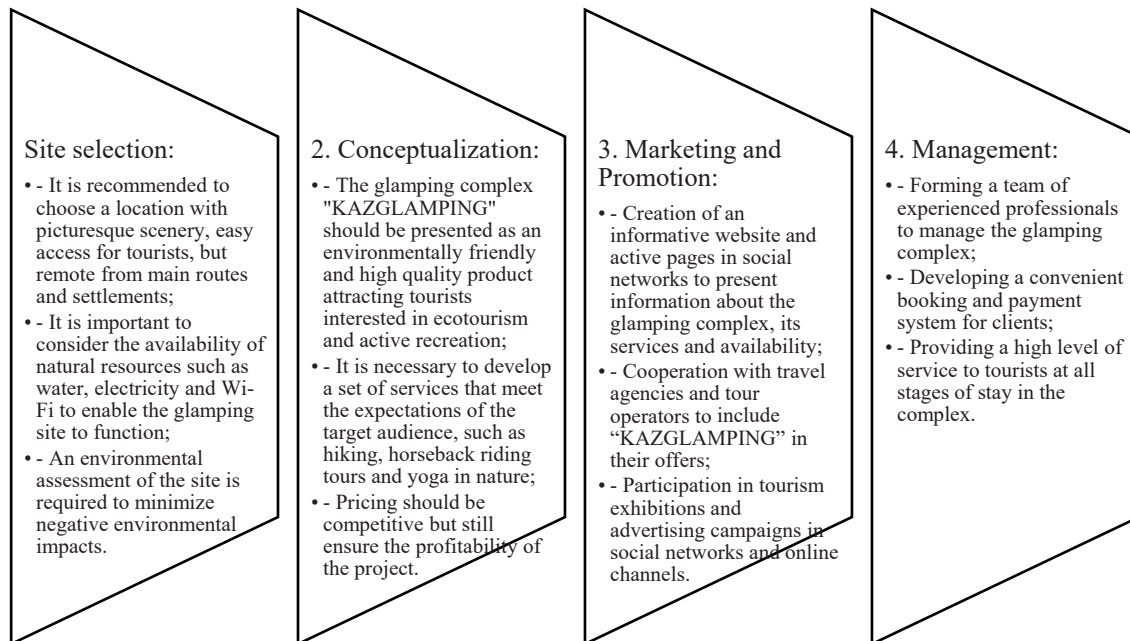

Figure 13 – Specific recommendations for the implementation of the «KazGlamping» glamping complex project in Katon-Karagai National Park

Note – compiled by the authors

The potential for glamping development in Katon-Karagai National Park is significant. The «KazGlamping» project has the potential to be successful if all factors influencing its success are taken into account. Implementation of the project may have a positive impact on the environment, socio-economic development of the region and promotion of ecotourism in Kazakhstan.

REFERENCES

1. Чахова Д. А., Кобяк М. В. Современные кемпинги-новые возможности развития рынка туристских услуг // Вестник евразийской науки. – 2015. – Т. 7. – №. 5 (30). – С. 105.
2. Воротников А. М., Гасанова С. Ф., Стоцкий А. И. Глэмпинг как формат развития экологического туризма на особо охраняемых природных территориях в Арктической зоне Российской Федерации // Журнал исследований по управлению. – 2019. – Т. 5. – №. 1. – С. 3.
3. Лебедева Т. Е. Глэмпинг: мировой опыт, перспективы развития в России // Московский экономический журнал. – 2020. – №. 4. – С. 680 - 686.
4. Дедок В. М. Современное состояние и перспективы развития глэмпинга в мировой индустрии гостеприимства. – 2018. – С. 32-38.
5. Столбова М. А., Калужная Е. Г. Глэмпинг как инновационный проект в сфере гостеприимства // Физическая культура, спорт и молодежная политика в условиях глобальных вызовов. – Екатеринбург, 2023. – С. 817 - 823.
6. Hughes M., Weaver D., Pforr C. The practice of sustainable tourism. – Routledge, New York, 2015. – P.326. – <https://doi.org/10.4324/9781315796154>

7. Ma S. Et al. Global climate resources for camping and nature-based tourism // *Tourism and Hospitality*. – 2021. – Т. 2. – №. 4. – С. 365-379. – DOI:10.3390/tourhosp2040024
8. Budruk M., Stanis S. A. W. Place attachment and recreation experience preference: A further exploration of the relationship // *Journal of outdoor recreation and tourism*. – 2013. – Т. 1. – С. 51-61. – DOI: 10.1016/j.jort.2013.04.001
9. Andrey C. Et al. New trends in the outdoor hospitality industry // *Valais: HES-SO Haute École spécialisée de Suisse occidentale Valais*. – 2014. – vol. 10. – 9 p.
10. Brooker E., Joppe M. Trends in camping and outdoor hospitality—An international review // *Journal of outdoor Recreation and Tourism*. – 2013. – Т. 3. – С. 1-6. – <https://doi.org/10.1016/j.jort.2013.04.005>
11. Kabanova E. E. et al. The impact of the covid-19 pandemic on the development of internal tourism in the Russian federation: A statistical analysis // *Journal of Environmental Management & Tourism*. – 2021. – Т. 12. – №. 8. – С. 2148-2156.
12. Brochado A., Pereira C. Comfortable experiences in nature accommodation: Perceived service quality in Glamping // *Journal of outdoor recreation and tourism*. – 2017. – Т. 17. – С. 77-83.
13. Russia Discovery «Глэмпинг — отдых на природе с комфортом» [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://www.russiadiscovery.ru/news/glamping/#:~:text=Skylodge%20> (Accessed: 04.08.2024).
14. Дедок, В. М. Современные тенденции развития международного туризма в мире и Республике Беларусь в условиях глобализации // *Вестник Белорусского государственного университета*. – 2018. – Т. 4. – № 2. – С. 32-38.
15. The most instagrammed glamping in Kazakhstan [Electronic resource]. – 2022. – URL: <https://tengri-travel.kz/my-country/chto-takoe-glamping-top-5-luchshih-lokatsiy-v-kazahstane-473534/#:~:text&text> (Accessed: 03.08.24).
16. JB Camp. Glamping market size, share & growth analysis report 2030 [Electronic resource]. - 2024. – URL: <https://jb.camp/invest> (Accessed: 03.08.2024).
17. Grand View Research. Glamping market analysis [Electronic resource]. - 2024a. – URL: <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/glamping-market> (Accessed: 03.08.2024).
18. Grand View Research. Glamping market size - Global [Electronic resource]. - 2024b. – URL: <https://www.grandviewresearch.com/horizon/outlook/glamping-market-size/global> (Accessed: 03.08.2024).
19. Lu J. et al. Предпосылки участия клиентов в глэмпинге: критическая роль оригинальной экологии // *Международный журнал гостиничного менеджмента*. – 2021. – Т. 95. – С. 102919.

REFERENCES

1. Chahova, D. A., & Kobjak, M. V. (2015). Sovremennye kempingi-novye vozmozhnosti razvitiya rynka turistskih uslug. *Vestnik evrazijskoj nauki*, 7(5), 105. (In Russian)
2. Vorotnikov, A. M., Gasanova, S. F., & Stockij, A. I. (2019). Gljemping kak format razvitiya jekologicheskogo turizma na osobo ohranjaemyh prirodnyh territorijah v Arkticheskoy zone Rossijskoj Federacii. *Zhurnal issledovanij po upravleniju*, 5(1), 3. (In Russian)
3. Lebedeva, T. E. (2020). Gljemping: mirovoj opyt, perspektivy razvitiya v Rossii. *Moskovskij jekonomicheskij zhurnal*, 4, 680-686. (In Russian)
4. Dedok, V. M. (2018). *Sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya gljempinga v mirovoj industrii gostepriimstva*. (In Russian)
5. Stolbova, M. A., & Kaljuzhnaja, E. G. (2023). Gljemping kak innovacionnyj proekt v sfere gostepriimstva. In *Fizicheskaja kul'tura, sport i molodezhnaja politika v uslovijah global'nyh vyzovov* (pp. 817-823). Ekaterinburg. (In Russian)
6. Hughes, M., Weaver, D., & Pforr, C. (2015). *The practice of sustainable tourism*. Routledge.
7. Ma, S., Zhang, L., Zhang, Y., & Wu, S. (2021). Global climate resources for camping and nature-based tourism. *Tourism and Hospitality*, 2(4), 365-379. DOI:10.3390/tourhosp2040024
8. Budruk, M., & Stanis, S. A. W. (2013). Place attachment and recreation experience preference: A further exploration of the relationship. *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*, 1, 51-61. DOI: 10.1016/j.jort.2013.04.001

9. Andrey, C., Fink, L., & Matthews, S. (2014). New trends in the outdoor hospitality industry. Valais: HES-SO Haute École spécialisée de Suisse occidentale Valais, 10, 9 p.
10. Brooker, E., & Joppe, M. (2013). Trends in camping and outdoor hospitality—An international review. *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*, 3, 1-6. <https://doi.org/10.1016/j.jort.2013.04.005>
11. Kabanova, E. E., Erofeev, A. A., & Varlamov, A. P. (2021). The impact of the COVID-19 pandemic on the development of internal tourism in the Russian Federation: A statistical analysis. *Journal of Environmental Management & Tourism*, 12(8), 2148-2156.
12. Brochado, A., & Pereira, C. (2017). Comfortable experiences in nature accommodation: Perceived service quality in Glamping. *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*, 17, 77-83.
13. *Russia Discovery*. (2024). Gljemping — otдых na prirode s komfortom. Retrieved August 4, 2024, from <https://www.russiadiscovery.ru/news/glamping/#:~:text=Skylodge%20> (In Russian)
14. Dedok, V. M. (2018). Sovremennye tendencii razvitiya mezhdunarodnogo turizma v mire i Respublike Belarus' v usloviyah globalizacii. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4(2), 32-38. (In Russian)
15. Tengri Travel. (2022). The most instagrammed glamping in Kazakhstan. Retrieved August 3, 2024, from <https://tengritravel.kz/my-country/chto-takoe-glamping-top-5-luchshih-lokatsiy-v-kazahstane-473534/#:~:text=text&text> (In Russian)
16. JB Camp. (2024). Glamping market size, share & growth analysis report 2030. Retrieved August 3, 2024, from <https://jb.camp/invest>
17. *Grand View Research*. (2024a). Glamping market analysis. Retrieved August 3, 2024, from <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/glamping-market>
18. *Grand View Research*. (2024b). Glamping market size - Global. Retrieved August 3, 2024, from <https://www.grandviewresearch.com/horizon/outlook/glamping-market-size/global>
19. Lu, J., Li, C., & Xu, W. (2021). Predposylki uchastija klientov v gljempinge: kriticheskaja rol' original'noj jekologii. *Mezhdunarodnyj zhurnal gostinichnogo menedzhmenta*, 95, 102919. (In Russian).

«ГЛЭМПИНГ» НЕГІЗІНДЕ ЭКОТУРИЗМДІ ДАМУ: КАТОНҚАРАҒАЙ ҰЛТТЫҚ ПАРКІ МЫСАЛЫНДА

Е. Р. Дәулетханова^{1*}, А. С. Ақтымбаева¹, А. Ж. Сапиева¹

¹әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты. Бұл мақала, Катонқарағай ұлттық саябағының аумағында жаңа жұмыс орындарын құруға, сәйкесінше жұмыссыздық деңгейін азайтып, жергілікті халықтың әл-ауқатын жақсартуға сонымен қатар, аймақтық және жергілікті бюджеттерге салық түсімдерін көбейтіп, Катонқарағай саябағының ерекше табиғатын сақтауға бағытталған.

Ғылыми-зерттеу жұмысының негізгі проблемасы – қазіргі таңда ерекше қорғалатын табиғи аумақтардағы инфрақұрылымның жеткіліксіз дамуы және туристер мен отандастардың орналасу орындарының болмауына байланысты, олар табиғатпен байланыса алмайды. Әсіресе, біз зерттеген аумақта, біз тұрақты даму принципіне негізделген табиғатқа әсер етпейтін заманауи тренд-глэмпингті жобалауды шештік.

Әдіснамасы. Салыстырмалы-тарихи талдау әдісі, интервью және SWOT-талдау әдісі (күшті, әлсіз жақтары, мүмкіндіктері мен қауіптері), Jewelberry Glamping-глэмпинг желісінің тәжірбиесі қолданылады.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Көптеген адамдар қол жетімсіз табиғаттың сұлулығын, сирек кездесетін табиғи құбылыстармен бетпе-бет келуге, демалыстың жаңа форматын көруге талпынады,

бірақ бәрі бірдей үлкен рюкзактармен серуендеуге дайын емес. Сондықтан әлемде экологиялық туризмнің жаңа түрі – жұмсақ табиғатты пайдалану мен жайлы тұрудың сұранысына жауап беретін «глэмпинг» танымал бола бастады. Соған орайда, біз дайындаған «KazGlamping» жобасы Катонқарағай паркінде бұрын соңды жүзеге асырылмаған, бірден-бір жаңа бағыт.

Зерттеу нәтижелері. Глэмпингті заманауи жағдайда зерттеудің теориялық аспектілері зерделенді; Орманпатолог-инженерінен сұхбат алу арқылы Катонқарағай паркінің қазіргі жағдайы, сонымен қатар дамуын тежейтін мәселелер айқындалды; Катонқарағай ұлттық паркінде экотуризмді дамыту, тиімді аумақтық ұйымдастыру және ілгерілету шеңберінде «KazGlamping» жобасы әзірленді, авторлық және енгізу актісі алынды; Мақалада шетел тәжірбиелері де қарастырылған.

Түйін сөздер: Катонқарағай ұлттық саябағы, глэмпинг, экотуризм, туризм, шығын, кіріс, экоотель.

Алғыс: Мақала Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің қаржыландыруымен АР08855888 «Экологиялық туризмді аумақтық ұйымдастыру арқылы Қазақстанның ұлттық парктерінің тұрақты дамуын қамтамасыз ету» жобасы аясында дайындалды.

РАЗВИТИЕ ЭКОТУРИЗМА НА ОСНОВЕ «ГЛЭМПИНГ»: КЕЙС КАТОН-КАРАГАЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА

Е. Р. Даулетханова^{1*}, А. С. Актымбаева¹, А. Ж. Сапиева¹

¹Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Данная статья направлена на создание новых рабочих мест на территории Катон-Карагайского национального парка, соответственно снижение уровня безработицы и улучшение благосостояния местного населения, а также увеличение налоговых поступлений в региональные и местные бюджеты, сохранение уникальной природы Катон-Карагайского парка.

Основной проблемой исследовательской работы является недостаточное развитие инфраструктуры на современных охраняемых природных территориях и неспособность туристов и соотечественников соприкоснуться с природой из-за нехватки жилья. Специально для территории, которую мы изучали, мы решили спроектировать глэмпинг - современное направление, не затрагивающее природу, построенное на принципе устойчивого развития.

Методология исследования. Сравнительно-исторический метод анализа, интервью и SWOT-анализ (сильные и слабые стороны, возможности и угрозы).

Оригинальность / ценность исследования. Многие стремятся увидеть красоту недоступной природы, столкнуться с редкими природными явлениями, увидеть новый формат отдыха, но далеко не все готовы отправиться в поход с большими рюкзаками. Поэтому в мире набирает популярность новый вид экологического туризма – «глэмпинг», отвечающий требованиям мягкого природопользования и комфортного проживания. В связи с этим, подготовленный нами проект «KazGlamping» в Катон-Карагайском парке - это одно новое направление, которое никогда раньше не реализовывалось.

Результаты исследования. Изучены теоретические аспекты исследования глэмпинга в современных условиях; через интервью с инженером-лесопатологом определено современное состояние Катон-Карагайского парка, а также проблемы, сдерживающие его развитие; разработан проект «KazGlamping» в рамках развития, эффективной территориальной организации и продвижения экотуризма в Катон-Карагайском парке; Получен авторство и акт внедрения; Рассмотрен зарубежный опыт.

Ключевые слова: Катон-Карагайский национальный парк, глэмпинг, кемпинг, экотуризм, туризм, расходы, доходы, экоотель.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках проекта AP08855888 «Обеспечение устойчивого развития национальных парков Казахстана через территориальную организацию экологического туризма» при финансировании Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

ABOUT THE AUTHORS

Dauletkhanova Yerkezhan Ruslankyzy – 2nd year master's student of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: daulethanova_e@mail.ru,

Aktymbaeva Aliya Sagyndykovna – Candidate of Geography, Associate Professor, Dean of the Faculty of Geography and Nature Management, Kazakh National University of Al-Farabi, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: alia_79-30@mail.ru,

Sapiyeva Akmaral Zhenisbaevna – Senior Lecturer of the Department of Recreational Geography and Tourism, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: mashok_1993@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7717-8139>

MPHTI 06.91

JEL Classification: Q1

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-4-72-83>

EXAMINING THE IMPACT OF THE AGRICULTURAL INDUSTRY ON KAZAKHSTAN'S ECONOMY: TRENDS, CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

K. Beketova¹, Zh. Kinasheva², A. Smagulova^{3*}

¹Korkyt ATA Kyzylorda University, Kyzylorda, Republic of Kazakhstan

² Kazakh National Conservatory, Almaty, Republic of Kazakhstan

³International University of transportation and humanities, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose. By analyzing the relationship between agricultural production, emissions, agricultural employment and local communities, the study aims to highlight the role of agriculture in economic development, as well as provide specific recommendations for policymakers in prioritizing agriculture.

Methods. The authors use linear regression as a methodology to establish and identify the relationship between agricultural indicators and GDP growth. The data was taken from various reliable sources, such as the Statistics Agency of the Republic of Kazakhstan and the World Bank. The regression includes both dependent variables (GDP) and independent variables (agricultural activity). Statistical tests are also presented to assess the significance and reliability of the findings.

Originality / Value. The article presents new evidence of the dependence of the economy of the Republic of Kazakhstan on the agricultural sector. The uniqueness of the work lies in the identification of the main problems of the agricultural sector and the proposed solutions. The consideration of carbon dioxide emissions and rural employment issues adds a special scientific depth to the study.

Findings. The regression analysis identified factors that directly influence the growth of the GDP of the Republic of Kazakhstan. Moreover, the R-square indicates that a significant portion of the variance in the dependent variable can be explained by the selected independent variables, demonstrating the model's effectiveness in identifying the key determinants of agricultural productivity. As observed from the research results, Kazakhstan's agricultural sector requires more attention compared to the industrial sector. This sector

is responsible for the growth of GDP and economic productivity, with empirical evidence supporting this. By supporting agrarian policies and investments, it is possible to combat poverty and sustainably develop the rural population.

Keywords: Dutch disease, agriculture, economic growth, production indices, CO2 emissions, employment, rural population.

INTRODUCTION

In the midst of a pandemic and a prolonged global economic downturn, Kazakhstan's agricultural sector has significant potential to lead the country out of its current economic crisis. By leveraging resources effectively and reforming the subsidy system, Kazakhstani agro-industrial complex can become a competitive player in international markets and pave the way for diversifying the national economy.

Currently, agriculture accounts for less than 5% of Kazakhstan's GDP. Since the 2000s, rising global oil prices have led to a decrease in agriculture's GDP share. As a major oil exporter, Kazakhstan experienced an increased exchange rate, accelerated domestic price growth, and a significant outflow of human resources and funds to the booming oil industry. This phenomenon, commonly known as "Dutch disease," has adversely affected agriculture and the manufacturing sector [1].

Key obstacles hindering the development of the agro-industrial complex include weak implementation of state programs, limited access to financing, a lack of qualified personnel, drought, low wages, and low production volumes. Additionally, entrenched corruption in the distribution of state subsidies hampers the effectiveness of national projects aimed at developing the agro-industrial sector.

Our research suggests that while the agricultural sector faces numerous challenges, these are not insurmountable. The 2021-2025 national project targets 4.1 trillion tenge, export growth, labor productivity, agricultural processing, and expanded irrigation [2]. Adding to this fact, clear digital and paper-based monitoring for land seizure and transfer, stringent financial oversight to prevent corruption, and a reformed subsidy system are crucial steps. Effective implementation of responsibilities and personal accountability at all levels are essential.

Literature review. The agricultural sector in Kazakhstan holds significant potential to drive the country's economy. To realize this potential, several key factors and strategies need to be addressed, drawing insights from various scholars and reports.

Lio and Liu [3] argue that effective government control is essential for enhancing agricultural productivity. Better management by the government can lead to significant improvements in productivity without changing climatic conditions or input resources. Protecting property rights and ensuring contract reliability are also critical, as these measures enhance the competitiveness of the agricultural sector by promoting the adoption of new technologies, equipment, and innovations [3].

However, Kazakhstan's agricultural sector has faced challenges due to the "Dutch disease," as discussed by Timur Aliev. Since gaining independence, the share of agriculture in the GDP has declined, especially in the 2000s when global oil prices surged. This phenomenon, common in oil-exporting countries, has led to a focus on the extractive industry at the expense of agriculture, despite its importance for economic diversification [4].

The International Bank for Reconstruction and Development highlights the persistent issue of rural poverty in Asia, which has parallels in Kazakhstan. Despite high economic growth rates, rural poverty remains widespread, with over 600 million rural residents living in poverty. The report suggests that job creation through agricultural diversification is crucial. Developing and supporting linkages between agro-industry and other industries can create a bridge between rural and urban areas. This type of approach could work well for Kazakhstan, thereby reducing regional poverty and stimulating economic growth [5].

North [6] identified two arguments regarding the contribution of agriculture to economic growth. One of the arguments shows that there is some dependence on the availability of agricultural products in stocks. This affects operational efficiency and reduces the obstacles encountered in industrial growth. The following argument shows that economic growth and growth in general varies over time and depends on location, for example, there is a difference between urban industrial areas and rural industrial areas. North stresses the importance of regional capability in integrating into larger markets through exports, which in turn can lead to sustainable growth and diversified economic activities [6].

Semenova [7] emphasizes the multifactorial relationship between agricultural employment and economic growth. Key factors for economic growth include increasing investment, utilizing idle labor, improving work-force skills, reclaiming land, and enhancing production methods, all boosting demand, income, and savings [7]. Other authors also connect agriculture and employment, for example Chang (2011) aims to examine labor movement within Taiwan's agricultural sector in order to elucidate the relationship between agricultural policy and adjustment issues, focusing on estimating the labor movement function. The methodology involves analyzing the movement of labor between the agricultural sector and other sectors through empirical analysis of migration patterns. This analysis highlights how various policy factors impact the incentives for labor migration and hinder off-farm labor migration. Factors include price support policies, incomplete farmland conversion regulations that encourage farmers to retain land, and government agricultural spending, including direct transfers. By simulating the removal of these policies, the study reveals their impact on labor migration dynamics [8].

Prokhorova et al. [9] advocate for the diversification of agricultural sectors as a foundation for efficiency in a market economy. The agro-industrial complex (AIC) should be recognized as a critical component of the national economy. The key objectives for the agro-industrial complex (AIC) are to meet food and consumer goods needs, ensure food security by reducing import dependence, enhance system efficiency, and support the economic and social interests of agricultural workers [9]. The governmental injections were also reviewed by Gylfason et al. [10]. He was focusing on several reasons why natural resource abundance and widespread agriculture seem to impede economic growth worldwide. He presents empirical, cross-sectional evidence from transition economies in Eastern and Central Europe, as well as Central Asia, since 1990. The central argument posits that heavy dependence on natural resources and agriculture can lead to rent-seeking behaviors, such as corruption, and policy failures, such as inflation. Additionally, this reliance may also discourage investment in education, international trade, and genuine savings, ultimately slowing down economic growth. The researchers conclude the paper with a brief discussion of policy implications drawn from the study's findings [10].

Effective government control, addressing the impacts of "Dutch disease," bridging the rural-urban income gap, leveraging agricultural employment for economic growth, and diversifying agricultural sectors are crucial steps. By implementing these measures, Kazakhstan can transform its agro-industrial complex into a competitive and vital part of the national economy, fostering economic diversification and resilience.

MAIN PART

Methodology. Kazakhstan, nowadays, has all of the resources, land, weather conditions and other possibilities for agricultural development. However, as we can see on the Figure 1 below, the weight of agriculture in overall GDP is very small. In the first quarter of 2024, the economic landscape unveiled a varied distribution across sectors in the country. Agriculture, forestry, and fishing accounted for a modest yet significant 2.3% of the economic activity. Despite its numerical modesty, this sector serves as the cornerstone of sustenance, intertwining livelihoods with the land, and preserving a rich cultural heritage deeply rooted in the soil.

The industrial sector dominated the economic scene with a robust 28.8 %, reflecting the nation's prowess in manufacturing, mining, and quarrying. Manufacturing alone contributed 13.8 %, symbolizing innovation, productivity, and employment opportunities. Mining and quarrying, constituting 12.8 %, showcased the nation's resource exploitation capabilities. Electricity, gas, steam, and air conditioning supply represented 1.9 %, underpinning the infrastructural backbone vital for industrial operations and societal comfort. Meanwhile, the water supply; sewerage, waste management, and remediation activities accounted for 0.3 %, signifying the essential yet often overlooked services ensuring public health and environmental sustainability. Construction, standing at 4.4 %, symbolized growth, development, and urbanization, as the nation continued to build its future. Yet amidst this diverse economic tapestry, agriculture, forestry, and fishing stood out not just as a statistic, but as a testament to resilience, tradition, and the enduring bond between humanity and nature.

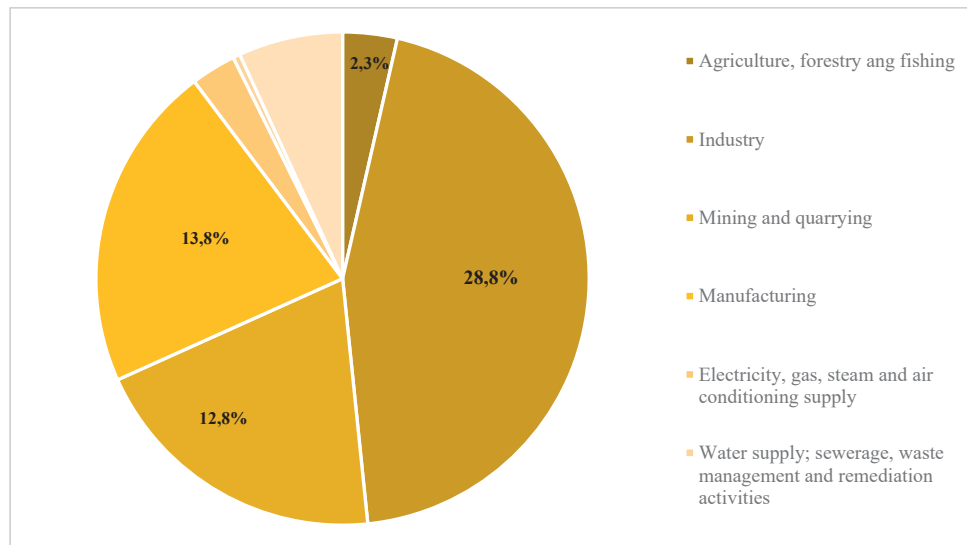

Figure 1 – Structure of GDP by the production method (1st quarter 2024)

Note – Compiled by the author based on [11]

Agriculture directly contributes to GDP through the production and sale of agricultural raw materials. As exports of these materials increase, they contribute positively to GDP growth by generating revenue and creating employment opportunities (Figure 2). The Figure below illustrates the trajectory of agricultural raw materials exports and imports as a percentage of merchandise trade over several decades. Beginning at 2.81 % in 1995, exports peaked at 3.15 % in 1996 before gradually declining. Similarly, imports started at 2.09 % in 1995, fluctuating thereafter. The gap between them varied significantly, ranging from wide surpluses to narrow balances. For instance, in 1996, the gap was substantial, indicating a surplus in exports. Conversely, in 2007, the gap narrowed, suggesting a closer balance between exports and imports. This interplay reflects a nation's competitive advantage, resource management, and market dynamics.

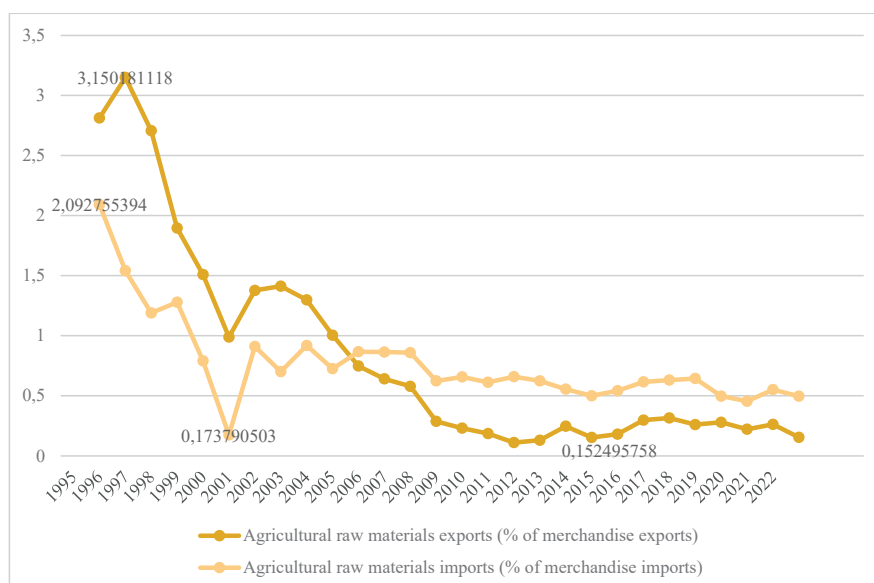

Figure 2 – Agricultural raw materials export and import

Note – Compiled by the author based on [12]

The connection between agricultural raw materials exports and imports is intertwined with various factors such as domestic production capacity, international demand, trade policies, and market dynamics. High levels of agricultural raw materials exports relative to imports can indicate a competitive advantage in production, efficient resource utilization, or strong demand in global markets. Conversely, a higher level of imports compared to exports may signify either a domestic shortage of certain raw materials, reliance on foreign sources to meet domestic demand, or preferences for imported varieties due to quality or price considerations. Nowadays, the gap between export and import is going to be narrowed.

As, we consider the agricultural development and economic growth, we took main production indices, as food, crop and livestock. They are crucial metrics used to assess changes in agricultural output over time. The food production index tracks overall food production within a country, encompassing crops, livestock, fisheries, and forestry products. It serves as a vital indicator of food security and self-sufficiency. The crop production index specifically measures changes in crop volume, spanning cereals, vegetables, fruits, and oilseeds, providing insights into agricultural productivity and food availability. Meanwhile, the livestock production index monitors variations in livestock and livestock product volumes, such as meat, milk, and eggs, reflecting the health and performance of the livestock sector. These indices collectively inform policymakers, researchers, and stakeholders about agricultural performance, aiding in the formulation of strategies to enhance productivity, ensure food security, and foster economic development [13] (Figure 3).

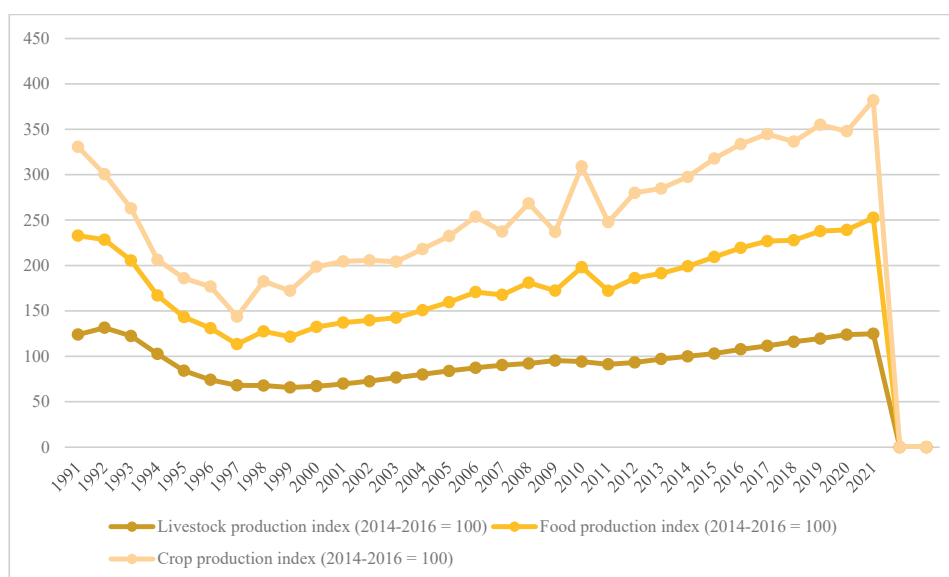

Figure 3 – Production indices (food, crop, livestock)

Note – Compiled by the author based on [12]

Livestock index reflects changes in the volume of livestock and related products. Despite fluctuations, it generally maintained an upward trajectory, reaching 124.81 by 2023. Peaks and troughs suggest variations in factors such as market demand, disease outbreaks, and climatic conditions. *Food production index* tracks overall food production, this index encompasses crops, livestock, fisheries, and forestry products. It displayed resilience, rebounding from downturns to peak at 127.76 in 2021, demonstrating the sector's ability to overcome challenges and adapt to changing conditions. *Crop production index* is focused on changes in crop volume, this index encompasses cereals, vegetables, fruits, and oilseeds. Despite fluctuations, it showed consistent growth, reaching 129.35 by 2023, driven by advancements in technology, improved agricultural practices, and increased market demand.

The livestock production index showed steadier growth than the food and crop indices, indicating resilience in livestock activities. On the other hand, the food production index, reflecting overall food production,

demonstrated a remarkable rebound from downturns, highlighting the sector's adaptability and importance for food security. Meanwhile, the crop production index exhibited consistent growth, driven by advancements in agricultural practices and technology.

For agricultural development, the country needs labor productivity as well. The relationship between economic growth and employment has been a topic of much debate. While the unemployment rate is typically seen as a lagging indicator, there is disagreement on whether employment itself is coincident or lagging [14].

The Figure 4 below shows the overall employment in agriculture and also the male and female difference (involved in the agricultural process). The overall percentage of employment in agriculture in Kazakhstan has been gradually declining over the years. It started at 36.66% in 1990 and decreased to 12.86% by 2023. This decline suggests a structural shift in the economy away from agriculture towards other sectors, such as industry and services.

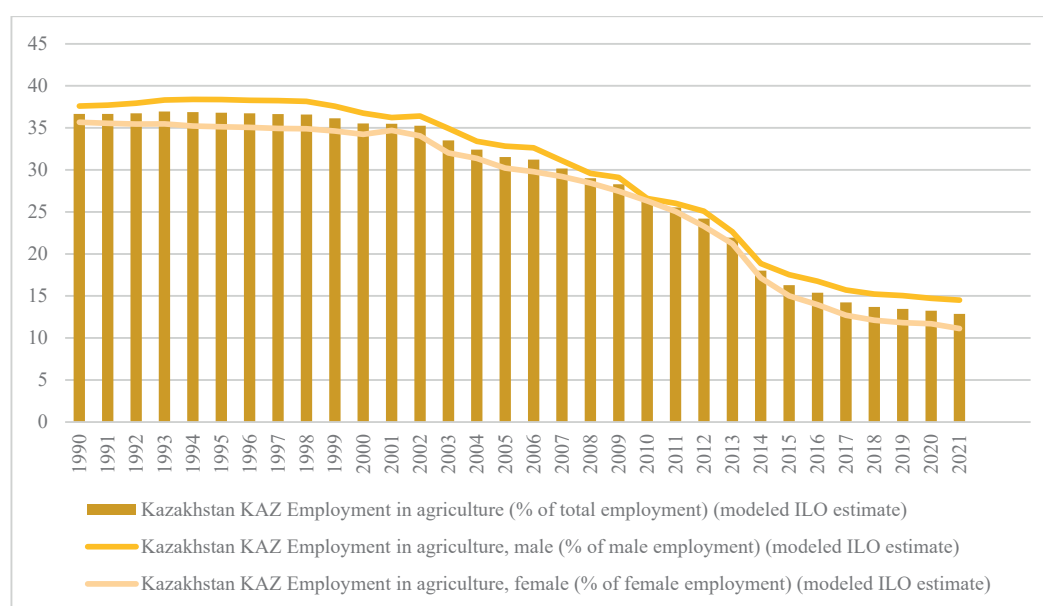

Figure 4 – Employment in agriculture (male and female) 1990-2021

Note – Compiled by the author based on [12]

Both male and female employment in agriculture followed a similar downward trend, although there were slight differences in the percentages. Male employment in agriculture started at 37.59% in 1990 and decreased to 14.51% by 2023. Female employment in agriculture started at 35.67% in 1990 and decreased to 11.13% by 2023. Despite the similar trends, male employment consistently remained slightly higher than female employment throughout the period.

The decline in employment in agriculture could be attributed to various factors, including technological advancements, mechanization of agriculture, and urbanization. This is supported by the share and very slight growth of rural population in Kazakhstan within last few years (Figure 5).

The percentage of Kazakhstan's population living in rural areas has been gradually declining over the years. It started at 43.73 % in 1990 and decreased to 42.01 % by 2023. This decline is indicative of a significant urbanization trend. More people are moving from rural areas to cities in search of better opportunities, infrastructure and services. A declining rural population often leads to a decline in the agricultural labor force and agricultural activities, which in turn leads to a decline in agricultural production. As rural residents migrate to cities in search of alternative employment opportunities, the agricultural labor force is declining, resulting in lower production and a widening gap between exports and imports of agricultural products. This link highlights the important role of rural populations in maintaining agricultural productivity and the broader impact of rural-to-urban migration on the agricultural economy.

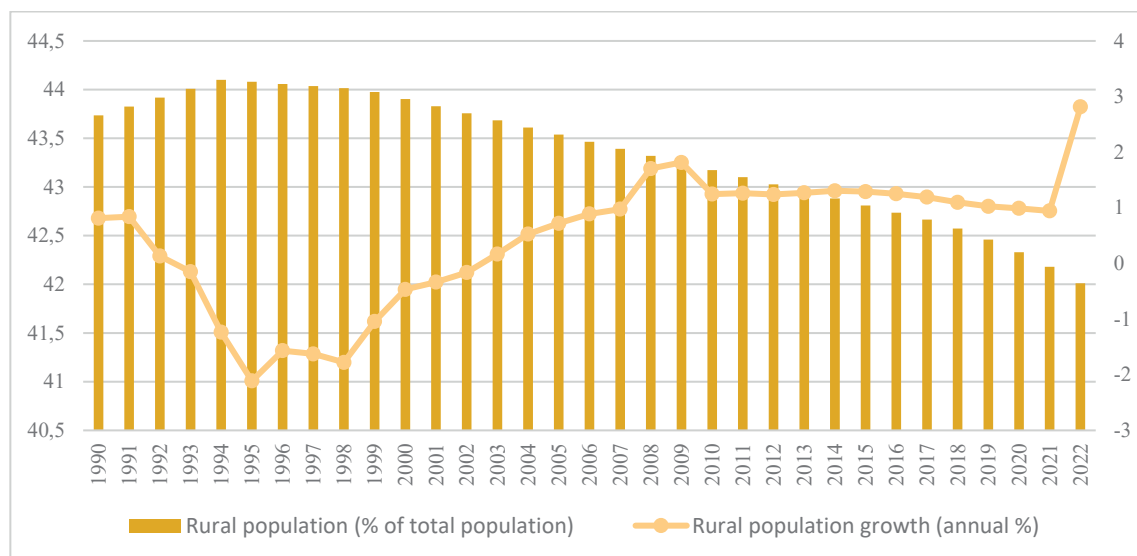

Figure 5 – Share and growth of rural population from 1990-2022

Note – Compiled by the author based on [12]

Previous studies have shown an interdependence between crop production indices and carbon dioxide emissions. More uneven relationship was found between livestock production and carbon dioxide emissions [15]. This study uses a regression model with GDP as the dependent variable to reflect economic growth (Table 1). In addition, given that Kazakhstan is a manufacturing-oriented country, carbon dioxide emissions are included as a factor in the analysis [16].

(1)

$$\begin{aligned} \Delta GDP_{growth} = & 36.3 * LSPI_{201_1} - 101 * FPI_{2014201_1} + 61.6 * \\ & CPI_{2014201_1} - 2.47 * CO2_1 - 2.71 * AgRME_1 + 6.36 * Emp_1 - \\ & 0.877 * Ruralpop_1 \end{aligned}$$

Where we apply:

Table 1 – Model variables description

Variable	Meaning (1991-2022)
GDPgrowth	Growth rate of GDP
LSPI (livestock production index)	A measure quantifying the output and productivity of livestock farming, including meat, dairy, and other animal products.
FPI (food production index)	An indicator gauging the overall productivity and output of food crops and livestock, reflecting the agricultural sector's ability to meet food demands.
CPI (crop production index)	A metric assessing the productivity and output of crop cultivation, encompassing various agricultural commodities such as grains, fruits, and vegetables.
CO2 emissions	Abbreviation for carbon dioxide emissions, a greenhouse gas emitted through various human activities, including combustion of fossil fuels, deforestation, and industrial processes.
AgRME (agricultural raw materials export)	The quantity and value of agricultural commodities exported from a country, including raw materials like crops, livestock products, and other agricultural produce.

Emp (Employment in agriculture)	The number of individuals engaged in agricultural activities within a specific region or country, providing insight into the labor force distribution across various sectors.
Ruralpop (Total rural population)	The collective number of inhabitants residing in rural areas within a given geographical area, offering insights into demographic patterns and rural development dynamics.
Note – Compiled by the author based on [12] *** All of the variables are represented in logarithms (LN)	

Results and discussions. We built a regression model. We included all the variables described earlier to test our established hypothesis. The variables were selected for several reasons; primarily there is both theoretical significance and empirical evidence that suggests an impact on the dependent variable. This variable represents a fundamental aspect in agricultural production and environmental sustainability. We also took variables of livestock production, crop production, and food production, which in general, for example, show the overall productivity of rural production. At the same time, variables such as CO2 emissions and agricultural land reflect the environmental aspects and consequences of agricultural activities. In addition, the importance of human capital and demographic dynamics take into account socio-economic factors and are determined by such factors as the rural population, agricultural employment.

According to the regression model, we get the following results (Table 2).

Table 2 – Regression model. Agricultural impact on GDP growth.

Variable	Coefficient	Standard error	T-statistics	P-value
Livestockprodu~_1	36.2725	28.1486	1.289	0.2116
Cropproduction~_1	-100.625	55.7363	-1.805	0.0854 *
Foodproduction~_1	61.5845	29.0420	2.121	0.0460 **
CO2emmissions~_1	-2.46922	10.8926	-0.2267	0.8229
Agriculturalra~_1	-2.71215	1.52740	-1.776	0.0903 *
Employmentinag~_1	6.35551	3.11171	2.042	0.0539 *
Ruralpopulatio~_1	-0.877114	0.873568	-1.004	0.3268
R-squared: 0.822357 F-statistic (7, 21): 19.68684 p-value (F): 6.79e-08 Akaike criterion: 146.8495 Schwarz criterion: 156.1749 Durbin-Watson statistic: 1.794889				
Note – Compiled by the author based on [12]				

Regression analysis indicated that complex relationships were established between various agricultural and environmental factors and the dependent variable, which are likely to represent an important aspect of agricultural production and environmental sustainability. Coefficients, standard errors, t-statistics and p-values for each independent variable were determined to determine their significance in predicting the dependent variable. In addition, a number of summary statistics were considered to comprehensively evaluate model performance, including the mean and standard deviation of the dependent variable, measures of model fit such as R-squared and F-statistics, and diagnostics such as the Durbin-Watson statistic.

The findings provide compelling insight into the interaction between agricultural sector dynamics and the broader economic climate. Notably, the variables crop production and agricultural employment were found to be statistically significant predictors of the dependent variable with coefficients of 61.5845 and 6.35551, respectively, and p-values of 0.0460 and 0.0539. In contrast, variables such as CO2 emissions and agricultural land showed less significant relationships with coefficients of -2.46922 and -2.71215 and p-values of 0.8229 and 0.0903, highlighting the complexity of environmental factors in farming systems.

In addition, a robust R-squared of 0.867765 indicates that a significant portion of the variance in the dependent variable can be explained by the selected independent variables, indicating the effectiveness of the model

in identifying key determinants of agricultural productivity. However, potential problems such as the presence of borderline significant variables and autocorrelation reflected in the Durbin-Watson statistic 1.794889 require further research and refinement of the model.

Given these findings, it is clear that agriculture has a significant impact on economic growth and overall national prosperity. Empirical evidence suggests that agriculture can make a significant contribution to GDP growth and economic development. It is therefore critical that policymakers pay due attention to the agricultural sector, recognizing its potential to stimulate economic activity, reduce poverty and promote sustainable development.

Policymakers in the agriculture sector of Kazakhstan should increase agricultural productivity, improve infrastructure and access to markets to promote sustainable farming practices. Moreover, they can maximize the potential of the agricultural sector as a catalyst for inclusive growth and prosperity.

This analysis highlights the critical importance of agriculture in shaping economic results and highlights the need for policymakers in Kazakhstan and beyond to prioritize agriculture on the policy agenda. By harnessing the transformative power of agriculture, policymakers can pave the way for sustainable economic growth and improved food security.

CONCLUSION

Kazakhstan's agricultural sector has untapped potential, but is underdeveloped and underfunded compared to its industrial sector. Kazakhstan's agricultural policy has been influenced by multifaceted diplomacy, particularly regionalism within the Eurasian Economic Union (EAEU) and China's Belt and Road Initiative (BRI). New opportunities for local producers, increased competition, especially from productive partners such as Russia, is a problem.

Participation in the BRI not only facilitates the transit of Chinese products, but also opens up opportunities for increasing the export of agricultural products to China. Kazakhstan plays a key role in this initiative and therefore can negotiate favorable conditions for the export of agricultural products if they meet global production standards.

To take advantage of these opportunities, Kazakhstan must bring its agricultural practices in line with international standards and anticipate demand in key markets such as the EU, Russia and China. This includes promoting free trade agreements (FTAs), harmonizing agricultural support within the EAEU and expanding agricultural services. Using regionalism can help create Eurasian value chains that combine the strengths of the EAEU member countries and neighboring Central Asian countries.

Other state-owned financial entities like the Fund for Financial Support of Agriculture JSC and the Kazakh Agrarian Credit Corporation provide microcredit and loans to SMEs and farmers. In June 2020, the World Bank approved a \$500 million loan for a Sustainable Livestock Development Program, aiming to train farmers and improve infrastructure for sustainable livestock production, including a traceable beef production system. Key sub-sectors in agriculture include chemical products, grain machinery, seeds, livestock genetics, food processing, water-saving technologies, and aquaculture. American agricultural exports to Kazakhstan, particularly equipment like tractors and combines, have a strong reputation. Opportunities lie in machinery, grain storage, irrigation technologies, and veterinary services.

Additionally, there's a growing market for U.S. food imports like beef, poultry, almonds, and beverages. Fresh fruits and vegetables are major imports, mainly from Uzbekistan and China, highlighting potential trade opportunities.

REFERENCES

1. Egert B., Leonard C. S. Dutch disease scare in Kazakhstan: Is it real? //Open Economies Review. – 2008. – Т. 19. – С. 147-165.
2. Айнагуль Елюбаева, 2021 <https://kapital.kz/economic/93827/svyshe-4-trln-tenge-planiruyut-privlech-v-apk.html> Свыше 4 трлн тенге планируют привлечь в АПК. О задачах до 2025 года рассказал премьер – министр Аскар Мамин. Доступно по ссылке: <https://kapital.kz/economic/93827/svyshe-4-trln-tenge-planiruyut-privlech-v-apk.html> (Accessed: 21.05.2024).
3. Lio M., Liu M. C. Governance and agricultural productivity: A cross-national analysis //Food Policy. – 2008. – Т. 33. – №. 6. – С. 504-512.
4. Aliev T. Kazakhstan: Resource Curse or Dutch Disease? Voprosy Ekonomiki. 2013;(6):120-141. (In Russian) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-6-120-141>

5. Всемирный банк. ООН. Экономические и отраслевые исследования. Глобальная стратегия сельскохозяйственной и сельской статистики. – URL: <https://www.fao.org/4/am082r/am082r.pdf>
6. North D. C. Agriculture in regional economic growth // *Journal of Farm Economics*. – 1959. – Т. 41. – №. 5. – С. 943-951.
7. Семенова Е. И. Влияние занятости в сельском хозяйстве на экономический рост // *Вестник Чувашского университета*. – 2007. – №. 4. – С. 441-444.
8. Chang T. Y. The influence of agricultural policies on agriculture structure adjustment in Taiwan: An analysis of off-farm labor movement // *China Agricultural Economic Review*. – 2011. – Т. 3. – №. 1. – С. 67-79.
9. Prokhorova V. V. et al. Prospects of the agro-industrial complex development: economic diversification, business development, mono-industry town strengthening and expansion // *International review of management and marketing*. – 2016. – Т. 6. – №. 6. – С. 159-164.
10. Gylfason T. Nature, power and growth // *Scottish Journal of Political Economy*. – 2001. – Т. 48. – №. 5. – С. 558-588.
11. Statistics of national accounts. GDP by method of production January-June 2023. – URL: <https://stat.gov.kz/en/industries/economy/national-accounts/publications/90387/> (Accessed: 09.06.2024).
12. World Bank Data. Kazakhstan (n.d.). – URL: <https://data.worldbank.org/country/Kazakhstan>. (Accessed: 09.06.2024).
13. Ayyildiz M., Erdal G. The relationship between carbon dioxide emission and crop and livestock production indexes: a dynamic common correlated effects approach // *Environmental Science and Pollution Research*. – 2021. – Т. 28. – №. 1. – С. 597-610.
14. Seyfried W. Examining the relationship between employment and economic growth in the ten largest states // *Southwestern Economic Review*. – 2011. – Т. 32. – С. 13-24.
15. Sarkodie S., Owusu P. The relationship between carbon dioxide, crop and food production index in Ghana: By estimating the long-run elasticities and variance decomposition // *Environmental Engineering Research*. – 2017. – Т. 22. – №. 2.
16. Hasanov F. J. et al. Does CO2 emissions–economic growth relationship reveal EKC in developing countries? Evidence from Kazakhstan // *Environmental Science and Pollution Research*. – 2019. – Т. 26. – №. 29. – С. 30229-30241.

REFERENCES

1. Egert, B. & Leonard, C. S. (2008). Dutch disease scare in Kazakhstan: Is it real? *Open Economies Review*, 19, 147-165.
2. Yelyubayeva, A. (2021). Svyshe 4 trln tenge planiruyut privilech' v APK. O zadachah do 2025 goda rasskazal prem'er-ministr Askar Mamin. Kapital.kz. Retrieved May 21, 2024, from <https://kapital.kz/economic/93827/svyshe-4-trln-tenge-planiruyut-privlech-v-apk.html> (In Russian).
3. Lio, M., Liu, M. C. (2008) Governance and agricultural productivity: A cross-national analysis // *Food Policy*, 6, 504-512.
4. Aliev T. (2013) Kazakhstan: Resource Curse or Dutch Disease? *Voprosy Ekonomiki* 6, 120-141. (In Russian) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-6-120-141>
5. World Bank. UN. Ekonomicheskie i otraslevye issledovaniya. Global'naya strategiya sovershenstvovaniya sel'skohozyajstvennoji i sel'skoj statistiki [In Russian] Available at: <https://www.fao.org/4/am082r/am082r.pdf>
6. North, D. C. (1959) Agriculture in regional economic growth. *Journal of Farm Economics*, 5, 943-951.
7. Semenova, E. I. (2007) Vliyanie zanyatosti v sel'skom hozyajstve na ekonomicheskij rost. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 4, 441-444.
8. Chang, T. Y. (2011) The influence of agricultural policies on agriculture structure adjustment in Taiwan: An analysis of off -farm labor movement. *China Agricultural Economic Review*, 1, 67-79.
9. Prokhorova, V. V. et al. (2016) Prospects of the agro-industrial complex development: economic diversification, business development, mono-industry town strengthening and expansion. *International review of management and marketing*, 6, 159-164.
10. Gylfason, T. (2001) Nature, power and growth. *Scottish Journal of Political Economy*, 5, 558-588.

11. Statistics of national accounts. GDP by method of production (January-June 2023) (n.d.). Retrieved 09 June 2024, from <https://stat.gov.kz/en/industries/economy/national-accounts/publications/90387/>
12. World Bank Data. Kazakhstan (n.d.). Retrieved 09 June 2024, from <https://data.worldbank.org/country/kazakhstan>
13. Ayyildiz, M., Erdal, G. (2021) The relationship between carbon dioxide emission and crop and live-stock production indexes: a dynamic common correlated effects approach. *Environmental Science and Pollution Research*, 1, 597-610.
14. Seyfried, W. (2011) Examining the relationship between employment and economic growth in the ten largest states. *Southwestern Economic Review*, 32, 13-24.
15. Sarkodie S., Owusu, P. (2017) The relationship between carbon dioxide, crop and food production index in Ghana: By estimating the long-run elasticities and variance decomposition. *Environmental Engineering Research*, 22, 2.
16. Hasanov, F. J. et al. (2019) Does CO2 emissions–economic growth relationship reveal EKC in developing countries? Evidence from Kazakhstan. *Environmental Science and Pollution Research*, 29, 30229-30241.

ҚАЗАҚСТАН ЭКОНОМИКАСЫНА АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫ САЛАСЫНЫҢ ӘСЕРІН ЗЕРТТЕУ: ТЕНДЕНЦИЯЛАР, ҚИЫНДЫҚТАР МЕН МҮМКІНДІКТЕР

К. Бекетова¹, Ж. Кинашева², А. Смагулова^{3*}

¹Қорқыт Ата атындағы Қызылорда университеті, Қызылорда, Қазақстан Республикасы

²Қазақ ұлттық консерваториясы, Алматы, Қазақстан Республикасы

³Халықаралық көлік-гуманитарлық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты. Ауыл шаруашылығына мемлекет экономикасының дамуына септігін тигізетін сала ретінде көзқарас тудырып, оның маңызын айқындап, көмірқышқыл газы шығарындыларының кем тұстарын көрсету зерттеу жұмысының негізгі мақсаты. Сонымен қатар аграрлық сектордағы мәселелерді шешу кезінде ауылдың тұрғындарын хабардар етудің маңыздылығы анықталған.

Әдіснамасы. Зерттеу жұмысында регрессиялық әдіс қолданылған. Бұл талдау шаруашылықтың айнымалылары мен жалпы ішкі өнімнің өсімі арасындағы тәуелділікті анықтауға бағытталады. Барлық мағлұматтар ҚР ресми статистикалық сайты мен Дүниежүзілік банктің ресми желісінен алынды. Регрессиялық талдау ауыл шаруашылығы секторының әртүрлі бір-біріне тәуелді емес айнымалылардан тұрады, ал жалпы ішкі өнім өсімінің қызметі – тәуелді айнымалы болу. Алынған нәтижелердің нақтылығын бекіту үшін статистикалық тәжірибелер, толық диагностика жүргізілген болатын.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Мақалада авторлармен келтірілген жаңа дәлелдер ҚР экономикасының ауыл шаруашылық секторынан тәуелділігін айқын көрсетеді. Жұмыстың ерекшелігі – ауыл шаруашылық секторының басты проблемалары мен оны шешу жолдары ұсынылған, көмірқышқыл газының шығарындылары мен ауыл тұрғындарын жұмыспен қамту мәселелерін қарастыру зерттеу жұмысына ғылыми тұрғыда ерекше терең реңк береді.

Зерттеу нәтижелері. Жүргізілген регрессиялық талдау нәтижесінде ҚР-ның ЖІӨ өсуіне тікелей әсер ететін факторлар туралы деректер белгілі болды. Сонымен қатар, R-квадрат тәуелді айнымалыдағы дисперсияның едәуір бөлігін тандалған тәуелсіз айнымалылармен түсіндіруге болатындығын көрсетеді, бұл модельдің ауыл шаруашылық өнімділігінің негізгі детерминанттарын анықтаудағы тиімділігін көрсетеді. Зерттеу нәтижесінен байқағанымыздай, Қазақстанның ауыл шаруашылық секторы өнеркәсіп саласына қарағанда көп көңіл бөлуді қажет етеді. Жалпы ішкі өнімнің өсуі мен экономикалық өнімділікке осы сектор жауап береді. Бұл туралы эмпирикалық дәлелдер бар. Аграрлық саланың саясаты мен инвестицияларға қолдау білдіру арқылы кедейлікпен күресуге, ауыл халқын тұрақты түрде дамытуға көмек көрсетуге болады.

Түйін сөздер: ЖІӨ, ауыл шаруашылығы, экономикалық өсу, өндіріс индекстері, көмірқышқыл газы шығарындысы, жұмыспен қамту, регрессия.

ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ЭКОНОМИКУ КАЗАХСТАНА: ТЕНДЕНЦИИ, ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

К. Бекетова¹, Ж. Кинашева², А. Смагулова^{3*}

¹ Кызылординский университет имени Коркыт ата, Кызылорда, Республика Казахстан

² Казахская национальная консерватория Almaty, Алматы, Республика Казахстан

³ Международный транспортно-гуманитарный университет, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. создать подход к сельскому хозяйству как отрасли, способствующей развитию экономики государства, определить его значение и показать недостатки выбросов углекислого газа. Также определена важность информирования жителей села при решении вопросов аграрного сектора.

Методология. В исследовательской работе использовался регрессионный метод. Этот анализ будет направлен на определение зависимости между переменными фермы и ростом валового внутреннего продукта. Все данные взяты с официального статистического сайта РК и официальной сети Всемирного банка. Регрессионный анализ состоит из различных взаимозависимых переменных сельскохозяйственного сектора, и функция роста валового внутреннего продукта заключается в том, чтобы быть зависимой переменной. Для утверждения достоверности полученных результатов были проведены статистические эксперименты, полная диагностика.

Оригинальность / ценность исследования. новые данные, представленные авторами в статье, наглядно демонстрируют зависимость экономики РК от сельскохозяйственного сектора. Специфика работы заключается в том, что представлены основные проблемы сельскохозяйственного сектора и пути их решения, рассмотрение вопросов выбросов углекислого газа и занятости сельского населения придает исследовательской работе особенно глубокий научный оттенок.

Результаты исследования. в результате проведенного регрессионного анализа стали известны данные о факторах, непосредственно влияющих на рост ВВП РК. Кроме того, R-квадрат показывает, что значительная часть дисперсии зависимой переменной может быть объяснена выбранными независимыми переменными, что указывает на эффективность модели в определении основных детерминант производительности сельского хозяйства. Как видно из результатов исследования, сельскохозяйственный сектор Казахстана требует большего внимания, чем промышленность. Этот сектор отвечает за рост валового внутреннего продукта и экономическую производительность. Есть эмпирические доказательства этого. Выражая поддержку политике аграрной отрасли и инвестициям, можно помочь в борьбе с бедностью, устойчивом развитии сельского населения.

Ключевые слова: ВВП, сельское хозяйство, экономический рост, индексы производства, выбросы углекислого газа, занятость, регрессия.

ABOUT THE AUTHORS

Beketova Kamar Nazarbekovna - Candidate of economic sciences, Associate Professor of the department «Economics and Management», Korkyt Ata Kyzylorda University, Kyzylorda, Kazakhstan, email: Ka-mar82@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5094-9140

Kinasheva Zhadyra Bolatovna - Candidate of economic sciences, Associate Professor of the Art Management Department, Kazakh National Conservatory, Almaty, Kazakhstan, email: Zhadyra_k_78@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4599-5075

Smagulova Aizada Malikovna - Candidate of technical sciences, Associate Professor of the Department of Business and Management, International University of Transportation and Humanities, Almaty, Kazakhstan, email: smagulova.aizada@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1916-5799*

MPHTI 14.01.75 JEL Classification:D63

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-4-84-97>

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В КАЗАХСТАНЕ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Н. Сагидолда¹, А. Н. Жанбырбаева¹, Ж. Ж. Арғынбаева^{1*}

¹Университет Нархоз, г.Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – выявить и проанализировать социально-экономические факторы, оказывающие влияние на образовательное неравенство в городских и сельских школах Казахстана.

Методология исследования включает использование количественных методов и качественных методов. В частности, в работе используется описательная статистика, сравнительный и корреляционный анализ, а также регрессионный анализ для выявления влияния доходов населения и уровня цифровизации на образовательные результаты. В ходе исследования были проведены фокус-групповые дискуссии с учителями и родителями школьников как из сельской, так и городской местности, для выявления и изучения субъективных факторов образовательного неравенства.

Оригинальность исследования заключается в комплексном подходе, сочетающем количественные данные и качественные методы, что позволяет глубже понять взаимосвязь между социально-экономическими факторами и образовательными результатами.

Результаты исследования показали, что учащиеся городских школ стабильно показывают более высокие результаты на ЕНТ, что связано с доступом к лучшим образовательным ресурсам, квалифицированным педагогам и интернету. Корреляционный анализ выявил умеренную положительную связь между числом абонентов фиксированного интернета и средними баллами по ЕНТ, что подчеркивает значимость цифровизации в образовательных процессах. В то же время слабая связь между доходами населения и результатами ЕНТ указывает на необходимость более детального анализа факторов, влияющих на качество образования, таких как инфраструктура и кадровая политика в сфере образования. Это исследование подчеркивает важность разработки мер поддержки для сельских школ и цифровой инфраструктуры.

Ключевые слова: образовательное неравенство, социально-экономический статус, цифровизация, качество образования, городские и сельские школы.

Благодарность: Данное исследование проведено в рамках проекта ИРН AP19577392 «Образовательное неравенство в городах и селах: причины и выработка рекомендаций», реализуемого в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Образовательное неравенство является одной из наиболее острых и насущных проблем, затрагивающих различные слои общества во всем мире. В условиях стремительно меняющегося глобального ландшафта, где доступ к знаниям и информации становится ключевым фактором личного и общественного развития, образовательное неравенство выступает серьезным препятствием на пути к достижению социальной справедливости и устойчивого развития. Этот феномен охватывает широкий спектр факторов, включая социально-экономическое положение, географическое расположение и доступ к информационно-коммуникационным технологиям, которые в совокупности влияют на возможности и результаты образовательного процесса.

Некоторые исследования показывают, что дети из семей с низким доходом, проживающие в сельских районах или принадлежащие к этническим меньшинствам, часто сталкиваются с ограничениями в доступе к качественному образованию. В условиях пандемии COVID-19 эта проблема приобрела особую остроту, так как дистанционное обучение выявило и усугубило существующие диспропорции. В то время как дети из обеспеченных семей смогли быстро адаптироваться к новым условиям благодаря доступу к необходимым техническим ресурсам и поддержке, дети из малообеспеченных семей оказались в еще более уязвимом положении.

На международной арене страны прилагают значительные усилия для борьбы с образовательным неравенством, внедряя различные программы и инициативы, направленные на обеспечение равного доступа к образованию для всех категорий населения. Одним из ярких примеров является опыт Финляндии, где правительство решило проблему разрыва в качестве образования при помощи высоких инвестиций. Аналогичные усилия предпринимаются и в других странах, таких как США и Китай, где разрабатываются и реализуются комплексные меры по поддержке учащихся из уязвимых групп.

В контексте Казахстана проблема образовательного неравенства также остается актуальной. Несмотря на значительные успехи, достигнутые в последние десятилетия, все еще наблюдаются значительные различия в качестве образования между городскими и сельскими районами, а также среди различных этнических и социально-экономических групп.

Обзор литературы. Проблема образовательного неравенства является одной из актуальным тем, изучаемых на международном уровне. Некоторые исследования свидетельствуют о том, что социально-экономический статус семьи оказывает значительное влияние на доступ к качественному образованию. Так, некоторые результаты исследований говорят о том, что «дети из семей с низким социально-экономическим статусом имеют существенно меньшие шансы на получение качественного образования по сравнению с их сверстниками из более обеспеченных семей» [1].

Также, согласно исследованиям, одним из ключевых аспектов, влияющих на образовательные возможности детей, является доступ к образовательным ресурсам. Дети из семей с низким доходом часто учатся в школах, которые имеют менее квалифицированных учителей, ограниченные учебные материалы и устаревшее оборудование [2]. Важную роль играет и физическая инфраструктура школ, которая в неблагополучных районах зачастую оставляет желать лучшего. Исследования показывают, что такие условия негативно сказываются на академических достижениях и мотивации учащихся [3].

Культурный и социальный капитал также играют значительную роль в образовательном неравенстве. Пьер Бурдье в своей теории капитала выделил культурный капитал (образование, навыки и знания, передаваемые в семье) и социальный капитал (сети и связи), которые способствуют успешному обучению [4]. Дети из семей с высоким уровнем культурного капитала имеют больше шансов на успех в школе, так как они получают поддержку и стимулы для развития от родителей и окружения. В то же время, дети из семей с низким СЭС часто лишены этой поддержки, что затрудняет их образовательный прогресс [5].

Важным аспектом является и доступ к внеклассным занятиям, которые способствуют развитию навыков и повышению мотивации к учебе. Дети из семей с низким доходом часто не имеют возможности посещать дополнительные кружки, спортивные секции или курсы, что ограничивает их личностное и академическое развитие [6]. Исследования показывают, что участие во внеклассных мероприятиях положительно влияет на успеваемость и социальные навыки учащихся, поэтому их отсутствие создает дополнительный разрыв между учащимися из различных социально-экономических слоев [7].

Кроме того, следует учитывать влияние стресса и нестабильности, связанных с бедностью, на учебные успехи детей. Нехватка финансовых ресурсов, постоянное беспокойство о базовых потребностях, таких как питание и жилье, могут сильно отвлекать детей от учебы и негативно влиять на их когнитивные способности [8]. Психологический стресс и нестабильная домашняя обстановка создают дополнительные барьеры для успешного обучения [9].

Исследование, проведенное в США [1, с.95] показало, что «разрыв в академических достижениях между детьми из богатых и бедных семей продолжает расти». Экономическое неравенство влияет на доступ к качественным образовательным ресурсам и учителям [10]. Исследования в Казахстане [11]

показывают, что дети из семей с низким доходом имеют более низкие академические результаты по сравнению с детьми из более обеспеченных семей. Неравенство в доходах семей напрямую влияет на возможности детей получать качественное образование, так как бедные семьи не могут позволить себе дополнительные расходы на образование [12].

Одним из ключевых аспектов, влияющих на образовательное неравенство, является доступ к образовательной инфраструктуре. В сельских и отдаленных районах часто наблюдается нехватка школ, а существующие школы могут быть плохо оборудованы и иметь низкое качество преподавания. По данным исследования OECD [13], школы в сельских районах обычно имеют ограниченный доступ к современным технологиям и учебным материалам, что негативно сказывается на качестве обучения.

В международном контексте исследования [14] показали, что дети, растущие в районах с низким уровнем доходов, имеют значительно меньшие шансы на получение высшего образования и успешную карьеру. Также Liu и Zhao [15] выявили значительные различия в качестве образования между городскими и сельскими районами в Китае.

Кроме того, существует проблема нехватки квалифицированных преподавателей в сельских и удаленных районах. Исследования показывают, что учителя часто не хотят работать в таких местах из-за низкой заработной платы, отсутствия профессионального развития и плохих условий жизни [1, с.103]. Это приводит к высокой текучести кадров и недостаточной квалификации учителей, что, в свою очередь, снижает качество образования.

Транспортная инфраструктура также играет важную роль в доступе к образованию. В отдаленных районах дети могут тратить много времени на дорогу до школы, что создает дополнительные препятствия для их обучения [16]. Исследования показывают, что продолжительные и трудные поездки до школы могут негативно влиять на успеваемость и мотивацию учащихся.

Социальные и экономические условия регионов также сильно влияют на образовательное неравенство. В бедных и отдаленных районах семьи часто не могут предоставить своим детям достаточную поддержку для успешного обучения из-за финансовых трудностей и нехватки ресурсов [1, с.107-112]. Это приводит к тому, что дети из таких семей имеют меньшие шансы на получение качественного образования и, соответственно, на успешное будущее.

Важным аспектом является и наличие внеклассных занятий и дополнительных образовательных программ. В городских районах часто больше возможностей для участия в различных кружках, секциях и курсах, которые способствуют развитию навыков и повышению мотивации к учебе [17]. В сельских и отдаленных районах такие возможности ограничены, что создает дополнительные препятствия для всестороннего развития детей.

В Казахстане в сельских районах наблюдается нехватка квалифицированных учителей, низкий уровень материально-технической базы и ограниченный доступ к современным образовательным технологиям [18]. Сельские школы часто страдают от нехватки финансовых ресурсов и учебных материалов.

Образовательное неравенство по причине социально-экономического положения является многогранной проблемой, требующей комплексного подхода и совместных усилий общества, государства и образовательных учреждений.

Методология исследования. Методология исследования направлена на выявление и анализ образовательного неравенства в Казахстане на основе данных Национального центра тестирования и Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, за 2014-2023 года. Основным источником данных для анализа являются результаты ЕНТ, включающие показатели среднего балла учащихся по регионам, а также разделение по типу населенного пункта (город и село). Данные были получены из официальных источников Национального центра тестирования и Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, после чего они были структурированы и систематизированы для дальнейшего анализа.

Для анализа данных применялись методы описательной статистики, сравнительного анализа и корреляционный анализ. В рамках описательной статистики определялись средние значения, стандартные отклонения и распределения данных по регионам и языковым группам. Для наглядного представления результатов использовался графический анализ, включающий диаграммы и графики, которые иллюстрируют выявленные закономерности.

Исследование также включает оценку образовательного неравенства по следующим критериям: различия в среднем балле между учащимися городских и сельских школ, региональные различия в результатах ЕНТ. Особое внимание уделялось выявлению областей с наиболее выраженными проявлениями образовательного неравенства.

Также с 1 по 15 августа 2024 года была проведена серия из 10 фокус-групповых дискуссий (далее – «ФГД») с родителями школьников и учителями сельских и городских школ. Цель ФГД – выявить мнение вовлеченных и заинтересованных сторон о факторах образовательного неравенства между городскими и сельскими школами.

Среди участников ФГД были представлены жители как городской, так и сельской местности, разного гендерного и половозрастного состава, что позволило обеспечить представленность мнений разных социальных портретов. Количество участников в каждой ФГД составило от 8 до 10 человек. Группы были собраны по категориям: 1) родители, 2) учителя. При этом для обеспечения дискуссионного формата встреч группы были сформированы таким образом, чтобы в ней были представлены жители и городской, и сельской местности.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обзор статистических данных. По данным Национального центра тестирования в августе 2023 года доля учащихся городских школ составило 63,68 % от общего числа участников, в то время как учащиеся сельских школ – 36,32 % [19]. Это свидетельствует о значительном численном преимуществе городских школьников, которые составляют почти две трети всех участников. Разница между показателями составляет 27,36 %, что говорит о явной концентрации учащихся в городах.

Статистические данные свидетельствуют о том, что средний балл по 5 предметам у городских школьников составляет 55,07, что на 1,86 балла выше, чем у сельских школьников, у которых этот показатель равен 53,21. То есть, по базовым предметам школьники, проживающие в городской местности, имеют более высокие баллы.

В показателях среднего балла по 4 предметам (международный сертификат) также наблюдается разница: 48,61 у городских школьников против 45 у сельских. Разница составляет 3,61 балла, что свидетельствует о более высоком уровне подготовки к международным стандартам среди городских учащихся.

Средний балл по 2 предметам у городских учащихся составляет 17,43, что на 2,13 балла выше, чем у сельских школьников, у которых средний балл равен 15,3. Это указывает на лучшее выполнение творческих заданий городскими учащимися (все данные отображены на рисунке 1).

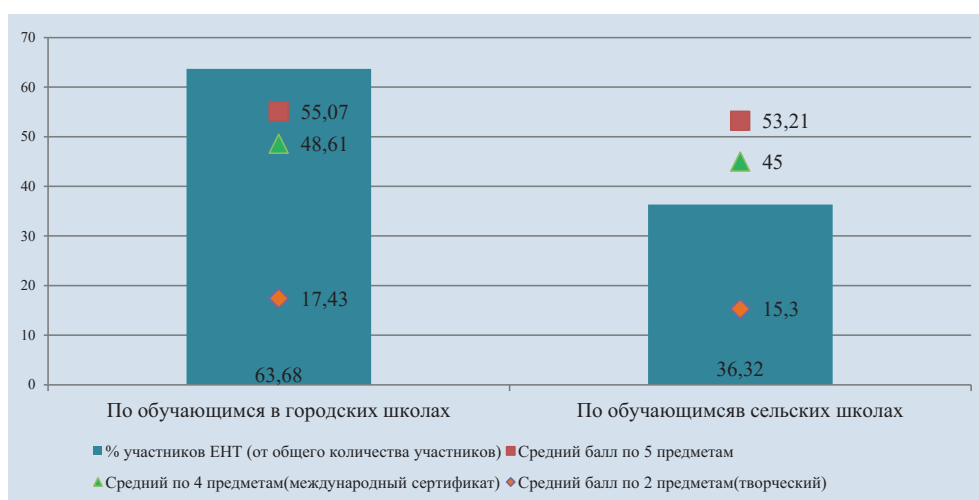

Рисунок 1 – Процент участников, обучающихся в городских и сельских школах, и их средний балл по результатам ЕНТ (2023г.)

Примечание – составлено авторами на основе источника [19]

Анализ данных показывает, что учащиеся городских школ наряду с тем, что преобладают численно, демонстрируют более высокие результаты по всем рассматриваемым параметрам. Сельские школьники, в целом, также показывают конкурентоспособные результаты, но с небольшим отставанием по всем основным категориям оценки. Такие результаты могут быть связаны с доступностью образовательных ресурсов, уровнем квалификации преподавателей, а также более широкими возможностями подготовки к экзаменам в городских условиях. Эти различия также могут свидетельствовать о необходимости поддержки и улучшения образовательных условий в сельских школах для снижения разрыва в результатах.

Анализ данных в региональном разрезе показывает, что средний балл варьируется от 52,1 в Атырауской области до 61,6 в Северо-Казахстанской области. Это может указывать на диспропорции в образовательных достижениях в различных регионах. Важно обратить внимание на то, что денежные доходы на душу населения колеблются от 98 тысяч тенге в Туркестанской области до 357 тысяч тенге в Атырауской области. То есть, в региональном разрезе также наблюдается диспропорция в доходах населения. Атырауская область лидирует по уровню доходов, что вероятно связано с развитым нефтегазовым сектором, обеспечивающим высокие заработные платы.

Социально-экономическое положение семьи напрямую влияет на доступ к интернету, что подтверждается значительными различиями в количестве абонентов фиксированного интернета в различных регионах. В более развитых и экономически благополучных городах, таких как Алматы, доступ к интернету выше, что связано с высоким уровнем доходов и развитой инфраструктурой. В отстающих регионах, например, в Улытауской области, низкий уровень абонентов фиксированного интернета указывает на менее доступные технологии, что ограничивает возможности для образования и удаленной работы. Таким образом, цифровое неравенство усиливает существующие экономические и социальные барьеры между регионами.

Для начала рассмотрим коэффициенты корреляции Пирсона между каждой парой переменных.

В результате корреляция показывает степень линейной зависимости между доходами населения и их средним баллом, а также корреляция между средним баллом и числом абонентов может указывать на взаимосвязь между уровнем цифровизации региона и образовательными результатами. Что касается доходов и числа абонентов фиксированного интернета, то эта корреляция поможет понять, как уровень доходов населения влияет на доступ к интернету (Таблица 1).

Рассчитаем корреляцию:

- Корреляция между средним баллом и доходами: $r_1 = -0,016$ (очень слабая отрицательная корреляция)
- Корреляция между средним баллом и числом абонентов фиксированного интернета: $r_2 = 0,54$ (умеренная положительная корреляция)
- Корреляция между доходами и числом абонентов фиксированного интернета: $r_3 = 0,61$ (умеренная положительная корреляция)

Таблица 1 – Средние значения и стандартные отклонения для каждого показателя

	Среднее	Стандартное отклонение
Средний балл	54,57	2,51
Доходы	176,24 тыс. тенге	70,69 тыс. тенге
Число абонентов фиксированного интернета	173,9 тыс. абонентов	108,4 тыс. абонентов
Примечание – составлено авторами		

Наибольшая дисперсия наблюдается в показателях доходов и числа абонентов фиксированного интернета (Рисунок 2). Это может свидетельствовать о значительных различиях в уровне экономического развития и цифровизации регионов.

Рисунок 2 – Показатели, влияющие на образовательное неравенство в Казахстане (2023г.)

Примечание – составлено авторами на основе источников [19;20]

Для определения возможных зависимостей, построим линейную регрессионную модель, где зависимая переменная – средний балл, а независимые переменные – доходы и число абонентов фиксированного интернета.

Модель будет выглядеть следующим образом:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \epsilon$$

Где:

- Y – средний балл;
- X_1 – доходы;
- X_2 – число абонентов фиксированного интернета;
- $\beta_0, \beta_1, \beta_2$ – коэффициенты регрессии;
- ϵ – ошибка модели.

Результаты регрессии:

- $\beta_0 = 52,15$ (константа)
- $\beta_1 = 0,005$ (доходы)
- $\beta_2 = 0,018$ (число абонентов фиксированного интернета)

Модель показывает, что средний балл слабо зависит от доходов, но имеет более выраженную зависимость от числа абонентов интернета, что подтверждается корреляционным анализом. Однако коэффициенты регрессии невелики, что говорит о слабой зависимости.

Почти отсутствующая корреляция между доходами и средним баллом может указывать на то, что высокий доход не обязательно приводит к лучшим образовательным результатам. Возможно, на образование влияют другие факторы, такие как качество школ, педагогический состав и региональная политика в сфере образования. Умеренная положительная корреляция и коэффициент регрессии указывают на связь между числом интернет-пользователей и образовательными результатами. Это может означать, что доступ к интернету действительно способствует улучшению образовательных результатов за счет доступа к дополнительным ресурсам и информации. Умеренная положительная корреляция между доходами и числом абонентов фиксированного интернета вполне ожидаема, так как более

высокие доходы позволяют большему числу людей подключаться к интернету и использовать его ресурсы. В целом, анализ показывает, что уровень цифровизации региона оказывает большее влияние на образовательные результаты, чем уровень доходов.

За период с 2014 по 2023 год средний балл ЕНТ демонстрирует различные колебания. С 2014 по 2018 годы наблюдается тенденция к росту, достигнув пика в 2018 году (83,08 балла). Однако после 2018 года происходит значительное снижение баллов, особенно в 2023 году, когда средний балл упал до 54,4. Это снижение может свидетельствовать о изменениях в учебных программах, требованиях на ЕНТ или общей сложности экзаменов.

Среднедушевые доходы населения устойчиво растут на протяжении всего периода, начиная с 6 227 тыс. тенге в 2014 году и достигнув 18 186 тыс. тенге в 2023 году. Этот устойчивый рост может свидетельствовать о стабильном улучшении экономического положения населения, что теоретически должно положительно сказываться на образовательных результатах. Несмотря на рост доходов, наблюдается парадоксальное снижение среднего балла ЕНТ после 2018 года. Это может указывать на то, что материальное благополучие населения не всегда напрямую коррелирует с улучшением образовательных показателей.

Число абонентов фиксированного Интернета демонстрирует стабильный рост с 2 100,9 тыс. единиц в 2014 году до 3 058,9 тыс. единиц в 2023 году. Этот рост указывает на расширение доступа к Интернету среди населения, что может повлиять на образовательные возможности и уровень знаний учащихся. Рост доступа к Интернету теоретически должен был способствовать повышению среднего балла ЕНТ, так как учащиеся получают больше доступа к образовательным ресурсам. Несмотря на рост числа абонентов Интернета, средний балл ЕНТ снижается после 2018 года. Это может свидетельствовать о том, что доступ к Интернету сам по себе не гарантирует улучшение образовательных результатов, возможно, из-за неправильного использования ресурсов или иных факторов, таких как качество образования.

Среднегодовой темп роста доходов населения за период 2014-2023 годов составил около 12,6 %. Это указывает на устойчивое улучшение экономического положения. Среднегодовой темп роста числа абонентов фиксированного Интернета составил около 4,1 %. Это также указывает на стабильное увеличение доступа к цифровым технологиям. Темпы роста среднего балла ЕНТ с 2014 по 2023 годы составляют - 3,6 % в год. Это негативная тенденция, что может указывать на проблемы в образовательной системе (Рисунок 3).

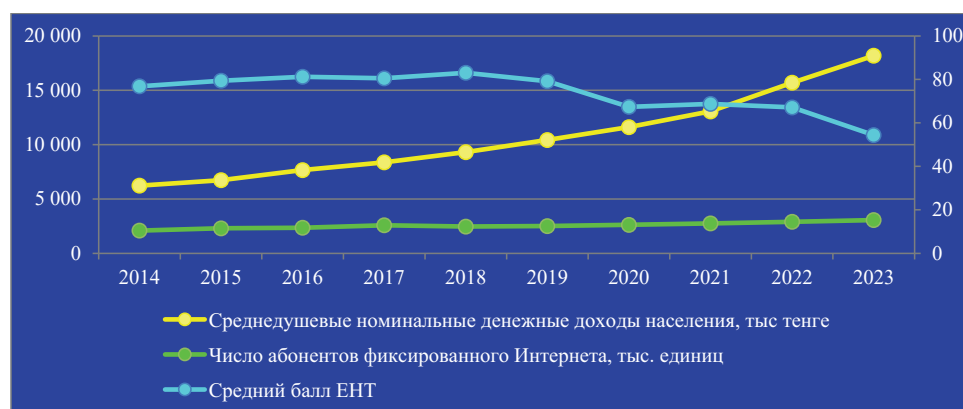

Рисунок 3 – Показатели, влияющие на образовательное неравенство в Казахстане (2014-2023 гг.)

Примечание – составление авторами на основе источников [19;20]

Анализ представленных данных выявил несколько ключевых закономерностей. Хотя доходы населения и доступ к Интернету стабильно растут, средний балл ЕНТ, напротив, демонстрирует тенденцию к снижению. Это может указывать на то, что экономическое благополучие и доступ к информационным технологиям сами по себе не гарантируют улучшение образовательных результатов.

Средний балл ЕНТ по республике в разрезе города и села выглядит следующим образом: для города – 55,1, для села – 53,2. Это указывает на небольшое преимущество городских школ по среднему баллу. Разница в средних баллах между городом и селом варьируется в зависимости от региона, что предполагает различия в доступе к образовательным ресурсам и качеству образования. Например, в Северо-Казахстанской области разница составляет 3,3 балла (62,6 в городе против 59,3 в селе). Этот регион имеет наибольшие средние баллы как в городах, так и в селах, что может указывать на высокое качество образования в целом. Также в Улытауской области разница составляет 8,6 балла (54,4 в городе против 45,8 в селе). Это наибольшая разница среди всех регионов, что может свидетельствовать о значительных проблемах в образовательной системе сельских школ в этой области.

В Абайской области средние баллы одинаковы для города и села (56,9). Это может свидетельствовать о равномерности качества образования в регионе, независимо от места проживания. Интерес представляет кейс Актюбинской области, где сельские школы показывают несколько более высокие результаты (55,9 против 54,0), что может указывать на более сбалансированное качество образования между городом и селом.

В целом, стандартное отклонение для сельских школ выше (3,46), чем для городских (3,18). То есть, разброс результатов по сельским регионам более значительный, что может указывать на большие различия в качестве образования между разными сельскими регионами.

Средняя разница по регионам составляет 1,9 балла в пользу городов. Однако в нескольких регионах села показывают более высокие результаты, что является значимой особенностью (Рисунок 4).

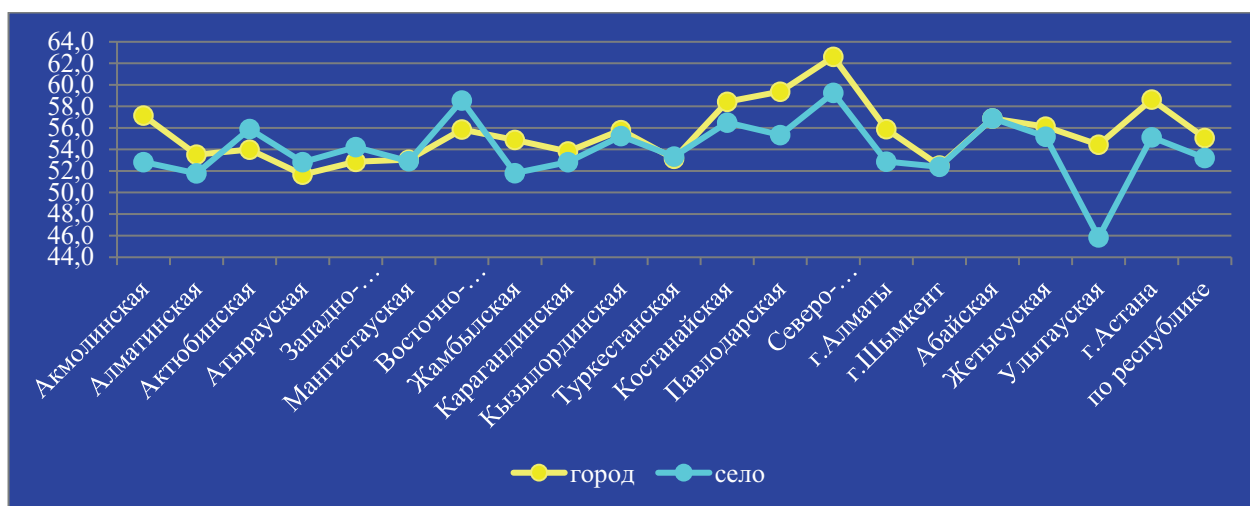

Рисунок 4 – Показатели ЕНТ в разрезе города и села в Казахстане (2023г.)

Примечание: составление авторами на основе источника [19]

Наибольшую разницу между городскими и сельскими школами демонстрирует Улытауская область, что может свидетельствовать о необходимости усиленного внимания к образовательным условиям в сельской местности. В то же время, Северо-Казахстанская область показывает высокие результаты в целом, что может стать примером для других регионов.

В период с 2014 по 2018 годы средний балл ЕНТ в городах стабильно увеличивался, достигая максимального значения 86,04 в 2018 году. Однако с 2019 года наблюдается значительное снижение среднего балла, особенно резкое падение произошло в 2023 году, когда средний балл составил 55,1. Это падение может быть связано с изменением условий тестирования, усложнением экзамена или другими образовательными факторами. Среднегодовой рост баллов в городах с 2014 по 2018 годы составляет около 1,3 %. После 2018 года среднегодовое снижение баллов составляет около 7,4 %, что является значительным ухудшением показателей.

Средний балл ЕНТ в сельских населенных пунктах также демонстрировал положительную динамику с 2014 по 2018 годы, достигнув 79,75 балла в 2018 году. С 2019 года наблюдается схожая тенденция к снижению, как и в городах, причем к 2023 году средний балл снизился до 53,2 (Рисунок 5). Среднегодовой рост баллов в сельской местности с 2014 по 2018 годы составляет около 2,5 %. Снижение баллов после 2018 года происходит со среднегодовым темпом в 7,6 %.

На протяжении всего периода городской средний балл ЕНТ был выше, чем в сельской местности. Разница между городскими и сельскими баллами колеблется от 7 до 11 баллов, что указывает на существующие образовательные неравенства. Однако обе группы демонстрируют аналогичную тенденцию: сначала рост, затем спад. Это указывает на общие проблемы в образовательной системе, затрагивающие как города, так и сельскую местность. Самый большой разрыв между городскими и сельскими баллами наблюдался в 2019 году — около 6,75 балла. Это может свидетельствовать о том, что сельские школы были менее подготовлены к изменениям в системе образования или что в городах доступ к образовательным ресурсам оказался более доступным.

Регрессионный анализ

Проведя регрессионный анализ зависимости сельских баллов от городских, можно выделить следующую модель:

$$Y_{\text{село}} = 0,9 \times X_{\text{город}} + 4,5$$

Модель указывает на то, что сельские баллы составляют примерно 90% от городских, что подтверждает постоянное отставание сельских результатов от городских на протяжении всего периода.

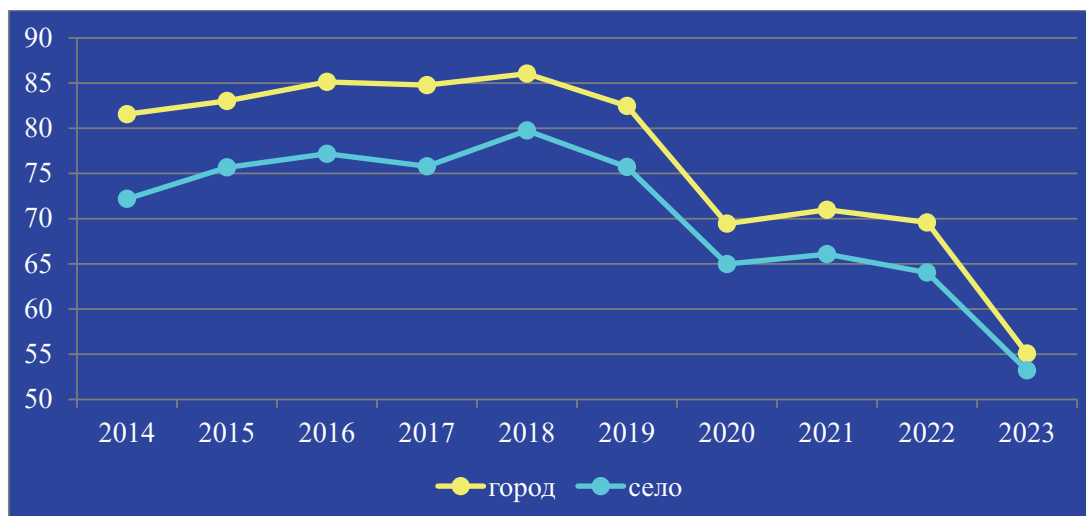

Рисунок 5 – Показатели ЕНТ в разрезе города и села в Казахстане (2014-2023гг.)

Примечание: составление авторами на основе источника [19]

Анализ данных показал, что несмотря на различные исходные показатели в городах и селах, динамика изменений в обоих типах населенных пунктов имеет схожий характер. Растущий разрыв между городскими и сельскими результатами свидетельствует о необходимости систематической поддержки сельского образования.

Результаты ФГД. Для исследования образовательного неравенства в Казахстане наряду с анализом статистических данных были проведены фокус-группы, которые позволили глубже понять социальные и экономические факторы, влияющие на доступ к качественному образованию. В ходе дискуссий участники обсуждали ключевые вопросы, такие как влияние уровня доходов, занятости родителей, а также их образования на успеваемость детей.

Участники обсуждали влияние таких факторов, как уровень доходов, занятость и образование родителей, на возможности детей получать образование, а также рассматривали разницу между городскими и сельскими семьями. Большинство участников согласилось с тем, что в сельской местности уровень доходов семей ниже, чем в городах, что ограничивает доступ детей к дополнительным образовательным ресурсам, таким как платные кружки и занятия. Некоторые респонденты отметили, что дети из малообеспеченных семей часто вынуждены работать для поддержания семьи, что отвлекает их от учебного процесса.

Участникам было предложено подробнее остановиться на проблемных аспектах, препятствующих обеспечению высокого качества образования в сельской местности. Отмечая проблемы школьного образования в селах, многие респонденты сделали акцент на недостаточно высоком уровне материально-технической базы.

Некоторые участники особенно акцентировали внимание на *недостаточном покрытии сети Интернет*: «Поскольку мы живем в сельской местности, мы не можем подключить Интернет в любое время».

Некоторые участники связывают сравнительно низкое качество образования на селе с высокой степенью занятости в домашнем хозяйстве и самих учеников.

Кроме того, участники отметили различия в составе семей: в городах чаще встречаются семьи с одним-двумя детьми, что позволяет родителям сосредотачивать больше внимания и ресурсов на их образовании. В сельской местности, напротив, чаще встречаются многодетные семьи, что затрудняет родителям уделять каждому ребенку достаточно внимания. Некоторые участники также указали, что наличие в сельской местности ограниченных возможностей для трудоустройства делает жизнь в деревне экономически сложной, что может влиять на образовательные возможности детей.

Мнения участников фокус-групп относительно влияния уровня образования родителей на обучение детей разделились. Часть участников утверждает, что уровень образования родителей оказывает незначительное влияние на успеваемость детей, так как успех в учебе определяется в большей степени мотивацией самого ребенка. В частности, были примеры детей, которые, несмотря на социально-экономические трудности, успешно обучались благодаря своей увлеченности. Однако другая часть респондентов считает, что уровень образования родителей играет значительную роль, особенно в городах, где родители с высоким уровнем образования осознают важность обеспечения качественного обучения для своих детей.

Таким образом, результаты исследования показывают, что социально-экономическое положение семей, уровень доходов и образования родителей, а также различия в семейных ценностях между городскими и сельскими жителями могут оказывать значительное влияние на образовательные возможности детей. Это подчеркивает необходимость создания образовательных программ, которые учитывают социальные и экономические особенности семей, чтобы минимизировать неравенство в доступе к качественному образованию.

Необходимо сосредоточить усилия на улучшении образовательной системы в регионах с низкими результатами, таких как Улытауская область, а также на поддержке и развитии регионов с высокими результатами, таких как Восточно-Казахстанская область.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование образовательного неравенства в Казахстане на основе данных Единого национального тестирования (ЕНТ) и социально-экономических показателей выявило значительные различия в доступе к образовательным ресурсам между городскими и сельскими школами. Анализ данных Национального центра тестирования и Бюро национальной статистики за период 2014–2023 годов продемонстрировал устойчивую тенденцию к более высоким результатам городских учащихся, что связано с доступом к лучшей инфраструктуре, квалифицированным педагогам и образовательным ресурсам.

Сравнительный анализ показал, что средний балл городских школьников стабильно выше, чем у их сверстников из сельской местности. В 2023 году эта разница составила 1,86 балла по пяти предметам и 2,13 балла по творческим заданиям. Такие результаты указывают на существующее образовательное неравенство, которое усиливается за счет цифрового неравенства. В городах доступ к интернету и современным образовательным ресурсам значительно выше, чем в сельских районах. Умеренная положительная корреляция ($r = 0,54$) между числом абонентов фиксированного интернета и средним баллом

ЕНТ подтверждает, что цифровизация играет важную роль в улучшении образовательных результатов.

Методы корреляционного и регрессионного анализа показали, что уровень доходов семей оказывает слабое влияние на результаты ЕНТ ($r = -0,016$), в то время как доступ к интернету ($r = 0,61$) и образовательные возможности, которые он предоставляет, оказывают большее влияние. Это говорит о необходимости повышения цифровой доступности в сельских регионах, чтобы нивелировать образовательное неравенство.

Качественные данные, полученные в результате проведения фокус-групп, подтвердили, что социально-экономическое положение семьи, уровень образования и занятости родителей, а также доступ к образовательным и цифровым ресурсам играют ключевую роль в образовательных траекториях детей. Участники из сельских регионов подчеркнули, что ограниченные возможности для дополнительного образования и необходимость детей работать отвлекают их от учебы, что еще больше снижает шансы на получение качественного образования. Семейные ценности и воспитательные модели также оказывают значительное влияние на образовательные результаты: в городских семьях дети чаще получают больше внимания и поддержки со стороны родителей.

Региональный анализ выявил, что средние баллы ЕНТ варьируются от 52,1 в Атырауской области до 61,6 в Северо-Казахстанской области, где наблюдается наибольший образовательный разрыв между городом и селом. Это подчеркивает необходимость целенаправленных усилий по улучшению образовательных условий в регионах с низкими результатами, таких как Улытауская область, где разрыв в баллах между городом и селом достиг 8,6 балла.

В заключение, исследование показывает, что доступ к интернету, цифровым ресурсам и качественному образованию в городах и сельской местности существенно отличается. Несмотря на меры, принимаемые для роста доходов населения и расширение доступа к интернету, на сегодняшний день не наблюдается существенного улучшения образовательных результатов, особенно в сельских районах. Для сокращения образовательного неравенства необходимо принятие комплексных мер, инвестировать в развитие сельской инфраструктуры, совершенствовать механизмы привлечения и удержания квалифицированных педагогических кадров в сельской местности, а также расширять доступ сельчан к современным образовательным технологиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Reardon S. F. The widening academic achievement gap between the rich and the poor // *Social stratification*. – Routledge, 2018. – С. 536-550.
2. Balestra C., Ciani E. Current challenges to social mobility and equality of opportunity. – 2022. – С. 10-13. – DOI: <https://doi.org/10.1787/4ca48f7c-en>
3. Hanushek E. A., Woessmann L. The role of cognitive skills in economic development // *Journal of economic literature*. – 2008. – Т. 46. – №. 3. – С. 607-668. – DOI: 10.1257/sign.46.3.607
4. Бурдые П. Экономическая антропология. Курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993). – Litres, 2019. С. 369-405.
5. Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // *American journal of sociology*. – 1988. – Т. 94. – С. 95-120. – DOI:10.1086/228943
6. Guryan J., Hurst E., Kearney M. Parental education and parental time with children // *Journal of Economic perspectives*. – 2008. – Т. 22. – № 3. – С. 23-46. – DOI: 10.1257/jep.22.3.23
7. Putnam, R. D. *Our Kids: The American Dream in Crisis* Simon and Schuster. – 2016. – С. 137-141.
8. Duncan G. J., Murnane R. J. (ed.). *Whither opportunity?: Rising inequality, schools, and children's life chances*. – Russell Sage Foundation, 2011. – 572 p.
9. Kena G. et al. *The Condition of Education 2016*. NCES 2016-144 // National Center for Education Statistics. – 2016.
10. Duncan G. J., Murnane R. J. *Restoring opportunity: The crisis of inequality and the challenge for American education*. – Harvard Education Press, 2014. – 200 p.
11. Шнарбекова М. К. Роль высшего образования в воспроизводстве социального неравенства на рынке труда Казахстана // *Высшее образование в России*. – 2021. – № 3. – С. 114-127. – DOI: 10.31992 / 0869-3617-2021-30-3-114-127

12. Темирбаева Д. М., Легостаева А. А. Домохозяйства с детьми в Казахстане: модели воспроизводства и динамика доходов // Экономика Центральной Азии. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 289-310. – DOI: 10.18334/asia.4.4.41223
13. Salinas D. Can equity in education foster social mobility // PISA in Focus – 2018. – № 89. – 7 p. – DOI: 10.1787/ca611a13-en
14. Chetty R., Hendren N., Katz L. F. The effects of exposure to better neighborhoods on children: New evidence from the moving to opportunity experiment // American Economic Review. – 2016. – Т. 106. – № 4. – С. 855-902. – DOI: 10.1257/aer.20150572
15. Zhao X., Liu L. The impact of urbanization level on urban–rural income gap in China based on spatial econometric model // Sustainability. – 2022. – Т. 14. – № 21. – С. 13795. – DOI:10.3390/su142113795
16. Kaiser N., Barstow C. K. Rural transportation infrastructure in low-and middle-income countries: a review of impacts, implications, and interventions // Sustainability. – 2022. – Т. 14. – № 4. – С. 2149. – DOI:10.3390/su14042149
17. Cahill K., O'Sullivan D. Making a difference in educational inequality: reflections from research and practice // Irish Educational Studies. – 2022. – Т. 41. – № 3. – С. 473-485. – DOI: 10.1080/03323315.2022.2085763
18. Бутабаева Л. А., Длимбетова Г. К., Исмагулова С. К. Анализ эргономической доступности образовательного пространства в городских и сельских школах Казахстана // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы. Педагогика. Психология. Социология сериясы. – 2023. – Т. 142. – № 1. – DOI:10.32523/2616-6895-2023-142-1-46-54
19. Данные с официального сайта Национального центра тестирования [Электронный ресурс] // [web-сайт] – 2023. – URL: <https://testcenter.kz/ru> (дата обращения: 23.06.2024).
20. Данные с официального сайта Агентства по стратегическому планированию и реформам РК [Электронный ресурс] // Бюро национальной статистики [web-сайт]. – 2023. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/> (дата обращения: 28.06.2024).

REFERENCES

1. Reardon, S. F. (2018). The widening academic achievement gap between the rich and the poor. In *Social stratification* (pp. 536-550). Routledge.
2. Balestra, C., & Ciani, E. (2022). Current challenges to social mobility and equality of opportunity (pp. 10-13). <https://doi.org/10.1787/4ca48f7c-en>
3. Hanushek, E. A., & Woessmann, L. (2008). The role of cognitive skills in economic development. *Journal of Economic Literature*, 46(3), 607-668. <https://doi.org/10.1257/sign.46.3.607>
4. Burd'e, P. (2019). *Ekonomicheskaya antropologiya. Kurs lekcij v Kollezh de Frans (1992–1993)* (pp. 369-405). Litres. (in Russian)
5. Coleman, J. S. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 94, 95-120. <https://doi.org/10.1086/228943>
6. Guryan, J., Hurst, E., & Kearney, M. (2008). Parental education and parental time with children. *Journal of Economic Perspectives*, 22(3), 23-46. <https://doi.org/10.1257/jep.22.3.23>
7. Putnam, R. D. (2016). Our kids: The American dream in crisis (pp. 137-141). Simon and Schuster.
8. Duncan, G. J., & Murnane, R. J. (Eds.). (2011). *Whither opportunity?: Rising inequality, schools, and children's life chances*. Russell Sage Foundation.
9. Kena, G., et al. (2016). The condition of education 2016. NCES 2016-144. National Center for Education Statistics.
10. Duncan, G. J., & Murnane, R. J. (2014). *Restoring opportunity: The crisis of inequality and the challenge for American education* (p. 200). Harvard Education Press.
11. Shnarbekova, M. K. (2021). Rol' vysshego obrazovaniya v vosproizvodstve social'nogo neravenstva na rynke truda Kazahstana. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 30(3), 114-127. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-3-114-127> (in Russian)
12. Temirbaeva, D. M., & Legostaeva, A. A. (2020). Domohozyajstva s det'mi v Kazahstane: modeli vosproizvodstva i dinamika dohodov. *Ekonomika Central'noj Azii*, 4(4), 289-310. <https://doi.org/10.18334/asia.4.4.41223> (in Russian)

13. Salinas, D. (2018). Can equity in education foster social mobility? *PISA in Focus* (No. 89), 7 p. <https://doi.org/10.1787/ca611a13-en>
14. Chetty, R., Hendren, N., & Katz, L. F. (2016). The effects of exposure to better neighborhoods on children: New evidence from the moving to opportunity experiment. *American Economic Review*, 106(4), 855-902. <https://doi.org/10.1257/aer.20150572>
15. Zhao, X., & Liu, L. (2022). The impact of urbanization level on urban–rural income gap in China based on spatial econometric model. *Sustainability*, 14(21), 13795. <https://doi.org/10.3390/su142113795>
16. Kaiser, N., & Barstow, C. K. (2022). Rural transportation infrastructure in low-and middle-income countries: A review of impacts, implications, and interventions. *Sustainability*, 14(4), 2149. <https://doi.org/10.3390/su14042149>
17. Cahill, K., & O'Sullivan, D. (2022). Making a difference in educational inequality: Reflections from research and practice. *Irish Educational Studies*, 41(3), 473-485. <https://doi.org/10.1080/03323315.2022.2085763>
18. Butabaeva, L. A., Dlimbetova, G. K., & Ismagulova, S. K. (2023). Analiz ergonomicheskoy dostupnosti obrazovatel'nogo prostranstva v gorodskih i sel'skih shkolah Kazakhstana. L.N. Gumilev atyndagy Euraziya ul'tyk universitetinin habarshysy. *Pedagogika. Psihologiya. Sociologiya seriyasy*, 142(1). <https://doi.org/10.32523/2616-6895-2023-142-1-46-54> (in Russian)
19. Dannye s oficial'nogo sajta Nacional'nogo centra testirovaniya. (2023). Retrieved June 23, 2024, from <https://testcenter.kz/ru/> (in Russian)
20. Dannye s oficial'nogo sajta Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam RK. (2023). Retrieved June 28, 2024, from <https://stat.gov.kz/ru/> (in Russian)

SOCIO-ECONOMIC DETERMINANTS OF EDUCATIONAL INEQUALITY IN KAZAKHSTAN: QUANTITATIVE AND QUALITATIVE ANALYSIS

H. Sagidolda¹, A. N. Zhanbyrbaeva¹, Zh. Zh. Argynbaeva^{1*}
¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the study is to identify and analyse the socio-economic factors influencing educational inequality in urban and rural schools in Kazakhstan.

The research methodology includes the use of quantitative methods such as descriptive statistics, comparative and correlation analysis, and regression analysis to identify the impact of population income and the level of digitalisation on educational outcomes. Additionally, focus groups were conducted with participants from different regions to investigate subjective factors such as family values, educational patterns and access to educational resources.

The originality of the study lies in the integrated approach, combining quantitative data and qualitative methods, which allows for a deeper understanding of the relationship between socio-economic factors and educational outcomes.

The results of the study showed that urban school students consistently perform better on the UNT, which is associated with access to better educational resources, qualified teachers and the Internet. Correlation analysis revealed a moderate positive correlation between the number of fixed Internet subscribers and average UNT scores, which underlines the importance of digitalisation in educational processes. At the same time, the weak correlation between household income and UNT scores indicates the need for a more detailed analysis of factors affecting the quality of education, such as infrastructure and human resources policy in education. This study emphasises the importance of developing support measures for rural schools and digital infrastructure.

Key words: educational inequality, socio-economic status, digitalisation, quality of education, urban and rural schools.

Acknowledgment: The study was conducted within the framework of the project AP19577392 «Educational inequality in cities and villages: causes and recommendations», implemented within the framework of grant funding from the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БІЛІМ ТЕҢСІЗДІГІНІҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ДЕТЕРМИНАНТТАРЫ: САНДЫҚ ЖӘНЕ САПАЛЫҚ ТАЛДАУ

Н. Сагидолда¹, А. Н. Жанбырбаева¹, Ж. Ж. Арғынбаева^{1*}

¹Нархоз Университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты – Қазақстанның қалалық және ауылдық мектептеріндегі білім беру теңсіздігіне әсер ететін әлеуметтік-экономикалық факторларды анықтау және оларды талдау.

Зерттеу әдіснамасы – халықтың табысы мен цифрландыру деңгейінің білім беру нәтижелеріне әсерін анықтау үшін сипаттамалық статистика, салыстырмалы, корреляциялық және регрессиялық талдау сияқты сандық әдістерді қолдануды қамтиды. Сонымен қатар, отбасылық құндылықтар, білім беру модельдері мен білім беру ресурстарына қол жетімділік сияқты субъективті факторларды зерттеу үшін әр түрлі аймақтардың қатысушыларымен өткізілген фокус-топтардың нәтижесі көрсетілген.

Зерттеудің бірегейлігі – әлеуметтік-экономикалық факторлар мен білім беру нәтижелері арасындағы байланысты тереңірек түсінуге мүмкіндік беретін сандық деректер мен сапалық әдістерді біріктіретін кешенді тәсіл болып табылады.

Зерттеу нәтижелері – қалалық мектеп оқушыларының ҰБТ-да тұрақты түрде жоғары нәтиже көрсететінін көрсетті, бұл жақсы білім беру ресурстарына, білікті мұғалімдерге және интернеттің қол жетімділігіне байланысты. Корреляциялық талдау тіркелген интернет абоненттерінің саны мен ҰБТ бойынша орташа баллдар арасындағы орташа оң байланысты анықтады, бұл білім беру процестеріндегі цифрландырудың маңыздылығын көрсетеді. Сонымен қатар, халықтың табысы мен ҰБТ нәтижелері арасындағы әлсіз байланыс білім беру саласындағы инфрақұрылым және кадр саясаты сияқты білім беру сапасына әсер ететін факторларды неғұрлым толығырақ талдау қажеттілігін көрсетеді. Бұл зерттеу ауыл мектептері мен цифрлық инфрақұрылым үшін қолдау шараларын әзірлеудің маңыздылығын айқындайды.

Түйін сөздер: білім беру теңсіздігі, әлеуметтік-экономикалық мәртебе, цифрландыру, білім беру сапасы, қалалық және ауылдық мектептер.

Алғыс: Зерттеу AP19577392 «Қалалар мен ауылдардағы білім беру теңсіздігі: себептері мен ұсыныстарын әзірлеу» жобасының аясында, Қазақстан Республикасының ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің гранттық қаржыландыру шеңберінде жүзеге асырылды.

ОБ АВТОРАХ

Сагидолда Нагима – PhD, ассоциированный профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, email: nagima.sagidolda@narхоз.kz, ORCID ID: 0000-0002-7038-8165

Жанбырбаева Ардактыгуль Нуржауовна – PhD, профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан email: ardak.zhanbyrbaeva@narхоз.kz, ORCID ID: 0000-0002-9089-1737

Арғынбаева Жанар Жумағалиқызы – PhD, начальник Отдела научно-исследовательской работы, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, email: zhanar.argynbayeva@narхоз.kz, ORCID ID: 0000-0003-0422-9710*

MPHTI: 06.35.35

JEL Classification: G3, O16, Q5

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-4-98-110>

THE EFFECTS OF ESG PRACTICES ON CORPORATE FINANCIAL SUSTAINABILITY: EVIDENCE FROM DEVELOPED AND DEVELOPING COUNTRIES

N. Orazalin^{1,2*}, A. Kozhakhmetova³, K. Abdrashova³

¹KIMEP University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²Institute of Applied Sciences and Information Technology, Almaty, Republic of Kazakhstan

³Kazakh-British Technical University, Almaty, Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of this research – to explore the effects of ESG (environmental, social, and governance) practices on firm financial sustainability in developed and developing economies.

Methodology – Panel regression analysis is used to test the effects of ESG practices on financial sustainability by controlling year, sector, and country fixed effects. Financial performance is estimated based on Tobin's Q, while ESG practices are measured using ESG scores obtained from Eikon's ASSET4. The final sample consists of 34,953 firm-observations from 49 countries from 2002 to 2022.

Originality/value of the research – This work offers important implications for various stakeholders by providing new insights into the relationship between ESG practices and financial sustainability of public firms operating in different countries and highlighting the role of country-level economic conditions in promoting corporate ESG initiatives and sustainability.

Findings – The study shows that the individual and composite ESG practices can substantially improve financial performance. The results also show that the positive impacts of environmental and social initiatives and the overall ESG practices on financial well-being are more pronounced for firms from developed economies. Further analysis verifies that improved ESG practices may increase financial stability, measured as the Altman's score.

Keywords: ESG practices, firm performance, financial sustainability, sustainable development, developed countries, developing economies.

Acknowledgments: This research has been funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP23490230).

INTRODUCTION

In recent years, ESG (environmental, social, and governance) initiatives and practices have received increasing interests among regulators, investors, practitioners, and scholars. Businesses are facing intensive stakeholder pressures to introduce, implement, and disclose their ESG practices [1; 2; 3]. Nevertheless, organizational stakeholders are not fully convinced whether investments in ESG activities yield firm sustainability and subsequent financial outcomes [4; 5]. Hence, the question of whether ESG practices create economic benefits for firms operating in different markets still remains open in the academic literature. Moreover, evidence on the effects of ESG practices on firm financial sustainability, especially in countries with different economic conditions, is relatively limited.

Therefore, this study examines the relationship between ESG practices and firm financial performance using large data on ESG from the Eikon's ASSET4 database and financial indicators from the Datastream and Worldscope databases. The final international sample consists of 34,953 firm-observations from 49 countries over the period 2002–2022. The results reveal that increased levels of ESG practices are positively related to financial outcomes. The results also suggest that the positive impacts of environmental and social activities on

financial performance are more pronounced for firms from developed economies. However, the positive effects of corporate governance are unlikely to differ between developed and developing countries. Further analysis shows that proactive ESG practices reduce financial risks and the financial stability-enhancing effects of ESG practices are again stronger for firms from developed economies.

This study contributes to the ESG and corporate sustainability literature in several ways. In particular, it extends past research [5; 6; 7] by examining how proactive ESG practices influence firm financial results based on a recent and extensive international dataset. Unlike prior studies [1; 2], this study explores the effects of the individual ESG practices (social, environmental, and governance dimensions) and the overall impact of ESG initiatives. The results suggest that firms with proactive environmental, social, and governance practices/initiatives have better financial sustainability. Further, this study contributes to the ESG literature by investigating whether the effects of ESG practices on firm financial performance differ between developed and developing countries. The findings suggest that the positive effects of ESG practices on financial performance are more pronounced for developed economies. The study also offers new evidence that effective ESG practices enhance financial stability and highlights the role of country-level economic conditions in promoting corporate ESG initiatives and sustainability. Overall, the findings of the study provide important implications with regard to ESG practices, sustainability activities, and financial performance.

Literature review and hypothesis development. According to stakeholder theory [8], firms that proactively invest and engage in ESG initiatives are likely to increase their financial outcomes by satisfying the demands and needs of all stakeholders. In line with this view, past research [1; 5] argues that firms committed to ESG and sustainability-related activities can meet stakeholders' demands for sustainable development and achieve competitive advantages, including positive financial outcomes. Thus, stakeholder theory predicts a positive association between ESG practices and financial performance. Empirically, Chen et al. [5] documented that higher ESG rankings are positively associated with financial results. With respect to individual ESG dimensions, Jia and Li [6] found that environmental initiatives reduce financial risks and improve sustainability in Australia. Further, Orazalin and Mahmood [9] reported that internal governance practices are key to improving operating performance in Kazakhstan. Similarly, Cheung et al. [10] concluded that higher corporate social performance brings economies benefits for firms in Hong Kong. Based on the above discussion, it is therefore assumed that firms with increased individual and the overall ESG practices are likely to have better financial performance. Accordingly, the following hypotheses are proposed:

H1a: Environmental practices of ESG improve financial performance

H1b: Social practices of ESG improve financial performance

H1c: Governance practices of ESG improve financial performance

H1d: Composite ESG practices improve financial performance

Prior studies [11; 12] have documented that the country's economic development can greatly influence a firm's ESG practices and financial results. In other words, there is a significant difference between developed and developing countries, when it comes to the relationships among country-level regulatory settings and economic conditions, corporate practices, and organizational performance results [13]. Therefore, given that firm-level ESG practices, sustainability-related initiatives, and performance outcomes in developing countries are different from those in emerging markets [11; 12], it is expected that the effects of ESG practices and initiatives on financial performance are likely to differ between developed and developing countries. Accordingly, the following hypotheses are developed:

H2a: Environmental practices' effects on financial performance are different for developed and developing markets

H2b: Social practices' effects on financial performance are different for developed and developing markets

H2c: Governance practices' effects on financial performance are different for developed and developing markets

H2d: Composite ESG practices' effects on financial performance are different for developed and developing markets

MAIN BODY

Research methodology. *Sample and data.* The study examines all global public firms with ESG and market data available in Eikon's ASSET4. Data on ESG practices were collected from ASSET4, while financial indicators were obtained from Datastream and Worldscope. After removing firms with missing data on the main and control variables, the final sample consists of 34,953 firm-years from 49 countries from 2002 to 2022. The sample breakdown by country presented in Table 1 shows that the United States (19.29 %) is the most represented developed country, followed by Japan (13.73 %), and the United Kingdom (10.47 %), while emerging markets, such as Kazakhstan (0.05 %) and Papua New Guinea (0.04 %), are the least represented.

Variables. The dependent variable is a firm's financial performance, measured using Tobin's Q (TOBIN). Consistent with past studies [12; 14], TOBIN is estimated as the sum of market capitalization and total liabilities divided by total assets. This measure better reflects stakeholders' perceptions about a firm's sustainability-related activities and performance [12]. Generally, the higher the TOBIN value, the better the financial performance of the firm.

The independent variables are the individual and composite ESG practices. In line with past research [4; 5; 7], the study assesses the ESG variables using environmental (ESGscore), social (SOCscore), governance (GOVscore), and ESG (ESGscore) scores obtained from ASSET4. ESGscore is the weighted average rating based on environmental activities/initiatives, including green innovations, emissions reductions, and optimal use of natural resources. SOGscore is the weighted average rating based on social information and activities related to community services, human rights protection, product responsibility integration, and workforce effectiveness. GOVscore is the weighted average rating based on internal governance dimensions, including management governance, shareholder treatment, and CSR practices. ESGscore represents the composite score based on the indicators in the ENVscore, SOCscore, and GOVscore pillars. These ESG scores range between 0 % and 100 %.

The study also includes a set of control variables that determine financial outcomes, consistent with past research [1; 2; 3; 5; 6; 12]. In particular, the analysis controls for firm size (FSIZE), profitability (FPRFT), slack (SLACK), capital intensity (CPLIN), liquidity (LIQDT), and leverage (DEBT). The descriptions and measurements of these variables are outlined in Appendix 1.

Models. The study employs the following model to test the effects of ESG practices on financial performance:

$$TOBIN_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 ESG_{it} + \sum Controls_{it} + \sum Fixed\ Effects + e \quad (1)$$

where, TOBIN represents financial performance, measured as Tobin's Q; ESG represents the individual (ENVscore, SOCscore, and GOVscore) and the overall ESG (ESGscore) practices. The model includes year, sector, and country fixed effects to control for possible differences across years, industries, and markets. All other variables are defined in Appendix 1.

To test whether the effects of ESG practices on financial sustainability differ between developed and developing economies, the study uses the following model:

$$TOBIN_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 ESG_{it} + \alpha_2 ESG * DEVEL_{it} + \alpha_3 DEVEL_{it} + \sum Controls + \sum Fixed\ Effects + e \quad (2)$$

where, DEVEL is an indicator if firm-years belong to developed countries, and zero otherwise; ESG*DEVEL is the interaction term between ESG practices and DEVEL.

Findings and discussion. Table 2 outlines the descriptive statistics. The mean value (standard deviation) of TOBIN is 1.66 (1.03) and ranges between 0.62 and 6.57. The average values of ENVscore, SOCscore, GOVscore, and ESGscore are 49.79 %, 51.60 %, 55.01 %, and 52.07 %, respectively. The statistics for the control variables are consistent with past studies [5; 6; 7; 12]. Further, table 3 specifies the correlation coefficients. As expected, SOCscore, GOVscore, and ESGscore are positively correlated with TOBIN. In contrast, ENVscore

is negatively correlated with TOBIN. Nevertheless, the complex relationships between ESG and TOBIN cannot be explained by univariate correlation analysis. Hence, it is important to utilize multivariate analysis, which takes into account the confounding effects of other factors and differences across years, sectors, and markets. The coefficients between the independent variables are lower than 0.70, indicating the absence of multicollinearity threats. The high correlation of 0.90 between SOCscore and ESGscore is not an issue as these explanatory variables are not included in the same regression analysis.

Table 2 – Descriptive Statistics

Variable	Obs.	Mean	Std. Dev.	Min	Max
TOBIN	34953	1.66	1.03	0.62	6.57
ENVscore	34953	49.79	26.31	0.00	94.51
SOCscore	34953	51.60	23.66	3.88	94.34
GOVscore	34953	55.01	21.69	8.80	93.81
ESGscore	34953	52.07	19.61	9.22	88.75
FPRFT	34953	6.69	8.15	-21.63	33.26
FSIZE	34953	15.76	1.37	12.65	19.08
SLACK	34953	0.12	0.10	0.00	0.51
CPLIN	34953	0.36	0.23	0.01	0.90
LIQDT	34953	1.63	0.99	0.35	6.14
DEBT	34953	0.56	0.19	0.13	1.00
Notes: All variables are described in Appendix 1.					

Table 3 – Pairwise correlations

Variables	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)
TOBIN	1.00										
ENVscore	-0.06	1.00									
SOCscore	0.05	0.72	1.00								
GOVscore	0.00	0.31	0.36	1.00							
ESGscore	0.00	0.87	0.90	0.61	1.00						
FPRFT	0.55	-0.04	0.02	-0.01	-0.01	1.00					
FSIZE	-0.24	0.40	0.33	0.21	0.39	-0.11	1.00				
SLACK	0.22	-0.04	-0.04	-0.04	-0.04	0.17	-0.16	1.00			
CPLIN	-0.15	-0.03	-0.07	0.01	-0.05	-0.13	0.07	-0.32	1.00		
LIQDT	0.15	-0.10	-0.10	-0.05	-0.10	0.17	-0.26	0.50	-0.20	1.00	
DEBT	-0.09	0.11	0.13	0.05	0.13	-0.26	0.25	-0.24	0.00	-0.56	1.00
Notes: All variables are described in Appendix 1.											

Table 4 presents the results from regressing TOBIN on the ESG variables. As reported, the coefficients of ENVscore, SOCscore, and GOVscore are positively significant, implying that proactive and increased individual dimensions of ESG can substantially improve financial results of global firms operating in different countries. Similarly, the coefficient of ESGindex is positive and statistically significant, indicating that the composite ESG practices lead to increased financial performance. Thus, *H1a*, *H1b*, *H1c*, and *H1d* are supported. These results are also in line with past research [2; 5; 6] that firms with more effective and higher environmental, social, governance, and composite ESG practices have better performance outcomes. Overall, the results in Table 4 support stakeholder theory and suggest that firms with better environmental, social, and governance practices exhibit better financial sustainability.

Table 4 – Effects of ESG practices on financial performance

	(1)	(2)	(3)	(4)
	TOBIN	TOBIN	TOBIN	TOBIN
ENVscore	0.002*** (0.000)			
SOCscore		0.004*** (0.000)		
GOVscore			0.001*** (0.000)	
ESGscore				0.004*** (0.000)
FPRFT	0.062*** (0.001)	0.062*** (0.001)	0.063*** (0.001)	0.062*** (0.001)
FSIZE	-0.174*** (0.005)	-0.179*** (0.004)	-0.157*** (0.004)	-0.182*** (0.005)
SLACK	1.291*** (0.075)	1.283*** (0.075)	1.299*** (0.075)	1.284*** (0.075)
CPLIN	0.083*** (0.021)	0.086*** (0.021)	0.085*** (0.021)	0.088*** (0.021)
LIQDT	-0.007 (0.007)	-0.005 (0.007)	-0.007 (0.007)	-0.005 (0.007)
DEBT	0.571*** (0.035)	0.577*** (0.035)	0.575*** (0.035)	0.574*** (0.035)
Constant	3.358*** (0.088)	3.444*** (0.088)	3.025*** (0.082)	3.482*** (0.089)
Year FE	Included	Included	Included	Included
Sector FE	Included	Included	Included	Included
Country FE	Included	Included	Included	Included
Observations	34953	34953	34953	34953
Adj. R-squared	0.470	0.472	0.469	0.472

Notes: Robust standard errors are estimated in parentheses. All variables are described in Appendix 1. ***, **, * indicate the significance levels at 1%, 5%, and 10%, respectively.

Table 5 reports the results from regressing TOBIN on the interactions of the ESG variables with the DEVEL variable. The coefficients of ENVindex*DEVEL and SOCindex*DEVEL are positively significant, implying that environmental and social practices have a greater positive impact on financial performance in developed countries. Consistent with *H2a* and *H2b*, these results indicate that the effects of environmental and social practices on financial performance are different for firms in developed and developing economies. However, the coefficient of GOVindex*DEVEL is insignificant, suggesting governance practices have the same positive impacts on financial performance in both developed and developing markets. Hence, *H2c* is not supported. This evidence suggests that effective corporate governance plays a key role in fostering financial sustainability in any market, irrespective of the country's economic development. Further, the coefficient of ESGindex*DEVEL is significant and positive. In line with *H2d*, this finding indicates that a holistic form of ESG practices has a stronger effect on financial results in developed economies. Overall, the results in Table 5 suggest that the country's economic development is one of the important driving factors promoting ESG practices, supporting sustainability initiatives, and yielding corporate sustainability.

Table 5 – Effects of ESG practices in developed and developing economies

	(1)	(2)	(3)	(4)
	TOBIN	TOBIN	TOBIN	TOBIN
ENVscore	0.002*** (0.000)			

ENVscore*DEVEL	0.003*** (0.001)			
SOCscore		0.004*** (0.000)		
SOCscore*DEVEL		0.004*** (0.001)		
GOVscore			0.001*** (0.000)	
GOVscore*DEVEL			-0.000 (0.001)	
ESGscore				0.004*** (0.000)
ESGscore*DEVEL				0.004*** (0.001)
DEVEL	0.307*** (0.067)	0.301*** (0.067)	0.299*** (0.066)	0.281*** (0.067)
FPRFT	0.062*** (0.001)	0.062*** (0.001)	0.063*** (0.001)	0.062*** (0.001)
FSIZE	-0.176*** (0.005)	-0.182*** (0.004)	-0.157*** (0.004)	-0.185*** (0.005)
SLACK	1.293*** (0.075)	1.282*** (0.075)	1.298*** (0.075)	1.285*** (0.075)
CPLIN	0.083*** (0.021)	0.088*** (0.021)	0.085*** (0.021)	0.089*** (0.021)
LIQDT	-0.007 (0.007)	-0.005 (0.007)	-0.007 (0.007)	-0.005 (0.007)
DEBT	0.571*** (0.035)	0.577*** (0.035)	0.575*** (0.035)	0.575*** (0.035)
Constant	3.352*** (0.088)	3.460*** (0.088)	2.976*** (0.081)	3.491*** (0.089)
Year FE	Included	Included	Included	Included
Sector FE	Included	Included	Included	Included
Country FE	Included	Included	Included	Included
Observations	34953	34953	34953	34953
Adj. R-squared	0.471	0.473	0.469	0.472

Notes: Robust standard errors are estimated in parentheses. All variables are described in Appendix 1. ***, * indicate the significance levels at 1%, 5%, and 10%, respectively.

Further, the study goes beyond the existing literature and uses another aspect of firm performance, namely financial stability (*ALT*), which is estimated using the Altman's score [15]. To obtain this score, the following formula is utilized:

(3)

$$ALT = 1.2 * \text{Working capital} / \text{Total assets} + 1.4 * \text{Retained profits} / \text{Total assets} + 3.3 * \text{Earnings before interest and taxation} / \text{Total assets} + 0.6 * \text{Market capitalization} / \text{Total liabilities} + 0.99 * \text{Sales} / \text{Total assets}$$

The use of Altman's score enables to assess the effects of ESG practices on financial stability, and financial sustainability in general. The results in Panel A of Appendix 2 show that the coefficients of the ESG variables are positive and statistically significant and suggest that firms with higher ESG rankings are financially more stable. Panel B further verifies that the financial stability-increasing effects of ESG practices are stronger for firms from developed countries. Overall, the results in Appendix 2 support those in Tables 4 and 5 and suggest that higher ESG practices lead to better financial sustainability, and these effects are more pronounced for developed countries, thus highlighting the importance of the country's economic development.

CONCLUSIONS

This study empirically examines the effects of ESG practices on firm financial performance and investigates whether these effects differ for firms in developed and developing countries. Based on a large sample (34,953 firm-observations) from 49 countries for the 2002-2022 period, this study reveals that the individual and overall ESG practices are positively associated with financial performance. Furthermore, the positive impacts of ESG initiatives on financial performance are more pronounced for developed countries. The results from additional analysis also confirm that increased ESG practices play a crucial role in enhancing financial sustainability in both developed and developing economies.

The findings of this work have important implications for various stakeholders. For example, the results suggest that corporate managers that seek to increase shareholder value and enhance financial sustainability need to introduce and implement proactive ESG practices. In particular, they need to focus not only on ESG practices in general but also need to promote sustainable development by engaging in proactive environmental initiatives, undertaking forward-looking social activities, and adopting effective governance mechanisms. Further, the findings may help investors, who are concerned about sustainability issues, select eco-friendly projects and make effective investment decisions. The results also suggest that both national and global regulators need to support corporations by introducing effective and enforceable policies and regulations that aim to promote ESG practices and corporate sustainability in general.

REFERENCES

1. Orazalin N., Mahmood M., Narbaev T. The impact of sustainability performance indicators on financial stability: evidence from the Russian oil and gas industry // *Environmental Science and Pollution Research*. – 2019. – № 8 (26). – P. 8157–8168. – <https://doi.org/10.1007/s11356-019-04325-9>
2. Nguyen T. H. H., Elmagrhi M. H., Ntim C. G., Wu Y. Environmental performance, sustainability, governance and financial performance: Evidence from heavily polluting industries in China // *Business Strategy and the Environment*. – 2021. – № 5 (30). – P. 2313-2331. – <https://doi.org/10.1002/bse.2748>
3. Agyei-Boapeah H., Ciftci N., Kalimilo Malagila, J., Brodmann J., Fosu S. Environmental performance and financial constraints in emerging markets // *Accounting Forum*. – 2023. – <https://doi.org/10.1080/01559982.2023.2169893>
4. Lee M. T., Raschke R. L., Krishen A. S. Understanding ESG scores and firm performance: Are high-performing firms E, S, and G-balanced? // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2023. – (195). – P. 122779. – <https://doi.org/10.1016/J.TECHFORE.2023.122779>
5. Chen S., Song Y., Gao P. Environmental, social, and governance (ESG) performance and financial outcomes: Analyzing the impact of ESG on financial performance // *Journal of Environmental Management*. – 2023. – (345). – P. 118829. – <https://doi.org/10.1016/J.JENVMAN.2023.118829>
6. Jia J., Li Z. Corporate Environmental Performance and Financial Distress: Evidence from Australia // *Australian Accounting Review*. – 2022. – № 2 (32). – P. 188-200. – <https://doi.org/10.1111/auar.12366>
7. Govindan K., Kilic M., Uyar A., Karaman A. S. Drivers and value-relevance of CSR performance in the logistics sector: A cross-country firm-level investigation // *International Journal of Production Economics*. – 2021. – (231). – P. 107835. – <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2020.107835>
8. Freeman R. E. *Strategic Management: A Stakeholder Approach* / R. E. Freeman, – 1984. – 276 p.
9. Orazalin N., Mahmood M. The financial crisis as a wake-up call: corporate governance and bank performance in an emerging economy // *Corporate Governance: The international journal of business in society*. – 2019. – № 1 (19). – P. 80-101. – <https://doi.org/10.1108/CG-02-2018-0080>
10. Cheung Y. L., Jiang K., Mak B. S. C., Tan W. Corporate Social Performance, Firm Valuation, and Industrial Difference: Evidence from Hong Kong // *Journal of Business Ethics*. – 2013. – № 4 (114). – P. 625-631.
11. Karaman A. S., Orazalin N., Uyar A., Shahbaz M. CSR achievement, reporting, and assurance in the energy sector: Does economic development matter? // *Energy Policy*. – 2021. – (149). – P. 112007. – <https://doi.org/10.1007/s10551-013-1708-0>

12. Orazalin N., Ntim C., Malagila J. Board sustainability committees, climate change initiatives, carbon performance, and market value // *British Journal of Management*. – 2024. – № 1 (35). – P. 295-320. – <https://doi.org/10.1111/1467-8551.12715>
13. Zattoni A., Dedoulis, E., Leventis, S., Van Ees, H. Corporate governance and institutions—A review and research agenda // *Corporate Governance: An International Review*. – 2020. – № 6 (28). – P. 465-487. – <https://doi.org/10.1111/corg.12347>
14. Haque F., Ntim C. G. Executive compensation, sustainable compensation policy, carbon performance and market value // *British Journal of Management*. – 2020. – № 3 (31). – P. 525-546. – <https://doi.org/10.1111/1467-8551.12395>
15. Altman E. I. Financial ratios, discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy // *The Journal of Finance*. – 1968. – № 4 (23). – P. 589-609. – <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.1968.tb00843.x>

REFERENCES

1. Orazalin, N., Mahmood, M. and Narbaev, T. (2019). The impact of sustainability performance indicators on financial stability: evidence from the Russian oil and gas industry. *Environmental Science and Pollution Research*, 26(8), 8157–8168. <https://doi.org/10.1007/s11356-019-04325-9>
2. Nguyen, T. H. H., Elmagrhi, M. H., Ntim, C. G. and Wu, Y. (2021). Environmental performance, sustainability, governance and financial performance: Evidence from heavily polluting industries in China. *Business Strategy and the Environment*, 30(5), 2313–2331. <https://doi.org/10.1002/bse.2748>
3. Agyei-Boapeah, H., Ciftci, N., Kalimilo Malagila, J., Brodmann, J. and Fosu, S. (2023). Environmental performance and financial constraints in emerging markets. *Accounting Forum*. <https://doi.org/10.1080/01559982.2023.2169893>
4. Lee, M. T., Raschke, R. L. and Krishen, A. S. (2023). Understanding ESG scores and firm performance: Are high-performing firms E, S, and G-balanced? *Technological Forecasting and Social Change*, 195, 122779. <https://doi.org/10.1016/J.TECHFORE.2023.122779>
5. Chen, S., Song, Y. and Gao, P. (2023). Environmental, social, and governance (ESG) performance and financial outcomes: Analyzing the impact of ESG on financial performance. *Journal of Environmental Management*, 345, 118829. <https://doi.org/10.1016/J.JENVMAN.2023.118829>
6. Jia, J. and Li, Z. (2022). Corporate Environmental Performance and Financial Distress: Evidence from Australia. *Australian Accounting Review*, 32(2), 188–200. <https://doi.org/10.1111/auar.12366>
7. Govindan, K., Kilic, M., Uyar, A. and Karaman, A. S. (2021). Drivers and value-relevance of CSR performance in the logistics sector: A cross-country firm-level investigation. *International Journal of Production Economics*, 231, 107835. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2020.107835>
8. Freeman, R. E. (1984). Strategic Management: A Stakeholder Approach. In *Pitman Series in Business and Public Policy*.
9. Orazalin, N. and Mahmood, M. (2019). The financial crisis as a wake-up call: corporate governance and bank performance in an emerging economy. *Corporate Governance: The International Journal of Business in Society*, 19(1), 80–101. <https://doi.org/10.1108/CG-02-2018-0080>
10. Cheung, Y. L., Jiang, K., Mak, B. S. C. and Tan, W. (2013). Corporate Social Performance, Firm Valuation, and Industrial Difference: Evidence from Hong Kong. *Journal of Business Ethics*, 114(4), 625–631. <https://doi.org/10.1007/s10551-013-1708-0>
11. Karaman, A. S., Orazalin, N., Uyar, A. and Shahbaz, M. (2021). CSR achievement, reporting, and assurance in the energy sector: Does economic development matter? *Energy Policy*, 149, 112007. <https://doi.org/10.1016/J.ENPOL.2020.112007>
12. Orazalin, N., Ntim, C. and Malagila, J. (2024). Board sustainability committees, climate change initiatives, carbon performance, and market value. *British Journal of Management*, 35(1), 295–320. <https://doi.org/10.1111/1467-8551.12715>
13. Zattoni, A., Dedoulis, E., Leventis, S. and Van Ees, H. (2020). Corporate governance and institutions—A review and research agenda. *Corporate Governance: An International Review*, 28(6), 465–487. <https://doi.org/10.1111/corg.12347>

14. Haque, F. and Ntim, C. G. (2020). Executive compensation, sustainable compensation policy, carbon performance and market value. *British Journal of Management*, 31(3), 525–546. <https://doi.org/10.1111/1467-8551.12395>

15. Altman, E. I. (1968). Financial ratios, discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy. *The Journal of Finance*, 23(4), 589–609. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6261.1968.tb00843.x>

ESG ТӘЖІРИБЕЛЕРІНІҢ КОМПАНИЯЛАРДЫҢ ҚАРЖЫЛЫҚ ТҰРАҚТЫЛЫҒЫНА ӘСЕРІ: ДАМЫҒАН ЖӘНЕ ДАМУШЫ ЕЛДЕРДІҢ ТӘЖІРИБЕСІ

Н. Оразалин^{1,2*}, Ә. Қожахметова³, Қ. Абдрашова³

¹КИМЭП университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²Қолданбалы ғылымдар және ақпараттық технологиялар институты, Алматы, Қазақстан Республикасы

³Қазақстан-Британ техникалық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты – Бұл зерттеу ESG (экологиялық, әлеуметтік және басқару) тәжірибесінің дамыған және дамушы экономикалардағы фирмалардың қаржылық тұрақтылығына әсерін зерттеуге бағытталған.

Әдіснамасы – Панельдік регрессиялық талдау жыл, сектор және ел бойынша тіркелген әсерлерді бақылау арқылы ESG тәжірибесінің қаржылық тұрақтылыққа әсерін тексеру үшін қолданылады. Қаржылық өнімділік Тобиннің Q-ы көмегімен өлшенеді, ал ESG тәжірибелері Akon's ASSET4 алынған ESG ұпайлары арқылы өлшенеді. Соңғы үлгі 2002 жылдан 2022 жылға дейін 49 елден алынған 34 953 фирмалық бақылаудан тұрады.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы – Бұл жұмыс ESG тәжірибесі мен әртүрлі елдерде жұмыс істейтін мемлекеттік фирмалардың қаржылық тұрақтылығы арасындағы қарым-қатынас туралы жаңа түсініктер беру және корпоративтік ESG бастамалары мен тұрақтылықты жылжытуда мемлекет деңгейіндегі экономикалық жағдайлардың рөлін көрсету арқылы әртүрлі мүдделі тараптар үшін маңызды қорытындыларды ұсынады.

Зерттеу нәтижелері – Зерттеу жеке және композициялық ESG тәжірибелері қаржылық нәтижелерді айтарлықтай жақсартатынын көрсетеді. Нәтижелер сонымен қатар экологиялық және әлеуметтік бастамалардың және жалпы ESG тәжірибесінің қаржылық тұрақтылыққа оң әсері дамыған елдердің фирмалары үшін айқынырақ екенін көрсетеді. Талдау нәтижелері жақсартылған ESG тәжірибесі Альтман индексімен өлшенетін қаржылық тұрақтылықты жақсартатынын растайды.

Түйін сөздер: ESG тәжірибесі, фирма өнімділігі, қаржылық тұрақтылық, тұрақты даму, дамыған елдер, дамушы экономикалар.

Алғыс: Зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитетімен қаржыландырылған (Грант № AP23490230).

ВЛИЯНИЕ ПРАКТИК ESG НА ФИНАНСОВУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ КОМПАНИЙ: ОПЫТ РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Н. Оразалин^{1,2*}, А. Кожакметова³, К. Абдрашова³

¹Университет КИМЭП, г. Алматы, Республика Казахстан

²Институт прикладных наук и информационных технологий, Алматы, Республика Казахстан

³Казахстанско-Британский технический университет, г. Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – данное исследование направлено на изучение влияния практик ESG (экологических, социальных и управленческих) на финансовую устойчивость фирм в развитых и развивающихся экономиках.

Методология исследования – панельный регрессионный анализ используется для проверки влияния практик ESG на финансовую устойчивость путем контроля фиксированных эффектов года, сектора и страны. Финансовые показатели оцениваются на основе Q Тобина, в то время как практики ESG измеряются с использованием баллов ESG, полученных из ASSET4 Эйкона. Окончательная выборка состоит из 34 953 наблюдений за фирмами из 49 стран с 2002 по 2022 годы.

Оригинальность / ценность исследования – данная работа предлагает важные выводы для различных заинтересованных сторон, предоставляя новое понимание взаимосвязи между практиками ESG и финансовой устойчивостью государственных фирм, работающих в разных странах, и подчеркивая роль экономических условий на уровне страны в продвижении корпоративных инициатив ESG и устойчивости.

Результаты исследования – исследование показывает, что отдельные и составные практики ESG могут существенно улучшить финансовые показатели. Результаты также показывают, что положительное влияние экологических и социальных инициатив и общих практик ESG на финансовое благополучие более выражено для фирм из развитых стран. Дальнейший анализ подтверждает, что улучшенные практики ESG могут повысить финансовую стабильность, измеряемую как индекс Альтмана.

Ключевые слова: практики ESG, эффективность фирмы, финансовая устойчивость, устойчивое развитие, развитые страны, развивающиеся экономики.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP23490230).

ABOUT THE AUTHORS

Nurlan Orazalin – PhD, DBA, CMA, KIMEP University and Institute of Applied Sciences and Information Technology, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: orazalin@kimep.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2015-9268>.*

Assel Kozhakhmetova – PhD, Associate Professor, Kazakh-British Technical University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: a.kozhakhmetova@kbtu.kz, ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-3077-2023>.

Kuralay Abdrashova – Mr.Sc. (Econ.), Junior Researcher, Kazakh-British Technical University, Almaty, Kazakhstan. Email: k.abdrashova.26@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-7956-3654>.

Table 1 – Tabulation of Country

Country	Frequency	Percent	Cumulative
AUSTRALIA	1257	3.60	3.60
AUSTRIA	237	0.68	4.27
BELGIUM	266	0.76	5.04
BRAZIL	651	1.86	6.90
CANADA	1582	4.53	11.42
CHILE	208	0.60	12.02
CHINA	1285	3.68	15.70
COLOMBIA	100	0.29	15.98
DENMARK	354	1.01	16.99
FINLAND	397	1.14	18.13
FRANCE	1158	3.31	21.44
GERMANY	1141	3.26	24.71
GREECE	139	0.40	25.11
HONG KONG	1104	3.16	28.26
HUNGARY	29	0.08	28.35
INDIA	532	1.52	29.87
INDONESIA	232	0.66	30.53
IRELAND	335	0.96	31.49
ISRAEL	65	0.19	31.68
ITALY	518	1.48	33.16
JAPAN	4798	13.73	46.89
KAZAKHSTAN	18	0.05	46.94
KUWAIT	23	0.07	47.00
LUXEMBOURG	73	0.21	47.21
MACAO	39	0.11	47.32
MALAYSIA	378	1.08	48.41
MEXICO	272	0.78	49.18
NETHERLANDS	522	1.49	50.68
NEW ZEALAND	246	0.70	51.38
NORWAY	342	0.98	52.36
PAPUA NEW GUINEA	13	0.04	52.40
PERU	43	0.12	52.52
PHILIPPINES	123	0.35	52.87
POLAND	136	0.39	53.26
PORTUGAL	128	0.37	53.63
RUSSIAN FEDERATION	264	0.76	54.38
SAUDI ARABIA	55	0.16	54.54
SINGAPORE	326	0.93	55.47
SOUTH AFRICA	769	2.20	57.67
SOUTH KOREA	789	2.26	59.93
SPAIN	446	1.28	61.21
SWEDEN	687	1.97	63.17
SWITZERLAND	678	1.94	65.11
TAIWAN	1224	3.50	68.61
THAILAND	277	0.79	69.40
TURKEY	237	0.68	70.08
UNITED ARAB EMIRATES	54	0.15	70.24
UNITED KINGDOM	3661	10.47	80.71
UNITED STATES	6742	19.29	100.00
Total	34953	100.00	
Note – compiled by the author			

Appendix 1

Variables	Symbols	Descriptions
<i>Dependent variable</i>		
Financial performance	TOBIN	(Market capitalization + Total liabilities)/Total assets
<i>Independent variables</i>		
Environmental practices	ENVscore	Environmental scores obtained from ASSET4
Social practices	SOCscore	Social scores obtained from ASSET4
Governance practices	GOVscore	Governance scores obtained from ASSET4
ESG practices	ESGscore	Environmental scores obtained from ASSET4
Country groups	DEVEL	Dummy variable = 1 if firm-years belong to a developed country, and 0 otherwise
<i>Control variables</i>		
Firm size	FSIZE	Natural logarithm of total assets
Profitability	FPRFT	Net earnings/Total assets*100
Slack	SLACK	Cash and cash equivalents/Total assets
Capital intensity	CPLIN	Long-term assets/Total assets
Liquidity	LIQDT	Current assets/Current liabilities
Leverage	DEBT	Total liabilities/Total assets
Note – compiled by the author		

Appendix 2

Panel A: Effects of ESG practices on financial stability				
	(1)	(2)	(3)	(4)
	ALT	ALT	ALT	ALT
ENVscore	0.004*** (0.000)			
SOCscore		0.006*** (0.001)		
GOVscore			0.002*** (0.000)	
ESGscore				0.008*** (0.001)
Controls	Included	Included	Included	Included
Year FE	Included	Included	Included	Included
Sector FE	Included	Included	Included	Included
Country FE	Included	Included	Included	Included
Observations	34953	34953	34953	34953
Adj. R-squared	0.638	0.639	0.637	0.639
Panel B: Effects of ESG practices in developed and developing economies				
	(1)	(2)	(3)	(4)
	ALT	ALT	ALT	ALT
ENVscore	0.004*** (0.000)			
ENVscore*DEVEL	0.003** (0.001)			
SOCscore		0.006*** (0.001)		
SOCscore*DEVEL		0.004*** (0.001)		
GOVscore			0.002*** (0.000)	
GOVscore*DEVEL			-0.001 (0.001)	

ESGscore				0.008***
				(0.001)
ESGscore*DEVEL				0.004**
				(0.002)
DEVEL	0.935***	0.891***	0.946***	0.876***
	(0.122)	(0.122)	(0.120)	(0.121)
Controls	Included	Included	Included	Included
Year FE	Included	Included	Included	Included
Sector FE	Included	Included	Included	Included
Country FE	Included	Included	Included	Included
Observations	34953	34953	34953	34953
Adj. R-squared	0.638	0.639	0.637	0.639

Notes: Robust standard errors are estimated in parentheses. All variables are described in Appendix 1. ***, **, * indicate the significance levels at 1%, 5%, and 10%, respectively.

MPHTH 06.77.05

JEL Classification: J21; J24; J28; M14; R11

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-4-110-121>

THE ROLE OF COMPANIES AND GOVERNMENT PROGRAMS IN THE DEVELOPMENT OF LABOR RESOURCES AND SOCIAL RESPONSIBILITY

Zh. A. Adambekova^{1*}, N. T. Adambekov², N. A. Amankeldy¹

¹Caspian University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²International University of Information Technologies, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose. This research investigates the role of labor resources in the sustainable development of the West Kazakhstan Region (WKR), focusing on the impact of social responsibility initiatives on regional economic stability and growth. The study seeks to elucidate the contributions of major enterprises and state programs to labor market dynamics and regional development.

Methodology. The research employs a quantitative approach, analyzing demographic data, labor market statistics, and corporate social responsibility (CSR) initiatives through statistical reports, surveys, interviews from open sources, and document analysis. The study also utilizes data from platforms like hh.kz to assess job vacancies and employment trends within the region.

Originality / value of the research. This study offers a comprehensive analysis of the connection between labor resources and social responsibility in fostering regional development in Kazakhstan, a topic less explored in existing literature. By focusing on WKO, the research highlights specific regional challenges and responses, contributing to new insights into the effective management of labor resources in transitional economies.

The Findings reveal that WKR exhibits a stable economic condition with a labor force participation rate of 69.8 % and an unemployment rate of 4.9 % despite this stability, the region faces a shortage of qualified specialists. CSR initiatives by major enterprises like North Caspian Operating Company N.V. and KazMunayGas (KMG) subsidiaries have positively impacted social infrastructure and employment rates. The study underscores the necessity of ongoing social projects, enhanced support for young specialists, and improved worker qualifications to sustain economic growth and reduce unemployment in the region.

Keywords: labor resources, social responsibility, unemployment, state programs, West Kazakhstan region, investment programs.

Acknowledgments: This research is funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant AP19678012) «The Triune Concept of Sustainable Development (ESG): business interests in the context of balanced regional development».

INTRODUCTION

The Constitution of the Republic of Kazakhstan (1995) establishes that the highest values of the state are the individual, their life, rights, and freedoms. The rights to safe labor and fair remuneration are guaranteed by the Constitution, highlighting the joint responsibility of businesses to their employees. At this stage of legislative development, the Law «On Private Entrepreneurship» implies the social responsibility of business as a voluntary beginning in the implementation of public projects [1].

According to the Social Development Concept of the Republic of Kazakhstan, by 2030, the three social partners in ensuring a better quality of life are the state, the business community, and the citizens themselves. The government encourages society to develop towards a model where businesses take a significant role in providing social benefits to the population, the population increases civic responsibility for their own well-being, and the state provides minimal social guarantees. Are the business circles ready for such a share of responsibility, and what benefits do they gain from it? Are the state and society ready for such a distribution of roles? There is no definitive answer to these questions, but this study will examine the phenomenon of corporate social responsibility (CSR), through which the government of Kazakhstan urges businesses to address social issues. Guided by the values of an open society, this work focuses on one direction of CSR – developing local communities. In light of the Social Development Concept of the Republic of Kazakhstan until 2030, this direction of CSR can be viewed as an example of the activity of three partners: businesses implement social responsibility projects involving local communities, citizens exhibit active civic positions for their own development and promote their interests, and the state provides support in implementing these projects [2].

It is worth noting that research is mainly conducted on large businesses in the oil and gas sector. Among the few works, the analytical review of CSR in the oil sector, prepared by Norwegian and Kazakhstani experts in 2011-2012, is notable [3]. Despite the measures taken to promote CSR, according to experts, it is still underdeveloped in Kazakhstan [4]. One of the factors may be that this initiative, like many other progressive ideas in Kazakhstan, comes «from above» and, due to weak explanatory work, does not receive adequate support «from below».

Social responsibility experts note that in Kazakhstan, an organization that adheres to the standards of social responsibility is a company that fully fulfills its obligations to employees and shows respect for them, which should be a standard obligation of management, not a bonus. Thus, in 2015, the CSR Concept in Kazakhstan was adopted, in which the main pillars are the development of a model, an investment mechanism, the promotion of non-financial reporting and a CSR culture [5].

Corporate social responsibility (CSR) should be viewed as a voluntary commitment of a company to implement significant social programs at its own expense. Implementing CSR brings businesses benefits such as increased productivity, improved reputation, and expanded partnerships with government agencies and local communities. CSR becomes a tool to influence society and ensure sustainable development [6].

Literature Review. The problems of corporate social responsibility have been studied for a long time, starting with Aristotle, Plato and Confucius. This was done not only by economists and sociologists, but also by philosophers. The social responsibility of corporations was considered by such scientists as Milton Friedman, Eugene Brigham and Peter Drucker. They believe that social responsibility is an obligatory part of modern corporate management [7]. It covers relations with employees, consumers, competitors, the state and the international community. This is an important factor in the development of a regional public system in a transition economy [8]. Corporate social responsibility increases production efficiency and stimulates innovation [9].

In global practice, and more precisely in the practice of Western countries with developed economies, CSR is perceived by all participants as mutually beneficial activities. However, in Kazakhstan, CSR faces many obstacles on its development path. This study attempts to understand what conditions need to be created within public policy to encourage Kazakhstani businesses to more actively implement CSR, specifically to participate

in solving social problems through the development of local communities [10].

In Kazakhstan, the interaction between business structures and government agencies to ensure sustainable development is becoming increasingly widespread. This interaction is manifested in various forms and methods provided by the corporate strategies of large companies in the field of social responsibility [11]. Public perception and acceptance of CSR depend on understanding its essence. In Kazakhstan, there is no single institutionalized concept of CSR. Some see this as the voluntary participation of companies in improving society and protecting the environment, while others view it as a means of achieving success through adherence to moral values and respect for people and society [12].

The principles of CSR, as outlined in the UN Global Compact, should become the basis for the full implementation of Kazakhstan's sustainable development strategy. The sustainable development strategy, launched in 2012, focuses on diversifying the economy, improving social welfare, and ensuring environmental sustainability. Adoption of the CSR principles outlined in the UN Global Compact and the development of a national corporate social responsibility concept are key elements for promoting CSR in Kazakhstan [13].

The practice of corporate social responsibility in Kazakhstan is at an early stage of development compared to developed countries. Many companies, such as JSC «KEGOC», «Kazakhstan Temir Zholy», and JSC National Company «KazMunayGas», actively implement CSR principles in their development strategies [14]. CSR implementation in Kazakhstan is often carried out through strategic partnerships with regional authorities, which contributes to the socio-economic development of local communities [15].

The primary goal of this research is to determine the extent to which enterprises in Kazakhstan adhere to social responsibility in supporting and developing labor resources. The study focuses on several key tasks: analyzing the demographic characteristics of labor resources across different regions of Kazakhstan; assessing the contributions of companies to regional development through taxes and philanthropy; investigating the social responsibility programs implemented in various regions; studying investment programs in the West Kazakhstan region, including international grants and municipal bonds; and analyzing state programs and national projects that impact sustainable development and social responsibility in the West Kazakhstan region.

The research begins with an introduction that justifies the relevance of the study and provides a review of the existing literature. The main part of the study involves detailed research methods, an analysis of demographic characteristics, an assessment of companies' social responsibility, and a study of both state and investment programs. Finally, the conclusion presents the main findings, discusses the results, and offers recommendations for improving the policy of corporate social responsibility and state support for labor resources.

MAIN BODY

The research includes both qualitative and quantitative methods of data analysis, data collection through statistical reports, surveys, interviews, and document analysis. Specialized software tools are used for data processing and analysis.

This study analyzes and evaluates labor resources in the regions of Kazakhstan, based on key labor market indicators for 2023. The indicators considered include the size of the labor force, employment and unemployment rates, as well as the socio-demographic characteristics of labor resources.

The population structure of the Republic of Kazakhstan according to enbek.kz statistics as of the fourth quarter of 2023 is as follows: Children under 18 years make up 35.1 %, employed workers constitute 34.0 %, pensioners account for 12.5 %, individual entrepreneurs comprise 8.5 %, students represent 6.2 %, and persons with disabilities make up 3.8 % (refer to Figure 1).

The working-age population totals 10,922,950, with 5,476,147 men and 5,446,803 women. The youth population is 5,365,766, including 2,733,601 men and 2,632,165 women.

There are 5,647,235 active employment contracts, 45,216 active vacancies on the Enbek.kz portal, and 240,395 active resumes on the Enbek.kz portal.

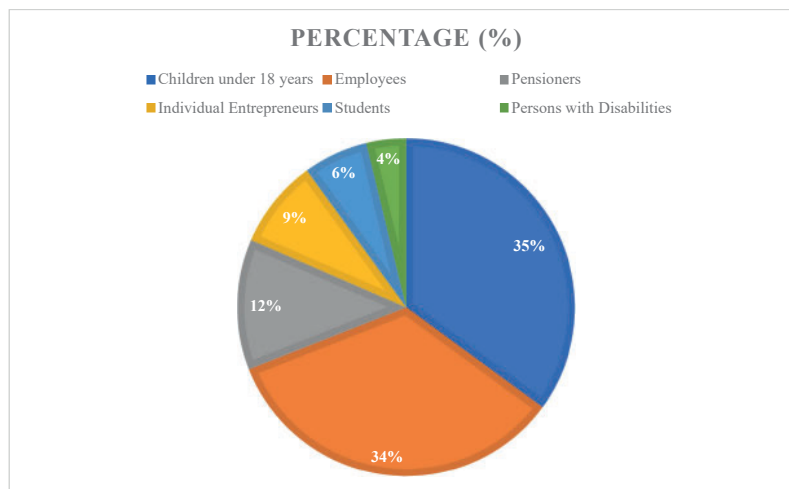

Figure 1 – The population structure of the Republic of Kazakhstan

Note – compiled by the author based on the source [16]

As of 2023, according to stat.gov (2024), the total labor force in Kazakhstan is 9,534,114 people, which accounts for 68.5 % of the total population (Figure 2). Employment stands at 9,081,920 people, of which 6,893,429 are employees and 2,188,491 are self-employed (Table 1).

Table 1 – The structure of labor in Kazakhstan

Year	Labor Force (people)	Employment (people)	Employees (people)	Self-employed (people)	Unemployment Rate (%)	Youth Unemployment Rate (%)
2021	9,250,000	9,000,000	6,700,000	2,300,000	4,8	3,6
2022	9,400,000	9,050,000	6,750,000	2,300,000	4,6	3,5
2023	9,534,114	9,081,920	6,893,429	2,188,491	4,7	3,5

Note – compiled by the authors based on [17]

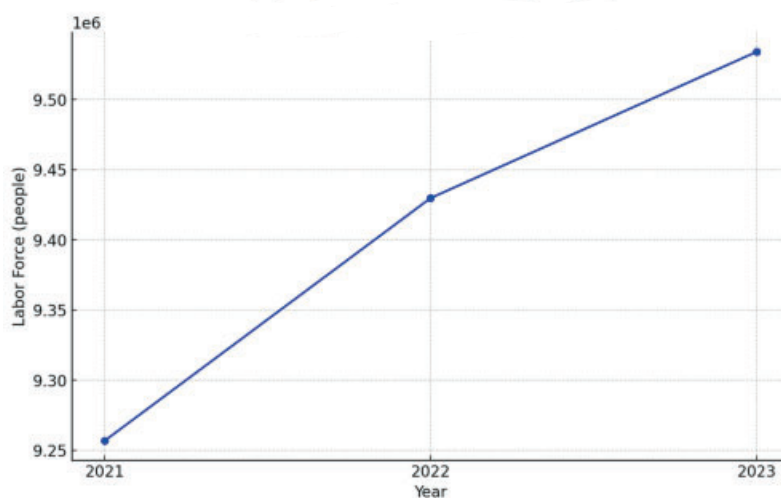

Figure 2 – Labor force dynamics (2021-2023)

Note – compiled by the authors based on [17]

The unemployment rate in the country is 4.7 %, while the youth unemployment rate (ages 15-34) is 3.5 %. (see Figure 3 below)

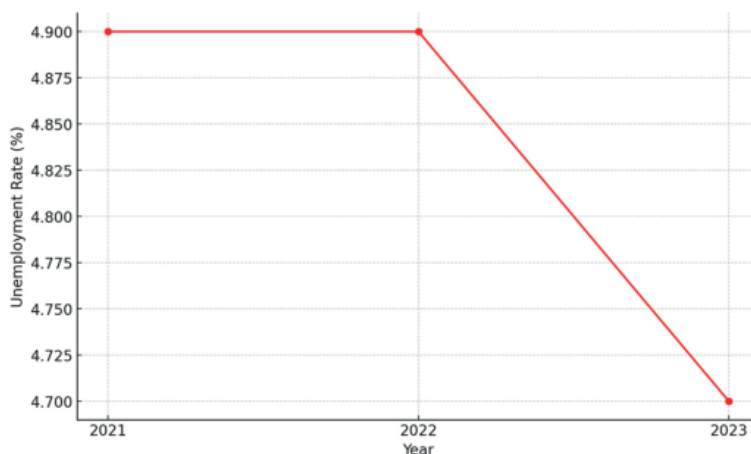

Figure 3 – Unemployment Rate Dynamics (2021-2023)

Note – compiled by the authors based on [17]

Distribution of indicators by regions shows significant differences. In regions such as Abay and Akmola, the labor force share is around 68.4-71.7 %, which is above the national average. The Atyrau region has the highest labor force percentage at 77.1 %, due to a high level of employment in the oil and gas sector. At the same time, the unemployment rate in the region is 4.8 %, and the youth unemployment rate is 2.6 %.

Karaganda region shows one of the lowest unemployment rates in the country at 4.1 %, with a labor force share of 64.7 %. The high employment and low unemployment rates in the region can be attributed to the well-developed industry and coal mining sector.

In Kostanay region 72.2 % of the population is part of the labor force, with an unemployment rate of 4.8 %, which is close to the national average. The youth unemployment rate here is 3.1 %, lower than the national average.

Kyzylorda region has the lowest labor force participation rate at 63.8 %. It has an unemployment rate of 4.9 % and a youth unemployment rate of 3.5 %. The high non-labor force rate of 36.2 % is due to high migration and the region's demographic characteristics.

Mangistau region has one of the highest unemployment rates at 5.0 % and a youth unemployment rate of 4.1%. The labor force participation here is 73.4 %, driven by a large number of employees in the oil and gas sector.

The cities of Astana and Almaty show high employment levels and low unemployment rates, at 4.5 % and 4.8 % respectively. However, the youth unemployment rate in Almaty is 5.2 %, higher than the national average. The labor force share is 71.7 % in Astana and 68.6 % in Almaty.

Overall, the unemployment rate in Kazakhstan is relatively low. It indicates the stable economy, however the youth unemployment rate in some regions requires attention to ensure sustainable development and social well-being.

Thus, the labor market in Kazakhstan for 2022 shows significant changes and trends that are important to consider when analyzing the state of labor resources in various regions. One of the key characteristics of the labor market is employer activity. In 2022, employers posted more than 400 thousand vacancies on the hh.kz website, which is 23 % more compared to 2021 and almost twice as many compared to 2020. The highest activity was noted in September, with about 42,000 vacancies posted, and the lowest in January (about 27,000 vacancies).

Geographically, vacancies are distributed unevenly. Leading positions are held by Almaty (41 % of all vacancies in Kazakhstan) and Astana (20 %). This concentration of business activity in the metropolises stimulates internal migration, which in turn creates the problem of regional disparities. However, there is an increase

in vacancies in other cities: Petropavlovsk (+32 %), Semey (+31 %), Aktobe (+28 %), Pavlodar (+26 %), and Aktau (+25 %).

Salaries have also undergone changes. Despite the global economic crisis and inflation, employers continue to raise salaries to attract highly qualified specialists, who are now in short supply. The arithmetic average offered salary for the year was 246,890 tenge, which is 16.4 % more compared to the previous year. The median salary was 204,578 tenge, which is 12 % more compared to the previous year. The highest salaries (around two million tenge) were offered to specialists in the field of information technology, and the lowest (around 60 thousand tenge) to domestic staff.

In 2022, the competition in Kazakhstan's labor market intensified, with the hh.index because four candidates were competing for each job vacancy. Typically, a ratio of five to six resumes per job offer is considered normal. It highlighted a shortage of qualified personnel among job seekers. Throughout the year, job seekers on hh.kz responded to vacancies around 38 million times, while employers extended about 6 million interview invitations. This implies that for every invitation, a job seeker had to apply to six positions, receiving five rejections in the process.

Job seeker activity surged significantly, with approximately two million residents searching for employment on hh.kz in 2022, reflecting a 70 % increase from the previous year. The highest concentrations of active resumes were recorded in Almaty, Astana, and Shymkent. Common professions among job seekers included sales managers, accountants, programmers, and drivers [18].

The demand for jobs was particularly high in areas like «sales», «accounting, management accounting, corporate finance», «administrative staff», «transport, logistics», and «information technology, internet, telecom». Notably, the professional areas that experienced the most substantial growth in vacancies were «sports clubs, beauty salons» (+176 %), «sales» (+88 %), «domestic staff» (+87 %), «installation and service» (+84 %), «top management» (+82 %), «transport, logistics» (+64 %), and «labor staff» (+60 %).

In the West Kazakhstan region, labor resources show significant regional differences. The total labor force is about 69.8 %, which is above the national average. The unemployment rate in the region is 4.9 %, and the youth unemployment rate is 3.8 %. These indicators point to a stable economic situation in the region, although there are still issues with labor resources, such as a shortage of qualified specialists [17] (Figure 4).

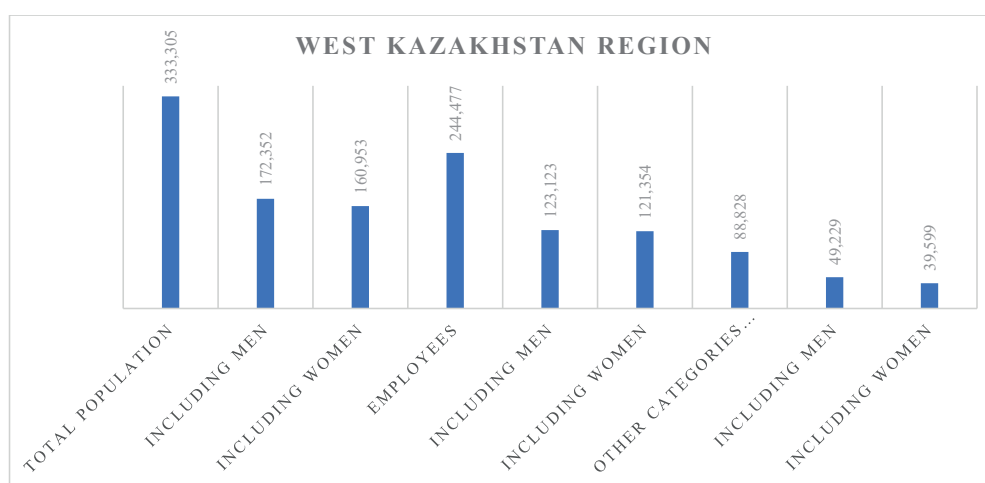

Figure 4 – Employment structure in West Kazakhstan region

Note – compiled by the authors based on [17]

West Kazakhstan Region (WKR) is well-known for the diversity of economic activities. An employment structure reflects this diversity: for example, in 2023, the total employed population across all economic activities in WKR is 333,305 people, of which 244,477 are employees, and 88,828 are engaged in other categories. Men and women are relatively evenly distributed across all types of activities, with a slight predominance of

men among employees. Agriculture, forestry, and fishing in WKR include 46,176 people, of which 15,983 are employees, and 30,193 are in other employment categories. Industry and construction include 59,762 people, of which 50,956 are employees, and 8,806 are in other employment categories. The service sector is the most significant, covering 227,367 people, of which 177,538 are employees, and 49,829 are in other employment categories.

To analyze the sufficiency of labor resources in West Kazakhstan Region, it is important to consider the unemployment rate, labor market activity, and labor supply and demand. The unemployment rate in WKR is 4.9 %, which corresponds to the national average in Kazakhstan. The youth unemployment rate (ages 15-34) is 3.8 %. In 2022, employers in WKR actively posted job vacancies on the hh.kz website. Across Kazakhstan, more than 400,000 vacancies were posted, which is 23 % more compared to 2021. In WKR, the most active areas were the cities of Uralsk and Akzhaik district. In 2022, about two million residents of Kazakhstan sought jobs on hh.kz, which is 70 % more than the previous year. In WKR, the highest number of active resumes is observed in Uralsk, indicating high competition in the labor market.

According to hh.kz data, the labor market in WKR shows an increase in vacancies and job seeker activity. In 2022, the most vacancies were posted in the fields of sales, accounting, management accounting, and information technology. The most common professions among job seekers are sales managers, accountants, programmers, and drivers. The employment graph by economic activities in the West Kazakhstan Region shows that the largest share of the employed population is in the service sector, followed by industry and construction, with the smallest share of employment in agriculture, forestry, and fishing. This employment distribution reflects the region's economic structure and highlights the key sectors providing job opportunities.

In 2021, the West Kazakhstan region, the nation's largest oil-producing area, continued to exhibit positive trends in key socio-economic indicators. Throughout the year, several projects aimed at economic and social development were successfully implemented.

From January to December 2023, the region produced industrial goods valued at 2,795.7 billion tenge, with a physical volume index of 94.5 %. The mining industry recorded a similar physical volume index of 93.4 %, while the manufacturing industry achieved 100.2 %.

Last year, as part of the Industrialization Map, two significant projects were launched, valued at 3.1 billion tenge and creating 170 jobs:

Construction of a furniture factory by LLP «Kvant».

Construction of a brick factory by LLP «134».

However, investments in fixed capital decreased by 15.3 % compared to January-December 2020, totaling 423.7 billion tenge. This decline is attributed to the completion of construction and installation work on the project aimed at removing production constraints on gas at the Karachaganak field.

The region's foreign trade turnover, including transactions with EAEU countries, reached \$6,081.7 million in 2021, representing a 131.3 % increase compared to 2020. Exports amounted to \$5,180.0 million, while imports totaled \$901.7 million, resulting in a positive trade balance of \$4,278.3 million.

Retail trade turnover in the region reached 371.4 billion tenge, with a physical volume index of 100.5 % compared to 2020. The gross agricultural output increased by 4 %, amounting to 232.1 billion tenge.

In terms of housing, 591 thousand square meters were commissioned in 2021, marking an 11.7 % increase from 2020. The volume of construction work also grew by 5.1 %, reaching 192.8 billion tenge.

The state budget collected 357.2 billion tenge in taxes and other mandatory payments, surpassing the forecast by 101.7 %. Of this, 233 billion tenge went to the republican budget (101.9 %) and 124.2 billion tenge to the local budget (101.4 %).

The unemployment rate in the economically active population stood at 2.7 %. During the reporting period, 18,638 jobs were created, and 23,199 people were employed. The average monthly nominal wage for January-December 2021 was 226,352 tenge, representing a 16.3 % increase from 2020.

The overall inflation rate for the year was 108.5 %, with food prices rising by 9.4 %, non-food products by 8 %, and paid services by 7.8 %.

CONCLUSIONS

The labor resources in the West Kazakhstan Region (WKR) are sufficient to meet the region's needs, with stable employment and unemployment rates. The labor force participation rate in WKR is 69.8 %, higher than the national average in Kazakhstan, while the unemployment rate is 4.9 %, close to the national average. Youth unemployment stands at 3.8 %, indicating a relatively stable economic situation in the region.

The labor market in Kazakhstan, including WKR, shows significant changes and trends, with a notable increase in job vacancies and job seeker activity. Employers posted over 400,000 vacancies on the hh.kz platform in 2022, a 23 % increase from the previous year, with the highest activity in Almaty and Astana. In WKR, cities such as Uralsk demonstrated high activity, with many active resumes indicating high competition in the labor market. The most common professions among job seekers include sales managers, accountants, programmers, and drivers.

Investment programs and state initiatives play a crucial role in the development of labor resources in WKR. Projects like those by North Caspian Operating Company N.V. and KMG contribute significantly to the region's social infrastructure. In 2023, KMG began construction of a multifunctional sports and recreation complex in Uralsk, worth 19.3 billion tenge. In addition, government programs finance the improvement of social infrastructure: schools, kindergartens and outpatient clinics are built using international grants.

Demographic analysis and assessment of labor resources in various regions of Kazakhstan revealed significant regional differences. For example, the Atyrau region has the highest percentage of the labor force – 77.1 %. This is due to the high level of employment in the oil and gas sector. At the same time, the Kyzylorda region has the lowest labor force participation rate – 63.8 %. Here, many people are not involved in labor due to the high level of migration and demographic characteristics.

Government programs and national projects play a key role in ensuring sustainable development and social responsibility. These programs include employment measures, development of mass sports, and improvement of social infrastructure. For example, government measures to ensure the well-being and health of the population include initiatives for employment after short-term professional training and increasing the number of educational grants in scarce specialties.

Despite the overall stable economic situation, issues such as the lack of qualified specialists and regional disparities remain. The increase in job vacancies and employer activity suggests a demand for highly skilled workers, which is essential for the region's continued economic growth.

Subsequently, the author developed a set of recommendations contributed to the further development of social responsibility of municipalities and companies in the region. There is a need to:

1. Continue the implementation of social projects to improve the region's social infrastructure, including building more schools, kindergartens, outpatient clinics, and sports complexes. Focus on developing projects that address the specific needs of local communities, ensuring that the benefits reach all population segments.

2. Develop and implement support programs for young specialists, including mentorship, internships, and career development opportunities. Increase the number of educational grants and scholarships in high-demand and scarce specialties to attract more young professionals to the region.

3. Enhance the qualifications of local workers through short-term professional training and retraining programs. This will help address the shortage of highly skilled workers and meet the demands of the labor market. Collaborate with educational institutions and industries to provide targeted training programs that align with market needs.

4. Encourage employers to participate in state and regional programs aimed at improving labor resources, including providing incentives for companies that invest in employee training and development. Promote corporate social responsibility (CSR) initiatives among businesses to support local community development and social welfare.

5. Intensify cooperation with international organizations to attract additional investments and expertise. This can help bring in innovative practices and technologies that benefit the region's economic and social development. Leverage international grants and funding to support large-scale infrastructure projects and social initiatives.

6. Monitor labor market trends and regional disparities to ensure that policies and programs are effectively addressing the needs of different regions. Implement targeted interventions in regions with higher unemployment rates and lower labor force participation to promote balanced regional development.

REFERENCES

1. Altaibayeva Z. K., Khamzina S. S., Baltabayeva A. K. Development of corporate social responsibility in Kazakhstan // *Central Asian Economic Review*. – 2021. – №2. – P.80-92. – DOI:10.52821/2224-5561-2021-2-80-92.
2. Никитина Л. М., Дмитриев В. А., Перцева Ю. А. Новые инструменты государственной политики развития корпоративной социальной ответственности на основе esg-финансирования // *Регион: системы, экономика, управление*. – 2022. – №. 3 (58). – С. 61-76.
3. Нурмухаметов Н. Н., Бекетова К. Н. Корпоративная социальная ответственность – основа укрепления стратегического развития крупных предприятий машиностроения // *Central Asian Economic Review*. – 2022. – №. 2. – С. 28-44.
4. Сансызбаева Г. Н., Сансызбаев С. Н., Шаяхметова К. О., Садыкова Ж. Е., Турсумбаева М. Ж. К вопросу о концепции корпоративной социальной ответственности бизнеса в Казахстане // *Вестник МИЭП*. – 2015. – № 1 (18). – С. 47-63.
5. Ажиева А. С. Перспективы корпоративной социальной ответственности в казахстанских компаниях // *Вестник науки и образования*. – 2016. – № 4(16). – С. 33-34.
6. Кекчебаев Е., Жакупова Г., Сулейменов Р. Экономика Казахстана 2020. Итоги, статистика, анализ [Электронный ресурс] // *Elim Маркетинговые исследования в Казахстане* [web-сайт]. – 2021. – URL: <https://marketingcenter.kz/20/economy-kazakhstan-2020.html> (дата обращения: 2.07.2024).
7. Баймухамедова Г. С. Развитие социальной политики казахстанских предприятий на современном этапе // *Аграрное образование и наука*. – 2018. – № 2. – С.2.
8. Bowen H. R. *Social Responsibilities of the Businessman*. – New York: Harper & Row, 1953. – 276 p.
9. Carroll A. B., Buchholtz A. K. *Business and Society: Ethics and Stakeholder Management*. – Australia: Thomson South-Western, 2003. – 768 p.
10. Moon J., Vogel D. *Corporate social responsibility, government and civil society* // *Oxford Handbook of Corporate Social Responsibility*. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 303-323.
11. International Standard ISO 26000:2010, Guidance on social responsibility [Electronic source] // ISO [website]. – 2010. – URL: <https://www.iso.org/files/live/sites/isoorg/files/store/en/PUB100258.pdf> (accessed: 2.07.2024).
12. Ажиева А. С. Определение и содержание понятия «Корпоративная социальная ответственность» // *Вестник науки и образования*. – 2015. – №3(5). – С. 81-83.
13. New horizons. Annual Report [Electronic source] // JSC National Company KazMunayGas [website]. – 2022. – URL: https://ar2022.kmg.kz/download/full-reports/ar_en_annual-report_pages_kmg_2022.pdf (accessed: 02.07.2024).
14. Bringing ideas to life. Annual Report [Electronic source] // JSC National Company KazMunayGas. [website]. – 2023. – URL: https://ar2023.kmg.kz/download/full-reports/ar_ru_annual-report_pages_kmg_2023.pdf (accessed: 02.07.2024).
15. Экономические документы [Electronic source] // Министерство национальной экономики Республики Казахстан [website]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/documents/details/638846?lang=ru> (accessed: 02.07.2024).
16. Analytical reports [Electronic source] // Enbek.kz [website]. URL: <https://erdo.enbek.kz/analitics> (accessed: 02.07.2024).
17. Dynamic tables - Social statistics: Medicine [Electronic source] // Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan [website]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-medicine/dynamic-tables/> (accessed: 02.07.2024).
18. Рынок труда Казахстана в 2022 году: основные тенденции и изменения [Electronic source] // Headhunter.kz [website]. – 2023. – URL: <https://hh.kz/article/31126> (accessed: 02.08.2024).

REFERENCES

1. Altaibayeva, Z. K., Khamzina, S. S., & Baltabayeva, A. K. (2021). Development of corporate social responsibility in Kazakhstan. *Central Asian Economic Review*, (2), 80-92. DOI:10.52821/2224-5561-2021-2-80-92
2. Nikitina, L. M., Dmitriev, V. A., & Pertseva, Y. A. (2022). Novye instrumenty gosudarstvennoj politiki razvitiya korporativnoj social'noj otvetstvennosti na osnove ESG-finansirovaniya (New instruments of state policy for developing corporate social responsibility based on ESG-financing). *Region: systemy, ekonomika, upravlenie*, 3(58), 61-76. (In Russian)
3. Nurmukhametov, N. N., & Beketova, K. N. (2022). Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' – osnova ukrepleniya strategicheskogo razvitiya krupnykh predpriyatii mashinostroeniya (Corporate social responsibility – the basis for strengthening the strategic development of large engineering enterprises). *Central Asian Economic Review*, (2), 28-44. (In Russian)
4. Sansyzbayeva, G. N., Sansyzbayev, S. N., Shayakhmetova, K. O., Sadykova, Zh. E., & Tursumbayeva, M. Zh. (2015). K voprosu o kontseptsii korporativnoj sotsial'noj otvetstvennosti biznesa v Kazakhstane (On the concept of corporate social responsibility of business in Kazakhstan). *Vestnik MIEP*, 1(18), 47-63. (In Russian)
5. Azhieva, A. S. (2016). Perspektivy korporativnoj sotsial'noj otvetstvennosti v kazakhstanskikh kompaniyakh (Prospects for corporate social responsibility in Kazakhstani companies). *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 4(16), 33-34. (In Russian)
6. Kekchebayev, E., Zhakupova, G., & Suleimenov, R. (2021). Ekonomika Kazakhstana 2020. Itogi, statistika, analiz (Kazakhstan economy 2020. Results, statistics, analysis). *Elim Marketingovyie issledovaniya v Kazakhstane*. Retrieved July 2, 2024, from <https://marketingcenter.kz/20/economy-kazakhstan-2020.html> (In Russian)
7. Baymukhamedova, G. S. (2018). Razvitie sotsial'noj politiki kazakhstanskikh predpriyatii na sovremenom etape (Development of social policy of Kazakhstani enterprises at the present stage). *Agrarnoe obrazovanie i nauka*, (2), Article 2. (In Russian)
8. Bowen, H. R. (1953). *Social Responsibilities of the Businessman*. New York: Harper & Row. 276 p.
9. Carroll, A. B., & Buchholtz, A. K. (2003). *Business and Society: Ethics and Stakeholder Management*. Australia: Thomson South-Western. 768 p.
10. Moon, J., & Vogel, D. (2008). Corporate social responsibility, government and civil society. In A. Crane, D. Matten, A. McWilliams, J. Moon, & D. S. Siegel (Eds.), *The Oxford Handbook of Corporate Social Responsibility*. Oxford: Oxford University Press. pp. 303-323.
11. International Standard ISO 26000:2010, Guidance on social responsibility. ISO. 2010. Retrieved July 2, 2024, from <https://www.iso.org/files/live/sites/isoorg/files/store/en/PUB100258.pdf>
12. Azhieva, A. S. (2015). Opredelenie i sodержanie ponyatiya «Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost'» (Definition and content of the concept of «Corporate Social Responsibility»). *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 3(5), 81-83. (In Russian)
13. JSC National Company KazMunayGas. (2022). *New horizons*. Retrieved July 2, 2024, from https://ar2022.kmg.kz/download/full-reports/ar_en_annual-report_pages_kmg_2022.pdf (in Russian).
14. JSC National Company KazMunayGas. (2023). *Bringing ideas to life*. Retrieved July 2, 2024, from https://ar2023.kmg.kz/download/full-reports/ar_ru_annual-report_pages_kmg_2023.pdf (in Russian).
15. Ministerstvo nacional'noj ekonomiki Respubliki Kazahstan. (n.d.). Ekonomicheskie dokumenty. Retrieved July 2, 2024, from <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/documents/details/638846?lang=ru> (in Russian).
16. Enbek.kz. (n.d.). *Analytical reports*. Retrieved July 2, 2024, from <https://erdo.enbek.kz/analitics> (in Russian).
17. Committee on Statistics of the Republic of Kazakhstan. (n.d.). *Dynamic tables - Social statistics: Medicine*. Retrieved July 2, 2024, from <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/stat-medicine/dynamic-tables/> (in Russian).
18. Headhunter.kz. (2022). *Rynok truda Kazakhstana v 2022 godu: osnovnye tendencii i izmeneniya*. Retrieved August 2, 2024, from <https://hh.kz/article/31126> (in Russian).

**КОМПАНИЯЛАР МЕН МЕМЛЕКЕТТІК БАҒДАРЛАМАЛАРДЫҢ ЕҢБЕК
РЕСУРСТАРЫН ДАМУДА ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК ЖАУАПКЕРШІЛІКТІҢ РӨЛІ**

Ж. А. Адамбекова^{1*}, Н. Т. Адамбеков², Н. А. Аманкелді¹

¹Каспий университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²Халықаралық ақпараттық технологиялар университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты. Зерттеу Батыс Қазақстан облысының (БҚО) тұрақты дамуындағы еңбек ресурстарының рөлін зерттейді, әлеуметтік жауапкершілік бастамаларының аймақтық экономикалық тұрақтылық пен өсуге әсеріне назар аударады. Зерттеу негізгі кәсіпорындар мен мемлекеттік бағдарламалардың еңбек нарығының динамикасына және аймақтық дамуға қосқан үлесін анықтауға бағытталған.

Әдіснамасы. Зерттеу сандық әдісті қолданады, демографиялық деректерді, еңбек нарығының статистикасын және КӨЖ бастамаларын статистикалық есептер, ашық көздерден алынған сауалнамалар, сұхбаттар және құжаттарды талдау арқылы талдайды. Зерттеу сондай-ақ hh.kz сияқты платформалардан алынған деректерді пайдаланып, аймақтағы жұмыс орындары мен жұмыспен қамту үрдістерін бағалайды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Бұл зерттеу Қазақстандағы аймақтық дамуды қолдаудағы еңбек ресурстары мен әлеуметтік жауапкершіліктің байланысын жан-жақты талдайды, бұл тақырып қолданыстағы әдебиеттерде аз зерттелген. БҚО-ға назар аудара отырып, зерттеу аймақтың нақты мәселелері мен жауаптарын көрсетеді, өтпелі экономикаларда еңбек ресурстарын тиімді басқару туралы жаңа түсініктер қосады.

Зерттеу нәтижелері. БҚО-ның тұрақты экономикалық жағдайын 69,8 % жұмыс күшімен қатысу деңгейімен және 4,9 % жұмыссыздық деңгейімен көрсетеді; бұл тұрақтылыққа қарамастан, аймақта білікті мамандардың жетіспеушілігі байқалады. North Caspian Operating Company N.V. және ҚазМұнайГаз (ҚМГ) еншілес компаниялары сияқты ірі кәсіпорындардың КӨЖ бастамалары әлеуметтік инфрақұрылым мен жұмыспен қамту деңгейіне оң әсерін тигізді. Зерттеу аймақтың экономикалық өсуін қолдау және жұмыссыздықты азайту үшін әлеуметтік жобаларды жалғастырудың, жас мамандарды қолдауды күшейтудің және жұмысшылардың біліктілігін арттырудың қажеттілігін атап көрсетеді.

Түйін сөздер: еңбек ресурстары, әлеуметтік жауапкершілік, жұмыссыздық, мемлекеттік бағдарламалар, Батыс Қазақстан облысы, инвестициялық бағдарламалар.

Алғыс: Зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің AP19678012 – «Тұрақты дамудың үштұтас тұжырымдамасы (ESG): теңгерімді аймақтық даму контекстіндегі бизнес мүдделері» гранттық жобасы шеңберінде дайындалды және қаржыландырылды.

**РОЛЬ КОМПАНИЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В РАЗВИТИИ
ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Ж. А. Адамбекова^{1*}, Н. Т. Адамбеков², Н. А. Аманкелді¹

¹Каспийский университет, Алматы, Республика Казахстан

²Международный университет информационных технологий, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Исследование рассматривает роль трудовых ресурсов в устойчивом развитии Западно-Казахстанской области (ЗКО), с акцентом на влияние инициатив социальной ответственности

на экономическую стабильность и рост региона. Исследование направлено на выяснение вклада крупных предприятий и государственных программ в динамику рынка труда и региональное развитие.

Методология. Исследование использует количественный подход, анализируя демографические данные, статистику рынка труда и инициативы корпоративной социальной ответственности (КСО) через статистические отчеты, опросы, интервью из открытых источников и анализ документов. Исследование также использует данные с платформ, таких как hh.kz, для оценки вакансий и тенденций занятости в регионе.

Оригинальность / ценность исследования. Исследование предлагает анализ взаимосвязи между трудовыми ресурсами и социальной ответственностью в содействии региональному развитию в Казахстане, тема которого мало изучена в существующей литературе. Сосредоточив внимание на ЗКО, исследование выделяет специфические региональные проблемы и меры реагирования, внося новые сведения в эффективное управление трудовыми ресурсами в переходных экономиках.

Результаты исследования показывают, что ЗКО демонстрирует стабильное экономическое состояние с уровнем участия в рабочей силе 69,8 % и уровнем безработицы 4,9 %; несмотря на эту стабильность, регион сталкивается с нехваткой квалифицированных специалистов. Инициативы КСО крупных предприятий, таких как North Caspian Operating Company N.V. и дочерние компании КазМунайГаз (КМГ), положительно повлияли на социальную инфраструктуру и уровень занятости. Исследование подчеркивает необходимость продолжения социальных проектов, усиленной поддержки молодых специалистов и повышения квалификации работников для поддержания экономического роста и снижения безработицы в регионе.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, социальная ответственность, безработица, государственные программы, Западно-Казахстанская область, инвестиционные программы.

Благодарности: Исследование подготовлено и профинансировано в рамках грантового проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан AP19678012 – «Триединая концепция устойчивого развития (ESG): интересы бизнеса в контексте сбалансированного регионального развития».

ОБ АВТОРАХ

Adambekova Zhuldyz Algatbekkyzy – Master of Science in Economics, 2nd year doctoral student, Caspian University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: juldyz.kd@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9325-5181>*

Adambekov Nurbek Tastanbekovich – Master of Economic Sciences, International University of Information Technologies, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: nuradamsdu@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4413-7204>.

Amankeldi Nazigul Amankeldikyzy – PhD, Associate Professor, Dean of Higher School of Economics and Management, Caspian University, Almaty, Republic of Kazakhstan, email: namankeldy@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-7045-4847>.

ӘОЖ 336.012.23 JEL E42, G2, O3

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-4-122-133>

ЖАҒАНДЫҚ ҚАРЖЫЛЫҚ ТҰРАҚСЫЗДЫҚ ЖАҒДАЙЫНДА БАНКТІК НЕСИЕЛЕУ: ҚАЗАҚСТАНДЫҚ КЕЙС

Р. У. Гулимбетова¹ Н. С. Нуркашева^{2*}, М. Д. Жумабаева³,

¹Еуразиялық технологиялық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

³Алматы Менеджмент Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты. Ғылыми мақаланың мақсаты қазіргі әлемдік қаржылық-экономикалық қатынастардың тұрақсыздық пен белгісіздік жағдайындағы Отандық екінші деңгейлі банктердегі несиелендіру үрдісінің негізгі технологияларының маңыздылығы мен қолдану ерекшеліктерін қарастыру болып саналады.

Әдіснамасы. Зерттеу барысында жалпы ғылыми әдістер, әдебиеттерге шолу, талдау, синтез, дедукция, жіктеу, жүйелік тәсілдер қолданылады.

Зерттеудің өзіндік ерекшелігі / құндылығы. ҚР банк жүйесі Еуропалық және халқаралық сарапшылардың пікірі бойынша, ТМД елдері арасында банк қызметінің жүйесі ең дамыған жүйесі деп танылды. Шынында да, соңғы жылдары ҚР-ның банк жүйесінде мықты өзгерістер байқалды; банк жүйесіне халықаралық стандарттар енгізілді, салымдар мен ипотекалық несиелеудің міндетті кепілдік резервтері сияқты маңызды институттар құрылды; Отбасылық банкі; процессинг орталығы; несиелік бюро қызметтері ұйымдастырылды.

Бұл мақалада несиелендірудің заманауи технологиясы арқылы клиенттер үшін неғұрлым қолайлы және тартымды қызметтерді көрсету, барлық бағыттар бойынша банктік қызметтерді жетілдіруге мүмкіндік беретін банктік несиелендіру үрдісінің технологияларының ерекшеліктері қарастырылады.

Зерттеудің нәтижелері. Банктік қызмет көрсетуді жылдамдатуға, бір уақытта, бірнеше клиентке қызмет көрсетуге, жоғарғы тиімділікке жетуге мүмкіндік беретін несиелендіру үрдісінің технологиялық механизмдерін қолдану бағыттары қарастырылды.

Түйін сөздер. Банк несиесі, несиелік операциялар, несиелеу технологиялары, сызбалық функционалдық құрылым, несиелік тәуекелдерді басқару, технологиялық кезеңдер.

КІРІСПЕ.

Банктердің Қазақстан экономикасы субъектілерімен тығыз қарым-қатынаста болуы, банк аясында болып жатқан құрылымдық өзгерістер, нақты секторға қызмет көрсету бойынша ерекшеліктері олардың қазіргі экономикада маңызды рөлді атқаратындығы жайлы айтады. Заманауи тұтынушы мен нарықтың өзгермелі мұқтаждықтары, банк секторындағы бәсекелестіктің арта түсуі банктердің өнімдік желіге өзгерістер енгізіп, банк қызметтеріне жаңа технологиялар қолдануды талап етеді. Осындай инновациялық күресу алаңы ретінде несиелік технологиялар нарығын мысалға келтіре аламыз.

Банктердің қолданатын несиелік технологиялар мен әдістемелік бағыттарды зерттеу банктердің несиелік технологияларын жүзеге асырудың теориялық негіздерін терең қарастыруды талап етеді. Банктік несиелік технологиялардың мазмұнын анықтау үшін алдымен «технология» терминінің мағынасын айқындап алған жөн. Әрі қарай ғылыми мақалада біз банк технологияларының ерекшеліктері мен олардың несиелендірудегі сипатын талдайтын боламыз.

Өзінің қызметтерін арттырып, жаңа технологияларды іске қосып, жаңалықтарды енгізу арқылы банктердің кірістері ұлғайғанымен, тәуекел деңгейі де артатыны белгілі. Бұл несиелендірудің

ғылыми тұрғыдан дұрыс әрі прогрессивті несиелік технологияларға негізделген сызбасына деген қажеттілігін түсіндіреді.

Тәуекелдер мен проблемалардың жиынтығы әлемдік экономикаға қауіп төндіруде. 2022 жыл әлемдік қоғамдастық үшін, әсіресе Қазақстан үшін күрделі сынақ болды. Тұрақсыз инфляция, қаржы нарығының тұрақсыздығы, импорттың шектелуі, жеткізу жолдарының өзгеруі, теңгенің әлсіреуі және т.б., аталған қиындықтардың бәрі Қазақстан экономикасының алдында тұрды. Инфляция жыл басынан бері екі есеге жуық өсті. Ұлттық статистика бюросының мәліметі бойынша, жылдық инфляция тамыз айында 16,1% - ға жетті. Ал, қаңтар-ақпан айларында ол 8,5–8,7% аралығында болған. Содан кейін, наурыз айында Ресей мен Украина арасындағы геосаяси қақтығыс жағдайында инфляция 12% - ға дейін өсті және одан әрі өсуді жалғастырды [1].

Осы уақытта теңге 2022 жылдың басынан бері айтарлықтай әлсіреді. Егер қаңтардағы орташа мән \$1 үшін 433,66 теңгені құраса, наурыз айында нарықта 510 теңгеден астам сауда жасалды. Содан кейін бұрылыс болды, сәуірде Ұлттық валюта орташа есеппен \$1 үшін 453 теңгеге, ал мамырда 430-ға дейін нығайды. Маусым айынан бастап доллар қайтадан көтерілді. Қазақстан қор биржасындағы сауда-саттық қорытындысы бойынша қыркүйек айында американдық валюта 470–482 теңгеден сатылды [1].

ЗЕРТТЕУДІҢ НЕГІЗГІ БӨЛІМІ

«Технология» сөзінің этимологиясын гректердің «*techne*» сөзімен байланыстырады [2]. Бұл сөздің аудармасы өнер, ұсталық деп аударылады. Технологияны ғылымның зерттеу объектісі ретінде қарастырудың алғашқы қадамы 1772 жылы неміс ғалымы И.Бекманның қол өнерге берген анықтамасы болып табылады. Қазіргі әдебиеттерде «технология» ұғымы физикалық ғылымдардың мақсатты түрде қолданатын ғылым саласында қолданылады, оның ішіне техника, медицина, ауыл шаруашылығы, басқару мен басқа да білім салалары кіреді [3]. Сонымен қатар технологияны шикізат, материалдар мен жартылай дайын өнімге тиісті еңбек құралдарымен әсер ету туралы жеке ғылым ретінде қабылдау таралған [4].

Анықтамалардың көрсеткіші «технология» терминінің келесідей түсіндірмелерін береді:

- материалдарды өңдеу, жасау, зат, энергия мен ақпаратты түрлендіру тәсілі [2];
- еңбек құралдарының физикалық, химиялық және басқа да қасиеттеріне әсер етудің жиынтығы [3];
- өнеркәсіптің белгілі бір саласындағы үдерістер мен тәсілдердің жиынтығы, сонымен қатар өнеркәсіп тәсілдерінің ғылыми сипаттамасы [4].

Несиелік технологиялар мәселесі жан-жақты қарастырылса да, бұл жұмыстар көбінесе қолданбалы сипатқа ие және несиелендірудің жеке технологияларын сипаттауға тірелген болатын. Сонымен қатар, теориялық тұрғыдан қарайтын болсақ, бұл мәселелер жеткілікті түрде зерттелмеген болса түрлі деңгейлер арасындағы байланыс тұрғысынан бұл мәселе әлі зерттелінбеген.

Осы ұғымның мазмұнының сипаттамасында ғылыми әдебиет технологияны ғылыми-техникалық идеялар мен оларды жүзеге асырудың материалдық тәсілдерінің жиынтығы деп түсіндіреді [5]. Әсіресе, Дж.Гэлбрейт технологияны экономикалық даму деңгейін бағалайтын рөл деп санайды [6]. Ресейлік ғалымдар арасында Н.С. Бабинцевті атап өтуге болады, ол технологияны жаңа білімнің материалданған және материалданбаған жиынтығы ретінде қарастырады [7]. Осындай ұстанымға А.И. Ракитовтың да көзқарасы ұқсайды. Оның пікірі бойынша, «...технология бұл – өз кезегінде нақты істер мен әрекеттерді жүзеге асырудың операциялары мен олардың құрылымын, оның негізгі мақсаты мен міндеттерін орындаудың, басқару мен ресурстарды пайдалану жүйелерін, интеллектуалдық-ақпараттық қамтамасыз ету жүйелерін, сонымен қатар әлеуметтік, экономикалық және мәдени жүйелерді біріктіретін ортақ ұғым» [8].

Келтірілген әрбір көзқараста технология өндірістің басқа да жақтарынан бөлек түрінде емес, әрекеттің нәтижелілігін арттыратын жүйелік ұғым ретінде көрініс табады.

Технология ұғымының мазмұндық жағы ғылыми дискуссияларды туғызбайды. Алайда «технология» ұғымының жан-жақтылығы заманауи әдебиетте оның түсіндірмесінде бірліктің жоғына әсер етеді. Бар анықтамаларды зерттеудің нәтижелері «технология» терминінің дефинициясындағы екі негізгі бағытты анықтауға мүмкіндік береді:

- операциялық;
- өнімдік.

Бірінші операциялық бағытқа сәйкес, технология субъектінің сәйкес нәтижесін алу мақсатында жасалынатын операциялар тізімі болып табылады. Мысал ретінде С.А. Хейнманның анықтамасын келтіруге болады. Оған сәйкес технологияның қандай құралдары, әдістерін қолдана отырып белгілі бір өнімді алуға болады [9]. Ю.В. Яковцеваның жұмыстарында технологияның ұқсас түсіндірмесі айтылады. Бұл автордың көзқарасы бойынша технология «техника табиғаттың заттарын түрлендірудегі тәсілдері мен құралдарының жиынтығы» болып табылады.

Аталған ерекшеліктерге сүйене отырып біз банк технологиясының өзіндік анықтамасын ұсынамыз. Технология дегеніміз нақты банктік қызметтерді көрсету мен нәтижеге жетуге бағытталған бір-бірімен тығыз байланысқан банктік операциялар мен оларды жүзеге асыруға қажет тәсілдер мен құралдар жиынтығы болып табылады. Аталған анықтама операциялық бағыттың қателіктерін түзетіп, банктік қызметті көрсетудегі әдістер, тәсілдер мен ұйымдастыру жолын байланыстыруға мүмкіндік береді. Сонымен қатар өзіміздің анықтамада біз банк технологияларының ерекшеліктерін ескеруге тырыстық.

НӘТИЖЕЛЕР МЕН ТАЛҚЫЛАУЛАР.

Заманауи коммерциялық банктерде әртүрлі кредиттеу технологиялары қолданылады. Олар банктің ұйымдастырылу құрылысына, қаржылай қызметтер аясындағы әрекет бағытына, банктің несиелік саясатына және басқа да себептерге байланысты болып келеді.

Банктер қолданатын түрлі несиелік технологиялардың түрлілігіне қарамастан, олардың экономикалық әдебиеттердегі типологиясына дербес мән берілмейді.

Сонымен қатар банктік несиелердің, банктік қарыз операциялардың, банктік өнімдер мен қызметтердің, банк аясындағы инновациялардың көптігіне қарамастан бұл тақырып тереңінен зерттелмеген.

Негізінен, банктік несиелеу технологиялары мен банктік несиелер, банктік несиелік өнімдер, банктік несиелік шаралар арасында теңдік белгісі қойылады, ал оларға қолданылатын классификациялар банктік кредиттеу технологияларын жүргізуге арналған болып есептеледі.

Жұмыстардың көп бөлігі банктің кредиттеу технологияларының жеке түрлерінің ерекшеліктерін зерттеуге арналған, мысалы, тұтынушылық несие [10], бірлестірілген несие [11], овердрафт несие [12], кредит желісі негізіндегі несиелендіру және т.б.

«Machine Learning» бағдарламасының маңызды аспектісі-сенімді және репрезентативті нәтижелер алу үшін жаңадан келген деректерге бейімделу және қайта оқыту мүмкіндігі. Бұл Машиналық оқыту әдістеріне көшу несиелік скорингті дамудың жаңа деңгейіне шығарады деп сеніммен айтуға мүмкіндік береді [13].

Бізге белгілі жұмыстардың ішінен банктік кредиттеу технологияларын классификациялау тақырыбы дербес жағынан Валенцева Н.И. жұмыстарында орын алды. Ол несиелік технологияларды несиелендіру механизмімен тығыз байланыста қарастырады. Оның пікірі бойынша, банктің кредиттеу технологиялары келесі түрлерді қамтиды:

- қарыздық тәуекелдерді басқару технологиясы;
- банктің негізгі операцияларын реттеу технологиясы;
- несиелеу тәсілдері мен әдістері;
- несиелеуді жоспарлау;
- несиелеуді ұйымдастыру үшін төлемдерді алу [14].

Несиелік тәуекелді бағалаудың жаңа альтернативті құрылымдары мен үлгілері пайда болған кезде қаржылық қызмет көрсету фирмалары бәсекелестік артықшылыққа ие болу үшін жаңа әдістемелерді пайдалана алады. Көтерілген нұсқалардың бірі - психометриялық тестілеу. «Business Insider» психометриялық тестілеу несиелік балл жасау үшін тұтынушы мінез-құлқы мен тұлғасын пайдаланатынын түсіндірді. Бұл ұйымдарға несиеге өтініш берушінің қандай тәуекел ұсынаатынын түсіну үшін жалпыға қолжетімді тұтынушы деректерін жинауға мүмкіндік береді [15].

Үлкен деректер қозғалысы қаржылық қызмет көрсететін фирмалардың негізін қалады, өйткені олар әртүрлі көздерден ақпараттың үлкен көлемін жинайды. Осы жерден арнайы тәуекелдерді басқару және

несиелік скоринг жүйелері бастапқы деректерді талдап, оны пайдаланушыларға сіңімді, әрекет етуге болатын форматта ұсына алады [15]. Бұл шешім қабылдаушыларға несиеге үміткерлерге байланысты тәуекелдерді тез анықтауға мүмкіндік береді, дегенмен олар сол таңдауды жиі құрылымдалмаған деректердің кең ауқымы негізінде жасайды

Несиелік скоринг ресми статистикалық әдістерді сипаттау үшін қолданылады несиеге үміткерлерді жақсы және жаман тәуекелге жіктеу үшін сыныптау жүргізіледі [16]. Болжаушы айнымалылар дефолт ықтималдығын бағалау үшін пайдаланылады. Қарастыруды қажет ететін факторлар - ақпаратты жинау және талдау құны, қабылданған жақсы және нашар несиелер бойынша күтілетін кірістер, қарыз алушы дефолт жасаса да несиелер пайдалы болуы мүмкін фактілер, ескіру деңгейі және т.б. (1 кесте).

Кесте 1 – Банктің несиелік технологияларының дәстүрлі анықталынатын түрлері

Жіктелу белгілері	Несиелік технологиялардың түрлері
Тұтынушы типі	Заңды және жеке тұлғаларға несие беру технологиялары
Несиенің объектісі	Жалпы және жеке
Несие беру тәртібі	Бір реттік және қайталама
Несие операциясын жүргізу	Типтік несиелеу технологиясы Арнайы несиелеу технологиясы
Несиені қаржыландыру жүйесі	Банктегі ішкі резервтерді пайдаланатын несиелеу технологиясы Халықаралық несиелеу технологиясы Кешенді (бірлеске) несиелеу технологиясы
Басқа ұйымдармен біріге қатысу	Банктің өз технологиясы Серіктестіктермен несиелеу технологиясы
Технологиялармен қамтамасыз ету деңгейі	Несиелеудің автоматтандырылған технологиясы Толықтай автоматтандырылмаған несиелеу технологиясы
Ескерту – кесте авторлармен құрастырылды	

Банк технологияларының түрлерін анықтаудың негізгі критерийі ретінде технологиялық үрдістің кезеңдері алынады. Әрбір технологиялық кезең технологиялық үрдісте өз рөлін ойнайды және арнайы құралдарды қолдану арқылы жүзеге асады.

Несиелендіру туралы шешім қабылдау кезеңі кезінде нақты қарыз алушыға қарыз беру мүмкіндігі анықталынады. Бұл кезеңнің ауқымды технологиялық шаралары тәуекелділікті анықтау мен несиелендіру туралы шешім қабылдау болып табылады.

Біздің банктік кредиттеу технология туралы түсінігімізге сүйеніп, біз ғылыми классификация классификация критерийлері ретінде келесілерді белгілеуді ұсынады:

- технологиялық үрдістің кезеңдері;
- технологиялық үрдісті ұйымдастыру;
- несиелік технологияға басқа жақтардың қатысу деңгейі;
- технологиялық үрдістің автоматтандыру деңгейі;
- технологияның жекелендіру мен ерекшелендіру деңгейі.

Айтылған критерийлердің негізінде жасалған несиелендіру технологияларының классификациясы төмендігі 2 - кестеде көрсетілген.

Кесте 2 – Банктің несиелендіру технологияларының авторлық классификациясы

Жіктелетін белгілері	Несиелендіру технологиялардың түрлері
Технологиялық үрдіс кезеңдері бойынша	Несиелендіру туралы шешім қабылдау Несие беру Несиені жүргізу Несие бойынша міндеттемелерді орындау
Технологиялық процестерді жүзеге асыруы бойынша	Атқаратын қызмет құрылымы бойынша Матрицалық құрылым бойынша Жобалық құрылым бойынша

Өзге тараптардың қатысу деңгейі бойынша	Жеке функцияларды аутсорсингке берумен Аутсорсингке бермей
Технологиялық үрдістің автоматтандыру деңгейі бойынша	Бухгалтерлік есеп пен операциялық күн негізіндегі автоматтандырылған жүйелер Автоматтандырылған сараптамалық жүйелер Қашықтықтан қатынасуы бар автоматтандырылған жүйелер
Технологияның жеке және ерекшелендіру деңгейі бойынша	Жалпылай несиелендіру технологиясы Жекеше несиелендіру технологиясы
Ескерту – кесте авторлармен құрастырылды	

Шағын және орта бизнесті несиелендіру перспективаларына келетін болсақ, олар көбінесе биылғы экономикалық өсудің баяулау күшіне, сондай-ақ мемлекетті қолдау шараларына байланысты болады. Бұл сектордағы жағдай дағдарысқа қарсы шаралардың бірі ретінде несиелеу қарқынын арттыру бағытында да өзгеруі мүмкін. Ал, егер экономикалық проблемалар тереңірек болса және мемлекет 2023 жылы бизнеске көмектесе алмаса, ҚР ШОБ кредиттеудің өсу қарқынын одан әрі қысқарту жағына шығуы мүмкін. Сондықтан да, негізгі сценарий ретінде 2022 жылдың мәнін – жылдық 18% өсімін аламыз [17].

Банк секторы 2022 жылы несие портфелінің тұрақты сапасымен, өтімділік бойынша жоғары позициямен, капиталдандыру мен рентабельділіктің одан әрі жақсаруымен қатар жүретін негізгі көрсеткіштердің одан әрі тұрақты өсуін көрсетті.

Несиелеу көлемінің екі таңбалы өсуі құрылыс пен байланысты қоспағанда, экономиканың барлық салаларында байқалды. Осылайша, банктік несиелеу іскерлік белсенділікті қолдады және ЖІӨ өсу қарқынының төмендеуі жағдайында (3,1 % дейін) экономикадағы тұтынушылық және инвестициялық сұранысты арттыруға көмектесті.

Бұл кредиттік белсенділікті қаржыландыру негізінен жоғары ставкалар, бюджеттік шығыстардың өсуі (шоғырландырылған бюджет шығыстары 14 %-ға өсті) және резидент еместердің қаражатының ағыны аясында клиенттер салымдарының (2022 жылға+5,6 трлн) ұлғаюы есебінен жүргізілді. Бұл ретте осы ағынның 40 %-ы 2022 жылдың 4-ші тоқсанына тиесілі, бұл жинақ коэффициентін жақсартты [18].

Технологиялық үрдістерді ұйымдастыруына байланысты несиелік технологиялар банктің функционалдық ұйымдастыруы аясындағы технологияларға, дивизионалдық банк құрылымына, жобалық немесе матрицалық ұйымдастырылу құрылымына бөлінеді.

Осы жағдайдан шығу банктің ұйымдастыру құрылымын дивизиондық тип негізінде жасау арқылы мүмкін болады. Дивизиондық тип негізінде банк ісін үрдістік жол бойынша басқару жатыр, және де бұл жолдың қағидасы – адамдарды функционалдық бөлімшелерге бөлмей, керісінше, бірігіп, ортақ міндетке жету. Құралатын дивизиондар жасалынатын банк өнімдерінің түрлеріне бағыттала алады; тұтынушылардың жеке топтарына; қызмет көрсетілетін аймаққа бағытталына алады. Бұндай құрылымда дивизион бастығының шешімімен банктің негізгі және қамтамасыз ететін қызметкерлері тайғайындалады. Олар дивизион құралған басты міндеттерді атқаруға бағытталған.

Сонымен қатар, банктік дивизиондарды ұйымдастыру банктің ұйымдастырылымдық құрылымы мен қаржылық құрылымын біріктіруге мүмкіндік береді. Себебі әрбір дивизион жеке дербес бизнес бірлік болып, өзінің әрекеттері үшін жауап беретін қаржылай жауапкершілік арттырылған орталық болып қалыптасады. Несиелік дивизиондарды құрау мен оларды басқару есебі бойынша кіріс орталығы ретінде қарастыру несиелік технологияның нақты түрін қолданумен байланысты кіріс пен шығыстарды бақылауға мүмкіндік береді. Осылай, дивизионалдық құрылым үрдістердің жоғары деңгейдегі бақылауын, барлық әрекеттердің жақсарған координациясын, әрекет нәтижелерін салыстыру мүмкіндігін береді. Алайда, сонымен қоса бұған функцияларды көшірудің үлкен деңгейі, сәйкесінше – үлкен шығын тән болып келеді.

Жобалық және матрицалық құрылымдар адаптивті ұйымдастырылымдық құрылымдарға жатады. Адаптивті құрылымдар дегеніміз банк уақытша немесе ұзақ мерзім негізінде құрайтын және нақты бір міндеттерді орындауға бағытталған және экономикадағы, қаржыдағы түрлі өзгерістерге жақсы жауап беруді қамтамасыз ететін құрылымдарды айтамыз.

Жобалық ұйымдастыру құрылымы банк қызметкерлерінің банк құрамында уақытша түрде бірігуі болып табылады. Ол нақты ауқымды мақсатты (жобаны) орындау үшін құрылады. Мысалы, үлкен жобаны қаржыландыру үшін ұйымдастырлыған құрылымды айтсақ болады. Осындай жобалық құрылымдар банктің сызбалық функционалдық құрылымы болып табылады. Жоба құрылымының бастығына оның барлық қызметкерлері мен барлық ресурстар бағынышты болып табылады. Жоба аяқталған кезде ұйымдастыру құрылымы таратылады. Матрицалық ұйымдастырлымдық құрылым жобалық форма қалыпты болып келетін банктерге арналған. Бұндай жағдайда басқару тігіні банктің жеке әрекеттері негізінде құрылады, ал көлденеңінен жобаларды басқару жүзеге асады.

Матрицалық басқару құрылымы үлкен артықшылыққа ие: банк институтының ауқымды мөлшеріне қарамастан ол оған иілмелілік сипатын сақтауға мүмкіндік береді. Ол көп жобалар бойынша жақсы нәтижелерге қол жеткізуге ең тиімді құрылым деп саналады. Оның кемшіліктері ретінде екі жерге бағынудан туатын артық күрделілік, функционалдық және жобалық бастықтар арасында нақты бөлінудің жоқтығын атауға болады.

Сырттағы қатысушылардың деңгейіне қарай банк қолданатын несиелендіру технологияларын сырттағы ұйымның көмегімен өтетін (аутсорсингпен), және өз күшімен банктің ішкі құрылымымен өтетін (аутсорсингсіз) бөлуге болады.

Аутсорсингтік қызметтерді жеткізушілер әдетте банктің еншілес компаниялары болып келеді. Бұл банкке өзінің ұйымдастырылымдық құрылымын жеңілдетіп қана қоймай, аутсорсингтік компанияны спасы мен көрсетілетін қызметтердің құны жағынан бақылауға мүмкіндік береді. Банк аясында технологиялық үрдістер негізінде түрлі аутсорсингтік мекемелердің бірігуі банк топтарының және қаржы қызметтерінің қалыптасуын көрсетеді [19].

Ұсақ және орта банктер несиелендірудің барлық технологиялық функцияларын өзінің ресурстары негізінде қамтамасыз етеді, сырттағы мекемелердің қызметтеріне тек бір реттік негізде белгілі бір мәселені шешу үшін жүгінеді.

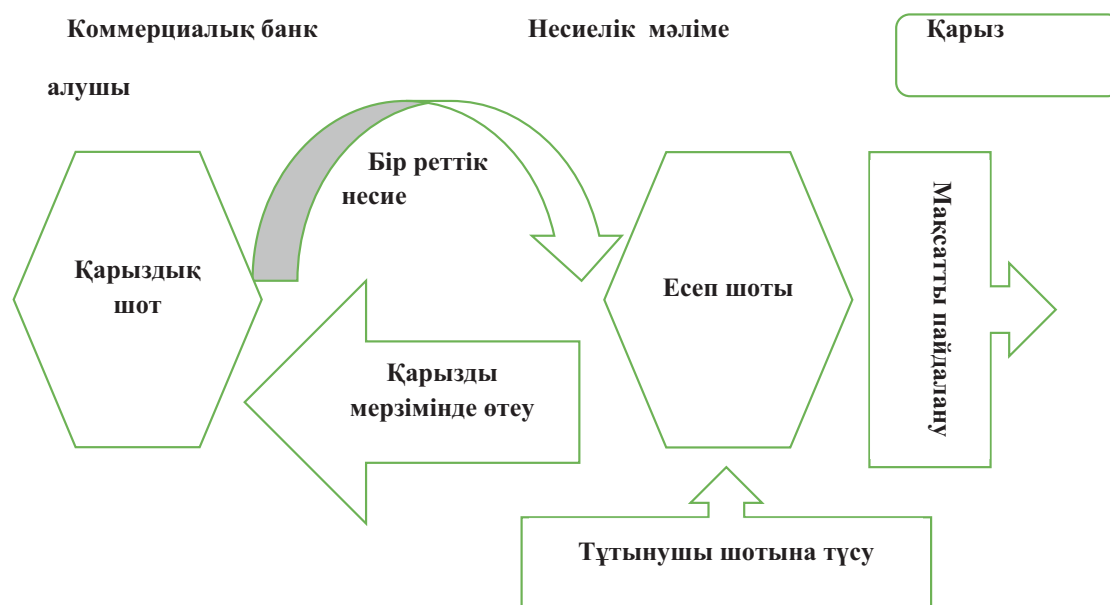
Банктік несиелендіру үрдісін автоматтандыру дәрежесі несиелік келісімшартты жүргізген кезде оның түрлі кезеңдерінде бағдарламалық-ақпараттық қамтамасыз етілуімен бағалауға болады. Автоматтандырудың кең таралған әдісі – ақпараттық технологиялар негізінде несиелендіру үрдісін автоматтандыру болып табылады. Оларға, негізінен, «банктің операциялық күні» деген сияқты бағдарламалық технологиялық жиынтықтар жатады. Бұл жиынтықтардың негізі ретінде есептік механизмдер, ал ақпаратты жүйеге енгізудің негізі – бірінші банк құжаттамасы болып саналады. «Операциялық күн» аясында жасалынатын негізгі функциялары есепті ашу мен жүргізу, есептік жазбаларды жүргізу, ақпаратты сақтау, банктік есептерді жасау болып табылады. Жүйенің дербес модулі келісімшарттық ішкі жүйе болып саналады, оның ішінде банк келісімшарт мәтіндерін жаза алады, таңдалған шаблон бойынша келісімшарттарды жасай алады, олардың шарттарын ауыстыра және оларды тексере алады. Банктің несиелендіру технологияларына қатысты оларды жүргізу кезінде «Операциялық күн» мүмкіндіктерін қолдану несиелендіру технологиялары үрдісін автоматтандыру, қарыз алу шоттарын ашу, банк несиелерін беру мен оларды жабу, қарыз бойынша пайыздарды жүктеу және тағы да басқаларды орындауға мүмкіндік береді.

Сонымен қатар, банк үрдістерін тек қана «операциялық күн» негізінде автоматтандыру банкке несиені беру мен алынған несиелік мәміленің тәуекелділіктерін дұрыс бағалауға мүмкіндік бермейді. Бұл мәселелер банкте арнайы мамандырылған сараптамалық жүйелер арқылы шешіледі.

Экономикалық әдебиетте «мақсатты кредит» деген түсініктің нақты анықтамасы жоқ, бірақ негізінен, бұл тұтынушыларға керек кезде түрлі немесе мақсатты қажеттіліктерін өтеуге берілетін, нақты экономикалық операциялармен анықталған несиелер.

Мақсатты несие белгілі бір сипаттарға ие болады:

1. Әртүрлі сипатқа ие бола алатын несие алушының жеке қажеттіліктеріне жауап береді.
2. Нақты несиелеу объектісі бойынша жеке қажеттіліктерге жауап береді.
3. Несиенің әрбір объектісі несиелендіру шоттарына түсіріледі және ол жерде несиенің жалпы сомасы көрсетіледі.
4. Қайталама берілген несиелер сомасы жаңа шоттарда көрсетіледі [20].

Сурет 1 – Бір реттік несиелендіруді жүзеге асырудың схемасы
Ескерту – сурет авторлармен құрастырылды

Заңды және жеке тұлғалардың мақсатты қажеттіліктерін өтеуге арналған несиелендіру технологиялары түрлі несиелік мәмілелерге негізделеді, олар ұқсас сипаттарға ие. Алайда, олар қарыз алушылардың несиені төлей алу мүмкіндіктерін бағалау мен несиені беру шаралары жақтарынан айырмашылықтарға ие.

Бір реттік мақсатты несиелендірудің технологиялық кезеңдерінің құрамы мен заңды тұлғаларды несиелендіруді жүзеге асыру схемасы 3-кестеде көрсетілген.

Кесте 3 – Заңды тұлғаларға мақсатты түрде бір реттік несие берудің технологиялық шараларының құрамы

Технологиялық кезеңдер	Технологиялық шаралар	Технологиялық шараларды жүзеге асыру түрлері
Несиелендіру туралы шешім қабылдау	Несиелендіру туралы өтініш қабылдау. Тәуекелділікті алдын ала бағалау. Мәмілені құру.	Банктің ішкі тәртіп анықталған толық құжаттар жинағы. Қаражаттық және қаражаттық емес көрсеткіштер негізіндегі қарыз алушының несиені төлей алу мүмкіндігін бағалау. Несиелендіру объектісінің жеке несиелендіру көлемінің негізінде
Несиені беру	Несиелік мәмілені құру	Стандартты несиелік мәміле
	Қаражатты беру	Бір реттік негізде, қарыз алушының несиелік шотынан оның жеке шотына
	Тәуекелділіктерді жабу көздерін таңдау	Қарыз бойынша жеке шығындар үшін қорларды дайындау. Кепілдік, сақтандыру немесе кепілгерлік.
Несиені жүргізу	Несие бойынша тәуекелділіктің мониторингін Тәуекелділіктерді жабу көздерінің реттелуі Мәміле шарттарының өзгеруі	Қарыз алушының қаражаттық жағдайының мониторингін. Кепілдік объектісінің мониторингін. Қарыз алушының төлем дисциплинасының мониторингін. Тәуекелділіктерді жабу бойынша қосымша мәмілелерді құру. Тәуекелділіктерді жабуға арналған көздерді жасау. Несиелерді қайта құрылымдау бойынша мәмілелерді құру.
Несие бойынша міндеттемелерді орындау	Міндеттердің сәйкесінші орындалуы	Бірреттік төлем немесе тұтынушының шотынан ай сайын төлем жүргізу
Ескерту – кесте авторлармен құрастырылды		

Несиелендірудің технологиялық тізбесінің қорытынды кезеңі қарызды өтеу болып саналады. Ол қарызды толығымен жабу арқылы немесе қарыздың қайтарылмайтын болып есепке алынып, оның сомасы банк дайындаған қорлардағы қаражаттармен жабылуы арқылы жүзеге асады. Бір реттік несиені жабудың бірнеше жолдары бар. Аннуитеттік және дифференциацияланған төлемдер арқылы. Несиені жабу графигі банктің әрбір тұтынушысы үшін жеке түрде дайындалады, оның кәсібінің ерекшеліктерін ескере отырып жасалынады. Бірреттік несие бойынша міндеттерді жабу тұтынушының есеп шотынан қаражаттың алуына арқылы немесе банк кредитордың төлемдік бұйрығы арқылы жүзеге асырылады. Бірреттік несиені жабу келесі жаңа несиені алу мүмкіндігін әрқашан береді деп санамау қажет. Несиелік мәміледе көрсетілген мерзімде несиені жаппаған кезде, оның сомасы мерзімі өтіп кеткен қарыздар шотына аударылады және банк тұтынушының кепілгерлік мүмкіндіктеріне жүгіне алады.

Жеке тұлғаларды бір реттік мақсатты қажеттіліктері үшін несиелендіру технологиясы заңды тұлғаларды мақсатты несиелендіру технологиясынан ақшалай қаражатты беру формасымен және қарыз алушының материалдық жағдайын бағалаумен ерекшеленеді. Қарыз алушыларға банк құжаттамасының құрамы жөнінде ерекше талаптар қойылады, ол құжаттама банкке несие беру туралы шешім қабылдауға қажет. Және де несиені төлей алудың алгоритмакалық тәсілдері қолданылады. Бұл технологиялар үшін максималды болатын несиелендіру сомасы жөнінде шешім қабылдаудың ресми түрі сәйкес келеді. Мысалы, егер де барлық ай сайынғы шығындар, олардың ішінде қарастырылатын несиелік өтініш те кіреді, барлық ай сайынғы кірістерден көп болса, банк басқалай жағымды сипаттарға қарамастан несиені бермейді.

Бір реттік мақсатты несиелендіру технологияларының құрамын қарастыру олардың артықшылықтары мен кемшіліктерін анықтауға мүмкіндік береді.

Бұл технологиялардың артықшылығы, әрине, олардың мақсатты бағытына байланысты болып келеді. Бұл банкке алынған қаражаттың мерзімге сай қайтарылуына бақылау жасауды жеңілдетеді. Сонымен бірге, несиелендірудің технологиялық процестерін жүзеге асыру, соның ішінде несие беру туралы шешім қабылдау кезінде, несие бойынша құжаттарды дайындау мен әрбір клиент бойынша тәуекелділікті бағалау өте ауқымды қиын шара болып табылады және банктің қосымша шығындарына әкеліп соғады.

ҚОРЫТЫНДЫ МЕН ҰСЫНЫСТАР

Жүргізілген зерттеудің нәтижесінде төмендегідей ұсыныстар жасап отырмыз:

1. Банктік несиелендіру технологияларын олардың өткені мен қазіргі кездегі дамуы тұрғысынан қарастыру арқылы мақсаттық несиелендіру технологияларын дамыту қажет.

Мақсатты несиелендіру технологиялары:

- біріншіден, клиенттің нақты несиелеу объектісі мен мақсаты тұрғысынан жеке қажеттіліктеріне жауап беруге бағытталған;

- екіншіден, клиенттің әрбір пайда болған талаптар мен қажеттіліктерге жаңадан несие мәмілесі жасалады;

- үшіншіден, несие беру талаптары мен өтеу шарттары жекеше қарауды көздейді;

- төртіншіден, тұтынушыны толығымен несиені төлей алу мүмкіндігі тұрғысынан зерттеу қажет болады;

- бесіншіден, несие бойынша тәуекелділіктерді жабу резервтерін жасауды талап етеді.

2. Әрбір қарыз алушыға жекеше қарауға негізделетін базалық несиелендіру технологиялары банкке несиелік мәміленің барысын тереңінен қадағалауға мүмкіндік беру қажет. Ол өз алдына несиенің мақсатты түрде жұмсалыуына да септігін тигізеді.

3. Қамтамасыз етілмеген несиелеуге аса назар аудару керек, өйткені бұл көбінесе халықтың несиеленуінің бақылаусыз өсуіне әкеледі.

4. Банк секторы несие портфелінің тұрақты сапасымен, өтімділік бойынша жоғары позициямен, капиталдандыру мен рентабельділіктің одан әрі нығайту қажет.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Аубакиров Ф.М., Берикулы К. 2022 жылғы геосаяси факторлардың Қазақстан экономикасына әсері // Хабаршы [Электронды ресурс]. – 2022 ж. – URL: <https://vestnik.semuniver.kz/index.php/main/article/view/486/464> (қаралған күні 2.03.2024 ж.)
2. Лихолетов В.В., Плужников В.Г., Комарова Е.В. Инновационный менеджмент. Учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. – С.115.
3. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2007. – С.343.
4. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. академика РАН Г.В. Осипова. – М.: Издательство группа НОРМА – ИИФРА-М, 1998. – 574с.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии, 2006. – 567 с.
6. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. – М.: 1976. – 67с.
7. Бабинцева Н.С. Принципиальные изменения в общественном разделении труда в ходе ПТР и их проявления в капиталистической экономике // Опыт организации капиталистического производства и развитие социалистической экономики. Ученые записки. – Л.: 1990. – 22 с.
8. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. – М.: 1991. – 77 с.
9. Хейнман С.А. Научно-техническая революция сегодня и завтра. – М.: Политиздат, 1977. – 193 с.
10. Деньги, кредит, банки: Учебник/Под ред. О.И. Лаврушина. – 2-изд. –М.: Финансы и статистика, 2000. – 209 с.
11. Турбанов А., Тютюнник А. Банковское дело: операции, технологии, управление //Александр Турбанов, Александр Тютюнник. – М.: Альпина Паблишер, 2010. – С.78-80.
12. Тавасиев А.М., Бычков В.П., Москвин В.А. Банковское дело: базовые операции для клиентов: Учеб. пособие / Под ред. А.М. Тавасиева. М.: Финансы и статистика, 2005. – 251 с.
13. Combining Machine Learning with Credit Risk Scorecards [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fico.com/> (дата обращения: 10.04.2023).
14. Валенцева Н.И. Тенденции развития методов кредитования // В сб.: Современные банковские технологии: теоретические основы и практика. – М.: Финансы и статистика, 2005. – С.85 - 89.
15. Data Analytics Essential As New Alternative Credit Scoring Models Emerge [Электронный ресурс]. - URL: https://www.gdslink.com/_data-analytics-essential-as-new-creditscoring-models-emerge/ (дата обращения: 10.04.2023)
16. Hand, David J., and William E. Henley. «Statistical classification methods in consumer credit scoring: a review» // Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society) 160.3 (1997): 523-541.
17. Екінші деңгейдегі банктердің экономикаға кредиттері (Талдамалық ұсыну) // [Электронды ресурс]. – 2022 ж. – URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/loans-to-economy-from-second-tier-banks/rubrics/1840> (Қаралған күні: ақпан, 2023 ж).
18. Қазақстандағы кредиттер бойынша нақты пайыздық мөлшерлемелер теріс аймаққа өтті // Хабаршы: forbes // [Электронды ресурс]. – 2023. – URL: https://forbes.kz/economy/finance/realnyie_protsentnyie_stavki_po_kreditam_v_kazahstane_pereshli_v_otritsatelnuyu_zonu [Қаралған күні: ақпан, 2023 ж].
19. Лаврушин О.И., Афанасьева О.П., Корниенко С.Л. Банковское дело: современная система кредитования. М.: КНОРУС, 2009. – 246 с.
20. Банковское дело: современная система кредитования: учебное пособие / О.И. Лаврушин, О.И. Афанасьева, С.Л. Корниенко; под ред. О.И. Лаврушина. – 5-е изд., стер. – М.: 2009. – 203 с.

REFERENCES

1. Aubakirov, F. M., & Berikuly, K. (2022). Geosayasi faktorlardyn Kazakstan ekonomikasyna aaaseri. Habarshy [Elektrondy maqala]. Retrieved March 2, 2024, from <https://vestnik.semuniver.kz/index.php/main/article/view/486/464> (in kazakh)
2. Liholetov, V. V., Pluzhnikov, V. G., & Komarova, E. V. (2005). Innovacionnyj menedzhment. Uchebnoe posobie. Chelyabinsk: Izd-vo YUUrGU. p. 115.

3. Rajzberg, B. A., Lozovskij, L. Sh., & Starodubceva, E. B. (2007). *Sovremennyy ekonomicheskij slovar'*. Moscow: INFRA-M. p. 343.
4. Rossijskaya sociologicheskaya enciklopediya (G. V. Osipova, Ed.). (1998). Moscow: Izdatel'stvo gruppy NORMA - INFRA-M. 574 p.
5. Ozhegov, S. I. (2006). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka*. Moscow: ITI Tekhnologii. 567 p.
6. Gelbrejt, Dzh. (1976). *Ekonomicheskie teorii i celi obshchestva*. Moscow. 67 p.
7. Babinceva, N. S. (1990). *Principial'nye izmeneniya v obshchestvennom razdelenii truda v hode PTR i ih proyavleniya v kapitalisticheskoy ekonomike. Opyt organizacii kapitalisticheskogo proizvodstva i razvitie socialisticheskoy ekonomiki. Uchenye zapiski (pp. 22)*. Leningrad.
8. Rakitov, A. I. (1991). *Filosofiya komp'yuternoj revolyucii*. Moscow. 77 p.
9. Hejzman, S. A. (1977). *Nauchno-tehnicheskaya revolyuciya segodnya i zavtra*. Moscow: Politizdat. 193 p.
10. Den'gi, kredit, banki: Uchebnik (O. I. Lavrushin, Ed.). (2000). (2nd ed.). Moscow: Finansy i statistika. 209 p.
11. Turbanov, A., & Tyutyunnik, A. (2010). *Bankovskoe delo: operacii, tekhnologii, upravlenie*. In A. Turbanov & A. Tyutyunnik (pp. 78-80). Moscow: Al'pina Publisher.
12. Tavasiev, A. M., Bychkov, V. P., & Moskvina, V. A. (2005). *Bankovskoe delo: bazovye operacii dlya klientov: Ucheb. posobie*. (A. M. Tavasiev, Ed.). Moscow: Finansy i statistika. 251 p.
13. Combining machine learning with credit risk scorecards. Retrieved April 10, 2023, from <http://www.fico.com> (in Russian)
14. Valenceva, N. I. (2005). *Tendencii razvitiya metodov kreditovaniya*. In *Sovremennye bankovskie tekhnologii: teoreticheskie osnovy i praktika* (pp. 85-89). Moscow: Finansy i statistika.
15. Data analytics essential as new alternative credit scoring models emerge. Retrieved April 10, 2023, from https://www.gdslink.com/_data-analytics-essential-as-new-creditscoring-models-emerge/ (in Russian)
16. Hand, D. J., & Henley, W. E. (1997). Statistical classification methods in consumer credit scoring: A review. *Journal of the Royal Statistical Society: Series A (Statistics in Society)*, 160(3), 523-541.
17. Ekinshi dengejdegі bankterdin ekonomikaga kreditteri (Taldamalyk usynu) (2022). Retrieved February, 2023, from <https://nationalbank.kz/ru/news/loans-to-economy-from-second-tier-banks/rubrics/1840> (in Kazakh)
18. Kazakstandagy kreditter bojynsha nakty pajyzdyk molsherlemeler teris ajmakka otti (2023). *Habarshy: Forbes*. Retrieved February, 2023, from https://forbes.kz/economy/finance/realnyie_protsentnyie_stavki_po_kreditam_v_kazahstane_pereshli_v_otritsatelnuyu_zonu (in Kazakh)
19. Lavrushin, O. I., Afanas'eva, O. II., & Kornienko, S. L. (2009). *Bankovskoe delo: sovremennaya sistema kreditovaniya*. Moscow: KNORUS. 246 p.
20. *Bankovskoe delo: sovremennaya sistema kreditovaniya: uchebnoe posobie* O. I. Lavrushin, O. I. Afanas'eva, & S. L. Kornienko, Eds. 2009. 5th ed. Moscow. 203 p.

БАНКОВСКОЕ КРЕДИТОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: КАЗАХСТАНСКИЙ КЕЙС

Р. У. Гулимбетова¹ Н. С. Нуркашева^{2*}, М. Д. Жумабаева³,

¹Евразийский технологический университет, Алматы, Республика Казахстан

²Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

³Алматы менеджмент университет, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Целью научной статьи является рассмотрение важности и особенностей применения основных технологий процесса кредитования в отечественных банках второго уровня в условиях нестабильности и неопределенности современных мировых финансово-экономических отношений.

Методология. В ходе исследования используются общенаучные методы, обзор литературы, анализ, синтез, дедукция, классификация, системные подходы.

Оригинальность/ценность исследования. Банковская система РК, по оценкам европейских и международных экспертов, признана наиболее развитой банковской системой среди стран СНГ. Действительно, в последние годы в банковской системе Республики Казахстан наблюдаются сильные изменения; в банковскую систему внедрены международные стандарты, созданы такие важные институты, как обязательные гарантийные резервы по депозитам и ипотечному кредитованию; организован «Отбасы банк»; процессинговый центр; услуги кредитного бюро.

В данной статье рассматриваются особенности технологии процесса банковского кредитования, которая позволяет нам совершенствовать банковские услуги по всем направлениям, предоставляя наиболее удобные и привлекательные услуги для клиентов с помощью современных технологий кредитования.

Результаты исследования. Были рассмотрены направления применения технологических механизмов процесса кредитования, которые позволяют ускорить предоставление банковских услуг, одновременно обслуживать нескольких клиентов и достигать высокой эффективности.

Ключевые слова. Банковский кредит, кредитные операции, технологии кредитования, схематическая функциональная структура, управление кредитным риском, технологические этапы.

BANK LENDING IN CONDITIONS OF GLOBAL FINANCIAL INSTABILITY: THE CASE OF KAZAKHSTAN

R. U. Gulimbetova¹, N. S. Nurkasheva^{2*}, M. D. Zhumabayeva³

¹Eurasian Technological University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

³Almaty Management University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the study. The purpose of the scientific article is to consider the importance and features of the application of the main technologies of the lending process in domestic second-tier banks in the conditions of instability and uncertainty of modern world financial and economic relations.

Methodology. In the course of the study, general scientific methods, literature review, analysis, synthesis, deduction, classification, systematic approaches are used.

Originality / value of the study. The banking system of the Republic of Kazakhstan, according to European and international experts, is recognized as the most developed banking system among the CIS countries. Indeed, in recent years, strong changes have been observed in the banking system of the Republic of Kazakhstan; international standards have been introduced into the banking system, such important institutions as mandatory guarantee reserves for deposits and mortgage lending have been created; Otbasny Bank; processing center; credit bureau services have been organized.

This article discusses the features of the technology of the bank lending process, which allows us to improve banking services in all areas, providing the most convenient and attractive services for customers through modern lending technology.

Results of the study. The directions of application of technological mechanisms of the lending process, which allow us to speed up the provision of banking services, simultaneously serve several clients, and achieve high efficiency, were considered.

Keywords. Bank credit, credit operations, lending technologies, schematic functional structure, credit risk management, technological stages.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ

Гулимбетова Рая Ургенишбаевна – аға оқытушы, Еуразиялық технологиялық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, email: gulimbetovar@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-5134-7475

Нуркашева Нурсулу Султанияровна – экономика ғылымдарының кандидаты, ассистент профессор, Нархоз университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, email: nursulu.nurkasheva@narhoz.kz, ORCID 0000-0002-3798-3130; AAN-9751-2020*

Жумабаева Мырзабике Достановна – экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессоры, Алматы менеджмент университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы, email: mirzabike@mail.ru, ORCID 0000-0002-0196-0682

МРНТИ 06.35

JEL Classification: F21; O11; J16

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-4-133-145>

ВЛИЯНИЕ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ КАЗАХСТАНА

Г. Б. Исатаева^{1*}, С. Т. Сейтбекова², В. Н. Сейтова³

¹Южно-Казахстанский педагогический университет, Шымкент, Республика Казахстан

²Казахский государственный аграрный исследовательский университет,
Алматы, Республика Казахстан

³Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова, Шымкент, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – заключается в анализе взаимосвязи между прямыми иностранными инвестициями (ПИИ), экономическим ростом, уровнем инфляции и объемом международных резервов в контексте экономики Казахстана.

Методология – использование количественного анализа с применением эконометрической модели линейной регрессии для оценки влияния ПИИ на экономические показатели Казахстана. Данные для анализа были взяты из открытых источников Всемирного банка за период с 1992 по 2022 год.

Оригинальность / ценность исследования – это исследование оценивает, как прямые иностранные инвестиции влияют на экономику стран с переходным периодом на примере Казахстана. Авторы проводят глубокий анализ макроэкономических факторов, влияющих на инвестиционную среду, что ключевым образом способствует разработке государственной экономической стратегии.

Результаты исследования – Результаты показали, что международные резервы имеют значимое положительное влияние на привлечение ПИИ, в то время как инфляция не оказала статистически значимого воздействия в данной модели.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, экономический рост, международные резервы, инфляция, экономика Казахстана, эконометрическое моделирование.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобализации, ключевой задачей для Казахстана является обеспечение устойчивого экономического роста через оптимизацию уровня инвестиций. Актуальность исследования подтверждается анализом данных Национального Банка Казахстана за период 2010-2020 годов, согласно которым валовый приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в страну составил около 249 млрд долл. США. Значительная часть этих инвестиций приходится на нефтегазовый сектор (30,4 %) и добычу

металлических руд с развитием металлургии (23 %), в то время как обрабатывающая промышленность привлекла 15,8 % от общего объема ПИИ[1].

Несмотря на устойчивый рост инвестиций в основной капитал, большинство отраслей экономики, за исключением добывающих, сталкиваются с дефицитом финансирования, высоким уровнем износа основных средств и недостаточной диверсификацией привлекаемых инвестиций. Горнодобывающая промышленность продолжает оставаться отраслью, на долю которой приходится в среднем 34 % от общего объема инвестиций, что указывает на недостаточную диверсификацию экономики и потенциальные риски для устойчивого развития[2].

Для Казахстана, стремящегося укрепить своё экономическое положение и диверсифицировать экономику, привлечение ПИИ является одним из приоритетных направлений государственной политики. Исследование влияния ПИИ на экономический рост и другие макроэкономические показатели важно для определения эффективных стратегий экономического развития.

В ответ на глобальные вызовы, такие как изменение климата, пандемия COVID-19 и международные конфликты, которые, согласно отчету ООН по устойчивому развитию за 2022 год, которые серьезно угрожают достижению 17 Целей устойчивого развития[3], Казахстан предпринял значительные шаги для внедрения этих целей в свою систему национального планирования. В частности, ключевые показатели устойчивого развития были интегрированы в Национальные проекты и программы развития регионов, с целью достижения конкретных результатов к 2030 году. Это подчеркивает решимость страны к долгосрочному устойчивому прогрессу. В этом контексте, подчеркнув значимость предпринимаемых мер, Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев, на расширенном заседании правительства в феврале этого года, поставил цель увеличить ВВП страны до 450 миллиардов долларов к 2029 году[4].

Достижение этой масштабной цели возможно за счет активизации инвестиционной деятельности и привлечения значительных вложений в экономику страны. Учитывая факт, что значительная часть прямых иностранных инвестиций (ПИИ), составившая за период 2010-2020 годов около 249 млрд долл. США, и концентрируется в нефтегазовой сфере и добыче металлических руд, включая развитие металлургии. Такое распределение инвестиций, где на добывающую промышленность приходится в среднем 34 % от общего объема, подчеркивает критическую потребность в диверсификации экономики страны и равномерному распределению инвестиций по всем секторам экономики[1].

Анализ актуальных научных исследований, связанных с темой инвестиционной привлекательности для достижения устойчивого экономического роста, подчеркивает многогранность и сложность данной проблематики. Так, исследование Корнаи[5] подтверждает классический взгляд на инвестиции как на главный двигатель роста, в то время как работа Фосу, Гетачью и Зисемера[6] выделяет критическую роль государственных инвестиций и указывает на значительное недоинвестирование, особенно в контексте развивающихся стран. Обзор Стурма и других[7] обогащает дискуссию, представляя различные методологии анализа влияния государственных инвестиций на экономический рост и подчеркивая необходимость более тонкого подхода к этому вопросу. Исследование Ханта[8] вносит важный вклад, предлагая переосмыслить роль инвестиций в росте через призму динамической конкуренции и инноваций, в то время как Купманс[9] подчеркивает значимость оптимального распределения ресурсов для долгосрочного роста. Исследование Красовского и Тарасьева[10] представляет собой фундаментальный анализ оптимального контроля инвестиций в модели экономического роста, подчеркивая значимость стационарных состояний экономической системы и S-образную форму траекторий роста. Эти результаты могут служить основой для разработки долгосрочных инвестиционных стратегий, способствующих устойчивому развитию экономики Казахстана.

В рамках обзора отечественных научных работ по данной тематике можно выделить несколько основных направлений анализа и их вклад в формирование комплексного понимания проблематики исследования.

Особый интерес вызывает, работа Сартбаева[11], которая подчеркивает критическую важность государственного стимулирования инвестиций в НИИ в контексте Индустрии 4.0 и цифровизации экономики. Устойчивый экономический рост в значительной мере зависит от инноваций и применения

новых технологий. Это особенно важно для страны, которая стремится к экономической диверсификации и улучшению своих конкурентных позиций на глобальном уровне.

Ряд ученых отмечают важность создания благоприятного инвестиционного климата и инфраструктуры, развитие законодательной базы и фондового рынка. Так, например, исследование Есдаулетовой и Демеуова[12] подчеркивает значительные усилия правительства по привлечению иностранных инвестиций, созданию благоприятных условий для зарубежных компаний и последующему улучшению инвестиционной политики с учетом современных требований. Кучукова и Талимова[13] обращают внимание на необходимость развития фондового рынка и снижения налоговой нагрузки как ключевых мер для стимулирования инвестиций и технологического развития страны. Мамбетказиев, Конопьянова и Байкенов[14] также подчеркивает важность развития внутреннего инвестиционного рынка и стимулирования участия населения в инвестиционных процессах для устойчивого развития экономики. Работы Жангировой и Нурмагамбетовой[15], а также Арупова и Отарбаевой[16] исследуют стратегическую роль государства в активизации инвестиционных процессов и создании привлекательной среды для иностранных инвесторов. Эти исследования подчеркивают значимость государственной политики в формировании благоприятных условий для инвестирования и необходимость диверсификации инвестиционных направлений для устойчивого развития экономики Казахстана.

Обобщая вышеупомянутые работы, можно сделать вывод, что уровень прямых иностранных инвестиций является основополагающим условием для достижения устойчивого экономического роста в Казахстане и требует комплексного подхода, включающего государственное стимулирование инвестиций в НИИ, создание благоприятной правовой и налоговой среды для привлечения иностранных инвесторов, развитие фондового рынка и повышение финансовой грамотности населения.

Литературный обзор показывает, что большинство исследований сосредотачиваются на краткосрочных эффектах ПИИ на экономический рост, пренебрегая более длительными и комплексными воздействиями, такими как изменение структуры экономики, технологическое обновление и социальное развитие. Исследования подчеркивают взаимосвязь между ПИИ и улучшением инфраструктуры, технологическими инновациями и повышением производительности труда[17].

Настоящее исследование направлено на анализ влияния ПИИ на экономический рост, уровень инфляции и объем международных резервов в Казахстане. Основываясь на данных Всемирного банка за период с 1992 по 2022 год, применяется эконометрическая модель линейной регрессии для оценки воздействия упомянутых экономических показателей. Особое внимание уделяется анализу возможных проблем автокорреляции и гетероскедастичности, а также проверке нормальности распределения остатков модели. Результаты исследования предоставят основу для формирования предложений по улучшению инвестиционной стратегии и экономической политики Казахстана.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Динамика чистого притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Казахстан из ряда ключевых стран за период с 2013 по 2023 годы отражена в Таблице 1. Основные страны-источники ПИИ включают Российскую Федерацию, Нидерланды, Китай, Швейцарию, Объединенные Арабские Эмираты, Сингапур, Люксембург, Кипр, Германию, Турцию и Италию. Данные варьируются значительно между странами и годами, показывая как положительные, так и отрицательные значения притока инвестиций. Наиболее заметные колебания наблюдаются у Нидерландов и Китая, где значения изменяются от крупных положительных до значительных отрицательных. Это может свидетельствовать о нестабильности инвестиционного климата или изменении инвестиционных стратегий данных стран.

Особенно примечательны тенденции в Российской Федерации, которая демонстрирует значительный рост ПИИ в 2023 году, достигнув 1 195,2 млн долларов США. Китай, после нескольких лет отрицательных значений, показывает улучшение в 2021-2023 годах. Нидерланды, несмотря на большие колебания, остаются одним из крупнейших инвесторов, особенно заметен скачок в 2022 году до 2 070,7 млн долларов США. Люксембург и Швейцария также показывают значительные колебания, включая крупные отрицательные значения в отдельных годах, что может отражать экономические или политические изменения в этих странах. В целом, данные подчеркивают разнообразие и изменчивость

инвестиционных потоков в Казахстан, указывая на необходимость постоянного мониторинга и адаптации инвестиционной политики для поддержания устойчивого экономического роста [18].

Таблица 1 – Чистый приток прямых инвестиций в Казахстан по странам за 2013-2023 гг., млн долларов США

Наименование стран	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Российская Федерация	473,9	540,6	243,0	293,5	223,7	491,9	379,8	281,2	855,8	147,2	1195,2
Нидерланды	2559,1	2709,6	3944,4	4464,4	-469,2	967,3	-1204,2	1059,1	391,8	2070,7	1009,9
Китай	694,0	576,4	-253,1	-628,6	-302,7	-464,7	-168,6	-818,8	493,2	738,7	954,3
Швейцария	121,3	356,9	-446,7	-120,5	-134,9	106,3	382,4	-144,3	485,2	-385,1	872,5
Объединенные Арабские Эмираты	519,5	73,6	-237,8	-46,1	10,0	211,0	113,4	140,2	-3,4	122,4	527,3
Сингапур	68,7	74,9	2,8	162,6	69,0	-5,7	138,0	24,7	-70,5	261,1	280,5
Люксембург	13,7	7,6	171,4	86,6	174,9	-1 163,4	24,8	141,1	151,5	-177,7	254,5
Кипр	351,6	131,3	28,5	44,6	70,9	-4,4	101,5	414,1	386,1	221,2	237,0
Германия	185,7	133,2	-120,8	5,0	200,9	86,6	-151,4	-315,7	-29,5	30,6	173,9
Турция	140,9	-122,1	-263,5	189,4	79,8	93,6	66,1	189,9	433,7	-60,8	137,4
Италия	20,9	33,9	146,4	312,0	50,5	158,2	111,6	81,6	105,6	252,5	96,4
Примечание – составлено авторами на основании источника [18]											

Таблица 2 показывает чистый приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Казахстан по видам экономической деятельности за период с 2013 по 2023 годы. В таблице представлены данные по различным секторам, включая горнодобывающую промышленность, обрабатывающую промышленность, электроснабжение, водоснабжение, строительство, торговлю, транспорт и складирование, услуги по проживанию и питанию, информацию и связь, финансовую и страховую деятельность, операции с недвижимым имуществом, профессиональную, научную и техническую деятельность, административные услуги, государственное управление и оборону, образование и социальные услуги, а также предоставление прочих видов услуг.

Основные наблюдения включают значительные колебания в притоке ПИИ по секторам. Горнодобывающая промышленность показывает наибольший приток инвестиций в 2017 и 2018 годах, но значительное снижение в 2023 году. Обрабатывающая промышленность демонстрирует отрицательные значения в некоторые годы, но значительный рост в 2021 и 2023 годах. Сектор электроснабжения и подачи газа также показывает переменные значения с отрицательными и положительными значениями. Транспорт и складирование в основном имеют отрицательные значения, в то время как профессиональная, научная и техническая деятельность показывает значительный приток инвестиций в 2013-2015 годах, но снижение в последние годы. Общая картина указывает на значительную волатильность и разнородность притока ПИИ в различные сектора экономики Казахстана [18].

Таблица 2 – Чистый приток прямых инвестиций в Казахстан по видам экономической деятельности за 2013-2023 гг.млн.долл США

Наименование видов экономической деятельности	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	1858,0	3019,2	-755,0	2153,2	4466,3	5161,5	2132,9	2553,7	-584,2	4057,4	31,2
Обрабатывающая промышленность	219,8	433,0	-1671,2	163,5	342,5	-132,0	865,2	517,7	1983,9	184,8	1457,2

Электроснабжение, подача газа, пара и воздушное кондиционирование	340,1	-1230,9	-49,8	1,6	-248,8	390,3	-39,1	79,7	155,9	-56,1	170,7
Водоснабжение; канализационная система, контроль над сбором и распределением отходов	-7,4	4,6	-6,7	4,6	-4,6	9,0	10,7	36,2	6,2	23,2	4,7
Строительство	414,7	100,0	1180,2	1044,8	-138,2	221,3	441,9	379,9	341,1	494,4	534,4
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	1091,5	82,8	-435,8	322,5	365,7	385,5	688,8	386,5	674,2	1231,0	1114,8
Транспорт и складирование	220,2	647,6	-32,6	-397,7	-949,4	-1492,3	-1454,9	-453,7	-1247,4	-184,1	164,2
Услуги по проживанию и питанию	-93,8	106,8	-68,9	-3,2	59,8	12,9	69,3	72,6	124,0	-107,2	-41,8
Информация и связь	603,4	83,4	-375,6	132,0	93,9	-423,8	-131,3	133,9	247,9	-383,2	71,0
Финансовая и страховая деятельность	-19,9	228,3	238,3	52,0	429,8	-375,9	406,5	819,0	1401,8	162,9	-389,0
Операции с недвижимым имуществом	95,6	64,5	4,3	175,9	126,4	-120,6	-17,3	-204,2	-98,8	25,8	240,0
Профессиональная, научная и техническая деятельность	5587,7	4904,6	5915,9	4671,6	-31,0	274,0	376,7	-235,7	334,2	990,1	-154,7
Деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания	-107,7	18,7	2,3	140,9	169,2	-18,9	10,3	-29,1	56,5	39,3	37,6
Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Образование, здравоохранение и социальные услуги, искусство, развлечения и отдых	7,1	4,9	16,9	16,7	-9,0	-7,8	10,3	9,2	5,8	50,4	11,3
Предоставление прочих видов услуг	111,5	24,3	22,8	-22,3	17,8	1,9	-101,2	-399,4	-50,0	-8,2	5,0
Примечание – составлено авторами на основании источника [18]											

Исследование позволило выявить, как ПИИ влияют на ключевые экономические показатели Казахстана. Особое внимание уделено международным резервам как значимому фактору, способствующему увеличению, ПИИ. Результаты моделирования подтвердили, что увеличение международных резервов значительно коррелирует с ростом ПИИ, что подчеркивает их роль в создании стабильной экономической среды, привлекательной для иностранных инвесторов.

Для анализа и построения регрессионной модели использовалось приложение Phyton. Данные были взяты из открытых источников Всемирного банка. Данные включают информацию по прямым иностранным инвестициям (ПИИ), рост ВВП и международные резервы Казахстана. Эти данные могут помочь нам лучше понять взаимосвязь между инвестициями и экономическим ростом, учитывая влияние внешних финансовых ресурсов. Так как для анализ сосредоточен на Казахстане проведена фильтрация данных для Казахстана. Объединённые и очищенные данные по прямым иностранным инвестициям (ПИИ) и росту ВВП Казахстана за период с 1992 по 2022 год. Использование статистических данных

Всемирного банка позволяет провести объективную оценку влияния ПИИ на экономические показатели Казахстана. Данные включают информацию о ПИИ, росте ВВП, уровне инфляции и международных резервах за период с 1992 по 2022 год.

Таким образом, линейная регрессионная модель позволяет оценить влияние ПИИ на рост ВВП, международные резервы и уровень инфляции для Казахстана. Эконометрическая модель помогает оценить степень влияния каждого из факторов на экономический рост.

Для проверки адекватности регрессионной модели и оценки потенциальных проблем, таких как мультиколлинеарность, гетероскедастичность и автокорреляция, мы можем использовать несколько диагностических тестов и методов: проверка мультиколлинеарности (Variance Inflation Factor (VIF) для каждого предиктора), проверка на гетероскедастичность с помощью теста Бройша-Пагана, проверка на автокорреляцию с помощью теста Дарбина-Уотсона, нормальность распределения остатков с помощью графика остатков и теста Шапиро-Уилка.

В результате анализа текущего экономического состояния Казахстана получены следующие результаты: согласно данным Бюро национальной статистики Республики Казахстан, общий объем инвестиций в основной капитал за период с 1991 по 2021 год достиг 125 триллионов тенге. В период с 2010 по 2021 год общий объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Казахстан составил примерно 249 миллиардов долларов США (Рисунок 1). Из этой суммы, 30.4 % или 75.6 миллиарда долларов были направлены в нефтегазовый сектор. При этом на добычу металлических руд и развитие металлургии пришлось около 23 % или 42.1 миллиарда долларов. Обрабатывающая промышленность привлекла 39.4 миллиарда долларов, что составляет 15.8 % от общего объема ПИИ[19].

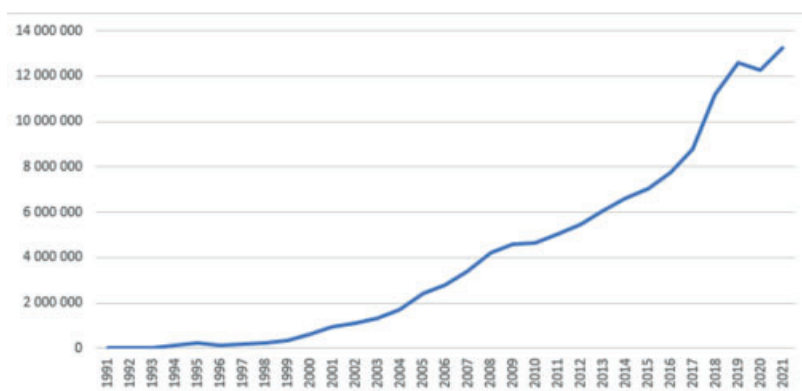
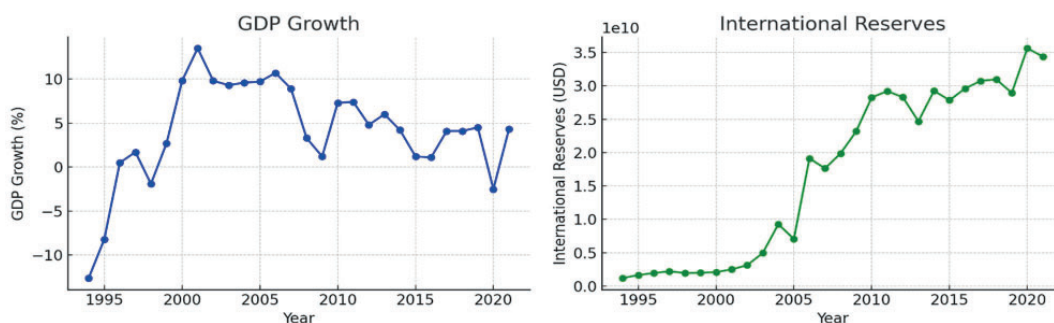

Рисунок 1 – Динамика основных показателей инвестиционной деятельности за 1991-2021 гг., в млн. тенге

Примечание – составлено авторами на основе источника[20]

На рисунке 2 отражен анализ тенденций и взаимосвязей между различными аспектами экономики Казахстана, а также в оценке эффективности экономической политики страны.

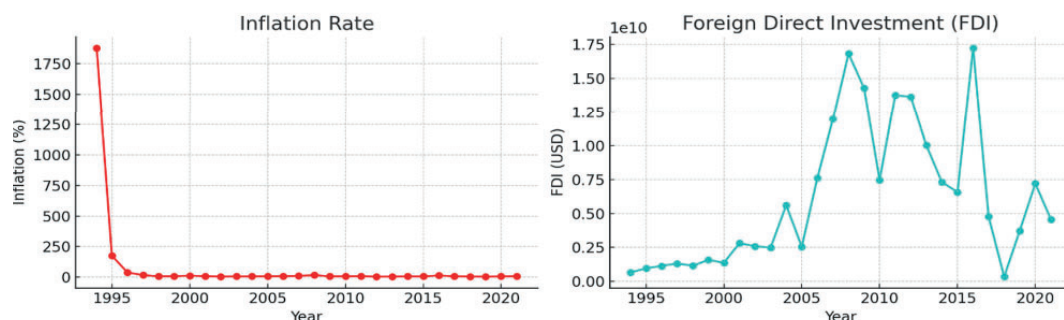

Рисунок 2 – Анализ 4 ключевых экономических показателей для Казахстана за годы независимости:
Рост ВВП (%), Международные резервы (в долларах США), Уровень инфляции (%), Прямые
иностраннные инвестиции (FDI, в долларах США)
Примечание – составлено авторами на основе источника[20]

Вопреки глобальной экономической нестабильности и вызовам, связанным с пандемией, Казахстан продолжает привлекать прямые иностранные инвестиции, сохраняя лидирующие позиции в Центральной Азии. Однако для поддержания и укрепления этих позиций в условиях изменяющейся геэкономической и геополитической обстановки, стране необходимо активно конкурировать за иностранный капитал и создавать условия, привлекательные для инвесторов. Стоит отметить, что есть потенциал для усиления политик, направленных на стимулирование реинвестирования: за период с 2005 по 2020 год доля реинвестированных доходов в общем объеме ПИИ в Казахстане составила только 15 %, тогда как мировой средний показатель находится в диапазоне 30-35 %.

Результаты расширенной линейной регрессионной модели, включающей ПИИ, международные резервы и инфляцию как предикторы для роста ВВП представлено на рисунке 3.

OLS Regression Results						
=====						
Dep. Variable:	GDP Growth	R-squared:	0.389			
Model:	OLS	Adj. R-squared:	0.313			
Method:	Least Squares	F-statistic:	5.104			
Date:	Sat, 27 Apr 2024	Prob (F-statistic):	0.00713			
Time:	05:21:36	Log-Likelihood:	-81.262			
No. Observations:	28	AIC:	170.5			
Df Residuals:	24	BIC:	175.9			
Df Model:	3					
Covariance Type:	nonrobust					
=====						
	coef	std err	t	P> t	[0.025	0.975]

const	5.6529	1.694	3.337	0.003	2.156	9.149
FDI	9.173e-11	2.15e-10	0.427	0.673	-3.51e-10	5.35e-10
International Reserves	-7.467e-11	8.89e-11	-0.840	0.409	-2.58e-10	1.09e-10
Inflation	-0.0103	0.003	-3.824	0.001	-0.016	-0.005
=====						
Omnibus:	2.937	Durbin-Watson:	1.043			
Prob(Omnibus):	0.230	Jarque-Bera (JB):	1.929			
Skew:	-0.638	Prob(JB):	0.381			
Kurtosis:	3.155	Cond. No.	4.19e+10			
=====						
Notes:						
[1] Standard Errors assume that the covariance matrix of the errors is correctly specified.						
[2] The condition number is large, 4.19e+10. This might indicate that there are strong multicollinearity or other numerical problems.						
=====						

Рисунок 3 – Линейная регрессионная модель
Примечание – составлено авторами

На основе расчетов получены следующие коэффициенты:

1) ПИИ (FDI): 9.173×10^{-11} с р-значением 0.673, что указывает на отсутствие статистически значимого влияния на рост ВВП.

2) Международные резервы: -7.467×10^{-11} с р-значением 0.409, также показывающее отсутствие статистической значимости.

3) Инфляция: -0.0103 с р-значением 0.001, что означает, что увеличение инфляции на 1 процентный пункт связано со снижением темпов роста ВВП на 0.0103 процентных пункта.

Показатели модели:

1) R-квадрат: 0.389, что означает, что модель объясняет примерно 38.9 % вариации роста ВВП, что является значительным улучшением по сравнению с предыдущими моделями.

2) F-статистика: 5.104 с вероятностью 0.00713, указывающей на статистическую значимость модели в целом.

Наиболее значимым предиктором в этой модели оказалась инфляция, которая имеет значимое и отрицательное влияние на экономический рост. Это соответствует общепринятому пониманию о том, что высокая инфляция может подрывать экономическую стабильность и замедлять рост.

Проверка модели проводилась в несколько этапов. На начальном этапе проведено вычисление VIF для каждого предиктора, для того чтобы оценить мультиколлинеарность, и затем проведем другие тесты.

Результаты анализа VIF:

– ПИИ: $VIF = 1.505$, что указывает на отсутствие сильной мультиколлинеарности.

– Международные резервы: $VIF = 1.543$, также показывает отсутствие значительной мультиколлинеарности.

– Инфляция: $VIF = 1.086$, что является очень низким значением, подтверждающим отсутствие мультиколлинеарности.

Эти значения VIF говорят о том, что между предикторами нет значительной мультиколлинеарности, что хорошо для нашей модели.

Тест на гетероскедастичность с помощью теста Бройша-Пагана показал следующие результаты:

– LM Statistic: 5.967, что является статистикой теста.

– LM-Test p-value: 0.113, указывает на то, что на уровне значимости 5% мы не можем отвергнуть нулевую гипотезу о гомоскедастичности остатков (отсутствие гетероскедастичности).

– F-Statistic: 2.167, еще одна статистика теста.

– F-Test p-value: 0.118, подтверждает результаты LM-Test, указывая на отсутствие гетероскедастичности.

Проверка на автокорреляцию с помощью теста Дарбина-Уотсона составил 1.043, что указывает на наличие некоторой положительной автокорреляции в остатках, так как значение близко к 1. Оптимальное значение для этого показателя составляет около 2, что указывало бы на отсутствие автокорреляции.

Проверка на нормальность распределения остатков с помощью графика остатков и теста Шапиро-Уилка рассмотрен на рисунке 4. График остатков против прогнозируемых значений не показывает явных закономерностей или увеличение дисперсии остатков, что хорошо с точки зрения гомоскедастичности, но некоторые точки далеко от линии нуля могут указывать на выбросы или недостатки в модели.

Тест Шапиро-Уилка:

– Статистика: 0.959, что довольно близко к 1.

– р-значение: 0.326, что больше 0.05, следовательно, мы не можем отвергнуть гипотезу о нормальности распределения остатков.

Исходя из этих результатов, можно сделать вывод, что остатки приблизительно нормально распределены.

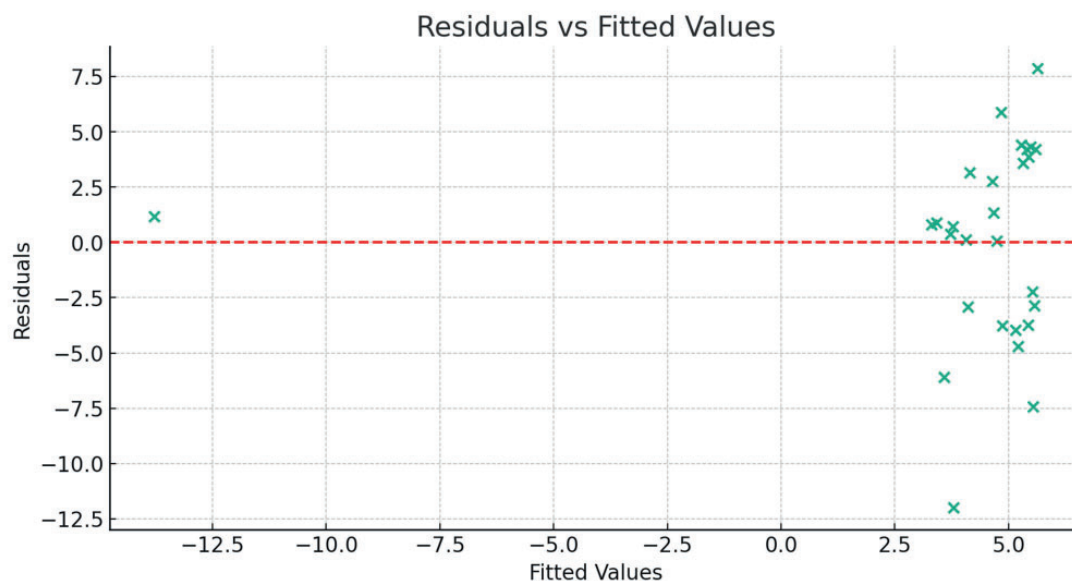

Рисунок 4 – Распределение остатков с помощью графика остатков и теста Шапиро-Уилка

Примечание – составлено авторами

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

В ходе настоящего исследования был проведен анализ взаимосвязи между прямыми иностранными инвестициями (ПИИ), ростом ВВП, уровнем инфляции и международными резервами в контексте экономики Казахстана. Использование данных Всемирного банка позволило создать обоснованную модель для оценки влияния этих экономических показателей на привлекательность страны для иностранных инвесторов.

Основные выводы исследования подчеркивают, что международные резервы оказывают значительное положительное влияние на привлечение ПИИ, что свидетельствует о важности поддержания стабильности и финансовой безопасности страны для укрепления инвестиционной привлекательности. С другой стороны, инфляция, хоть и не оказала статистически значимого воздействия в модели, традиционно рассматривается как фактор, замедляющий экономический рост и снижающий инвестиционную активность из-за нестабильности экономической среды.

Результаты диагностических тестов указывают на то, что модель не страдает от мультиколлинеарности.

Таким образом для привлечения ПИИ, можно рассмотреть следующие практические рекомендации:

- укрепление макроэкономической стабильности, поддержание и увеличение объема международных резервов и контроль инфляции должны стать приоритетами в экономической политике Казахстана для улучшения инвестиционного климата.

- диверсификация экономики, то есть уменьшение зависимости от нефтегазового сектора и стимулирование инвестиций в обрабатывающую промышленность и высокотехнологичные отрасли может способствовать устойчивому экономическому развитию.

- разработка и реализация программ по улучшению инвестиционной среды, благодаря созданию более предсказуемой правовой и налоговой системы, улучшение условий для ведения бизнеса, и активизация работы по привлечению иностранных инвестиций.

Исследование подчеркивает важность комплексного подхода в анализе экономической ситуации и разработке политик, направленных на привлечение и эффективное использование, ПИИ в Казахстане. Полученные данные и модель могут служить основой для дальнейших научных работ и разработки стратегий, направленных на повышение экономической стабильности и роста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Правительство Республики Казахстан. Постановление Правительства Республики Казахстан от 15 июля 2022 года № 482 «Об утверждении Концепции инвестиционной политики Республики Казахстан до 2026 года» [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34889573 (Дата обращения: 19.02.2024).
2. «Промышленность, строительство, инвестиции — экономика Костанайской области показывает положительную динамику роста» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/promyshlennost-stroitelstvo-investicii-ekonomika-kostanayskoy-oblasti-pokazyvaet-polozhitelnyu-dinamiku-rosta-15113053> (Дата обращения: 19.02.2024).
3. Khan I., Xue J., Zaman S., Mehmood Z. Nexus between FDI, economic growth, industrialization, and employment opportunities: empirical evidence from Pakistan // *Journal of the Knowledge Economy*. – 2023. – №14(3). – P. 3153-3175.
4. Президент Касым-Жомарт Токаев принял участие в казахско-катарском инвестиционном круглом столе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-prinyal-uchastie-v-kazahsko-katarskom-investicionnom-kruglom-stole-1415532>. (Дата обращения: 19.02.2024 г.).
5. Корнай, Я. Экономика Централизованного Планирования. Будапешт: Академии Киадо, 1980.
6. Fosu A., Getachew Y. Y., Ziesemer T. Optimality of public investment: How public investment can foster growth in sub-Saharan Africa. *World Development*. – 2016. – № 78. – P. 94-105.
7. Sturm J. E., Kuper G. H., de Haan J. Modelling government investment and economic growth on a macro level: A review. // *Public Capital and Economic Growth*. – 1998. – № 1. – P. 179-205.
8. Hunt S. D. Economic Growth: Should Policy Focus on Investment or Dynamic Competition? // *Journal of Business Research*. – 2007. – № 60(8). – P. 941-946.
9. Koopmans T. C. On the Concept of Optimal Economic Growth. // *The Cowles Foundation for Research in Economics at Yale University*. – 1963. - № 163.
10. Красовский А.А. и Тарасьев А.М. Оптимальное управление инвестициями в модели экономического роста // *Теория управления*. – 2007. – № 2(2). – С. 30-45.
11. Сартбаев А.А. Государственное стимулирование инвестиций в науку, исследования и инновации: опыт и перспективы в контексте Индустрии 4.0. // *Вестник университета «Туран»*. – 2021. № 95(3). – С. 8-15.
12. Есдаулетова А. М., Демеуов Н. Б. Инвестиционная политика Казахстана: основные направления и перспективы роста // *Постсоветские исследования*. - 2022. – № 7.
13. Кучукова Н.К., Талимова Л.А. Финансово-экономическое развитие Казахстана: реализация инвестиционных возможностей // *Финансовый журнал*. – 2019. – № 11(5). – С. 9-21.
14. Мамбетказиев Е.А., Конопьянова К.С., Байкенов С.Ж. Анализ инвестиционной активности населения Республики Казахстан // *Экономический журнал*. – 2022. – № 14(2). – С. 45-56.
15. Жангирова Р.Н., Нурмагамбетова А.М. Современные тенденции развития инвестиционной деятельности Республики Казахстан. *Вестник Казахстанского национального университета* // *Экономика*. – 2016. – № 4(106). – С. 112-120.
16. Арупов А.А., Отарбаева А.Б. Актуальные проблемы и перспективы инвестиционного сотрудничества Казахстана и ЕС // *Внешиэкономические связи России*. – 2020. – № 12(3). – С. 234-245.
17. Usman S. O., Esomchi O. S., Nasiru I. M., Daniel, A.V. An assessment of COVID-19 and its impact on Nigeria's socio-economic development // *Cogent Social Sciences*. – 2024. – № 10(1). – 2306700.
18. Национальный банк Казахстана. [Электронный ресурс]. – Чистый поток прямых инвестиций (в динамике). – Режим доступа: <https://www.nationalbank.kz/ru/news/pryamyie-investicii-po-napravleniyu-vlozheniya> (Дата обращения: 19.02.2024).
19. Правительство Республики Казахстан, 2022. Постановление Правительства Республики Казахстан от 15 июля 2022 года № 482 «Об утверждении Концепции инвестиционной политики Республики Казахстан до 2026 года». [Электронный ресурс]. – URL: <https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34889573> (Дата обращения: 19.02.2024).
20. Данные Всемирного банка [Электронный ресурс]. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (Дата обращения: 19.02.2024).

REFERENCES

1. Government of the Republic of Kazakhstan (2022). Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated July 15, 2022 No. 482 «Ob utverzhdenii Konceptii investicionnoj politiki Respubliki Kazakhstan do 2026 goda». Retrieved February 19, 2024, from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34889573 (In Russian).
2. «Promyshlennost', stroitel'stvo, investicii – jekonomika Kostanajskoj oblasti pokazyvaet polozhitel'nuju dinamiku rosta». Retrieved February 19, 2024, from <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/promyshlennost-stroitelstvo-investicii-ekonomika-kostanayskoy-oblasti-pokazyvaet-polozhitelnuyu-dinamiku-rosta-15113053> (In Russian).
3. Khan, I., Xue, J., Zaman, S., & Mehmood, Z. (2023). Nexus between FDI, economic growth, industrialization, and employment opportunities: empirical evidence from Pakistan. *Journal of the Knowledge Economy*, 14(3), 3153-3175.
4. Prezident Kasym-Zhomart Tokaev prinjal uchastie v kazahsko-katarskom investicionnom kruglom stole [Jelektronnyj resurs]. Retrieved February 19, 2024, from <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-prinyal-uchastie-v-kazahsko-katarskom-investicionnom-kruglom-stole-1415532> (In Russian).
5. Kornai, Ja. *Jekonomika Centralizovannogo Planirovanija*. Budapesht: Akademiai Kiado, 1980. (In Russian).
6. Fosu, A., Getachew, Y. Y., & Ziesemer, T. (2016). Optimality of public investment: How public investment can foster growth in sub-Saharan Africa. *World Development*, 78, 94-105.
7. Sturm, J. E., Kuper, G. H., & de Haan, J. (1998). Modelling government investment and economic growth on a macro level: A review. *Public Capital and Economic Growth*, 1, 179-205.
8. Hunt, S. D. (2007). Economic Growth: Should Policy Focus on Investment or Dynamic Competition? *Journal of Business Research*, 60(8), 941-946.
9. Koopmans, T. C. (1963). On the Concept of Optimal Economic Growth // *The Cowles Foundation for Research in Economics at Yale University*, 163.
10. Krasovskij, A.A., Taras'ev, A.M. (2007). Optimal'noe upravlenie investicijami v modeli jekonomicheskogo rosta. *Teorija upravlenija*, 2(2), 30-45. (In Russian).
11. Sartbaev A.A. (2021). Gosudarstvennoe stimulirovanie investicij v nauku, issledovanija i innovacii: opyt i perspektivy v kontekste Industrii 4.0. *Vestnik universiteta «Turan»*, 95(3), 8-15. (In Russian).
12. Esdauletova, A. M., Demeuov, N. B. (2022). Investicionnaja politika Kazahstana: osnovnye napravlenija i perspektivy rosta. *Postsovetskie issledovanija*, 7. (In Russian).
13. Kuchukova, N.K., Talimova, L.A. (2019). Finansovo-jekonomicheskoe razvitie Kazahstana: realizacija investicionnyh vozmozhnostej. *Finansovyj zhurnal*, 11(5), 9-21. (In Russian).
14. Mambetkaziev, E.A., Konop'janova, K.S. & Bajkenov, S.Zh. (2022). Analiz investicionnoj aktivnosti naselenija Respubliki Kazahstan. *Jekonomicheskij zhurnal*, 14(2), 45-56. (In Russian).
15. Zhangirova, R.N., Nurmagambetova, A.M. (2016). Sovremennye tendencii razvitiya investicionnoj dejatel'nosti Respubliki Kazahstan. *Vestnik Kazahstanskogo nacional'nogo universiteta Jekonomika*, 4(106), 112-120. (In Russian).
16. Arupov, A.A., Otarmaeva, A.B. (2020). Aktual'nye problemy i perspektivy investicionnogo sotrudnichestva Kazahstana i ES. *Vneshnejekonomicheskie svyazi Rossii*, 12(3), 234-245. (In Russian).
17. Usman, S. O., Esomchi, O. S., Nasiru, I. M. & Daniel, A.V. (2024). An assessment of COVID-19 and its impact on Nigeria's socio-economic development. *Cogent Social Sciences*, 10(1), 2306700.
18. Pravitel'stvo Respubliki Kazahstan, 2022. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 15 ijulja 2022 goda № 482 «Ob utverzhdenii Konceptii investicionnoj politiki Respubliki Kazahstan do 2026 goda». Retrieved February 19, 2024, from < https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34889573 > (In Russian).
19. World Bank Open Data. Retrieved February 19, 2024, from <https://data.worldbank.org/indicator>. (In Russian).

IMPACT OF FOREIGN DIRECT INVESTMENT ON THE ECONOMIC GROWTH OF KAZAKHSTAN

G. B. Isatayeva^{1*}, S. T. Seitbekova², V. N. Seitova³

¹South Kazakhstan Pedagogical University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

²Kazakh National Agrarian Research University, Almaty, Republic of Kazakhstan

³M. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the study - is to analyze the relationship between foreign direct investment (FDI), economic growth, inflation and the volume of international reserves in the context of the economy of Kazakhstan.

The methodology - involves quantitative analysis using an econometric linear regression model to assess the impact of FDI on Kazakhstan's economic performance. Data for the analysis were taken from the World Bank's open sources for the period from 1992 to 2022.

Originality/value of the research—The research contributes to the understanding of the mechanisms of international investment's impact on the economies of countries with economies in transition, using Kazakhstan as an example. A special feature of the work is a comprehensive analysis of the influence of macroeconomic factors on the investment climate, which is important for the formation of state economic policy.

Findings of the Study – The results showed that international reserves have a significant positive impact on attracting FDI, while inflation did not have a statistically significant impact in this model.

Keywords: foreign direct investment, economic growth, international reserves, inflation, economy of Kazakhstan, econometric modeling.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ӨСУІНЕ ШЕТЕЛДІК ТІКЕЛЕЙ ИНВЕСТИЦИЯЛАРДЫҢ ӘСЕРІ

Г. Б. Исатаева^{1*}, С. Т. Сейтбекова², В. Н. Сейтова³

¹Оңтүстік Қазақстан педагогикалық университеті, Шымкент, Қазақстан Республикасы

²Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

³М. Әуезова атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Шымкент, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты – Қазақстан экономикасы контекстінде тікелей шетелдік инвестициялар (ТШИ), экономикалық өсу, инфляция және халықаралық резервтер көлемі арасындағы байланысты талдау.

Әдіснамасы – ТШИ-ның Қазақстанның экономикалық көрсеткіштеріне әсерін бағалау үшін эконометриялық сызықтық регрессия үлгісін пайдалана отырып, сандық талдауды қамтиды. Талдау үшін деректер Дүниежүзілік банктің ашық көздерінен 1992 жылдан 2022 жылға дейінгі кезеңге алынды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы – Зерттеу Қазақстанды мысалға ала отырып, өтпелі экономикасы бар елдердің экономикасына халықаралық инвестициялардың әсер ету механизмдерін түсінуге ықпал етеді. Жұмыстың ерекшелігі – мемлекеттік экономикалық саясатты қалыптастыру үшін маңызды болып табылатын макроэкономикалық факторлардың инвестициялық климатқа әсерін жан-жақты талдау.

Зерттеу нәтижелері – Нәтижелер халықаралық резервтердің ТШИ тартуға айтарлықтай оң әсер ететінін көрсетті, ал инфляция бұл модельде статистикалық маңызды әсер етпеді.

Түйін сөздер: тікелей шетелдік инвестициялар, экономикалық өсу, халықаралық резервтер, инфляция, Қазақстан экономикасы, эконометрикалық модельдеу.

ОБ АВТОРАХ

Исатаева Гульжан Бугенбаевна – кандидат экономических наук, и.о. доцента, Южно-Казахстанский педагогический университет, Шымкент, Республика Казахстан, email: Isataeva7@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1388-5202>*

Сейтбекова Салтанат Турсыновна – кандидат экономических наук, Высшая школа «Бизнес и право», Казахский государственный аграрный исследовательский университет, Алматы, Республика Казахстан, email: saltanat.seitbekova@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-3716-2845>.

Сейтова Вилена Нургалиевна – доктор PhD, Высшая школа «Управление и Бизнес», Южно-Казахстанский университет им. М.Ауэзова, Шымкент, Республика Казахстан, email: Vilena_11@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4404-4916>.

МРНТИ: 06.73.15

JEL Classification: G28

DOI:<https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-4-145-159>

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НА ПЕНСИОННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Б. Е. Алимбекова¹, Я. А. Ералиева^{2*}, С. С. Арыстанбаева¹

¹ Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

² Алматинский Технологический университет, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – оценка влияния уровня финансовой грамотности населения Казахстана на возможность дальнейшего пенсионного планирования.

Методология. В качестве методов исследования применялся метод контент-анализа, направленный на исследование вопросов финансовой грамотности и пенсионного планирования, а также рассматривались статистические показатели и политика государства в области пенсионного планирования.

Оригинальность / ценность исследования – Финансовая грамотность является одним из решающих факторов при повышении уровня финансового благополучия и грамотном планировании выхода на пенсию. При замедлении экономического роста и при росте инфляции, одним из низких показателей финансовой грамотности является отсутствие навыков пенсионного планирования. Для более детального понимания взаимосвязи между финансовой грамотностью и пенсионным планированием, авторами был изучен ряд данных об управлении пенсионными активами и возможности открытия пенсионного аннуитета. Выводы исследования могут быть полезны для дальнейшего повышения эффективности государственных мер.

Результаты исследования – Результаты исследования указывают, что управление пенсионными активами неразрывно связано с уровнем финансовой грамотности. Возможность получать пожизненные пенсионные выплаты, используя пенсионный аннуитет – крайне мала и составляет всего 0,07 % от общего количества открытых пенсионных счетов. Для максимального использования продукта по пенсионному аннуитету необходима государственная поддержка по повышению уровня финансовой грамотности населения страны.

Ключевые слова: финансовая грамотность, уровень финансовой грамотности, управление пенсионными активами, пенсионный аннуитет.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях развития цифровых технологий, онлайн-продуктов и сложных финансовых инструментов, вопросы финансовой грамотности населения требуют особого анализа. Проблема финансового образования становится особенно актуальной в периоды рецессии или замедления экономического роста, когда доходы падают, финансовые продукты дорожают, а дефицит становится все более ощутимым [1]. Это приводит к принятию людьми неверных финансовых решений, что отрицательно сказывается как на отдельном субъекте, так и на государстве в целом.

Финансовая грамотность дает возможность не только эффективно участвовать в экономической деятельности страны и принимать соответствующие финансовые решения для себя и своих семей, но и повышать свое финансовое благосостояние и грамотно подходить к пенсионному планированию [2].

На сегодняшний день, в Республике Казахстан можно выделить пять основных проблем, возникших из-за низкого уровня финансовой грамотности, это рост финансовых пирамид, закредитованность населения, рост проблемных займов и, как следствие, банкротство физических лиц и отсутствие навыков управления пенсионными активами [3]. В данной статье авторы рассматривают взаимосвязь между финансовой грамотностью и управлением пенсионными активами, так как работы многих ученых показывают тесную взаимосвязь между двумя составляющими.

В 2020 году была принята Концепция повышения финансовой грамотности на 2020-2024 годы, основной целью которой является формирование у населения рационального поведения в области личных финансов и повышение их благосостояния за счет использования разнообразных финансовых услуг. Закон «О пенсионном обеспечении Республики Казахстан», и Социальный Кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК [4] дают возможность населению управлять своими пенсионными активами. Так, на сегодняшний день, граждане страны могут получать ежемесячные пенсионные выплаты за счет пенсионных накоплений до достижения пенсионного возраста, если заключить договор пенсионного аннуитета со страховой организацией и перевести в страховую организацию пенсионные накопления из ЕНПФ. Но все ли граждане знают и понимают указанный рабочий механизм по переводу пенсионных выплат в страховые организации и связано ли это с финансовой грамотностью? В данной статье авторами будет рассмотрена возможность управления своими пенсионными активами.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обзор литературы. В связи с тем, что в последние десятилетия мир столкнулся с проблемой быстрого старения населения, возникли различные проблемы, в частности, последующее бремя старости, или необходимость содержания людей, вышедших на пенсию. Благодаря быстрым темпам развития медицины, показатели смертности и рождаемости снизились, но это, в свою очередь, вынуждает правительства обеспечить пожилых людей адекватными источниками дохода после выхода на пенсию [5].

Людям, обладающим финансовой грамотностью, доступны всесторонние знания о финансовых инструментах и продуктах, включая информацию о пенсионных сбережениях и инвестициях. Люди становятся открытыми и готовыми максимально использовать инвестиционные инструменты, когда у них есть понимание различных финансовых возможностей, которые им доступны [6].

Немаловажную роль в указанном вопросе играет и гендерная политика отдельных государств. Так, было доказано, что финансовая грамотность среди женщин зачастую отстает от мужской. Что касается вопросов выхода на пенсию, то женщины чаще испытывают трудности в вопросах пенсионного планирования и управления своими пенсионными активами [7].

Исследование, проведенное D. Boisclair, A. Lusardi, Michaud P.C. выявило, что пенсионное планирование тесно связано с финансовой грамотностью, так как те, кто правильно ответил на все три вопроса о финансовой грамотности (знания о сложных процентах, инфляции и диверсификации рисков), на 10 процентов чаще имеют пенсионные сбережения [8].

Однако, наблюдаемый в некоторых странах низкий уровень финансовой грамотности должен вызывать беспокойство у правительств. На сегодняшний день становится очевидным, что странам нужны конкретные меры по укреплению знаний, особенно тех, которые относятся к уязвимым слоям насе-

ния, а также таким, как молодежь, пожилые люди, женщины, малообеспеченные и менее образованные слои населения, чтобы дать им возможность вовремя подготовиться к выходу на пенсию [9].

Указанное утверждение также находит отражение в работе А.Толымбек, согласно которому следует, что крайне важно организовать и запустить долгосрочную кампанию по повышению финансовой и инвестиционной грамотности, которую будут проводить участники пенсионного рынка для всех групп жителей и которая будет проводиться при поддержке соответствующих государственных органов страны [10]. При формировании и запуске пенсионной системы, необходимо помнить, что эффективное функционирование пенсионной системы зависит также от хорошей информированности участников и наличия достаточных финансовых навыков самих участников [11].

Согласно проведенным исследованиям, уровень финансовой грамотности положительно влияет на принятие решений, особенно в отношении решения о пенсионном планировании [12]. Финансовая грамотность населения страны является не только одним из условий обеспечения стабильности финансовой среды [13], но и важной государственной политикой при формировании политики по улучшению благосостояния пенсионеров. В этой связи, ученые пришли к выводу, что уровень грамотности и планирование выхода на пенсию и дальнейшее управление пенсионными активами взаимосвязаны [12].

Методология. В данной статье был применен метод контент-анализа, направленный на исследование вопросов финансовой грамотности и пенсионного планирования. Были исследованы и проанализированы работы учёных, касающиеся вопросов влияния финансовой грамотности на пенсионного планирование.

На основе социологического исследования по финансовой грамотности населения, проведенного Агентством Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка за 2023 год, был проведен анализ влияния финансовой грамотности населения на пенсионное планирование населения.

В качестве базы исследования послужили статистические данные Единого накопительного пенсионного фонда, Национального Банка Республики Казахстан и Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан.

Результаты и обсуждения. Измерение финансовой грамотности населения довольно обширный вопрос. Одним из важных аспектов финансовой грамотности является знание финансовых продуктов и услуг. Понимание финансовых услуг предоставляет возможность не только в управлении доходами, сбережениями и инвестициями, но и в достижении финансовых целей и обеспечении финансовой безопасности.

В этой связи, в 2023 году Агентством Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка было проведено социологическое исследование по финансовой грамотности населения [14]. В рамках данного исследования были изучены особенности финансового поведения населения, в том числе, опыта и практики использования финансовых инструментов в разрезе регионов (3 города республиканского значения и 17 областей страны), которые включали в себя опрос резидентов в количестве 3 000 человек.

Так, в рамках исследования, респондентам было предложено оценить уровень их осведомленности по таким видам финансовых продуктов и услуг, как: (а) банковский депозит; (б) образовательный депозит; (в) дебетовая карта; (г) кредитная карта; (д) текущий счет; (е) ипотека; (ж) потребительский кредит; (з) онлайн кредит; (и) автокредит; (к) кредит до зарплаты; (л) мобильный банкинг; (м) добровольные пенсионные взносы; (н) пенсионный аннуитет; (о) страховой полис.

Результаты опроса показали, что респонденты хорошо осведомлены о многих финансовых продуктах и услугах, тем не менее, недостаточно погружены в их суть и не совсем понимают условия. Наиболее популярными финансовыми инструментами оказались кредитная карта (47,5 %) и текущий счет (48,8 %). Минимум осведомленности зафиксировано по потребительскому кредиту (39,3 %) и пенсионному аннуитету (39,8 %). Частичное знание зафиксировано по жилищным и автокредитам (40,2 % и 37,1 % соответственно). Что касается пенсионного аннуитета, то для оценки использовалась 4-х бальная шкала.

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос о знании пенсионного аннуитета.

Примечание – составлено авторами на основе источника [14].

Что касается регионального аспекта, то корреляция данных в региональном разрезе выявил 5 областей, где население чаще считает себя финансово неграмотным: Жетысуская область (34 %), Туркестанская область (33,3 %), Мангистауская область (32 %), Павлодарская и Улытауская области (по 31,3 %). Соответственно, 5 областей, в котором жители считают себя финансово грамотными, это Костанайская область (23,3 %), Атырауская область (26,7 %), Алматинская область (26,7 %), г. Шымкент область (26,7 %) и Актюбинская область (27,3 %).

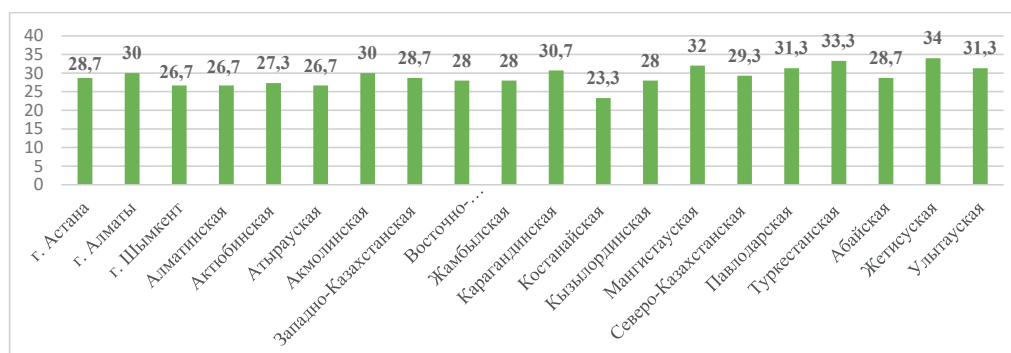

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос о том, считает ли респондент себя финансово грамотным человеком. Вариант ответа «нет», в региональном аспекте, в %

Примечание – составлено авторами на основе источника [14].

В целом, уровень финансовой грамотности населения имеет положительную динамику. В 2023 году индекс финансовой грамотности составил 40,5%. При этом, в прошлые годы данный индекс составлял: в 2022 году – 40,2 %; в 2021 году – 39,52 %; в 2020 году – 39,07 %. Наиболее уязвимым звеном при оценке финансовой грамотности является «управление собственными финансами», которое составляет 38,6 %. Средний показатель зафиксирован в сфере использования финансовых услуг – 40,1 %. Таким образом, развитие финансовой грамотности населения является важным компонентом устойчивой и здоровой экономики.

Что касается данного исследования, то в рамках данного исследования, анализ финансовой грамотности населения проводится через понимание навыков пенсионного планирования. После принятия в

Республике Казахстан Закона «О пенсионном обеспечении Республики Казахстан» и создания ЕНПФ, в 2018 году был принят Закон о поэтапном повышении пенсионного возраста для женщин, с 58 до 63 лет. До 2027 года пенсионный возраст мужчин и женщин должен сравняться и составить 63 года. Немаловажную роль при рассмотрении вопроса о пенсионном планировании играет пенсионный аннуитет.

Пенсионный аннуитет представляет собой услугу, которую предлагают страховые организации, посредством которого вкладчики ЕНПФ начнут получать пенсию до достижения пенсионного возраста, но при условии достаточности пенсионных накоплений.

Пенсионным аннуитетом могут воспользоваться: (а) вкладчики, достигшие: для мужчин 55 лет, сумма достаточности – 8,0 млн. тенге; для женщин 53 года, сумма достаточности – 10,5 млн. тенге; (б) вкладчики, достигшие: для мужчин 45 лет, сумма достаточности – 7,3 млн. тенге; для женщин 45 лет, сумма достаточности – 9,1 млн. тенге; (в) лица, при наличии обязательных профессиональных пенсионных взносов, достигшие: для мужчин 40 лет, сумма достаточности – 6,2 млн. тенге; для женщин 40 лет, сумма достаточности – 8,0 млн. тенге [15].

Размер выплаты зависит от размера пенсионных накоплений, но не может быть ниже 70% от величины прожиточного минимума, действующей на дату заключения договора о пенсионном аннуитете [4]. Неоспоримым плюсом пенсионного аннуитета, по сравнению с «обычной пенсией», являются пожизненные выплаты вне зависимости от того, закончились у вкладчика пенсионные накопления или нет. Также, возможность оформить совместный пенсионный аннуитет для супружеских пар, когда можно объединить свои накопления и получать пожизненные пенсионные выплаты обоим супругам [16].

Таким образом, объектом данного исследования является взрослое (старше 18 лет) население Республики Казахстан, проживающее в сельской и городской местности. Предметом исследования является определение уровня финансовой грамотности населения, понимание гражданами принципов «пенсионного аннуитета».

В таблице 1 представлены статистические показатели по численности населения и по пенсионным активам в Республике Казахстан. Так, согласно таблице, пенсионные накопления формируются из: (а) обязательных пенсионных взносов; (б) обязательных профессиональных пенсионных взносов; (в) добровольных пенсионных взносов.

Таблица 1 – Статистические показатели по пенсионным активам в Республике Казахстан

№	Основные показатели	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Показатели по пенсионным активам:							
1.1	Количество индивидуальных пенсионных счетов вкладчиков, чел.	10 119 319	10 380 561	10 672 567	11 567 146	11 480 025	11 906 526	12 128 392
1.2	Доля ОПВ (Обязательные пенсионные взносы), в %	95,2	94,9	94,7	94,9	94,7	92,0	91,4
1.2	Доля ОППВ (Обязательные профессиональные пенсионные взносы) в %	4,38	4,62	4,78	4,57	4,77	5,00	5,30
1.4	Доля ДПВ (Добровольные пенсионные взносы) в %	0,39	0,46	0,51	0,50	0,54	3,01	3,28
2	Пенсионные накопления, млн тг.	7 780 738	9 377 642	10 800 539	12 913 476	13 070 066	14 663 410	17 864 644
3	Количество вкладчиков, имеющих возможность приобретения пенсионного аннуитета:							
3.1.	Всего, чел.	13 400	7 500	6 500	115 000	87 400	52 700	-
3.2	Доля мужчин, в %	80,6	84,0	81,5	80,9	83,9	85,0	-
3.3	Доля женщин, в %	19,4	16,0	18,5	19,1	16,1	15,0	-
Примечание – составлено авторами на основе источников [16], [17], [18]								

Количество индивидуальных пенсионных счетов вкладчиков неуклонно растет, так, в 2023 году по отношению к 2017 году темп прироста составил 19,9 %. Резкий скачок темпа прироста зафиксирован в 2020 году, когда составил 14,3 %. Исходя из чего, можно сделать вывод, что прирост открытых пенсионных счетов вкладчиков за последние 7 лет на 19,9 % стал следствием двух факторов. Первое, согласно статистическим данным, с 2002 года в Республике Казахстан наблюдался положительный темп прироста численности населения и положительный коэффициент рождаемости, что привело к тому, что с 2020 года населению, достигшему совершеннолетия и начавшим работать, начали открывать пенсионные счета. Второе, начался рост уровня доверия граждан к пенсионной системе для возможности в будущем изымать пенсионные накопления.

Что касается структуры формирования пенсионных накоплений, то темп прироста в 2023 году по отношению к 2017 году составил: (а) по обязательным пенсионным взносам – увеличение на 15,1 %; (б) по обязательным профессиональным пенсионным взносам – увеличение на 45 %; (в) по добровольным пенсионным взносам – увеличение на 909,8%. Если рассматривать структуру в 2023 году, то в 2023 году доля обязательных пенсионных взносов составила 91,4 %, доля обязательных профессиональных пенсионных взносов составила 5,30 %, а доля добровольных пенсионных взносов составила 3,28%. Таким образом, можно сделать вывод, что добровольные пенсионные взносы не пользуются популярностью среди населения страны.

На начало 2024 года в Республике Казахстан существует три формы взносов по пенсионным накоплениям, производимым при помощи обязательных пенсионных взносов самих вкладчиков, обязательных профессиональных пенсионных взносов и добровольных пенсионных взносов вкладчиков (Рисунок 3).

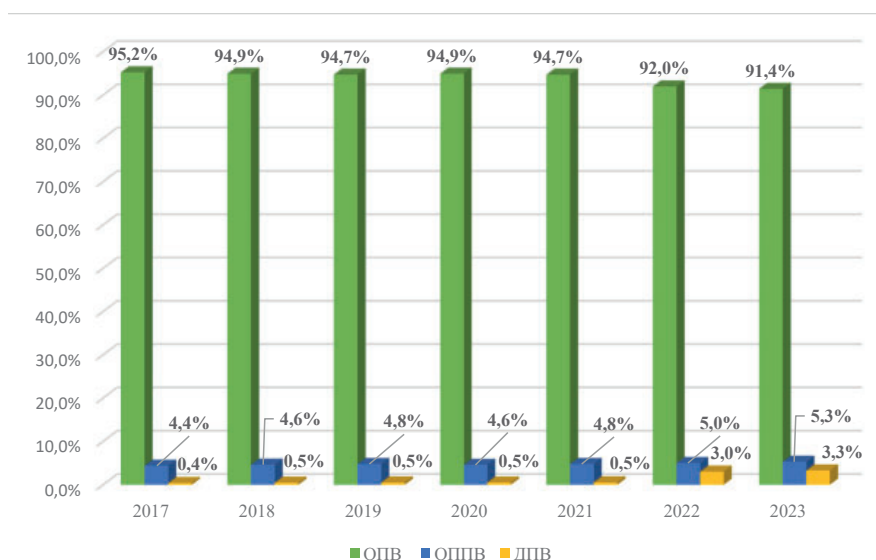

Рисунок 3 – Динамика пенсионных активов: обязательные пенсионные взносы, обязательные профессиональные пенсионные взносы и добровольные пенсионные взносы.

Примечание – составлено авторами на основе источника [17], [21].

Данные рисунка 3 наглядно свидетельствуют о том, что население республики мало доверяет и недостаточно ознакомлено с системой добровольного пенсионного накопления. Так, с 2017 по 2023 годы наблюдается примерно одинаковое распределение между формами взносов, где существенное положение занимают обязательные пенсионные взносы самих вкладчиков так в 2017 году доля добровольных взносов в ЕНПФ оставляла всего 0,4 %, но в 2023 году картина значительно улучшается, и доля таких взносов составляла уже 3,3 %.

При этом, по обязательным пенсионным взносам в 2023 году наблюдается снижение на 3,8 % по сравнению с 2017 годом. По обязательным профессиональным пенсионным взносам наблюдается рост на 0,9 %. В части добровольных пенсионных взносов также наблюдается рост на 2,9 %. Исходя из чего можно сделать вывод, что за последние 7 лет наблюдается планомерное снижение обязательных пенсионных взносов и планомерный рост обязательных профессиональных пенсионных взносов и добровольных пенсионных взносов вкладчиков.

В таблице 2 представлены показатели по пенсионным выплатам в Республике Казахстан. При этом, с 2021 года у жителей страны появилась возможность изымать часть пенсионных накоплений на улучшение жилищных условий и на оплату лечения. В этой связи, данные по улучшению жилищных условий и на оплату лечения представлены с 2021 по 2023 годы, а с 2017 по 2020 годы ввиду невозможности изъятия по указанным пунктам – данные отсутствуют.

Таблица 2 – Показатели по пенсионным выплатам в Республике Казахстан

№	Основные показатели	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Пенсионные выплаты через ЕНПФ							
-	Общее количество получателей пенсионных накоплений, чел.	323 344	284 046	314 192	364 799	1 119 608	1 188 531	692 714
-	Общая сумма выплат пенсионных накоплений, млн тг.	211 118	168 638	210 190	193 429	2 882 538	1 181 392	586 564
-	из них:							
1.1	Пенсия (по возрасту)							
-	Количество получателей пенсионных накоплений (по возрасту), чел.	321 025	281 889	309 582	360 526	478 452	515 408	554 079
-	Сумма выплат пенсионных накоплений (по возрасту), млн тг.	185 060	142 557	153 269	147 102	207 850	238 422	253 302
1.2	Пенсионный аннуитет							
-	Количество получателей пенсионных накоплений через страховые организации (пенсионный аннуитет), чел.	2 319	2 157	4 610	4 273	7 123	2 985	8 874
-	Сумма выплат пенсионных накоплений через страховые организации (пенсионный аннуитет), млн тг.	26 058	26 081	56 920	46 326	60 503	25 993	54 007
1.3	На улучшение жилищных условий							
-	Количество получателей пенсионных накоплений, чел.	-	-	-	-	514 082	439 939	63 946
-	Сумма выплат пенсионных накоплений, млн тг.	-	-	-	-	2 490 806	720 600	176 055
1.4	На оплату лечения							
-	Количество получателей пенсионных накоплений, чел.	-	-	-	-	119 951	230 199	65 815
-	Сумма выплат пенсионных накоплений, млн тг.	-	-	-	-	123 378	196 375	103 200
Примечание – составлено авторами на основе источников [20], [21]								

Помимо указанного, в таблице 2 представлены основные данные по пенсионным выплатам, как: (а) пенсионные накопления, выплачиваемые по возрасту; (б) пенсионный аннуитет, по которому заключен договор со страховой организацией; (в) на улучшение жилищных условий; (г) на оплату лечения.

Темп прироста по количеству получателей пенсионных накоплений в 2023 году по отношению к 2017 году составил 114 %, тогда как темп прироста суммы выплат пенсионных накоплений составил 178 %. Наивысший показатель темпа прироста по сумме выплат пенсионных накоплений зафиксирован в 2021 году (по отношению к 2017 году) и составил 1 265 %, что явилось следствием изъятия пенсионных средств для улучшения условий жилья и лечения.

Что касается распределения пенсионных выплат, то в 2023 году 80 % пенсионных выплат пришлось на выплату пенсии (по возрасту), 9 % было выплачено на улучшение жилищных условий, 10 % - на оплату лечения и лишь 1 % - на пенсионный аннуитет.

На рисунке 4 показаны количество открытых пенсионных счетов, а также количество вкладчиков, имеющих возможность открыть пенсионный аннуитет и количество вкладчиков, которыми был открыт пенсионный аннуитет. Если в 2017 году Количество индивидуальных пенсионных счетов вкладчиков составляло 10 119 319, то в 2023 наблюдается поэтапный, планомерный рост на 17 %, и количество открытых пенсионных счетов составило 12 128 392 счетов. Однако, количество вкладчиков, которыми был открыт пенсионный аннуитет составило в 2023 году 8 874 счетов. Именно из-за крайне низкого показателя пенсионного аннуитета, наблюдается «размытие» данного показателя в общем графике.

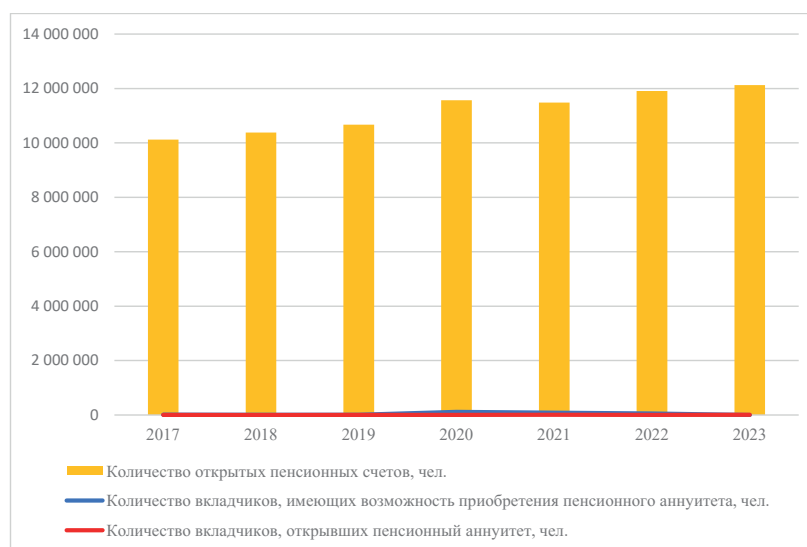

Рисунок 4 – Динамика вкладчиков, с индивидуальными пенсионными счетами и вкладчиков, открывшим пенсионный аннуитет.

Примечание – составлено авторами на основе источника [17], [21].

На рисунке 5 можно наблюдать динамику количества вкладчиков, имеющих возможность открыть пенсионный аннуитет (в зависимости от возраста, суммы накоплений и порога достаточности) и вкладчиков, открывших пенсионный аннуитет. Согласно данным, в 2020 году наблюдается резкий рост, т.е. у вкладчиков появляется возможность открытия пенсионного аннуитета. Это связано с тем, что в 2020 году были пересмотрены показатели по порогу достаточности, т.е. по накопленным пенсионным суммам и по возрасту вкладчиков, в сторону послабления. В дальнейшие годы, с 2021 по 2023 годы сумма и возраст менялись, однако, это не затронуло показатель по численности вкладчиков, которые воспользовались и открыли пенсионный аннуитет. Резкого колебания, в связи с улучшением порога достаточности или возраста не произошло и в 2023 году произошел рост лишь на 0,05 % по сравнению с 2017 годом.

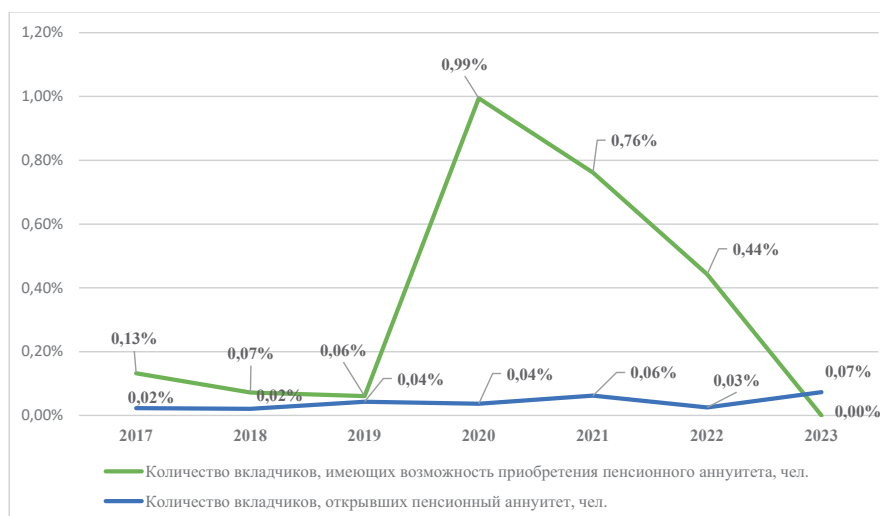

Рисунок 5 – Динамика вкладчиков, имеющих возможность открыть пенсионный аннуитет и вкладчиков, открывших аннуитет.

Примечание – составлено авторами на основе источника [17], [21].

В настоящей статье приводились данные о том, что гендерные показатели также важны при исследовании уровня финансовой грамотности и управлении пенсионными активами. Учеными было выявлено, что мужчины по сравнению с женщинами лучше управляют своими пенсионными активами. Не исключено, что это результат уровня финансовой грамотности, а также того, что мужчины больше работают, в то время как женщины заняты в домохозяйствах. На рисунке 6 показано количество вкладчиков, имеющих возможность приобретения пенсионного аннуитета в разрезе мужчин и женщин. При этом, при анализе мужчин, с 2017 по 2023 можно увидеть рост на 4 %, то за этот же промежуток времени при анализе женщин можно наблюдать снижение также на 4 %. При этом, в среднем, мужчины на 79 % больше имеют возможность приобретения пенсионного аннуитета.

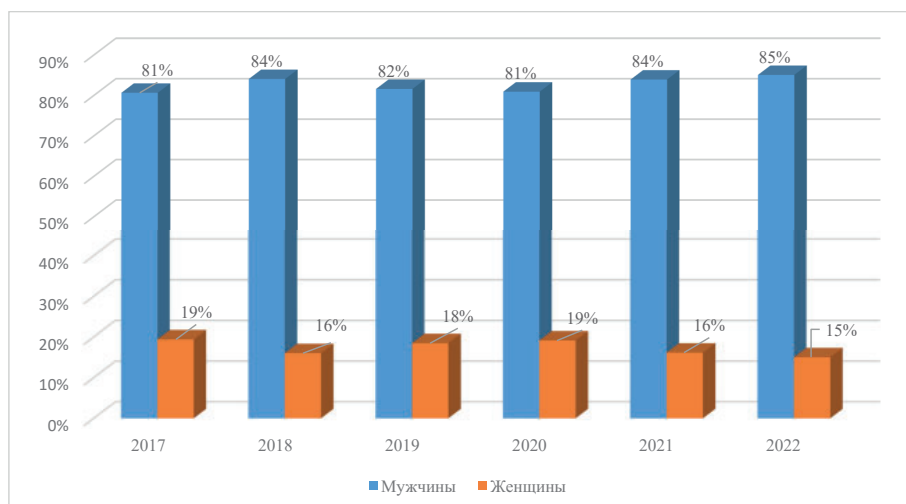

Рисунок 6 – Гендерные показатели по вкладчикам, имеющим возможность приобретения пенсионного аннуитета.

Примечание – составлено авторами на основе источника [17], [21].

На рисунке 7 показаны показатели по пенсионным выплатам (пенсия по возрасту, улучшение жилищных условий/ лечение и пенсионный аннуитет). Так, в ходе исследования, было выявлено, что численность населения Республики Казахстан, по состоянию на 01.01.2024г. составляет – 20 033 546 человек. Из указанного количества людей, у 12 128 392 человек были открыты индивидуальные пенсионные счета, что составляет 61% от общей численности населения.

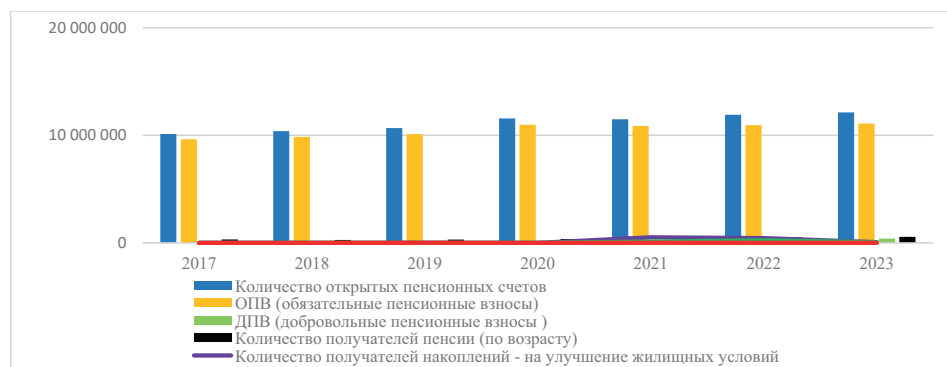

Рисунок 7 – Показатели по пенсионным выплатам.

Примечание – составлено авторами на основе источника [17], [21].

Из 12 128 392 открытых пенсионных счетов, 11 088 699 счетов являются обязательными пенсионными вкладами (92 % от общего количества открытых счетов), 642 462 счетов являются обязательными профессиональными пенсионными вкладами, т.е. их оплачивает работодатель (5% от общего количества открытых счетов) и 397 231 счетов являются добровольными пенсионными вкладами (3% от общего количества открытых счетов).

На 01 января 2021 года у работающих граждан, имеющих пенсионные накопления, появилась возможность воспользоваться частью пенсионных накоплений, в пределах суммы, превышающей порог достаточности в соответствующем трудовом возрасте. Так, на 01.06.2024 года, для улучшения жилищных условий и лечения, в ЕНПФ через Уполномоченные операторы обратилось 1 102 420 человек и ими было подано 3 171 330 заявлений. Из них было исполнено (перечислено на специальные счета заявителей) – 2 054 790 заявлений. Это означает, что 9 % населения страны от общего количества открытых пенсионных счетов, обратилось за улучшением жилищных условий или лечения.

Вместе с тем, на 01.01.2023г. возможность открыть пенсионный аннуитет появилась у 52 700 человек, которые соответствовали возрастным и другим критериям, что составило 0,4 % от общего количества открытых счетов. И только 8 874 человек, или 0,07 % воспользовались возможностью открытия пенсионного аннуитета через страховые организации.

О чем говорит показатель 0,07 %? О не востребованности данного продукта или непонимания продукта населением страны? Возможно, это говорит о неосведомленности граждан или отсутствии у граждан культуры управления пенсионными активами? Одним из возможных ответов на этот вопрос может быть низкий уровень финансовой грамотности, так как для управления пенсионными активами необходимы понимать азы финансовой и инвестиционной грамотности и производить расчеты прибыльности данного вида продукта.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Управление пенсионными активами в Республике Казахстан представляет собой сложный вопрос, требующий тщательного изучения и понимания. Для понимания принципов управления пенсионных активов необходимо иметь финансовую и инвестиционную грамотность. Устранение пробелов в образовании должно стать одним из целей эффективной государственной политики. Для развития финансовой грамотности населения важно предпринять следующие меры государственной политики.

1. Обучение финансовой грамотности необходимо начать со школьной скамьи, т.е. с общеобразовательных школ, где курс по финансовой грамотности необходимо выделить отдельным школьным предметом, а не юнитом к предмету «Патриотизм и глобальные компетенции», а также сделать его не факультативным, а обязательным предметом.

2. Рассмотреть возможность введения курса по финансовой грамотности в непрофильных Высших учебных заведениях и колледжах, наряду с общеобразовательными предметами.

3. Повысить подготовку учителей и преподавателей в педагогических университетах страны по основам финансовой грамотности.

4. Проводить обучение широких слоев населения по финансовой грамотности вне зависимости от географии проживания или гендерной принадлежности.

5. Увеличить доступ населения к продуктам и услугам накопительного пенсионного фонда. Доступ к ресурсам пенсионного фонда и возможное своевременное уведомление различных возрастных категорий, имеющих возможность воспользоваться той или иной услугой фонда, приведет к росту использования услуг фонда.

6. Рассмотреть механизмы повышения уровня доверия населения к финансовым институтам страны, что также приведет к повышению заинтересованности и использованию различных продуктов и услуг.

Таким образом, высокий уровень финансовой грамотности необходим населению не только для достижения личных финансовых целей, но и для повышения уровня жизни, уверенности в будущем и процветания экономики в целом. Активное участие общества и государственных структур на местах может способствовать улучшению понимания финансовых продуктов и услуг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fabris Nikola, Luburić Radoica. Financial education of children and youth // *Journal of Central Banking Theory and Practice*. – 2016. – №5(2). – P. 65-79. – DOI: 10.1515/jcbtp-2016-0011.

2. OECD. Women and Financial Education: Evidence, Policy Responses and Guidance. – OECD Publishing, 2013. – 11 p. – DOI: 10.1787/9789264202733-en.

3. Алимбекова Б.Е., Государственная стратегия повышения финансовой грамотности населения // *Academic conference Государственная служба: принципы и ценности. Материалы международной научно-практической конференции*. – Астана: АГУ при Президенте РК, 2023. – P. 4-7.

4. Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК [Электронный ресурс] // Әділет [web-портал]. – 2023. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224#z3398> (дата обращения: 18.07.2024).

5. Gallego-Losada, Montero-Navarro, Rodríguez-Sánchez, González-Torres. Retirement planning and financial literacy, at the crossroads. A bibliometric analysis // *Finance Research Letters*. – 2022. – Т. 44. – С. 102109.

6. Qian Y., Tan W., Wu J. Household financial literacy and retirement planning in rural China // *International Review of Financial Analysis*. – 2024. – Т. 93. – С. 103130.

7. Yakoboski P., Lusardi A., Sticha A. Financial Literacy and Retirement Fluency: New Insights for Improving Financial Well-Being // Available at SSRN 4812144. – 2024.

8. Boisclair D., Lusardi A., Michaud P. C. Financial literacy and retirement planning in Canada // *Journal of pension economics & finance*. – 2017. – Т. 16. – №. 3. – С. 277-296. – DOI: 10.1017/S1474747215000311.

9. Sarpong-Kumankoma E. Financial literacy and retirement planning in Ghana // *Review of Behavioral Finance*. – 2023. – Т. 15. – №. 1. – С. 103-118. – DOI: 10.1108/RBF-05-2020-0110.

10. Almaz Tolymbek. Comparative standing of Kazakhstan pension system performance: Learning policy lessons from Canadian experience // *Macroeconomics: Problems of macroeconomics and socio-economic development*. – 2022. – №6/4(68). – P. 34-42. – DOI: 10.15587/2706-5448.2022.271585.

11. Julie Agnew, Hazel Bateman, Susan Thorp. Financial Literacy and Retirement Planning in Australian // *Australian School of Business Research Paper*. – 2013. – No.2012ACTL16. – P. 2-23. – <https://ssrn.com/abstract=2198641>.

12. Sang H. Lee. Financial Literacy and Retirement Planning in Kazakhstan // XII-ая Международная научно-исследовательская конференция (KIRC-2015). Глобальная конкурентоспособность и экономический рост в 21 веке: Трудности и Возможности. – Алматы: 2015. – Р. 74-88.
13. Чернопяттов А. М. Основы финансовой грамотности. – ООО ДиректМедиа, 2023. – 202 с.
14. Аналитический отчет социологического исследования по финансовой грамотности населения [Электронный ресурс] // Агентство Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка // [web-портал]. – 2023. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ardfm/press/news/details/683780?lang=ru> (дата обращения: 18.07.2024).
15. Пенсионный аннуитет, как эффективный социальный продукт [Электронный ресурс] // Агентство Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка [web-портал]. – 2023. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ardfm/press/news/details/530577?lang=ru> (дата обращения: 18.07.2024).
16. Приказ Министра индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан от 21 января 2021 года № 24 [Электронный ресурс] // Об утверждении Правил использования единовременных пенсионных выплат для улучшения жилищных условий в соответствии с законодательством Республики Казахстан [web-портал]. – 2021. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100022100#z11> (дата обращения: 18.07.2024).
17. Показатели фонда [Электронный ресурс] // Единый накопительный пенсионный фонд // [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.enpf.kz/ru/indicators/pa/current.php> (дата обращения: 18.07.2024).
18. Показатели социальной статистики [Электронный ресурс] // Бюро Национальной Статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан // [web-портал]. – 2024. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/> (дата обращения: 18.07.2024).
19. Аналитический отчет социологического исследования определения уровня финансовой грамотности в сфере пенсионного обеспечения и уровня доверия населения к пенсионной системе и АО «Единый накопительный пенсионный фонд» [Электронный ресурс] // «Центр стратегических исследований». // [web-портал]. – 2023. – URL: <https://www.enpf.kz/ru> (дата обращения: 18.07.2024).
20. Годовой актуарный отчет за 2021 и 2022 годы [Электронный ресурс] // Единый накопительный пенсионный фонд // [web-портал]. – 2024. – URL: <https://www.enpf.kz/ru> (дата обращения: 18.07.2024).
21. Статистический бюллетень НБК [Электронный ресурс] // Национальный Банк Республики Казахстан // [web-портал]. – 2024. – URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/statisticheskii-byulleten/rubrics/1987> (дата обращения: 18.07.2024).

REFERENCES

1. Fabris, N., & Luburić, R. (2016). Financial education of children and youth. *Journal of Central Banking Theory and Practice*, 5(2), 65–79. <https://doi.org/10.1515/jcbtp-2016-0011>
2. OECD. (2013). *Women and financial education: Evidence, policy responses and guidance*. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264202733-en>
3. Alimbekova, B. E. (2023). State strategy for increasing financial literacy of the population. In *Public service: principles and values. Materials of the international scientific and practical conference* (pp. 4–7). Astana: ASU under the President of the Republic of Kazakhstan.
4. Social Code of the Republic of Kazakhstan, April 20, 2023 №224-VII ZRK. (2023). *Adilet*. Retrieved July 18, 2024, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224#z3398> (In Russian).
5. Gallego-Losada, R., Montero-Navarro, A., Rodríguez-Sánchez, J. L., & Gonzalez-Torres, T. (2022). Retirement planning and financial literacy, at the crossroads: A bibliometric analysis. *Finance Research Letters*, 44, 102109.
6. Qian, Y., Tan, W., & Wu, J. (2024). Household financial literacy and retirement planning in rural China. *International Review of Financial Analysis*, 93, 103130.
7. Yakoboski, P., Lusardi, A., & Sticha, A. (2024). Financial literacy and retirement fluency: New insights for improving financial well-being. SSRN. Retrieved from <https://ssrn.com/abstract=4812144>

8. Boisclair, D., Lusardi, A., & Michaud, P. C. (2017). Financial literacy and retirement planning in Canada. *Journal of Pension Economics & Finance*, 16(3), 277–296. <https://doi.org/10.1017/S1474747215000311>
9. Sarpong-Kumankoma, E. (2023). Financial literacy and retirement planning in Ghana. *Review of Behavioral Finance*, 15(1), 103–118. <https://doi.org/10.1108/RBF-05-2020-0110>
10. Tolymbek, A. (2022). Comparative standing of Kazakhstan pension system performance: Learning policy lessons from Canadian experience. *Macroeconomics: Problems of Macroeconomics and Socio-Economic Development*, 6/4(68), 34–42. <https://doi.org/10.15587/2706-5448.2022.271585>
11. Agnew, J., Bateman, H., & Thorp, S. (2013). Financial literacy and retirement planning in Australia. *Australian School of Business Research Paper*, 2012ACTL16, 2–23. Retrieved from <https://ssrn.com/abstract=2198641>
12. Lee, S. H. (2015). Financial literacy and retirement planning in Kazakhstan. In *XIIth International Research Conference (KIRC-2015). Global competitiveness and economic growth in the 21st century: Challenges and opportunities* (pp. 74–88). Almaty.
13. Chernopyatov, A. M. (2023). *Fundamentals of financial literacy*. DirectMedia LLC.
14. Analytical report of a sociological study on the financial literacy of the population. (2023). *Agency of the Republic of Kazakhstan for Regulation and Development of the Financial Market*. Retrieved July 18, 2024, from <https://www.gov.kz/memleket/entities/ardfm/press/news/details/683780?lang=ru> (In Russian).
15. Pension annuity as an effective social product. (2023). *Agency of the Republic of Kazakhstan for Regulation and Development of the Financial Market*. Retrieved July 18, 2024, from <https://www.gov.kz/memleket/entities/ardfm/press/news/details/530577?lang=ru> (In Russian).
16. Order of the Minister of Industry and Infrastructure Development of the Republic of Kazakhstan, January 21, 2021 № 24. (2021). *On approval of the Rules for the use of one-time pension payments to improve housing conditions in accordance with the legislation of the Republic of Kazakhstan*. Retrieved July 18, 2024, from <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100022100#z11> (In Russian).
17. Fund indicators. (2024). *Unified Accumulative Pension Fund*. Retrieved July 18, 2024, from <https://www.enpf.kz/ru/indicators/pa/current.php> (In Russian).
18. Indicators of social statistics. (2024). *Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan*. Retrieved July 18, 2024, from <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/> (In Russian).
19. Analytical report of a sociological study on the level of financial literacy in the field of pension provision and the level of public confidence in the pension system and JSC «Unified Accumulative Pension Fund». (2023). *Center for Strategic Research*. Retrieved July 18, 2024, from <https://www.enpf.kz/ru> (In Russian).
20. Annual actuarial report for 2021 and 2022. (2024). *Unified Accumulative Pension Fund*. Retrieved July 18, 2024, from <https://www.enpf.kz/ru> (In Russian).
21. Statistical bulletin of the NBK. (2024). *National Bank of the Republic of Kazakhstan*. Retrieved July 18, 2024, from <https://nationalbank.kz/ru/news/statisticheskii-byulleten/rubrics/1987> (In Russian).

IMPACT OF FINANCIAL LITERACY ON PENSION PLANNING IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

B. E. Alimbekova¹, Y. A. Yeraliyeva^{2*}, S. S. Arystanbayeva¹

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²Almaty Technological University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the study is to assess the impact of the level of financial literacy of the population of Kazakhstan on the possibility of further pension planning.

Methodology. The research methods used were content analysis, aimed at studying the issues of financial literacy and pension planning, and also considered statistical indicators and state policy in the field of pension planning.

Originality or value of the research. Financial literacy is one of the decisive factors in increasing the level of financial well-being and proper retirement planning. With economic growth slowing and inflation rising, one of the low indicators of financial literacy is the lack of retirement planning skills. For a more detailed understanding of the relationship between financial literacy and pension planning, the authors studied a number of data on the management of pension assets and the possibility of opening a pension annuity. The study's findings may be useful for further improving the effectiveness of government policies.

Research results. The results of the study indicate that pension asset management is inextricably linked with the level of financial literacy. The opportunity to receive lifetime pension payments using a pension annuity is extremely small and amounts to only 0,07 % of the total number of open pension accounts. To make maximum use of the pension annuity product, government support is needed to increase the level of financial literacy of the country's population.

Key words: financial literacy, level of financial literacy, pension asset management, pension annuity.

ҚАРЖЫЛЫҚ САУАТТЫЛЫҚТЫҢ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ ЗЕЙНЕТАҚЫ ЖОСПАРЛАУҒА ӘСЕРІ

Б. Е. Алимбекова¹, Я. А. Ералиева^{2*}, С. С. Арыстанбаева¹

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²Алматы технологиялық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты. Қазақстан халқының қаржылық сауаттылық деңгейінің зейнетақымен қамсыздандыруды одан әрі жоспарлау мүмкіндігіне әсерін бағалау.

Әдіснамасы. Қолданылған зерттеу әдістері қаржылық сауаттылық пен зейнетақыны жоспарлау мәселелерін зерттеуге бағытталған контент-талдау, сонымен қатар статистикалық көрсеткіштер мен зейнетақыны жоспарлау саласындағы мемлекеттік саясатты қарастырды.

Зерттеудің түпнұсқалығы/құндылығы. Қаржылық сауаттылық – қаржылық әл-ауқат деңгейін арттыру және зейнеткерлікке шығуды дұрыс жоспарлаудың шешуші факторларының бірі. Экономикалық өсудің баяулауы және инфляцияның өсуі жағдайында қаржылық сауаттылықтың төмен көрсеткіштерінің бірі зейнетке шығуды жоспарлау дағдыларының болмауы болып табылады. Қаржылық сауаттылық пен зейнетақыны жоспарлаудың өзара байланысын неғұрлым егжей-тегжейлі түсіну үшін авторлар зейнетақы активтерін басқару және зейнетақы аннуитетін ашу мүмкіндігі туралы бірқатар деректерді зерттеді. Зерттеу нәтижелері мемлекеттік саясаттың тиімділігін одан әрі арттыру үшін пайдалы болуы мүмкін.

Зерттеу нәтижелері. Зерттеу нәтижелері зейнетақы активтерін басқару қаржылық сауаттылық деңгейімен ажырамас байланысты екенін көрсетеді. Зейнетақы аннуитеті арқылы өмір бойы зейнетақы төлемдерін алу мүмкіндігі өте аз және ашық зейнетақы шоттарының жалпы санының 0,07 %-ын ғана құрайды. Зейнетақы аннуитетінің өнімін барынша пайдалану үшін ел тұрғындарының қаржылық сауаттылық деңгейін арттыру үшін мемлекеттік қолдау қажет.

Түйін сөздер: қаржылық сауаттылық, қаржылық сауаттылық деңгейі, зейнетақы активтерін басқару, зейнетақы аннуитеті.

ОБ АВТОРАХ

Алимбекова Балауса Ерболатовна – MBA, PhD докторант, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, email: balausaalimbekova@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-4805-4942>.

Ералиева Яна Александровна – PhD, ассоциированный профессор, Алматинский Технологический университет, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: yanaeralieva@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2318-5920>*.

Арыстанбаева Сауле Сабыровна – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, email: saule.arystanbayeva@narhoz.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-9040-390X>

MPHTI: 06.51.51

JEL Classification: F50, O19, F02

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-4-160-172>

MATRIX-BASED EXAMINATION OF KAZAKHSTAN'S BELT AND ROAD INITIATIVE PARTICIPATION

Assel K. Jumasseitova ^{1*}, Arnov Paul Choudhury ²

¹Kazakh-British Technical University, Almaty, Kazakhstan

²University of Cambridge, Cambridge, The United Kingdom

ABSTRACT

Purpose: This study aims to critically examine Kazakhstan's involvement in China's Belt and Road Initiative (BRI), challenging prevailing realist interpretations and exploring the nation's agency within the framework of this expansive development strategy. By analysing the multifaceted nature of the BRI and its impact on Kazakhstan's economic development, the research seeks to provide a nuanced understanding of the initiative's implementation and outcomes.

Research Methodology: The study employs a matrix approach to analyse the BRI's functions and sectors, with a particular focus on Kazakhstan. This methodology involves the creation of two comprehensive matrices: one delineating the overall BRI framework and another specific to Kazakhstan's engagement. The matrices were developed through an extensive literature review, expert consultations, and iterative refinement. This approach allows for a systematic examination of how various BRI functions manifest across different sectors, providing a structured framework for understanding the initiative's scope and impact.

Originality: This research contributes to the existing literature by offering a constructivist perspective on Kazakhstan's involvement in the BRI, countering dominant realist narratives. The study's originality lies in its development of a novel matrix approach to BRI analysis, which provides a comprehensive and nuanced view of the initiative's multifaceted nature. Furthermore, the research challenges prevailing misconceptions about the BRI, particularly the notions of 'debt trap diplomacy' and China's purported rigid plan for global dominance.

Research Findings: The study reveals that Kazakhstan has effectively leveraged the BRI to its national advantage, utilising open-ended multi-vector policies to selectively engage with the initiative. Contrary to realist interpretations, the research finds that agreements between Kazakhstan and China are based on mutual benefit and equal footing. The economic development impacts of the BRI on Kazakhstan are found to be largely positive, advancing the nation's progress across various sectors. The study also highlights the complex and less cohesive dynamics of BRI implementation, challenging the notion of a monolithic Chinese strategy. Additionally, the research demonstrates that BRI funding helps address the infrastructure gap in developing nations, offering alternative investment opportunities with fewer conditionalities than traditional Western-led initiatives.

Key words: integration, economic development, development of relations, infrastructure investments, globalization.

INTRODUCTION

The concept of geo-economics has gained significant prominence in recent years, reflecting the intricate interplay between geography, economics, and geopolitics in shaping global affairs. As a framework for understanding international relations, geo-economics emphasises the use of economic instruments to promote and defend national interests, and to produce beneficial geopolitical results. This approach has become increasingly relevant in an era characterised by the dynamic tension between globalisation and deglobalisation processes.

Globalisation, a phenomenon that has dominated the latter half of the 20th century and the early 21st century, has facilitated unprecedented levels of economic integration, cultural exchange, and technological

diffusion across national borders. It has led to the creation of complex global value chains, the rise of multinational corporations, and the intensification of international trade and investment flows. However, recent years have witnessed a growing backlash against globalisation, with various political and economic forces pushing towards deglobalisation or 'slowbalisation'. This shift has been marked by rising protectionism, trade tensions, and a renewed emphasis on national sovereignty and self-reliance.

Amidst these conflicting trends, the idea of economic integration remains a powerful force in international relations. Regional economic blocs and trade agreements continue to evolve, seeking to balance the benefits of open markets with the need for economic resilience and strategic autonomy. In this context, the concept of the New Silk Road has emerged as a compelling vision for fostering connectivity and cooperation across Eurasia and beyond.

China's Belt and Road Initiative (BRI), launched in 2013, represents perhaps the most ambitious manifestation of this New Silk Road concept. As a multi-trillion dollar infrastructure and investment programme, the BRI aims to enhance physical and digital connectivity across more than 60 countries, spanning Asia, Europe, and Africa. It embodies a geoeconomic strategy that leverages China's economic might to reshape global trade routes and power dynamics.

The importance of foreign direct investment (FDI), infrastructure development, and innovation in driving economic growth and competitiveness cannot be overstated in this context. FDI serves as a crucial channel for capital flows, technology transfer, and knowledge spillovers. Infrastructure development, a key focus of the BRI, is essential for reducing trade costs, improving market access, and enhancing productivity. Innovation, meanwhile, is increasingly recognised as a critical driver of long-term economic growth and national competitiveness in the global knowledge economy.

However, it is crucial to recognise that geopolitical decisions and rivalries continue to exert a profound influence on economic relations and outcomes. The implementation of geoeconomic strategies like the BRI, for instance, has sparked debates about debt sustainability, environmental impact, and geopolitical intentions. Trade wars, sanctions, and strategic competition between major powers have disrupted global supply chains and investment patterns, underscoring the complex interplay between economics and geopolitics.

This paper seeks to explore these intersecting themes through the lens of Kazakhstan's engagement with the Belt and Road Initiative. By examining how Kazakhstan navigates the opportunities and challenges presented by this geoeconomic mega-project, we aim to shed light on broader questions of agency, development, and regional integration in an era of global flux and transformation.

Literature Review. The concept of the Silk Road, which underpins the Belt and Road Initiative (BRI) discourse, has historical roots stretching back over two millennia, connecting China with the Eurasian region [1]. The geographical boundaries of Eurasia or Central Asia are often fluid, generally encompassing the area from 'the Caspian Sea to Western China, Caucuses and Danube Delta', and more broadly including modern-day Mongolia, Afghanistan, Azerbaijan, and Tatarstan [1, p.25], [2].

Since its inception in 2013, China's Belt and Road Initiative (BRI) has been a subject of considerable academic discourse, with scholarly literature proliferating rapidly [3]. The initiative draws upon the historical concept of the Silk Road, evoking a sense of nostalgia that has remained consistent in discussions [4]. This rejuvenation of historical narratives concerning intercultural links between China and Eurasia has been amplified by the development finance provided by China as part of the BRI, also referred to as the 'New Silk Road' [5]. The BRI aims to reinvigorate historical economic and cultural ties between Europe, Eurasia, South Asia, and Africa, with a primary focus on economic relations [6; 7]. It has been instrumental in the significant expansion of China's global economic influence (IISS, 2022) and has been incorporated into the policy documents of over 140 nations across Africa, Latin America, Europe, and Asia, encompassing more than 60% of the global population [8; 9]. The expansive nature of the BRI has rendered it one of the largest development plans in modern history [10; 11].

Much of the existing literature on China's BRI in Central Asia adopts a realist perspective in international relations. This viewpoint emphasises power politics, self-interest, and inherent distrust between states [1]. Realist scholars argue that China's motivations for the BRI are primarily driven by a desire to establish regional hegemony, starting in Central Asia [12]. They often frame the initiative as part of a competition for influence, particularly with the United States [13; 14].

Amineh notes that much of the literature focuses on China's motivations and the global impact of the BRI, often neglecting the agency of participant countries. This realist-dominated discourse has been criticised for its reductionist tendencies [15]. Pieper argues that such perspectives fail to account for local agency and overemphasise great power intervention [8a]. This critique is supported by scholars like Cooley and Cummings, who advocate for a more nuanced understanding of regional dynamics [16; 17].

Western political commentators frequently depict Chinese and Russian policies towards their neighbours as 'imperial', aimed at establishing 'spheres of influence' [18]. This narrative has been particularly prominent in discussions about Central Asian states, which have often been characterised as 'fragile', 'dangerous', and 'insecure', especially in the post-Soviet and post-9/11 context [19].

Contemporary literature has tended to view the BRI as China's attempt to reshape the Eurasian order, either through 'soft balancing' against US influence or by creating regional institutions that challenge Western hegemony [20; 21]. This perspective often frames regionalism as a function of power distribution rather than a pattern of cooperation or regional governance.

However, these realist interpretations have been criticised for their colonial undertones and failure to recognise local agency [16]. Some scholars argue that this approach neglects the role regional actors play in shaping geopolitical outcomes [16]. The realist perspective is perhaps most starkly expressed in the idea that China has a 'grand strategy for Eurasia' aimed at 'rewriting the current landscape' [22].

An alternative approach emerging in the literature is the application of constructivist theory to BRI analysis. This perspective, as outlined by Wendt, emphasises the role of shared understanding and mutual interests in shaping international relations [23]. Through this lens, the BRI can be viewed as a potential avenue for mutually beneficial economic development and cultural exchange, rather than solely as a tool for Chinese expansion [19].

The constructivist approach allows for a more balanced examination of Kazakhstan's role in the BRI. As the site of initial BRI negotiations, Kazakhstan occupies a unique position [24]. Some scholars argue that the alignment between the BRI and Kazakhstan's own development strategies, such as the Nurly Zhol programme, demonstrates a level of agency often overlooked in realist interpretations.

Moreover, the literature reveals a growing interest in the potential of the Chinese development model as an alternative to Western-led initiatives. BRI participant nations may view China's economic success as a template for their own development, offering investment without the political conditionalities often attached to Western funding. This has sparked debates among Central Asian scholars about the relationship between centralised governance and socio-economic development [25].

The discourse surrounding the BRI also intersects with broader debates about the global order. Ikenberry's view that China lacks the capacity or incentive to fundamentally alter the existing international order represents a common, if somewhat paternalistic, perspective in Western academia [26]. However, recent geopolitical shifts and the challenges faced by neoliberal policies in Europe and the USA have led to what Stokes describes as a 'rearticulation of the primacy of the nation state' and a 'hardening of geopolitical revisionism', potentially explaining the prevalence of realist interpretations of the BRI [27].

The BRI aims to reinvigorate historical economic and cultural ties between Europe, Eurasia, South Asia, and Africa, with a primary focus on economic relations [28]. It has been instrumental in the significant expansion of China's global economic influence (IISS, 2022) and has been incorporated into the policy documents of over 140 nations across Africa, Latin America, Europe, and Asia, encompassing more than 60% of the global population [8b; 15a]. The expansive nature of the BRI has rendered it one of the largest development plans in modern history [10a; 11a].

The BRI focuses on five key areas: trade connectivity, policy coordination, financial integration, infrastructure development, and fostering cooperation between countries [29; 30; 10a]. However, the initiative's extensive application is not limited to these categories. The scale of Chinese investment, argued to have exceeded trillions of dollars, has expanded the BRI's reach into diverse domains, including real estate, retail fashion, health data, and satellite [31; 32].

Much of the academic literature has analysed the BRI critically, viewing the global investments and infrastructure development as a means of enhancing China's economic dominance. Some foreign commentators suggest that China aims to shape a new global order and replace the United States as a global hegemon,

potentially supplanting Western values with Chinese values [33]. These arguments often cite the establishment of the AIIB as an attempt to create parallel institutions that may challenge or replace the existing international order [34].

Realist commentary has extensively explored the idea that China seeks to break away from Western-led hegemonic rule, with the BRI serving as a catalyst. Cox's application of Gramsci's theory of hegemony at a global level suggests that hegemony 'is an order within a [capitalist] world economy with a dominant mode of production which penetrates into all countries and links into other subordinate modes of production' [35].

Concerns about 'debt trap diplomacy' have gained traction, with some scholars arguing that Chinese investment loans are intended not to support local economies but to bolster Chinese access to natural resources and facilitate the trade of low-cost goods [36; 37].

However, it is important to note that much of the literature surrounding the BRI tends to be prescriptive rather than descriptive, focusing on potential outcomes rather than actual developments [38].

THE MAIN PART OF THE RESEARCH

This study employs a matrix approach to analyse the multifaceted nature of BRI, based on the comprehensive insights of 10 experts with extensive backgrounds in international relations, economic development, and geopolitics. This expert-driven methodology was chosen to ensure a nuanced and well-rounded understanding of the BRI's complex dynamics.

This expert-based matrix analysis provides a robust framework for understanding the BRI's multifaceted nature, its implementation strategies, and its potential impacts on participating countries, with a specific focus on Kazakhstan. By leveraging the collective wisdom of these experts, we aim to provide a comprehensive and nuanced understanding of this complex global initiative.

The matrix was developed through the following steps:

1. Identification of BRI Functions: Through a thorough literature review, we identified seven key functions of the BRI: Trade Connectivity, Infrastructure Development, Policy Coordination, Financial Integration, Cultural Exchange, Economic Development, and Global Governance. These functions were selected based on their prominence in official BRI documents and scholarly analyses.

2. Sector Selection: We identified the primary sectors in which the BRI operates, including Transportation, Energy, Telecommunications, Manufacturing, Real Estate, Finance, and Agriculture. The selection was based on the scale of BRI investments and the sectors' strategic importance to the initiative's goals.

3. Matrix Development: We created a matrix with BRI functions on the vertical axis and sectors on the horizontal axis. This structure allows for a systematic analysis of how each function manifests within each sector.

4. Content Population: For each cell in the matrix, we provided concise descriptions of: a) Specific BRI projects or initiatives exemplifying the function-sector intersection b) Potential impacts or outcomes of these intersections c) Challenges or controversies associated with particular function-sector combinations d) Relevant policy measures or agreements

5. Expert Consultation: To validate the matrix, we consulted with 10 experts in international development, Chinese foreign policy, and global infrastructure projects. Their feedback was incorporated to refine the matrix and ensure its accuracy and comprehensiveness.

6. Iterative Refinement: The matrix underwent several rounds of revision based on new data and expert feedback to ensure its relevance and accuracy.

Data Collection.

The data for populating the matrix was collected through various means:

1. Literature Review: We conducted an extensive review of academic publications, policy documents, and reports from international organizations related to the BRI. This provided a broad understanding of the initiative's scope and implementation across different countries and sectors.

2. Case Studies: We examined specific BRI projects in various countries to understand how the initiative's functions manifest in different contexts. This included analysis of project documentation, impact assessments, and local media reports.

3. **Expert Interviews:** In addition to the consultations for matrix validation, we conducted in-depth interviews with 15 experts in fields related to the BRI, including economists, political scientists, and infrastructure specialists. These interviews provided insights into the practical implementation and challenges of BRI projects.

4. **Economic Data Analysis:** We analysed economic data from international organizations such as the World Bank, IMF, and ADB to understand the economic impacts of BRI projects in various sectors.

5. **Policy Document Analysis:** We examined policy documents from both China and BRI participant countries to understand how the initiative is being integrated into national development strategies.

Matrix Application.

The matrix was applied in two stages:

1. **General BRI Analysis:** First, we populated the matrix with data relevant to the overall BRI, providing a broad view of how the initiative functions across different sectors globally.

2. **Country-Specific Analysis:** We then created a separate matrix specifically for Kazakhstan, allowing for a detailed examination of how the BRI manifests in a specific national context.

This dual approach allows for both a macro-level understanding of the BRI and a micro-level analysis of its implementation and impacts in a particular country.

Limitations

While the matrix approach provides a comprehensive framework for analysing the BRI, it has some limitations:

1. **Complexity Reduction:** The matrix necessarily simplifies complex relationships and processes. While this aids in systematic analysis, it may not capture all nuances of BRI implementation.

2. **Dynamic Nature of BRI:** The BRI is an evolving initiative. The matrix represents a snapshot in time and may need regular updating to remain relevant.

3. **Data Availability:** The quality and availability of data vary across different BRI projects and countries, potentially leading to gaps in the matrix.

4. **Subjectivity in Categorization:** The process of categorizing BRI functions and determining which sectors to include involves a degree of subjective judgment, despite efforts to base these decisions on extensive research and expert consultation.

Despite these limitations, the matrix approach offers a valuable tool for systematically analysing the multifaceted nature of the BRI and its implementation in specific countries like Kazakhstan.

This matrix-based methodology provides a structured framework for understanding the complex interactions between various functions and sectors within the BRI. It allows for a nuanced analysis of how the initiative operates on both a global scale and within specific national contexts, offering insights into the opportunities and challenges presented by this ambitious international development strategy.

Findings and Discussion

This matrix (Table 1) delineates the various functions and sectors encompassed by (BRI), highlighting specific projects, initiatives, and agreements. The matrix provides a structured framework to understand the multifaceted approach of the BRI, categorizing activities under five key functions: trade connectivity, infrastructure development, policy coordination, economic development, and global governance, across four main sectors: transportation, energy, telecommunications, and finance.

In the transportation sector, trade connectivity is enhanced by projects such as the China-Europe freight trains and improved port facilities, which facilitate smoother and more efficient trade routes. In the energy sector, the construction of oil and gas pipelines connecting countries exemplifies efforts to integrate regional energy infrastructure. Telecommunications projects like cross-border fibre optic networks improve digital connectivity, while financial initiatives such as currency swap agreements support stable and efficient financial exchanges.

Infrastructure development includes a range of projects: high-speed rail projects and highway construction in the transportation sector, power plant construction and renewable energy projects in the energy sector, 5G network rollout in telecommunications, and the establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) in finance. These projects aim to bolster physical and digital infrastructure, enhancing overall connectivity and capacity.

Table 1 – Functions and Sectors Matrix for the Belt and Road Initiative

Functions / Sectors	Transportation	Energy	Telecommunications	Finance
Trade Connectivity	China-Europe freight trains; Improved port facilities	Oil and gas pipelines connecting countries	Cross-border fibre optic networks	Currency swap agreements
Infrastructure Development	High-speed rail projects; Highway construction	Power plant construction; Renewable energy projects	5G network rollout	Establishment of AIIB
Policy Coordination	Harmonization of customs procedures	Energy cooperation agreements	Shared digital standards	Financial regulatory cooperation
Economic Development	Job creation in logistics sector	Energy security enhancement	Digital economy growth	Increased foreign direct investment
Global Governance	Influence on global shipping routes	Shaping international energy markets	Involvement in global internet governance	Challenging existing financial institutions
Note – compiled by the authors based on the conducted survey sources				

Policy coordination efforts are crucial for harmonizing regulations and standards across different sectors. This includes the harmonization of customs procedures in transportation, energy cooperation agreements, shared digital standards in telecommunications, and financial regulatory cooperation, all of which aim to create a more seamless and integrated framework for BRI activities.

Economic development is driven by initiatives such as job creation in the logistics sector, enhancing energy security, fostering growth in the digital economy, and increasing foreign direct investment. These efforts contribute to the broader economic benefits and sustainability of the BRI.

Lastly, global governance is addressed through activities that influence global shipping routes in transportation, shape international energy markets, involve global internet governance, and challenge existing financial institutions. These efforts highlight the BRI's ambition to play a significant role in global economic and regulatory systems.

The main idea of this matrix is to illustrate the comprehensive and strategic nature of the BRI. By engaging in diverse projects across various functions and sectors, the BRI aims to foster deeper economic integration, enhance connectivity, and promote sustainable development on a regional and global scale.

Table 2 provides a comprehensive analysis of Kazakhstan's involvement in the Belt and Road Initiative (BRI), organizing specific projects, initiatives, and agreements according to their functions and sectors. The goal of this matrix is to present a clear picture of how Kazakhstan's participation in the BRI contributes to various aspects of its economic and infrastructural growth.

In the transportation sector under trade connectivity, projects such as the Khorgos Gateway, Khorgos Dry Port, and the Altynkol Railway Station enhance logistical efficiency and trade routes between Asia and Europe. The energy sector features the Kazakhstan-China Oil Pipeline and a gas pipeline, pivotal for regional energy distribution.

Infrastructure development in Kazakhstan is marked by significant initiatives like the Nurly Zhol Infrastructure Program and the Almaty Ring Road in transportation, which improve connectivity and reduce travel times. The Ekibastuz GRES-2 Power Plant Expansion exemplifies energy infrastructure enhancement. The telecommunications sector benefits from the National Broadband Network, which improves digital connectivity, while the finance sector is strengthened by the development of the Belt and Road Bond Market.

Policy coordination includes simplified transit procedures at Khorgos in the transportation sector, bilateral energy agreements with China, cross-border data management agreements in telecommunications, and the

alignment of financial standards within the Eurasian Economic Union (EAEU). These initiatives aim to create a more seamless and integrated framework for BRI activities.

Economic development efforts are driven by the boost in employment within transport logistics, diversification of energy supply sources, development of IT parks, and increased foreign investment through the Astana International Financial Centre (AIFC). These initiatives contribute to Kazakhstan's broader economic sustainability and growth.

Table 2 – Functions and Sectors Matrix for Kazakhstan's Involvement in the Belt and Road Initiative

Functions / Sectors	Transportation	Energy	Telecommunications	Finance
Trade Connectivity	Khorgos Gateway; Khorgos Dry Port; Altynkol Railway Station	Kazakhstan-China Oil Pipeline; Gas Pipeline	Trans-Asia-Europe Fibre Optic Line	Renminbi Clearing Centre in AIFC
Infrastructure Development	Nurly Zhol Infrastructure Program; Almaty Ring Road	Ekibastuz GRES-2 Power Plant Expansion	National Broadband Network	Belt and Road Bond Market
Policy Coordination	Simplified Transit Procedures at Khorgos	Energy cooperation agreements	Belt and Road Bond Market	Financial regulatory cooperation
Economic Development	Employment Boost in Transport Logistics	Diversification of Energy Supply Sources	IT Parks Development	Increased Foreign Investment via AIFC
Global Governance	Influence on Eurasian Land Bridge	Regional Energy Market Leadership	Engagement in ITU Initiatives	Active Role in AIIB and NDB
Note – compiled by the authors based on the conducted survey sources				

Global governance is addressed through Kazakhstan's influence on the Eurasian Land Bridge, leadership in regional energy markets, engagement in International Telecommunication Union (ITU) initiatives, and an active role in international financial institutions like the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and the New Development Bank (NDB). These activities emphasize Kazakhstan's strategic role in regional and global economic systems.

The main idea of this matrix is to illustrate the diverse and strategic nature of Kazakhstan's engagement with the BRI. By participating in a range of projects across various functions and sectors, Kazakhstan aims to leverage the BRI to strengthen its infrastructure, enhance trade connectivity, promote economic growth, and assert its influence in regional and global governance. This multifaceted involvement supports Kazakhstan's long-term development objectives and facilitates deeper regional integration.

CONCLUSION

The study has shown that Kazakhstan has effectively leveraged the Belt and Road Initiative (BRI) to its national advantage, facilitated by its open-ended multi-vector policies. These policies have provided Kazakhstan with numerous choices in selecting investment partners for various projects. This combination of national planning and foreign policy illustrates that Kazakhstan's agency is not only preserved but enhanced through its participation in the BRI. Contrary to popular realist perspectives, the agreements between Kazakhstan and China are based on equal footing and mutual benefit.

By examining the economic development impacts of the BRI in Kazakhstan and analyzing the nation's agency, this research opens further avenues for investigation across the entire Eurasian region and neighboring countries that historically played key roles in the Ancient Silk Road. Additionally, future research could

explore the agency of nations connected to the BRI via the Maritime Silk Road (MSR), particularly in Africa and Latin America, where despite geographical distances, investment levels remain significant.

The economic development impacts of the BRI on Kazakhstan have been positive, advancing the nation's progress. This paper has highlighted and addressed several misconceptions about the BRI, particularly within the context of China's development agenda and foreign policy. While realist theories dominate discussions on China's goals through the BRI, the initiative's actual implementation reflects more complex and less cohesive dynamics. Established in 2013, the BRI aims to develop China's western regions and enhance trade links, ambitions that date back to the late 1990s. The notion that the BRI has a rigid, well-structured plan to assert China's global dominance is a misconception. The BRI's structure and implementation have been marked by significant bureaucratic fragmentation and constant revisions at various government levels.

This paper also refutes the idea of 'debt trap diplomacy,' which suggests that China strategically exploits struggling nations through BRI investments. Instead, using constructivist theory, the research demonstrates that BRI funding helps bridge the infrastructure gap in the developing world, offering alternative investment opportunities with fewer conditionalities.

REFERENCES

1. Kalra P. Locating Central Eurasia's inherent resilience // *Cambridge Review of International Affairs*. 2021. – Vol. 35. – No. 2. – P. 235-255. DOI: 10.1080/09557571.2021.1993136.
2. Montgomery W. D. Central Asia in Context // In: Montgomery, W. D. (Ed.). *Central Asia: Contexts for Understanding*. Pennsylvania: University of Pittsburgh Press, 2022. – DOI: 10.2307/j.ctv264f9cq.
3. Amineh M. P., Linck L., Demirkiran E. BRI in the Middle East and Central Asia // In: Amineh, M. P. (Ed.). *The China-Led Belt and Road Initiative and Its Reflections*. – 2022. – P. 177-208. – DOI: 10.4324/9781003256502-9.
4. Christian D. Silk Road or Steppe Roads? The Silk Road in World History // *Journal of World History*. – 2000. – Vol. 11. – No. 1. – P. 1-26. – DOI: 10.1353/jwh.2000.0004.
5. McBride J., Berman N., Chatzky A. China's massive Belt and Road Initiative. 2023. Council on Foreign Relations, 2.
6. Frankopan, P. *The New Silk Roads: The Present and the Future of the World*. London: Bloomsbury Publishers, 2019.
7. Seele P., Jia C. D., Helbing D. The new silk road and its potential for sustainable development: how open digital participation could make BRI a role model for sustainable businesses and markets // *Asian Journal of Sustainability and Social Responsibility*. – 2019. – Vol. 4. – No. 1. – DOI: 10.1186/s41180-018-0021-3.
8. Pieper M. *The Making of Eurasia: Competition and Cooperation between China's Belt and Road Initiative and Russia*. London: I. B. Tauris, 2022. – DOI: 10.5040/9781838601362.
9. Amineh, M. P. China's Capitalist Industrial Development // In: Amineh, M. P. (Ed.). *The China Led Belt and Road Initiative and its Reflections: The Crisis of Hegemony and Changing World Orders*. Oxon: Routledge, 2023. – DOI: 10.4324/9781003256502-2.
10. De P. China's Belt and Road Initiative: Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus // *Journal of Asian Economic Integration*. – 2020. – Vol. 2. – No. 1. – P. 117-119. – DOI: 10.1177/2631684620918952.
11. Cai P. *Understanding China's Belt and Road Initiative*. Sydney: Lowy Institute for International Policy, 2017.
12. Mattli W. *The Logic of Regional Integration*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – DOI: 10.1017/cbo9780511756238.
13. Brands H., Feaver P., Mearsheimer J. J., Walt, S. M. Should America retrench: The battle over offshore balancing // *Foreign Affairs*. – 2016. – Vol. 95. – No. 164. – DOI: 10.2307/44806305.
14. Mearsheimer J. J. Kissinger's Wisdom and Advice [Review of: Does America Need A Foreign Policy?: Toward a Diplomacy for the 21st Century, by H. A. Kissinger] // *The National Interest*. – 2001. – Vol. 65. – No. 1. – P. 123-129.

15. Amineh M. P. The China Led Belt and Road Initiative and its Reflections: The Crisis of Hegemony and Changing World Orders. Oxon: Routledge, 2023. – DOI: 10.4324/9781003256502.
16. Cooley A. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. Oxford: Oxford University Press, 2012. – DOI: 10.1093/acprof/9780199929825.003.0001.
17. Cummings, S. Power and Change in Central Asia. London: Routledge, 2002. – DOI: 10.4324/9780203166918.
18. Kaczmarek, M. Non-western visions of regionalism: China's new Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union // *International Affairs*. – 2017. – Vol. 93. – No. 6. – P. 1357-1376. – DOI: 10.1093/ia/iix182.
19. Kalra P., Saxena S. S. Globalising local understanding of fragility in Eurasia // *Journal of Eurasian Studies*. – 2021. – Vol. 12. – No. 1. – P. 1-10. – DOI: 10.1177/18793665211044839.
20. Andornino, G. B. The Belt and Road Initiative in China's emerging grand strategy of connective leadership // *China & World Economy*. – 2017. – Vol. 25. – No. 5. – P. 4-22. – DOI: 10.1111/cwe.12211.
21. Callahan, W. A. China's Belt and Road Initiative and the new Eurasian order. Oslo: Norwegian Institute for International Affairs (NUPI), 2016. – DOI: 10.4324/9781315144702-2.
22. Fallon T. The new Silk Road: Xi Jinping's grand strategy for Eurasia // *American Foreign Policy Interests*. – 2015. – Vol. 37. – No. 3. – P. 140-147. – DOI: 10.1080/10803920.2015.1056682.
23. Wendt A. Constructing international politics // *International Security*. – 1995. – Vol. 20, –No. 1. – P. 71-81. – DOI: 10.2307/2539217.
24. Liu X. Silk Road: A New History / Valerie Hansen. New York: Oxford University Press, 2012. *The Journal of Asian Studies*. – 2013. – Vol. 72. – No. 4. – P. 993-995. – DOI: 10.1017/s0021911813001356.
25. Amineh M. P., Linck L., Demirkiran E. BRI in the Middle East and Central Asia: The case of Kazakhstan, Iran and Turkey // In: Amineh, M. P. (Ed.). *The China Led Belt and Road Initiative and its Reflections: The Crisis of Hegemony and Changing World Orders*. Oxon: Routledge, 2023. – DOI: 10.4324/9781003256502-9.
26. Ikenberry J. The rise of China, the United States, and the future of the Liberal International Order // In: Shambaugh, L. D. (Ed.). *Tangled Titans: The United States and China*. New York: Rowman and Littlefield Publishers, 2012.
27. Stokes D. Trump American hegemony and the future of the liberal international order // *International Affairs*. – 2018. – Vol. 94. – No. 1. – P. 133-150. – DOI: 10.1093/ia/iix238.
28. Seele P., Jia D. C., Helbing D. The New Silk Road and its potential for sustainable development: how open digital participation could make BRI a role model for sustainable businesses and markets // *Asian Journal of Sustainability and Social Responsibility*. – 2019. – Vol. 4. – No. 1. – P. 1-7. – DOI: 10.1186/s41180-018-0021-3.
29. Lei Z. *The Political Economy of China's Belt and Road Initiative*. Singapore: World Scientific Publishing, 2018. – DOI: 10.1142/10508.
30. IISS. *An IISS Strategic Dossier: China's Belt and Road Initiative: A geopolitical and Geo-economic Assessment*. London: The International Institute for Strategic Studies, 2022. – DOI: 10.1515/sirius-2024-2008.
31. Wong W. K. O. BRI projects: the "rules of engagement" // *Asian Education and Development Studies*. – 2020. – Vol. 9. – No. 3. – P. 337-347. – DOI: 10.1108/aeds-10-2019-0167.
32. Hall H. T., Krolikowski A. Making Sense of China's Belt and Road Initiative: A Review Essay // *International Studies Review*. – 2022. – Vol. 24. – No. 3. – P. 3-19. – DOI: 10.1093/isr/viac023.
33. Maçães, B. *Belt and Road: A Chinese world order*. London: Hurst & Company, 2018.
34. Vangeli, A. The Normative Foundations of the Belt and Road Initiative // In: Shan, W., Nuotio, K., Zhang, K. (Eds.). *Normative Readings of the Belt and Road Initiatives: Road to Periphery*. Cham: Springer, 2018. – DOI: 10.1007/978-3-319-78018-4_4.
35. Cox, R. W. Structural Issues of Global Governance: Implications for Europe // *Gramsci, Historical Materialism and International Relations*. – 1993. – No. 26. – P. 259. – DOI: 10.1017/cbo9780511558993.011.
36. Mobley, T. The Belt and Road: Insights from China's Backyard // *Strategic Studies Quarterly*. 2019. – Vol. 13. – No. 3. – P. 52-72.
37. Thrall, L. *China's expanding African relations: Implications for US national security*. Santa Monica: Rand Corporation, 2015. – DOI: 10.7249/rr905.
38. Jones, L. Does China's Belt and Road Initiative Challenge the Liberal, Rules-Based Order? // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. – 2019. – Vol. 13. – No. 1. – P. 113-133. – DOI: 10.1007/s40647-019-00252-8.

REFERENCES

1. Kalra, P. (2021) 'Locating Central Eurasia's inherent resilience'. *Cambridge Review of International Affairs*, 35(2), 235-255. DOI:10.1080/09557571.2021.1993136.
2. Montgomery, W. D. (2022) 'Central Asia in Context' in (eds.) Montgomery, W. D. (2022) *Central Asia: Contexts for Understanding*. University of Pittsburgh Press, Pennsylvania. DOI:10.2307/j.ctv264f9cq.
3. Amineh, M. P., Linck, L., & Demirkiran, E. (2022). *BRI in the Middle East and Central Asia. The China-Led Belt and Road Initiative and Its Reflections*, 177–208. DOI:10.4324/9781003256502-9.
4. Christian, D. (2000) 'Silk Road or Steppe Roads? The Silk Road in World History'. *Journal of World History*, 11(1), 1-26. DOI:10.1353/jwh.2000.0004.
5. McBride, J., Berman, N., & Chatzky, A. (2023). *China's massive belt and road initiative. Council on Foreign relations*, 2.
6. Frankopan, P. (2019) *The New Silk Roads: The Present and the Future of the World*. Bloomsbury Publishers, London.
7. Seele, P., Jia, C. D., & Helbing, D. (2019). The new silk road and its potential for sustainable development: how open digital participation could make BRI a role model for sustainable businesses and markets. *Asian Journal of Sustainability and Social Responsibility*, 4(1). DOI:10.1186/s41180-018-0021-3.
8. Pieper, M. (2022) *The Making of Eurasia: Competition and Cooperation between China's Belt and Road Initiative and Russia*. I. B. Tauris, London. DOI: 10.5040/9781838601362.
9. Amineh, M, P. (2023) 'China's Capitalist Industrial Development' in (eds.) Amineh, M. P. (2023) *The China Led Belt and Road Initiative and its Reflections: The Crisis of Hegemony and Changing World Orders*. Routledge, Oxon. DOI:10.4324/9781003256502-2.
10. De, P. (2020). H. S. Kohli, J. F. Linn, and L. M. Zucker, China's Belt and Road Initiative: Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus. *Journal of Asian Economic Integration*, 2(1), 117–119. DOI:10.1177/2631684620918952.
11. Cai, P. (2017). *Understanding China's Belt and Road Initiative*. Lowy Institute for International Policy, Sydney, Australia.
12. Mattli, W. (1999). *The Logic of Regional Integration*. Cambridge University Press, Cambridge. DOI:10.1017/cbo9780511756238.
13. Brands, H., Feaver, P., Mearsheimer, J. J., & Walt, S. M. (2016) 'Should America retrench: The battle over offshorebalancing'. *Foreign Affairs*, 95 (164). DOI:10.2307/44806305
14. Mearsheimer, J. J. (2001). 'Kissinger's Wisdom and Advice [Review of Does America Need A Foreign Policy?: Toward a Diplomacy for the 21st Century, by H. A. Kissinger]'. *The National Interest*, 65(1), 123–129.
15. Amineh, M. P. (2023) *The China Led Belt and Road Initiative and its Reflections: The Crisis of Hegemony and Changing World Orders*. Routledge, Oxon. DOI:10.4324/9781003256502.
16. Cooley, A. (2012) *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford University Press, Oxford. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199929825.003.0001.
17. Cummings, S. (2002) *Power and Change in Central Asia*. Routledge Publishing House, London. DOI: 10.4324/9780203166918.
18. Kaczmariski, M. (2017). Non-western visions of regionalism: China's new Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union. *International Affairs*. 93(6), 1357–1376. DOI: 10.1093/ia/iix182.
19. Kalra, P., Saxena, S. S. (2021) 'Globalising local understanding of fragility in Eurasia'. *Journal of Eurasian Studies*, 12(1), 1-10. DOI: 10.1177/18793665211044839.
20. Andornino, G. B. (2017). The Belt and Road Initiative in China's emerging grand strategy of connective leadership. *China & World Economy*, 25(5), 4-22. DOI: 10.1111/cwe.12211.
21. Callahan, W. A. (2016). *China's Belt and Road Initiative and the new Eurasian order*. Norwegian Institute for International Affairs (NUPI). DOI: 10.4324/9781315144702-2.
22. Fallon, T. (2015). The new Silk Road: Xi Jinping's grand strategy for Eurasia. *American Foreign Policy Interests*, 37(3), 140-147. DOI: 10.1080/10803920.2015.1056682.

23. Wendt, A. (1995). Constructing international politics. *International security*, 20(1), 71-81. DOI: 10.2307/2539217.
24. Liu, X. (2013). Silk Road: A New History. By Valerie Hansen. New York: Oxford University Press, 2012. xv, 304 pp. *The Journal of Asian Studies*, 72(4), 993-995. DOI:10.1017/s0021911813001356.
25. Amineh, M. P., Linck, L., Demirkiran, E. (2023) 'BRI in the Middle East and Central Asia: The case of Kazakhstan, Iran and Turkey' in (eds.) Amineh, M. P. (2023) *The China Led Belt and Road Initiative and its Reflections: The Crisis of Hegemony and Changing World Orders*. Routledge, Oxon. DOI: 10.4324/9781003256502-9.
26. Ikenberry, J. (2012) 'The rise of China, the United States, and the future of the Liberal International Order' in (eds.) Shambaugh, L. D. (2012) *Tangled Titans: The United States and China*. Rowman and Littlefield Publishers, New York.
27. Stokes, D. (2018) 'Trump, American hegemony and the future of the liberal international order'. *International Affairs*, 94(1), 133-150. DOI: 10.1093/ia/iix238.
28. Seele, P., Jia, D. C., Helbing, D. (2019) 'The New Silk Road and its potential for sustainable development: how open digital participation could make BRI a role model for sustainable businesses and markets'. *Asian Journal of Sustainability and Social Responsibility*, 4(1), 1-7. DOI: 10.1186/s41180-018-0021-3.
29. Lei, Z. (2018) *The Political Economy of China's Belt and Road Initiative*. World Scientific Publishing, Singapore. DOI: 10.1142/10508.
30. IISS (2022) *An IISS Strategic Dossier: China's Belt and Road Initiative: A geopolitical and Geo-economic Assessment*. The International Institute for Strategic Studies, London. DOI: 10.1515/sirius-2024-2008.
31. Wong, W. K. O. (2020). BRI projects: the «rules of engagement». *Asian Education and Development Studies*, 9(3), 337-347. DOI: 10.1108/aeds-10-2019-0167.
32. Hall, H. T., Krolkowski, A. (2022) 'Making Sense of China's Belt and Road Initiative: A Review Essay'. *International Studies Review*, 24 (3), 3-19. DOI: 10.1093/isr/viac023.
33. Maçães, B. (2018). *Belt and road: A Chinese world order*. Hurst & Company.
34. Vangeli, A. (2018) 'The Normative Foundations of the Belt and Road Initiative' in (eds.) Shan, W., Nuotio, K., Zhang, K. (2018) *Normative Readings of the Belt and Road Initiatives: Road to Periphery*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-319-78018-4_4.
35. Cox, R. W. (1993). 10 Structural Issues of Global Governance: Implications for Europe. *Gramsci, historical materialism and international relations*, (26), 259. DOI: 10.1017/cbo9780511558993.011.
36. Mobley, T. (2019) 'The Belt and Road: Insights from China's Backyard'. *Strategic Studies Quarterly*, 13(3), 52-72.
37. Thrall, L. (2015). China's expanding African relations: Implications for US national security. *Rand Corporation*. DOI:10.7249/rr905.
38. Jones, L. (2019). Does China's Belt and Road Initiative Challenge the Liberal, Rules-Based Order? *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 13(1), 113–133. DOI:10.1007/s40647-019-00252-8.

МАТРИЧНЫЙ АНАЛИЗ УЧАСТИЯ КАЗАХСТАНА В ИНИЦИАТИВЕ «ОДИН ПОЯС И ПУТЬ»

А. К. Джумасейтова^{1*}, Арнов Пол Чоудхури²

¹Казахстанско-Британский технический университет, Алматы, Республика Казахстан

²Кембриджский Университет, Кембридж, Великобритания

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Данное исследование направлено на критическое изучение участия Казахстана в китайской инициативе "Один пояс, один путь" (BRI), оспаривая преобладающие реалистические интерпретации и исследуя роль страны в рамках этой масштабной стратегии развития. Анализируя

многогранную природу BRI и ее влияние на экономическое развитие Казахстана, исследование стремится обеспечить нюансированное понимание реализации и результатов инициативы.

Методология исследования. В исследовании используется матричный подход для анализа функций и секторов BRI с особым акцентом на Казахстан. Эта методология включает создание двух комплексных матриц: одной, очерчивающей общую структуру BRI, и другой, специфичной для участия Казахстана. Матрицы были разработаны посредством обширного обзора литературы, консультаций с экспертами и итеративного уточнения. Этот подход позволяет систематически изучать, как различные функции BRI проявляются в разных секторах, предоставляя структурированную основу для понимания масштаба и влияния инициативы.

Оригинальность / ценность исследования. Это исследование вносит вклад в существующую литературу, предлагая конструктивистский взгляд на участие Казахстана в BRI, противодействуя доминирующим реалистическим нарративам. Оригинальность исследования заключается в разработке нового матричного подхода к анализу BRI, который обеспечивает всесторонний и нюансированный взгляд на многогранную природу инициативы. Кроме того, исследование оспаривает распространенные заблуждения о BRI, особенно представления о "дипломатии долговой ловушки" и предполагаемом жестком плане Китая по глобальному доминированию.

Результаты исследования. Исследование показывает, что Казахстан эффективно использовал BRI в своих национальных интересах, применяя открытую многовекторную политику для избирательного участия в инициативе. Вопреки реалистическим интерпретациям, исследование обнаруживает, что соглашения между Казахстаном и Китаем основаны на взаимной выгоде и равноправии. Влияние BRI на экономическое развитие Казахстана оценивается как в значительной степени позитивное, способствующее прогрессу страны в различных секторах. Исследование также подчеркивает сложную и менее согласованную динамику реализации BRI. Кроме того, исследование демонстрирует, что финансирование BRI помогает решить проблему инфраструктурного разрыва в развивающихся странах, предлагая альтернативные инвестиционные возможности с меньшим количеством условий, чем традиционные инициативы под руководством Запада.

Ключевые слова: интеграция, экономическое развитие, развитие отношений, инфраструктурные инвестиции, глобализация.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ «БІР БЕЛДЕУ, БІР ЖОЛ» БАСТАМАСЫНА ҚАТЫСУЫН МАТРИЦАЛЫҚ ТАЛДАУ

Ә. К. Жұмасейтова^{1*}, Арнов Пол Чоудхури²

¹Қазақ-Британ техникалық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

² Кембридж университеті, Кембридж, Ұлыбритания

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты. Бұл зерттеу Қазақстанның "Бір белдеу, бір жол" (BRI) Қытай бастамасына қатысуын сыни тұрғыдан зерттеуге, басым реалистік түсіндірулерге дау айтуға және осы ауқымды Даму стратегиясы шеңберіндегі елдің рөлін зерттеуге бағытталған. BRI-нің көп қырлы табиғатын және оның Қазақстанның экономикалық дамуына әсерін талдай отырып, зерттеу бастаманың іске асырылуы мен нәтижелерін нюансты түсінуді қамтамасыз етуге тырысады.

Зерттеу әдіснамасы. Зерттеуде Қазақстанға ерекше назар аударып, BRI функциялары мен секторларын талдау үшін матрицалық тәсіл қолданылады. Бұл әдістеме екі кешенді матрицаны құруды қамтиды: біреуі BRI-дің жалпы құрылымын, екіншісі Қазақстанның қатысуына тән. Матрицалар әдебиеттерді кең шолу, сарапшылармен кеңесу және итеративті нақтылау арқылы жасалды. Бұл тәсіл BRI-дің әртүрлі функцияларының әртүрлі секторларда қалай көрінетінін жүйелі түрде зерттеуге мүмкіндік береді, бұл бастаманың ауқымы мен әсерін түсінуге құрылымдық негіз береді.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Бұл зерттеу Қазақстанның BRI-ге қатысуына конструктивистік көзқарас ұсына отырып, басым реалистік әңгімелерге қарсы тұра отырып, бар әдебиеттерге үлес қосады. Зерттеудің өзіндік ерекшелігі-бастаманың жан-жақты табиғатына жан-жақты және нюансты көзқарасты қамтамасыз ететін BRI талдауына жаңа матрицалық тәсілді әзірлеу. Сонымен қатар, зерттеу BRI туралы жиі кездесетін қате түсініктерге, әсіресе "қарыздық тұзақ дипломатиясы" және Қытайдың жаһандық үстемдіктің болжамды қатаң жоспары туралы түсініктерге қарсы тұрады.

Зерттеу нәтижелері. Зерттеу Қазақстанның бастамаға іріктеп қатысу үшін ашық көпвекторлы саясатты қолдана отырып, BRI-ді өзінің ұлттық мүддесі үшін тиімді пайдаланғанын көрсетеді. Реалистік түсіндірулерге қарамастан, зерттеу Қазақстан мен Қытай арасындағы келісімдер өзара тиімділік пен тең құқыққа негізделгенін анықтайды. BRI-дің Қазақстанның экономикалық дамуына әсері айтарлықтай дәрежеде оң деп бағаланады, бұл елдің түрлі секторлардағы ілгерілеуіне ықпал етеді. Зерттеу сонымен қатар монолитті Қытай стратегиясы идеясына қарсы тұра отырып, BRI іске асырудың күрделі және аз келісілген динамикасын көрсетеді. Сонымен қатар, зерттеу BRI қаржыландыруы дамушы елдердегі инфрақұрылымдық алшақтық мәселесін шешуге көмектесетінін көрсетеді, бұл Батыстың дәстүрлі бастамаларына қарағанда аз шарттары бар балама инвестициялық мүмкіндіктерді ұсынады.

Түйін сөздер: интеграция, экономикалық даму, халықаралық қатынастар, инфрақұрылымдық инвестициялар, жаһандану.

ABOUT THE AUTHORS

Jumasseitova Assel Kenesovna – candidate of economic sciences, PhD in Management, Professor, Business School, Kazakh British technical university, Almaty, Kazakhstan e-mail: a.dzhumaseitova@kbtu.kz, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2193-9418> *

Arnov Paul Choudhury – MPhil Development Studies candidate, University of Cambridge (г. Кембридж, Великобритания, email: ap2378@cam.ac.uk)

МРНТИ 06.52.41

JEL Classification: O1

DOI: <https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-4-172-185>

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С. Ы. Умирзаков^{1*}, И. Н. Кренгауз², А. А. Аубакирова¹

¹Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

²Университет «Туран», Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель данного исследования заключается в изучении влияния экономической идентичности на процессы региональной интеграции в Центральной Азии, а также в выявлении ключевых вызовов и перспектив, связанных с этими процессами.

Методология. Для достижения поставленной цели в исследовании мы применяем комплексный подход, включающий количественные, качественные методы и методы сравнительного анализа. Количественный анализ основан на статистических данных о торговых и экономических показателях стран Центральной Азии, полученных из международных и национальных источников. Качественный анализ - на политических и экономических документах, касающихся интеграционных процессов в ре-

гионе. Сравнительный анализ используется для выявления общих и специфических аспектов экономической идентичности стран региона и их влияния на интеграционные процессы. Критерии выбора исследовательского подхода включают релевантность метода для исследования экономической идентичности, возможность получения достоверных и репрезентативных данных, а также способность метода учитывать, как количественные, так и качественные аспекты интеграционных процессов. Важным критерием также является возможность сравнительного анализа для определения общих тенденций и уникальных особенностей экономической идентичности стран Центральной Азии.

Оригинальность/ценность исследования заключается в комплексном подходе к изучению экономической идентичности и ее влияния на интеграционные процессы в Центральной Азии, что ранее не получило достаточного освещения в научной литературе. Ценность исследования проявляется в выявлении взаимосвязи экономической идентичности и региональной интеграции, что может способствовать разработке более эффективных стратегий, направленных на углубление интеграционных процессов в регионе.

Результаты исследования. Показано существенное влияние экономической идентичности на интеграционные процессы в Центральной Азии. Выявлены препятствия и возможности углубления для развития региональной интеграции, а также ключевые факторы, способствующие успешной интеграции. Разработаны рекомендации по оптимизации интеграционных процессов с учетом экономической идентичности стран региона.

Ключевые слова: региональная экономическая идентичность, интеграция, Центральная Азия.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими ключевыми факторами, которые определяют значимость данной темы. Во-первых, Центральная Азия представляет собой регион с уникальным геополитическим и экономическим положением, являясь важным связующим звеном между Востоком и Западом. Его стабильность и благополучие играют ключевую роль не только для стран-участниц, но и для мировой экономики в целом. Осознание факторов, оказывающих влияние на интеграционные процессы, таких как экономическая идентичность, может способствовать разработке более эффективных стратегий, направленных на усиление регионального взаимодействия и сотрудничества.

Во-вторых, разнообразие экономических моделей и стратегий развития, применяемых странами Центральной Азии, создаёт сложный контекст для интеграции. Каждая страна региона имеет свои экономические особенности, исторические и культурные предпосылки, которые формируют её экономическую идентичность. Исследование влияния этих факторов на интеграционные процессы позволяет выявить основные барьеры и возможности для углубления сотрудничества, что является необходимым для достижения устойчивого экономического роста.

В-третьих, в условиях глобальных экономических вызовов, таких как изменения направлений товаропотоков в международной торговле, финансовые кризисы и климатические катаклизмы, страны Центральной Азии сталкиваются с необходимостью адаптации к ним своих экономик и поиском новых путей развития. Региональная интеграция может стать эффективным инструментом для преодоления этих вызовов. Анализ экономической идентичности как фактора интеграционных процессов позволяет разработать рекомендации по оптимизации регионального сотрудничества и выработке коллективных решений.

Предмет исследования – взаимосвязь региональной экономической идентичности и интеграционных процессов.

Объект исследования – государства постсоветской Центральной Азии.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос о взаимосвязи и взаимном влиянии региональной экономической идентичности и интеграционных процессов, происходящих в Центральной Азии, является предметом значительного интереса в научных кругах. Хотя исследования региональной идентичности получили наиболее широкое развитие в Западной Европе, результаты данных исследований могут быть полезны для анализа процессов, происходящих в других регионах.

Западноевропейские учёные, такие как С. Бреслин, Г. Хук [1], Б. Бузан, О. Вэвер [2], Л. Фосетт [3; 4], Р. Фоке, Дж. Стенберген [5], Р. Э. Келли [6], Т. Перрин [7], А. Бриджевич [8], Т. Фельгенхауэр, М. Мим, А. Шлоттманн [9], Дж. Харрисон [10] и другие, сделали значительный вклад в изучение культурной, исторической, политической, социальной и экономической идентичности. Их работы, в частности, связаны с процессами интеграции, которые стали необходимыми для Западной Европы после Второй мировой войны, когда страны региона осознали невозможность конкурировать на мировом рынке в одиночку. Это стимулировало их к объединению политических и экономических усилий, что, в свою очередь, привело к концепции региональной интеграции, основанной на уважении культурной и исторической самобытности, а также экономической специализации государств. Такой подход позволил странам сохранять свою национальную идентичность, находя при этом общие экономические и политические интересы.

Однако применение западноевропейских теорий к анализу процессов в Центральной Азии требует критического подхода. Уровень экономического развития, исторический контекст и проблемы, с которыми сталкиваются страны Центральной Азии, существенно отличаются от условий в Европе. Несмотря на активное участие стран региона в процессах глобализации, а также сохранение определённых черт постсоветского менталитета, их население сохраняет традиционный восточный менталитет. Таким образом, изучение влияния экономической идентичности на интеграционные процессы в Центральной Азии является относительно новой, но перспективной областью исследования.

На постсоветском пространстве термин «региональная идентичность» в его европейском понимании начал использоваться только после распада СССР. В советской науке это понятие было ближе к таким терминам, как «самобытность», «специфичность» и «самосознание». Европа, столкнувшись с вызовами глобализации раньше других регионов, начала активно искать пути защиты своей культуры, истории и экономики, чтобы сохранить свои региональные особенности. В этом контексте анализ экономической идентичности и её влияния на процессы региональной интеграции в Центральной Азии становится особенно важным для понимания современных тенденций в этом регионе.

С течением времени интерес к исследованиям региональной идентичности начал распространяться и на научные круги постсоветских стран. В Казахстане эта тема приобретает особую значимость в историческом, социологическом и культурно-конфессиональном контекстах. Значительное количество публикаций политологического и социологического характера посвящено вопросам идентичности. Среди авторов, работающих в этом направлении, можно отметить таких исследователей, как Т. Дадабаев [11], Р. Бурнашев [12], Е. С. Чукубаев, Б. С. Кыдырбекова [13]. Некоторые из этих работ носят дискуссионный характер, ориентируясь на широкую, не всегда подготовленную аудиторию.

Что касается представителей экономической науки, то их исследования чаще фокусируются на анализе процессов экономической интеграции в рамках таких организаций, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В этом направлении активно работают такие исследователи, как Г. Я. Новосельский, И. М. Темкина [14], И. Корабоев, К. Молдашев [15], Е. Ю. Винокуров, А. М. Либман, Н. В. Максимчук [16]. Эти исследования направлены на углублённое изучение экономических процессов и интеграционных механизмов, что способствует более глубокому пониманию региональной экономической идентичности в условиях современных вызовов.

В последние десятилетия ученые все больше исследуют факторы, способствующие или препятствующие региональной интеграции, среди которых экономическая идентичность занимает одно из ключевых мест. В монографиях и статьях, посвященных этой теме, подчеркиваются различные аспекты и вызовы, связанные с этим вопросом.

Например, в работе Гарри Бродмана. «From Disintegration to Reintegration: Eastern Europe and the Former Soviet Union in International Trade» анализируются торговые связи и интеграция стран бывшего Советского Союза, включая Центральную Азию, что важно для понимания экономических процессов и перспектив региона [17]. Дж. Малкольм Даулинг, Прадумна Б. Рана и Б. Румер и С. Жуков обращают внимание на влияние глобального экономического кризиса и вызовы независимости для Центральной Азии, подчеркивая проблемы и перспективы экономической интеграции и модернизации [18;19]. В исследовании Джекун Пака, Ти Джей Пемпела и Хынчон Кима «Regionalism, Economic Integration and

Security in Asia» рассматривается ценность экономической интеграции и регионализма в Азии в контексте глобальной безопасности и политических изменений [20].

Исследование Фрэнсиса Фукуямы «Trust: The Social Virtues and The Creation of Prosperity» анализирует влияние доверия и социальных норм на экономическую идентичность и, как следствие, на экономическую интеграцию. Ф. Фукуяма утверждает, что высокий уровень доверия способствует успешной интеграции экономик, что особенно актуально для многонациональных регионов, таких как Центральная Азия [21].

Пол Коллиер, один из пионеров в изучении экономической идентичности в контексте региональной интеграции, в своей работе «Economic Causes of Civil Conflict and Their Implications for Policy» подчеркнул важность экономической идентичности в формировании устойчивых экономических связей между странами. Он отмечает, что экономическая идентичность, сформированная на основе общих историко-культурных ценностей, играет важную роль в укреплении экономического взаимодействия и снижении риска конфликтов [22].

В своей книге «The Central Asian Economies in the Twenty-First Century: Paving a New Silk Road» Ричард Помфрет проводит глубокий анализ экономических стратегий и уровней идентичности стран Центральной Азии, выделяя их значимость для понимания процессов интеграции в регионе. Автор особо подчёркивает, что разнообразие экономических моделей и различия в уровнях развития государств Центральной Азии представляют собой одновременно как возможности, так и вызовы для реализации региональной интеграции [23].

Шипинг Тан в статье «Economic integration in Central Asia: the Russian and Chinese relationship» акцентирует внимание на необходимости учета экономической идентичности при разработке политик региональной интеграции. Она утверждает, что экономическая идентичность стран Центральной Азии, формируемая под влиянием как исторических, так и современных факторов, играет ключевую роль в определении направлений и эффективности интеграционных процессов [24].

Эти исследования показывают комплексность и многогранность проблемы экономической идентичности в Центральной Азии и ее влияние на интеграционные процессы. Многие исследователи отмечают, что политические и экономические факторы могут как способствовать, так и препятствовать развитию интеграционных процессов.

Казахстанский ученый Байдаров Еркин в статье «Barriers and Bridges to the Formation of Regional Identity in Central Asia» отмечает, что важным является формирование региональной идентичности стран Центральной Азии [25].

Таким образом, анализ научных публикаций показывает, что все авторы едины во мнении: экономическая идентичность является важным фактором, влияющим на интеграционные процессы в Центральной Азии. Исследования авторитетных ученых, таких как П. Коллиер, Ф. Фукуяма, Р. Помфрет, С. Глазьева и В. Томпсон, подчеркивают значимость этого фактора и необходимость его учета при разработке стратегий региональной интеграции. Разнообразие подходов и оценок указывает на сложность и многогранность данной проблемы, что делает её актуальной для дальнейших научных исследований.

Еще недавно, в советское время постсоветские республики Центральной Азии воспринимались в советском обществе как единый регион с присущими им общностью исторического развития, едиными культурно-цивилизационными ценностями, в том числе единой религией, единими хозяйственными связями. Сама природа определила взаимосвязь оседлых и кочевых народов, населяющих регион. Отсюда и разность природных ресурсов, которые в единстве дополняли друг друга. В советское время эта разность использовалась для создания территориально-производственных комплексов (ТПК). Другой вопрос, что хозяйственные связи ТПК и республик в целом имели преимущественный ориентир от периферии в центральные районы союза, однако связи в плановой экономике существовали и многие вопросы хозяйствования решались слаженно. Пример – использование единых транспортных и энергетических сетей, единой оросительной системы и т.д.

В первые годы независимости новые постсоветские государства Центральной Азии уделяли основное внимание формированию собственной национально-государственной идентичности, что было вполне логично, – исторической, культурно-цивилизационной, в т. ч. конфессиональной, языковой.

При этом наблюдались и перегибы – общая многовековая история народов региона подменялась в угоду национальным элитам собственной трактовке. Были и положительные моменты – большое внимание стали уделять развитию национальных языков. В исторической памяти казахского народа постсоветские республики Центральной Азии воспринимаются как самый близкий ему регион. Однако, за годы их независимого развития наметилось дистанцирование республик друг от друга, что было связано с выбором различных моделей рыночного реформирования, различных ориентаций в выборе внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров. Даже традиционные факторы – стали восприниматься по-разному. К примеру, каждая республика по своему интерпретировала общую для всех историю. Перед государствами региона стояли трудные задачи: остаться в постсоветском экономическом пространстве или выбрать тюркскую идентичность, мусульманский мир, или евразийскую идентичность. Шел процесс осознания своего места в мире, развивались экономические и политические связи с Турцией, мусульманским миром, со странами Азии, в первую очередь с Китаем. Довольно быстро пришло осознание, что ждать реальной помощи от внешних акторов проблематично и надо развивать внутрирегиональные связи, использовать преимущества региональной идентичности.

На наш взгляд, период формирования национально-государственной идентичности за годы независимого развития в основных чертах государствами региона пройден.

В условиях глобализации мира на повестку дня неминуемо встал вопрос региональной идентичности, который в советское время вообще не мог стоять, так как вся страна решала проблему создания единого советского народа, единой советской общности. Осознавая новые задачи, правительства республик региона предпринимали попытки выработки общей региональной общности в виде интеграционного сообщества, союза, однако попытки эти не увенчались успехом.

Одну из причин сложившейся ситуации мы видим в отставании научных работ, особенно фундаментальных, по теории региональной идентичности постсоветской Центральной Азии.

Современный вектор устойчивого развития экономики регионов формируется под влиянием региональной идентичности экономического пространства и требует учета пространственных параметров. Главный фактор – это география, пространственная близость, без которой нельзя говорить о регионе, региональной общности. Однако, даже такой постоянный фактор, как пространственное размещение, может в современных условиях отдалить страны региона друг от друга или, наоборот, сблизить. Ситуация на постсоветском пространстве: конфликты между Азербайджаном и Арменией, Россией и Украиной демонстрируют это. Также может действовать и исторический фактор, когда общая история региона переписывается в угоду национальным элитам. Множество примеров, когда конфессиональная, языковая общность также могут поменять векторы сближения.

Следует также учитывать значительное влияние, которое оказывает реализация широко обсуждаемого проекта Экономического пояса Нового Шелкового пути. В условиях противоречивых интересов как региональных, так и внерегиональных акторов, возникает важный вопрос: сохранит ли регион Центральной Азии свою принадлежность к постсоветскому пространству, исламскому миру или попадет под возрастающее влияние Китая. Или же, с учётом отсутствия общей региональной идентичности, он может разделиться на несколько отдельных частей. Казахстан и Кыргызстан, вероятно, останутся под влиянием России и Китая, сохраняя при этом светскую ориентацию. В то время как Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, продолжая поддерживать отношения с Россией и Китаем как с основными гарантиями безопасности, могут начать сближение с Ираном, Турцией и исламским миром. Мы полагаем, что многие проблемы строительства Шелкового пути были бы более решаемы, если бы постсоветские государства Центральной Азии выступали единым фронтом и решали бы проблемы с позиций интересов всего объединенного региона, а не каждое в отдельности.

Истоки проблемы, на наш взгляд, надо также искать в геоэкономической и геополитической ситуации в мире в начале XXI века. Необратимо идут процессы интеграции и дезинтеграции. Европа показала пример преимуществ интегрированного экономического и политического пространства. В других частях света также существуют многочисленные интеграционные объединения, с разной степенью успешности. В Юго-Восточной Азии можно привести пример, когда страны, очень разные по политико-экономическому устройству достигли немалых успехов во внутрирегиональном сотрудничестве.

и в отстаивании общих интересов в Азии и на международной арене. Интеграционные процессы идут и на постсоветском пространстве: в экономической сфере – это ЕврАзЭС, военной сфере – ОДКБ. К сожалению, есть и обратные примеры – единое славянское пространство, единое славянская общность, имеющие общую историю, общие конфессиональные корни, языковую близость и многое другое, уже длительное время находится в конфронтации, что привело к военным действиям, к разрушительному геополитическому шторму, как выразился наш Президент К.К. Токаев [26]. Мир далек делать сейчас однозначные выводы из этих событий, но ясно одно – дезинтеграция единого регионального пространства носит однозначно разрушительный характер.

Недавние события ясно показали, насколько уязвимо современное мировое сообщество перед лицом различных геополитических и экономических вызовов. Ярким примером этого являются военные противостояния между Россией и Украиной, Арменией и Азербайджаном. Обострение ситуации на Ближнем Востоке. Будущее человечества во многом зависит от того, насколько эффективно государства будут развивать сотрудничество и оказывать взаимную поддержку, как в гуманитарной, так и в экономической сферах. Ключевым элементом здесь является выработка совместных подходов к решению как глобальных, так и региональных проблем. Одним из наиболее действенных механизмов выступает межгосударственное сотрудничество, которое может быть реализовано как на глобальном, так и на региональном уровнях. Если на мировом уровне достижение консенсуса зачастую затруднено из-за множества факторов, то внутри одного региона оно более вероятно благодаря наличию исторически сложившейся региональной идентичности.

Мы рассматриваем постсоветскую Центральную Азию, включающую пять республик, как единое региональное образование. Оно характеризуется высокой степенью сложности и состоит из различных подсистем, на развитие и функционирование которых оказывают влияние многочисленные исторические, территориально-географические, социальные, культурные, геополитические и геоэкономические факторы.

Данный подход позволяет проводить анализ в следующих направлениях: пространственно-временном (динамика изменения во времени и пространстве), структурном (показатели структурной и качественной трансформации социально-экономических процессов), поведенческом (выявление и рассмотрение моделей поведения в рамках региональных подсистем и институтов). Такой подход позволяет изучить источники и механизмы развития региональной идентичности.

Региональная идентичность, как сложное и многосоставное явление, занимает важное место в исследованиях, посвященных интеграционным процессам. Анализ подходов к определению этого понятия в рамках различных научных направлений - от социологии и культурологии до политологии и экономических наук позволяет выявить ключевые аспекты, характеризующие региональную идентичность. В социологии региональная идентичность рассматривается как процесс самоидентификации людей с определённой территорией, основанный на общих исторических, культурных, социальных и экономических особенностях региона. В культурологии акцент делается на общих традициях, языковых особенностях и культурных символах, которые объединяют жителей определённого региона. В политологии региональная идентичность исследуется в контексте политического взаимодействия и интеграционных процессов, тогда как в экономике акцентируется внимание на общих экономических интересах и моделях, которые способствуют созданию устойчивых экономических связей между странами одного региона.

Обобщая подходы представителей различных научных направлений можно выделить следующие взаимосвязанные и взаимоопределяемые аспекты региональной идентичности:

- исторический, отражающий общую историческую память, события и процессы, которые формировали идентичность региона. Исторические факторы играют решающую роль в формировании чувства принадлежности к региону, особенно если этот регион имеет долгую историю самостоятельного существования или был ареной значимых исторических событий;
- культурный, охватывающий общие традиции, язык, религию, обычаи, художественные и литературные произведения, культурные практики и символы;
- психологический, включающий восприятие и осознание жителями региона своей принадлежности к определённому культурному и географическому пространству. Психологическая идентификация

с регионом укрепляет чувство солидарности и принадлежности, что способствует интеграционным процессам;

– социальный, выражающийся в общих социальных структурах, нормах и институтах, которые развиваются в пределах региона. Социальная идентичность способствует укреплению связей между различными группами и сообществами внутри региона, формируя единую социальную ткань;

– экономический, охватывающий общие экономические интересы и модели, которые способствуют формированию устойчивых экономических связей между странами региона. Экономическая идентичность может стать основой для более глубокой экономической интеграции, особенно если страны региона обладают схожими экономическими структурами и интересами.

Эти аспекты региональной идентичности взаимосвязаны и влияют друг на друга. Например, сильная культурная идентичность может укреплять психологическую и социальную сплочённость, что, в свою очередь, может способствовать экономической кооперации и интеграции. Таким образом, региональная идентичность является многоуровневым и комплексным понятием, играющим ключевую роль в интеграционных процессах, особенно в контексте таких регионов, как Центральная Азия.

Региональная идентичность тесно связана с понятием национальной идентичности, отражающей принадлежность индивидов к определённой нации. Оно выражается через посредство осознания общих ценностей, культурных и исторических особенностей, языка и территориальной принадлежности. Национальная идентичность может рассматриваться как составная часть региональной идентичности, особенно в тех случаях, когда регион включает в себя несколько наций, объединённых общими историческими, культурными и экономическими условиями. В таком случае региональная идентичность может служить наднациональной конструкцией, которая объединяет различные нации и этнические группы в рамках одного региона, создавая базу для межгосударственного сотрудничества и интеграции.

На основе проведенного нами анализа существующих подходов к определению понятия региональная идентичность нами было сформулировано следующее определение: региональная идентичность - это комплексное понятие, которое включает в себя совокупность исторически сложившихся и культурно обусловленных признаков, ценностей и традиций, а также социально-экономических интересов и связей, объединяющих население определённой территории в рамках единого культурного, социального и экономического пространства, что способствует формированию чувства общности и принадлежности к этому региону.

Центральная Азия имеет серьёзный фундамент для дальнейшего углубления региональной идентичности, но отсутствие региональных институтов и влияние внешних игроков препятствует процессу региональной интеграции. Попытки развивать внутрирегиональное сотрудничество в период с 1994 по 2024 годы не увенчались успехом из-за стремления к внешним партнерам и нежелания делиться суверенитетом в наднациональных структурах. Примером успешной экономической интеграции в Центральной Азии можно назвать инициативы в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В книге «India and Central Asia: Two Decades of Transition» П. Л. Дэш и другие авторы обсуждают, как ШОС способствует развитию торговых и экономических связей между странами региона, включая Китай, Россию, Казахстан и другие центрально азиатские государства [27]. Такие усилия по сотрудничеству способствуют более глубокому экономическому взаимодействию и интеграции.

Страны Центральной Азии сталкиваются с несколькими вызовами в процессе экономической интеграции с международными рынками, включая институциональные барьеры, недостаточное развитие рыночной инфраструктуры и внешнее политическое давление.

Успешной экономической интеграции стран Центральной Азии с международными рынками могут способствовать несколько ключевых факторов: развитие инфраструктуры, улучшение институциональной среды и активное участие в региональных и глобальных торговых соглашениях

Для снижения экономической зависимости стран Центральной Азии от мировых акторов важно развивать внутренние экономические ресурсы и улучшать региональное сотрудничество, в частности, в области развития цифровизации и внедрения современных технологий. Это, в свою очередь будет способствовать развитию новых секторов региональной экономики и повышению ее конкурентоспособности.

Модернизация экономики, диверсификация экспортных товаров и усиление региональных экономических связей могут снизить зависимость от таких крупных держав, как Россия и Китай. Развитие малого и среднего бизнеса, улучшение образовательных и научных программ также могут способствовать большей экономической самостоятельности региона.

Для становления и укрепления региональной идентичности требуется отправная точка, которой, по нашему мнению, может выступать экономика.

Региональная экономическая интеграция может оказать положительное влияние на социальное развитие стран Центральной Азии, способствуя созданию рабочих мест, повышению уровня жизни и улучшению доступа к образованию и здравоохранению. Накопленный с середины 50-х годов 20 века мировой опыт развития интеграционных процессов наглядно демонстрирует, что региональная интеграция способствует социальному прогрессу за счет стимулирования экономического роста и укрепления институциональных структур, снижению бедности и неравенства, создавая более благоприятные условия для устойчивого развития региона.

Дальнейшее развитие региональной экономической интеграции пяти государств Центральной Азии - Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана - представляет собой сложный и многоплановый процесс, который имеет значительные перспективы для укрепления региональной экономической идентичности.

На текущем этапе эти страны сталкиваются с рядом вызовов и возможностей, которые определяют направления и темпы их экономического сотрудничества. Казахстан является лидером региона по объемам ВВП, уровню промышленного производства и внешнеэкономической активности. Это подтверждается рейтингами конкурентоспособности, инноваций и человеческого развития. Будучи важным транзитным узлом между Европой и Азией, Казахстан активно участвует в инициативах по созданию инфраструктуры и логистических коридоров, что способствует развитию экономической интеграции.

Кыргызстан - страна с ограниченными ресурсами и небольшим внутренним рынком, однако она является членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что обеспечивает ей доступ к более крупным рынкам и способствует интеграции с соседними государствами.

Узбекистан в последние годы демонстрирует значительные успехи в экономических реформах и открытости для международного сотрудничества. Усиление торговых связей и активное участие в региональных инициативах делает Узбекистан важным актором в процессах экономической интеграции Центральной Азии.

Таджикистан и Туркменистан занимают особое место в региональной экономике. Таджикистан, будучи страной с высоким уровнем зависимости от трудовой миграции и зарубежных переводов, стремится диверсифицировать свою экономику и укрепить позиции в регионе.

Туркменистан, обладая значительными запасами природного газа, ориентируется на экспорт энергоресурсов, что создаёт возможности для экономического сотрудничества в энергетическом секторе.

Постоянный интерес Казахстана к региональному сотрудничеству возможно приведет к возобновлению процесса регионализма в Центральной Азии в ближайшем будущем. В настоящее время это характерно и для руководства Узбекистана. Несомненно, во всех странах региона есть устойчивое понимание, что Центральная Азия — это часть мирового процесса, часть единого глобального мира. Есть и понимание своей региональной идентичности, близости.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Региональная экономическая идентичность Центральной Азии слабо выражена и мало влияет на региональную интеграцию, что требует усиления сотрудничества и укрепления существующих многосторонних организаций. Отсутствие региональных институтов и влияние внешних игроков препятствует процессу региональной интеграции. Для укрепления экономической идентичности в Центральной Азии необходимы меры, направленные на улучшение регионального сотрудничества и интеграции.

Модель Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) может быть полезной для Центральной Азии для создания регионального союза, учитывая географические, лингвистические, исторические, культурные и экономические сходства.

Стратегии, которые могут помочь странам Центральной Азии в укреплении своей экономической идентичности, включают развитие региональных торговых соглашений, улучшение транспортной и энергетической инфраструктуры, развитие цифровизации и внедрение современных инновационных технологий. Это окажет положительное влияние на развитие новых секторов региональной экономики и повышение ее конкурентоспособности.

Потенциал для углубления экономической интеграции между Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном значителен. Его реализация может способствовать укреплению региональной экономической идентичности. На наш взгляд несколько ключевых направлений могут стать основой для такого развития: торговля и инвестиции, инфраструктурные проекты, энергетическое сотрудничество, гармонизация экономической политики.

Укрепление торговых связей между странами Центральной Азии способно создать предпосылки для увеличения объёмов взаимных инвестиций и стимулирования экономического роста. Совместные проекты в области инфраструктуры, транспорта и энергетики могут способствовать более тесной интеграции экономик региона.

Развитие транспортных коридоров и логистической инфраструктуры, таких как железнодорожные и автомобильные маршруты, способно не только облегчить перемещение товаров и услуг, но и укрепить экономические связи между странами региона. В этом контексте проекты, связанные с инициативой «Один пояс, один путь», могут стать важным катализатором региональной интеграции.

Экспорт энергоресурсов, таких как нефть и газ, а также развитие возобновляемых источников энергии представляют собой перспективные направления для сотрудничества. Совместные энергетические проекты могут способствовать созданию единого энергетического пространства и укреплению экономической взаимозависимости стран региона.

Введение единых стандартов, налоговых и таможенных режимов, а также унификация законодательства и регуляторных норм между странами региона могут значительно снизить барьеры для торговли и инвестиций, облегчить экономическое взаимодействие и способствовать созданию более стабильной и предсказуемой деловой среды. Это, в свою очередь, повысит интеграцию и конкурентоспособность региона на международной арене.

Укрепление внутрирегионального сотрудничества в Центральном Азиатском регионе и повышение его роли в мире создаст предпосылки для формирования региона как самостоятельного вектора в мировой экономике и политике.

Развитие региональной экономической идентичности и успешная интеграция с международными рынками будут способствовать усилению политической стабильности, так как они укрепляют экономику и создают новые возможности для роста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Breslin S., Hook G. Microregionalism and World Order: Concepts, Approaches and Implications / ed. by S. Breslin, G. Hook // *Microregionalism and World Order*. Basingstoke, 2002. – 263 p.
2. Buzan B., Waiver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. 7th ed. – N. Y., 2010. – 570 p.
3. Fawcett L. Regionalism from Historical Perspective / ed. by M. Farrell, B. Hettne, L. Langenhove // *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. L., 2005. – P. 21-25.
4. Fawcett L. Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism // *International Affairs*, Volume 80, Issue 3, May 2004, P. 429–446.
5. Foqué R., Steenbergen J. Regionalism: A Constitutional Framework for Global Challenges? / ed. by M. Farwell, B. Hettne, L. Langenhove // *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. L., 2005. – P. 287-304.
6. Kelly R. E. Security Theory in the «New Regionalism» // *Intern. Studies Rev.* Summer. – 2007. – № 9/2. – P. 197-229.
7. Perrin T. New Regionalism and Cultural Policies: Distinctive and Distinguishing Strategies, from Local to Global // *J. of Contemporary Europ. Studies*. – 2012. – № 20/4. – P. 459-475.

8. Brigevich A. Regional identity and support for integration: An EU-wide comparison of parochialists, inclusive regionalist, and pseudo-exclusivists // *European Union Politics*. 2018. – Vol. 19. – № 4. – P. 639-662. – DOI: 10.1177/1465116518793708.
9. Felgenhauer T., Mihm M., Schlottmann A. The Making of «Mitteldeutschland» on the Function of Implicit and Explicit Symbolic Features for Implementing Regions and Regional Identity// *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. – 2005. – Vol. 87. – № 1. – P.45-60. – DOI:10.1111/j.0435-3684.2005.00177. x. The Making of 'Mitteldeutschland' on the Function of Implicit and Explicit Symbolic Features for Implementing Regions and Regional Identity
10. Harrison J. Re-Reading the New Regionalism - A Sympathetic Critique // *Space & Polity*. –2006. – № 10/1. – P. 21-46
11. Dadabaev T. Shanghai Cooperation Organization (SCO) Regional Identity Formation from the Perspective of the Central Asia States // *Journal of Contemporary China*. – 2013. – Vol. 23. – P. 1-17. DOI: 10.1080/10670564.2013.809982.
12. Бурнашев Р. Взгляд на регионализацию Центральной Азии с точки зрения безопасности Регионализация в Центральной Азии. Стратегия Казахстана // Алматы: Friedrich Ebert Stiftung, 2019. С. 17-27.
13. Чукубаев Е. С., Кыдырбекова Б. С. Регионализм и регионализация Центральной Азии *Bulletin KazNU. Series of International Relational and International Law*. – №1 (57).- 2012. – С. 15-20
14. Новосельский Г. Я. Темкина И. М. Современные трактовки интеграционного процесса в Центральной Азии: анализ и прогноз// *Bulletin USAES. Science. Education. Economy. Series: Economy*. – № 1 (3). – 2013 . – С. 18-24
15. Qoraboyev I., Moldashev K. The Belt and Road Initiative and Comprehensive Regionalism in Central Asia / M. Mayer (ed.), *Rethinking the Silk Road*. – 2018. – P. 115-130.
16. Винокуров Е.Ю., Либман А.М., Максимчук Н.В. Динамика интеграционных процессов в Центральной Азии // *Евразийская экономическая интеграция*. – 2010. – № 2 (7). – С. 5-32
17. Broadman H. G. From Disintegration to Reintegration: Eastern Europe and the Former Soviet Union in International Trade. – Washington, DC: World Bank. [Электронный ресурс]. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/aa432f85-42d3-595e-a185-f2c1c6bdbcb6> (дата обращения 26.07.2024).
18. Dowling J. M., Rana P. B. Asia and the Global Economic Crisis: Challenges in a Financially Integrated World. –Palgrave Macmillan London, 2010.- 271 p.
19. Rumer B., Zhukov S. Broader Parameters: Development in the Twentieth Century // *Central Asia*. – Routledge, 2017. – P. 57-69.
20. Park J., Pempel T. J., Kim H. Regionalism, economic integration and security in Asia: a political economy approach. – Edward Elgar Publishing, 2011. – 181 p.
21. Fukuyama F. Trust: The social virtues and the creation of prosperity. – Simon and Schuster. -New York: The Free Press, 1995. – 457 p.
22. Collier P. Economic causes of civil conflict and their implications for policy. World Bank, 2000. – 23 p.
23. Pomfret R. The Central Asian Economies in the Twenty-First Century: Paving a New Silk Road, published by: Princeton University Press .– 2019. – 306 p.
24. Shiping Tang Economic integration in Central Asia: The Russian and Chinese relationship // *Asian Survey*. – 2000. – Т. 40. – №. 2. – С. 360-376. – DOI:10.1525/as.2000.40.2.01p00737
25. Baydarov E. Barriers and bridges to the formation of regional identity in Central Asia [Электронный ресурс]. – URL:<https://www.brookings.edu/articles/central-asia-a-new-hub-of-global-integration/> / (дата обращения 26.07.2024).
26. Токаев К.К. Выступление на заседании Совета глав государств- членов Шанхайской организации сотрудничества 05.07 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/> (дата обращения 26.07.2024)
27. Dash P. L. India and Central Asia: Two Decades of Transition. – Oxford University Press, 2012. – 232 p.

REFERENCES

1. Breslin, S., & Hook, G. (Eds.). (2002). *Microregionalism and world order*. Basingstoke. – 263 p.
2. Buzan, B., & Waever, O. (2010). *Regions and powers: The structure of international security* (7th ed.). New York. – 570 p.
3. Fawcett, L. (2005). Regionalism from historical perspective. In M. Farrell, B. Hettne, & L. Langenhove (Eds.), *Global politics of regionalism: Theory and practice* (pp. 21-25). London.
4. Fawcett, L. (2004). Exploring regional domains: A comparative history of regionalism. *International Affairs*, 80(3), 429–446.
5. Foqué, R., & Steenbergen, J. (Eds.). (2005). Regionalism: A constitutional framework for global challenges? In M. Farwell, B. Hettne, & L. Langenhove (Eds.), *Global politics of regionalism: Theory and practice* (pp. 287-304). London.
6. Kelly, R. E. (2007). Security theory in the “new regionalism.” *International Studies Review*, 9(2), 197-229.
7. Perrin, T. (2012). New regionalism and cultural policies: Distinctive and distinguishing strategies, from local to global. *Journal of Contemporary European Studies*, 20(4), 459-475.
8. Brigevid, A. (2018). Regional identity and support for integration: An EU-wide comparison of parochialists, inclusive regionalists, and pseudo-exclusivists. *European Union Politics*, 19(4), 639-662. <https://doi.org/10.1177/1465116518793708>
9. Felgenhauer, T., Mihm, M., & Schlottmann, A. (2005). The making of “Mitteldeutschland” on the function of implicit and explicit symbolic features for implementing regions and regional identity. *Geographiska Annaler: Series B, Human Geography*, 87(1), 45-60. <https://doi.org/10.1111/j.0435-3684.2005.00177.x>
10. Harrison, J. (2006). Re-reading the new regionalism: A sympathetic critique. *Space & Polity*, 10(1), 21-46.
11. Dadabaev, T. (2013). Shanghai Cooperation Organization (SCO) regional identity formation from the perspective of the Central Asian states. *Journal of Contemporary China*, 23, 1-17. <https://doi.org/10.1080/10670564.2013.809982>
12. Burnashev, R. (2019). Vzgl'yad na regionalizatsiyu Central'noj Azii s tochki zreniya bezopasnosti. Regionalizatsiya v Central'noj Azii. Strategiya Kazahstana. Almaty: Friedrich Ebert Stiftung. – S. 17-27.
13. Chukubaev, E. S., & Kydyrbekova, B. S. (2012). Regionalizm i regionalizatsiya Central'noj Azii. *Bulletin KazNU. Series of International Relations and International Law*, 1(57), 15-20.
14. Novosel'skiy, G. Y., & Temkina, I. M. (2013). Sovremennye traktovki integratsionnogo processa v Central'noj Azii: analiz i prognoz. *Vulletin USAES. Science. Education. Economy. Series: Economy*, 1(3), 18-24.
15. Qoraboyev, I., & Moldashev, K. (2018). *The Belt and Road Initiative and comprehensive regionalism in Central Asia*. In M. Mayer (Ed.), *Rethinking the Silk Road* (pp. 115-130).
16. Vinokurov, E. YU., Libman, A. M., & Maksimchuk, N. V. (2010). Dinamika integratsionnyh processov v Central'noj Azii. *Evrasijskaya ekonomicheskaya integratsiya*, 2(7), 5-32.
17. Broadman, H. G. (2000). From disintegration to reintegration: Eastern Europe and the former Soviet Union in international trade. Washington, DC: World Bank. Retrieved July 26, 2024, from <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/aa432f85-42d3-595e-a185-f2c1c6bdbcb6>
18. Dowling, J. M., & Rana, P. B. (2010). *Asia and the global economic crisis: Challenges in a financially integrated world*. Palgrave Macmillan London. – 271 p.
19. Rumer, B., & Zhukov, S. (2017). Broader parameters: Development in the twentieth century. In *Central Asia*. Routledge. – P. 57-69.
20. Park, J., Pempel, T. J., & Kim, H. (2011). *Regionalism, economic integration and security in Asia: A political economy approach*. Edward Elgar Publishing. – 181 p.
21. Fukuyama, F. (1995). *Trust: The social virtues and the creation of prosperity*. Simon & Schuster. New York: The Free Press. – 457 p.
22. Collier, P. (2000). Economic causes of civil conflict and their implications for policy. World Bank. – 23 p.
23. Pomfret, R. (2019). *The Central Asian economies in the twenty-first century: Paving a new Silk Road*. Princeton University Press. – 306 p.

24. Tang, S. (2000). Economic integration in Central Asia: The Russian and Chinese relationship. *Asian Survey*, 40(2), 360-376. <https://doi.org/10.1525/as.2000.40.2.01p00737>
25. Baydarov, E. (2024). Barriers and bridges to the formation of regional identity in Central Asia. Retrieved July 26, 2024, from <https://www.brookings.edu/articles/central-asia-a-new-hub-of-global-integration/>
26. Tokaev, K. K. (2024). Vystuplenie na zasedanii Soveta glav gosudarstv-chlenov SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva 05.07 2024. Retrieved July 26, 2024, from <https://www.akorda.kz/ru/>
27. Dash, P. L. (2012). *India and Central Asia: Two decades of transition*. Oxford University Press. – 232 p.

SUMMARY

This article provides a comprehensive analysis of the approaches taken by domestic and foreign authors in studying regional economic identity and integration processes in Central Asia. Special attention is given to exploring the relationship and interdependence between the formation of regional economic identity and the development of integration among the Central Asian countries. Key factors that contribute to strengthening economic integration, as well as barriers that hinder the development of a unified regional economic identity, are examined. The article offers practical measures to stimulate integration processes and foster a sustainable economic identity in the region.

ТҮЙІНДЕМЕ

Бұл мақалада отандық және шетелдік авторлардың Орталық Азиядағы аймақтық экономикалық бірегейлікті және интеграциялық үдерістерді зерттеу тәсілдеріне жан-жақты талдау жүргізілді. Орталық Азия елдерінде аймақтық экономикалық бірегейлікті қалыптастыру мен интеграцияны дамыту арасындағы өзара байланыс пен өзара тәуелділікті зерттеуге ерекше назар аударылды. Экономикалық интеграцияны нығайтуға ықпал ететін негізгі факторлар, сондай-ақ, бірыңғай аймақтық экономикалық бірегейліктің дамуын тежейтін кедергілер қарастырылды. Мақалада интеграциялық үдерістерді ынталандыру және аймақтағы тұрақты экономикалық бірегейлікті қалыптастыруға арналған практикалық шаралар ұсынылған.

РЕЗЮМЕ

В данной статье проведён всесторонний анализ подходов отечественных и зарубежных авторов к изучению региональной экономической идентичности и интеграционных процессов в Центральной Азии. Особое внимание уделено исследованию взаимосвязи и взаимозависимости между формированием региональной экономической идентичности и развитием интеграции в странах Центрально-Азиатского региона. Рассмотрены ключевые факторы, способствующие укреплению экономической интеграции, а также препятствия, которые сдерживают развитие единой региональной экономической идентичности. В статье предложены практические меры для стимулирования интеграционных процессов и формирования устойчивой экономической идентичности в регионе.

ЭКОНОМИКАЛЫҚ БІРЕГЕЙЛІКТІҢ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ИНТЕГРАЦИЯЛЫҚ ҮДЕРІСТЕРГЕ ЫҚПАЛЫ: СЫН-ҚАТЕРЛЕРІ МЕН ДАМУ БОЛАШАҒЫ

С. Ы. Умирзаков^{1*}, И. Н. Кренгауз², А. А. Аубакирова¹

¹ Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

² «Туран» Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты – Орталық Азиядағы аймақтық интеграция үдерістеріне экономикалық бірегейліктің ықпалын зерттеу, сондай-ақ, осы үдерістерге байланысты негізгі сын-қатерлер мен перспективаларды анықтау болып табылады.

Зерттеу әдіснамасы – Зерттеудегі мақсатқа жету үшін біз сандық, сапалық және салыстырмалы талдау әдістерін қамтитын кешенді тәсілді қолданамыз. Сандық талдау халықаралық және ұлттық қайнар-көздерден алынған Орталық Азия елдерінің сауда және экономикалық көрсеткіштері туралы статистикалық деректерге негізделген. Сапалы талдау - аймақтағы интеграциялық үдерістерге қатысты саяси және экономикалық құжаттарға негізделген. Салыстырмалы талдау аймақ елдерінің экономикалық бірегейлігінің жалпы және ерекше қырларын және олардың интеграциялық үдерістерге ықпалын анықтау үшін қолданылады. Зерттеу тәсілін таңдау критерийлеріне экономикалық бірегейлікті зерттеуге арналған әдістің өзектілігі, сенімді және репрезентативті деректерді алу мүмкіндігі, сондай-ақ, әдістің интеграциялық үдерістердің сандық және сапалық қырларын ескеру икемділігі кіреді. Орталық Азия елдерінің экономикалық бірегейлігінің жалпы тенденциялары мен бірегей ерекшеліктерін анықтау үшін салыстырмалы талдау мүмкіндігі де маңызды критерий болып табылады.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы – экономикалық бірегейлікті және оның Орталық Азиядағы интеграциялық үдерістерге ықпалын зерттеудің кешенді тәсілінде жатыр, ол бұрын ғылыми әдебиеттерде жеткілікті қамтылмаған. Зерттеудің құндылығы экономикалық бірегейлік пен аймақтық интеграцияның өзара байланысын анықтауда көрінеді, бұл аймақтағы интеграциялық үдерістерді тереңдетуге бағытталған тиімді стратегияларды жасауға септігін тигізуі мүмкін.

Зерттеу нәтижелері – Орталық Азиядағы интеграциялық үдерістерге экономикалық бірегейліктің айтарлықтай ықпалы көрсетілген. Аймақтық интеграцияны дамытудағы кедергілер мен тереңдету мүмкіндіктері, сондай-ақ, табысты интеграцияға ықпал ететін негізгі факторлар анықталды. Аймақ елдерінің экономикалық бірегейлігін ескере отырып, интеграциялық үдерістерді оңтайландыру бойынша ұсыныстар әзірленді.

Түйін сөздер: аймақтық экономикалық бірегейлік, интеграция, Орталық Азия.

IMPACT OF ECONOMIC IDENTITY ON INTEGRATION PROCESSES IN CENTRAL ASIA: CHALLENGES AND PROSPECTS

S.Y. Umirzakov^{1*}, I. N. Krengauz², A. A. Aubakirova¹

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²Turan University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of this study is to examine the impact of economic identity on regional integration processes in Central Asia and to identify the key challenges and prospects associated with these processes.

Methodology. To achieve the stated goal, we apply a comprehensive approach that includes quantitative and qualitative methods, as well as comparative analysis. Quantitative analysis is based on statistical data on

the trade and economic indicators of Central Asian countries obtained from international and national sources. Qualitative analysis relies on political and economic documents related to integration processes in the region. Comparative analysis is used to identify common and specific aspects of the economic identity of the countries in the region and their impact on integration processes. The criteria for selecting the research approach include the relevance of the method for studying economic identity, the possibility of obtaining reliable and

Originality/Value of the research. The originality/value of the study lies in a comprehensive approach to the study of economic identity and its impact on integration processes in Central Asia, which has not previously received sufficient coverage in the scientific literature. The value of the research is manifested in identifying the relationship between economic identity and regional integration, which can contribute to the development of more effective strategies aimed at deepening integration processes in the region.

Research Results. The study shows the significant impact of economic identity on integration processes in Central Asia. It identifies the obstacles and opportunities for the development of regional integration, as well as key factors contributing to successful integration. Recommendations have been developed to optimize integration processes considering the economic identity of the countries in the region.

Keywords: regional economic identity, integration, Central Asia.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Умирзаков Самажан Ынтыкбаевич – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: samazhan.umirzakov@narhoz.kz, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-4019-878X>*

Кренгауз Ирина Наумовна – кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Университет «Туран», Алматы, Республика Казахстан, e-mail: i.krengauz@turan-edu.kz, ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-4585-0423>

Аубакирова Амина Аубакировна – доктор географических наук, профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, email aaubakirova@mail.ru, ORCID ID <https://orcid.org/0009-0000-3111-8376>

Central Asian Economic Review №4 (157) 2024

Жазылатын индекс / – 74002

Редакторлары / Редакторы – ***А.Ж. Сарсембаева***

Компьютерде беттеген / Компьютерная верстка – ***А.Т. Акылова***

Басуға / Подписано к печати 16.09.2024

Пішімі / Формат 70×100¹/₈.

Көлемі б.т./ Объем 23,25 п.л. / Есептік б.т. / Уч-изд. 21,6 п.л. / Шартты б.т./ Усл. 19 п.л.

Таралымы / Тираж 300 дана /экз.

«Фортуна полиграф» баспасы» ЖШС / ТОО «Издательство «Фортуна полиграф»
050063, Алматы қаласы, 1-ықшам ауданы, 81-үй / 050063, г. Алматы, 1-микрорайон, д. 81.
akikat_@mail.ru

Тел: + 7 707 463 13 22, +7 701 787 32 92,
+7 771 574 57 05

